

**ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ**

**ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Журнал издается с 2006 года № 17/2011
Выходит 4 раза в год Часть II

Учредитель

ФГБОУ ВПО «Кемеровский
государственный университет
культуры и искусств»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Е. Л. Кудрина, доктор педагогических наук,
профессор, ректор КемГУКИ

Зам. главного редактора

А. В. Шунков, кандидат филологических
наук, доцент, проректор по научной и инно-
вационной деятельности КемГУКИ

Ответственный секретарь

Е. А. Кагакина, кандидат педагогических
наук, доцент

Редакторы *М. В. Чупина, Н. Ю. Мальцева,*
В. А. Шамарданов
Перевод *А. А. Щербинин*,
член Союза переводчиков России

Компьютерная верстка *М. Б. Сорокиной*
Дизайн *А. В. Сергеев*

Адрес редакции:
650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17.
Журнал «Вестник КемГУКИ»
Тел.: (3842)73-30-64. Факс: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Электронная версия журнала:
<http://vestnik.kemguki.ru/>

ISSN 2078-1768 © ФГБОУ ВПО «Кемеровский
государственный университет
культуры и искусств», 2011

**BULLETIN OF KEMEROVO STATE
UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS**

**JOURNAL OF THEORETICAL
AND APPLIED RESEARCH**

Journal is published since 2006 № 17/2011
Published quarterly Part II

Founder

Federal State-Funded Educational Institution
of Higher Professional Education
(FSFEI HPE) «Kemerovo State University
of Culture and Arts»

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

E. L. Kudrina, Doctor of Pedagogical
Sciences, Professor, Rector of KemGUKI

Assistant Chief Editor

A. V. Shunkov, Candidate of Philological
Sciences, Docent, Vice-Rector for Research
and Innovation of KemGUKI

Administrative Secretary

E. A. Kagakina, Candidate of Pedagogical
Sciences, Docent

Editors *M. V. Tchupina, N. Yu. Maltseva,*
V. A. Shamardanov
Translation *A. A. Sherbinin*,
member of the Union of Translators of Russia

Computer layout *M. B. Sorokina*
Design *A. V. Sergeyev*

Address of the Publisher:
650029, Kemerovo, 17 Voroshilov Street.
Journal «Bulletin of KemGUKI»
Tel.: (3842)73-30-64. Fax: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Web Journal link:
<http://vestnik.kemguki.ru/>

ISSN 2078-1768 © FSFEI HPE «Kemerovo State
University of Culture and
Arts», 2011

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА ЖУРНАЛА

Председатель совета:

Коллин К. К., доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, действительный член Международной академии наук высшей школы, главный научный сотрудник Института проблем информатики РАН (г. Москва)

Члены совета:

Абдулатипов Р. Г., доктор философских наук, профессор, ректор Московского государственного университета культуры и искусств, заслуженный деятель науки РФ (г. Москва)

Ариарский М. А., доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности СПбГУКиИ (г. Санкт-Петербург)

Астафьева О. Н., доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой культурологии и деловых коммуникаций Российской академии государственной службы при Президенте РФ (г. Москва)

Быховская И. М., доктор философских наук, профессор, заведующая сектором культурологических проблем социализации Российского института культурологии (г. Москва)

Волк П. Л., доктор культурологии, профессор, директор Томского областного колледжа культуры и искусств (г. Томск)

Волощенко Г. Г., доктор культурологии, доцент кафедры социально-культурной деятельности Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, заведующий сектором региональной культурной политики Сибирского филиала Российского института культурологии (г. Омск)

Гавров С. Н., доктор философских наук, профессор, ведущий специалист сектора социокультурных процессов и систем Российского института культурологии, профессор кафедры социологии и социальной антропологии МГУДТ (г. Москва)

Гениева Е. Ю., доктор педагогических наук, генеральный директор Всероссийской библиотеки иностранной литературы (г. Москва)

Долженко О. В., доктор философских наук, профессор, действительный член Международной академии наук высшей школы, профессор Национального института бизнеса Московского гуманитарного университета (г. Москва)

EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNAL

Chairman of editorial council:

Kolin K. K., Doctor of Technical Sciences, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Current Member of International Higher Education Academy of Sciences, Chief Scientist of the Institute for Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Members of council:

Abdulatipov R. G., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Rector of Moscow State University of Culture and Arts, Honoured Scientist of the Russian Federation (Moscow)

Ariarskiy M. A., Doctor of Culturology, Professor, Head of the chair of Socio-cultural Activity of St. Petersburg State University of Culture and Arts (St. Petersburg)

Astafieva O. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Deputy Head of the chair of Culturology and Business Communication of Russian Academy of State Service for the President of the Russian Federation (Moscow)

Bykhovskaya I. M., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Head of the Sector of Culturologic Problems of Socialization at Russian Institute of Culturology (Moscow)

Volk P. L., Doctor of Culturology, Professor, Director of Tomsk Regional College of Culture and Arts (Tomsk)

Voloschenko G. G., Doctor of Culturology, Docent of the Chair of Socio-cultural Activity of F. M. Dostoevsky Omsk State University, Head of the Sector of Regional Cultural Politics of Siberian Branch of Russian Institute of Culturology (Omsk)

Gavrov S. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, senior specialist of the Sector of Socio-cultural Processes and Systems of Russian Institute of Culturology, Professor of the Chair of Social Science and Social Anthropology of Moscow State University of Design and Technology (Moscow)

Genieva E. Y., Doctor of Pedagogic Sciences, General Director of the All-Russia Library for Foreign Literature (Moscow)

Dolzhenko O. V., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Current Member of International Higher Education Academy of Sciences, Professor of the National Institute of Business of Moscow Humanitarian University (Moscow)

Донских О. А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Новосибирского государственного университета экономики и управления (г. Новосибирск)

Игумнова Н. П., доктор педагогических наук, главный научный сотрудник Российской государственной библиотеки (г. Москва)

Иконникова С. Н., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, заслуженный деятель науки РФ (г. Санкт-Петербург)

Кинелев В. Г., доктор технических наук, профессор, академик РАО, руководитель кафедры ЮНЕСКО «Общество знаний и новые информационные технологии» Российского нового университета (г. Москва)

Луков В. А., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета (г. Москва)

Сонинтогос Э., ректор Монгольского государственного университета культуры и искусств (г. Улан-Батор, Монголия)

Сунь Юйхуа, доктор педагогических наук, профессор, ректор Даляньского университета иностранных языков (г. Далянь, КНР)

Тарчиньски Вальдемар, доктор экономических наук, профессор, ректор Щецинского университета (г. Щецин, Польша)

Урсул А. Д., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик АН Республики Молдовы, директор Центра исследований глобальных процессов и устойчивого развития Российского государственного торгово-экономического университета (г. Москва)

Чешев В. В., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Томского государственного архитектурно-строительного университета (г. Томск)

Чжао Цзиминь, профессор, ректор Чанчуньского государственного педагогического университета (г. Чанчунь, КНР)

Янашек Кристина, доктор филологических наук, профессор, директор Института славянских языков Щецинского университета (г. Щецин, Польша)

Donskikh O. A., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Head of the chair of Philosophy of Novosibirsk State University of Economy and Administration (Novosibirsk)

Igumnova N. P., Doctor of Pedagogical Sciences, Chief Scientist of the Russian State Library (Moscow)

Ikonnikova S. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Head of the chair of Theory and History of Culture of St. Petersburg State University of Culture and Arts, Honoured Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg)

Kinelev V. G., Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the Russian Author's Society, UNESCO Chair «Knowledge Society and New Information Technologies» of the Russian New University (Moscow)

Lukov V. A., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Vice-rector for Science and Publishing, Director of the Institute of Fundamental and Applied Research of Moscow Humanitarian University (Moscow)

Sonintogos E., Rector of Mongolian State University of Culture and Arts (Ulan-Bator, Mongolia)

Sun Yuhua, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Rector of Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China)

Tarczynski Waldemar, Doctor of Economic Sciences, Professor, Rector of Szczecin University (Szczecin, Poland)

Ursul A. D., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Academician of Academy of Sciences of Moldova, Director of the Centre for Research into Global Processes and Sustainable Development of the Russian State Trade Economic University (Moscow)

Cheshev V. V., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Head of the chair of Philosophy of Tomsk State University of Architecture and Construction (Tomsk)

Zhao Jimin, Professor, Rector of Changchun State Pedagogical University (Changchun, China)

Janaszek Krystyna, Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of Slavic Languages Institute in Szczecin University (Szczecin, Poland)

СОСТАВ НАУЧНОЙ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Научные редакторы разделов

Раздел «Документальная информация»

Гендина Наталья Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, академик МАН ВШ, заслуженный деятель науки РФ, член Постоянного комитета IFLA по информационной грамотности, эксперт ЮНЕСКО по проблемам разработки индикаторов медиа и информационной грамотности, директор НИИ информационных технологий социальной сферы КемГУКИ.

Пилко Ирина Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе КемГУКИ, член Совета Российской библиотечной ассоциации.

Раздел «Культурология»

Кулемзин Анатолий Михайлович, доктор культурологии, профессор, заведующий лабораторией музееведения, заведующий кафедрой музейного дела КемГУКИ.

Миненко Геннадий Николаевич, доктор культурологии, профессор кафедры культурологии КемГУКИ, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, член Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры.

Ултургашева Надежда Торжувна, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник культуры Тывы, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры КемГУКИ.

Раздел «Философия»

Гук Алексей Александрович, доктор философских наук, доцент, директор НИИ прикладной культурологии КемГУКИ.

Петров Игорь Фёдорович, доктор философских наук, профессор кафедры педагогики и психологии КемГУКИ, член Российской академии естественных наук, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Раздел «Социально-культурная деятельность»

Пономарёв Валерий Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, проректор по творческой и международной деятельности КемГУКИ.

SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD OF THE JUOURNAL

Scientific Editors of Sections

Section of Documentary Information

Gendina Natalia Ivanovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of IAS HS, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Rector of KemUCA, Member of the IFLA Standing Committee on Information Literacy, UNESCO expert on the development of indicators of media and information literacy, Director of R&D Institute of Information Technologies in Social Sphere of KemUCA.

Pilko Irina Semyonovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice Rector for Academic Work of KemUCA, Member of the Russian Library Association Council.

Section of Culturology

Kulemzin Anatoly Mikhailovich, Doctor of Culturology, Professor, Head of Laboratory of Museology, Chair of Museum Activities of KemUCA

Minenko Gennady Nikolayevich, Doctor of Culturology, Professor of Chair of Culturology of KemUCA, Correspondent Member of Petrovsky Academy of Arts and Sciences, Member of International Slavic Academy of Sciences, Education and Culture.

Ulturgasheva Nadezhda Torzhuevna, Doctor of Culturology, Professor, доктор культурологии, профессор, Honored Worker of Culture of Tyva, Chair of Theory and History of Folk Art Culture of KemUCA.

Section of Philosophy

Guk Aleksey Aleksandrovich, Doctor of Philosophic Sciences, Docent, Director of R&D Institute of Applied Culturology of KemUCA.

Petrov Igor Fyodorovich, Doctor of Philosophic Sciences, Professor of Chair of Pedagogy and Psychology, Member of Russian Academy of Natural Sciences, Correspondent Member of Petrovsky Academy of Arts and Sciences.

Section of Socio-cultural Activities

Ponomaryov Valery Dmitrievich, Doctor of Pedagogical Sciences, Docent, Vice Rector for Creative and International Activity of KemUCA.

Брижатова Светлана Борисовна, доктор педагогических наук, профессор кафедры социально-культурной деятельности Алтайской государственной академии культуры и искусств (г. Барнаул).

Раздел «Искусствоведение»

Проконова Наталья Леонидовна, доктор культурологии, профессор, заведующая лабораторией теоретических и методических проблем искусствоведения, директор института театра КемГУКИ

Степанская Тамара Михайловна, доктор искусствоведения, профессор, член-корреспондент Российской академии естествознания, заведующая кафедрой истории отечественного и зарубежного искусства Алтайского государственного университета (г. Барнаул).

Умнова Ирина Геннадьевна, кандидат искусствоведения, доцент, заведующая кафедрой теории и истории искусств КемГУКИ

Раздел «Филология»

Араева Людмила Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, действительный член МАН ВШ, заведующая кафедрой стилистики и риторики Кемеровского государственного университета.

Минералов Юрий Иванович, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой русской классической литературы и славистики Литературного института им. А. М. Горького (г. Москва).

Раздел «Педагогика»

Заруба Наталья Андреевна, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, академик Академии педагогических и социальных наук, заслуженный учитель Российской Федерации.

Мирошниченко Лариса Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии КемГУКИ

Корчуганова Вера Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии КемГУКИ.

Brizhatova Svetlana Borisovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Chair of Socio-cultural Activity of Altai State Academy of Culture and Arts (Barnaul).

Section of Art studies

Prokopova Natalia Leonidovna, Doctor of Culturology, Professor, Head of Laboratory of Theoretical and Methodological Problems of Art, Director of Institute of Theatre of KemUCA

Stepanskaya Tamara Mikhailovna, Doctor of Arts, Professor, Correspondent Member of Russian Academy of Natural, Chair of History of Native and Foreign Art of Altai State University (Barnaul).

Umnova Irina Gennadievna, Candidate of Arts, Docent, Chair of Theory and History of Arts of KemUCA

Section of Philology

Arayeva Lyudmila Alekseyevna, Doctor of Philological Sciences, Professor, Full Member of IAS HS, Chair of Stylistics and Rhetoric of Kemerovo State University.

Mineralov Yury Ivanovich, Doctor of Philological Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Chair of Russian Classic Literature and Slavistics of A. M. Gorky Literary Institute (Moscow).

Section of Pedagogy

Zaruba Natalia Andreyevna, Doctor of Sociologic Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Honored Teacher of the Russian Federation.

Miroshnichenko Larisa Vasilievna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of Chair of Pedagogy and Psychology of KemUCA.

Korchuganova Vera Vladimirovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of Chair of Pedagogy and Psychology of KemUCA.

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Астахов О. Ю., Гончарова Н. В. Институционализация культурологического знания в современной российской гуманитаристике.....	10
Родионова Д. Д. Музейная профессия: выбор профиля подготовки.....	15
Андреева С. В. Проектирование как творческий метод.....	19
Кузякина Т. И. Музыка и духовный мир человека.....	23
Седина Е. В. Особенности творческого мышления М. Ю. Лермонтова в контексте мифопоэтического подхода.....	33
Леонов Е. Е. Исторический аспект появления и развития школьных музеев в России: периодизация, проблемы, особенности работы.....	39
Ултургашева Н. Т. Музыкальный фольклор тувинцев и проблемы его исследования.....	50
Абсалямов М. Б. Концептуальные основания как исходные составляющие культурно-исторических реконструкций.....	56
Неретин О. П. Основные тенденции и противоречия в формировании современного культурного пространства.....	63
Неретин О. П. Культура и социальная реальность.....	72

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Лопатина Е. И. К проблеме встречного движения массовой культуры и академической музыки в условиях современности.....	83
Леонова Н. В. Из истории записи музыкального фольклора сибирских переселенцев.....	88
Смирнов Б. Ф. Слушатели симфонического концерта в современном социокультурном пространстве России (штрихи к социологическому портрету).....	95

ПЕДАГОГИКА

Чекалина Т. А., Кагакина Е. А., Устимова О. В. Синергетические основания формирования компетенций и качество образования: постановка проблемы.....	105
Касаткина Н. Э., Семенкова Т. Н. Исследование факторов, определяющих позицию преподавателя образовательного учреждения к укреплению и сохранению здоровья обучающихся.....	109
Кагакина Е. А., Харлампенков Е. И., Чекалина Т. А., Устимова О. В. Формирование компетенций студентов вузов как логистический процесс.....	117
Чурекова Т. М., Москаленко И. В. Обусловленность формирования нравственных ценностей особенностями развития младшего подростка в современном социуме.....	125
Лопатина Р. Ф. Проведение конкурсов молодежных проектов в вузе культуры и искусств как один из стимулов развития молодежного предпринимательства в студенческой среде.....	134

Хазиев Л. Б. Этнокультурные PR-технологии как средство формирования толерантного сознания в поликультурной среде.....	141
Резанович И. В., Литвак Р. А. Социокультурная деятельность как средство профессиональной социализации студентов вуза.....	146

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Казыми П. Информационная инженерия в библиотечной деятельности.....	152
Рябцева Л. Н. Влияние целенаправленной информационной подготовки граждан к жизни в информационном обществе на реализацию образовательной функции библиотеки как социального института.....	158
Васильева А. И. Сайты областных (краевых) универсальных научных библиотек: хронологический аспект (2005–2011 гг.).....	169

ФИЛОСОФИЯ

Красиков В. И. Русская эмигрантская философия в 20–40 гг.: адаптация в сообщество западно-европейских интеллектуалов.....	179
Невелева В. С., Миляева Е. Г. Антропологические смыслы бренда.....	184

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Ариарский М. А. Высшая школа как социальный институт опережающего общекультурного развития личности.....	189
Мир СКД и СКД в мире. Интервью с доктором педагогических наук, профессором кафедры социально-культурной деятельности Алтайской государственной академии культуры и искусств Брижатовой С. Б.	196
Рукша Г. Л., Кудрина Е. Л. Мегapolis как социально-культурное явление.....	199
Пономарев В. Д. Игровая культура праздника: от феномена к профессии.....	204
Рудич Л. И. Экономическая сущность инновационной и предпринимательской деятельности в социально-культурной сфере.....	209
Коргожя Н. С. Формирование культурно-досуговых традиций российского общества в Петровскую эпоху.....	215

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Трусова Н. М. Актуальные проблемы социально-культурного сервиса и туризма.....	219
---	-----

Назаркина В. А. Компетентность персонала социально-культурной сферы: методический и практический аспекты.....	231
Мухамедиева С. А. Особенности ценообразования в сфере культуры.....	235
Русанова А. А. Социокультурная функция спорта в социальном самоопределении студенческой молодежи в условиях образовательного пространства вуза.....	241

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

Насонов А. А. XIII Иоанновские образовательные чтения в Кемеровском государственном университете культуры и искусств.....	248
Чекалина Т. А. Малые инновационные предприятия в условиях Университета культуры и искусств: проблемы и перспективы.....	249
Сведения об авторах.....	253

CONTENTS

CULTUROLOGY

Astakhov O. Yu., Goncharova N. V. The institutionalization of culturological knowledge in modern Russian humanities.....	10
Rodionova D. D. Museum profession: selecting the profile of training.....	15
Andreeva S. V. Projecting as a creative method.....	19
Kuzyakina T. I. The music and the inner world of the person.....	23
Sedina E. V. Features of creative thinking of M. Y. Lermontov in the context of mythopoetic approach.....	33
Leonov E. E. Historical aspect of occurrence and development of school museums in Russia: the periodization, problems, features of work.....	39
Ulturgasheva N. T. Folk music of Tuvinians and problems of its research.....	50
Absalyamov M. B. Conceptual foundations as source constituents of the cultural historical re-enactment.....	56
Neretin O. P. Major trends and conflicts in the formation of modern cultural space.....	63
Neretin O. P. Culture and social reality.....	72

ART STUDIES

Lopatina E. I. To a problem of counter movement of mass culture and academic music in modern conditions.....	83
Leonova N. V. From the history of recording of the Siberian settler's musical folklore.....	88
Smirnov B. F. Listeners of a symphony concert in a modern social and cultural Russian space (touches to the sociological portrait).....	95

PEDAGOGICS

Chekalina T. A., Kagakina E. A., Ustimova O. V. Sinergetic bases of competence formation and quality of education: problem statement.....	105
Kasatkina N. E., Semenkova T. N. Research of the factors defining a position of the teacher of educational institution to strengthening and preservation of health of the trained.....	109
Kagakina E. A., Harlampenkov E. I., Chekalina T. A., Ustimova O. V. Formation of the competencies of university students as a logistic process.....	117
Churekova T. M., Moskalenko I. V. Dependence of the formation of moral values on the age-specific characteristics of the junior teenager in contemporary society.....	125
Lopatina R. F. Holding of contests of youth projects in high school of culture and arts as a stimulus for development of youth business in the student's environment.....	134

Khaziyev L. B. Ethnocultural PR-technologies as a means of educating tolerance in a multicultural environment.....	141
Rezanovich I. V., Litvak R. A. Socio-cultural activities as a means of professional socialization of university students.....	146

DOCUMENTARY INFORMATION

Kazymi P. Information engineering in library activities.....	152
Ryabtseva L. N. Influence of purposeful information education of citizens to life in an information society on implementation of educational function of library as a social institution.....	158
Vasilyeva A. I. Sites of regional universal scientific libraries: chronological aspect (2005–2011)	169

PHILOSOPHY

Krasikov V. I. Russian emigrant philosophy in 1920–1940s: adoption into the community of western european intellectuals.....	179
Neveleva V. S., Milyaeva E. G. The antropological sense of brand.....	184

SOCIO-CULTURAL ACTIVITIES

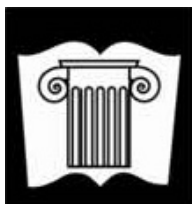
Ariarsky M. A. Higher education as a social institute of advanced general cultural personality development.....	189
SCA World and SCA in the World. Interview with Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Social and Cultural Activities of Altai State Academy of Culture and Arts	
Brizhatova S. B.	196
Ruksha G. L., Kudrina E. L. Megapolis as a socio-cultural phenomenon.....	199
Ponomarev V. D. Play culture of holiday: from the phenomenon to profession.....	204
Rudich L. I. Economic nature of innovation and business activity in socio-cultural sphere.....	209
Korgozha N. S. Formation of cultural and leisure traditions of the russian society in Peter's age.....	215

ROUND TABLE

Trusova N. M. Actual problems of socio-cultural service and tourism.....	219
Nazarkina V. A. Staff competence of socio-cultural sphere: methodological and practical aspects.....	231
Mukhamedieva S. A. Features of pricing in the sphere of culture.....	235
Rusanova A. A. The socio-cultural function of sport in social self-determination for students in the educational space of the university.....	241

SCIENTIFIC LIFE OF THE UNIVERSITY

Nasonov A. A. XIII Ioannovskie educational readings in Kemerovo State University of Culture and Arts.....	248
Chekalina T. A. Small innovation enterprises at the University of Culture and Arts: challenges and prospects.....	249
Information about the authors.....	253

КУЛЬТУРОЛОГИЯ CULTUROLOGY

УДК 008

О. Ю. Астахов, Н. В. Гончарова

ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ГУМАНИТАРИСТИКЕ

Статья посвящена рассмотрению проблем становления культурологии как самостоятельной науки в условиях современной российской гуманитаристики. Определяется специфика предметной области культурологического знания.

Ключевые слова: культурология, институциализация, научное знание.

O. Yu. Astakhov, N. V. Goncharova

THE INSTITUTIONALIZATION OF CULTUROLOGICAL KNOWLEDGE IN MODERN RUSSIAN HUMANITIES

The article is devoted to the problems of formation of culturology as an independent science in the modern Russian humanities. Specificity of the subject domain of culturological knowledge is defined.

Keywords: culturology, institutionalization, scientific knowledge.

Институциализация науки – процесс организации науки, связанный с формированием устойчивой социальной структуры, ориентированной на профессионализацию, предполагающей ее регулирование и законодательное оформление. Усложнение организационных форм профессионально-научной деятельности связано с процессом выделения научных дисциплин в результате внутренней логики развития научных областей (процессы специализации, дифференциации, интеграции) и административных решений создания научных заведений, исследовательских центров, кафедр и т. д. [1].

Процесс институциализации науки свидетельствует о формировании ее самостоятельного статуса, об официальном признании роли науки в системе социальных отношений, что предполагает следующие действия:

1) создание различных организационных форм науки, ее внутренняя дифференциация и специализация;

2) формирование системы ценностей и норм, регулирующих деятельность ученых, обеспечивающих научную интеграцию и кооперацию;

3) интеграция науки в культурную и социальную систему, которая при этом оставляет возможность относительной автономизации науки по отношению к обществу и государству.

Рассматривая науку как специфический социальный институт, связанный с организацией процесса познания, являющегося неотъемлемым свойством человека и общества, следует ее представлять как самостоятель-

ный феномен, но определяющийся логикой культурно-исторического развития.

Обращаясь к проблеме становления культурологии как самостоятельной науки, требуется отметить содержательную насыщенность самого понятия «культура». Ученые в течение многих веков стремились понять феномен культуры, найти те главные пружины или закономерности, которым подчиняется это многообразное явление. Однако множественность способов и подходов к решению вопросов определения специфики культуры предопределили полярность развития научного знания о культуре.

В России интерес к культурологии связан как с проблемами ее идентификации (многоукладность и многокультурность, срединное положение между Азией и Европой и т. д.), так и, отчасти, неудачными попытками модернизации и реформ в сфере образования и науки. В настоящее время актуализируется вопрос о культурологии как единой дисциплине, а не наборе отдельных подходов к изучению культуры (социологическом, антропологическом, этнографическом, философском и т. д.). Однако взгляды культурологов разделились, одни отстаивают необходимость синтеза культурологических знаний на основе одного определенного подхода (например, философского – В. Межуев, естественно-научного, социологического – Э. Орлова, исторического – А. Флиер), другие указывают на возможность осуществления множественности подходов к изучению культуры [1, с. 100–101].

Проблематичным остается вопрос о становлении культурологии, в связи с чем и хронологические рамки ее динамики предстают достаточно противоречиво. Поскольку становление научного знания – длительный и дифференцированный внутри себя процесс, динамика культурологического знания рас-

сматривается исследователями в широком историческом контексте [3, с. 20].

В России с конца XVII до середины XIX века термин «культура» почти не встречается; использовались понятия «гуманность», «образованность», «просвещение», «воспитанность», «разумность». В «Карманном словаре иностранных слов» Н. Кириллова слово «культура» встречается впервые и расшифровывается как целенаправленная деятельность для пробуждения дремлющих в предмете сил и как известная степень развития этой деятельности. Постепенно обращение к культуре начинает осуществляться в литературе и философии первоначально как форма проявления западничества, в дальнейшем как предмет самостоятельного изучения.

На протяжении длительного времени культурология развивалась в рамках литературоведения, искусствознания, истории художественной культуры, религиоведения, этнографии и др. Этот длительный процесс был благодатным периодом «вызревания» культурологического ядра в рамках многопрофильных и поливекторных по характеру исследований культуры, насыщения культуроведческого пространства обширным конкретно-научным знанием, прежде всего фактологическим, позволявшим выстраивать все более пеструю и многомерную картину той совокупности совершенно разнохарактерных феноменов, которые образуют пространство и время культуры [4, с. 8–9].

Особое значение в России получила гуманитарная ветвь развития культурологического знания, связанная с пониманием языка как базы в структуре культуры, поэтому можно согласиться с ее наименованием как филологической. С появлением методологически осознанной герменевтики стало ясно, что понятие герменевтики является ключевым для обозначения специфики гуманитарных

исследований культуры. Какой бы ни была теоретическая версия гуманитарного подхода к постижению культуры, в ее основе всегда лежит филология и герменевтика. Обоснование методологии гуманитарных наук было дано в конце XIX – начале XX века в работах В. Дильтея, В. Виндельбанда, Г. Риккерта, М. Вебера [5, с. 45].

В настоящее время А. Я. Флиер уточняет, что объектом культурологии является не вообще вся культура, а преимущественно те основания жизни человека и общества, которые можно назвать гуманитарными. Предмет культурологии – это нормы социального взаимодействия людей, непосредственно или опосредованно детерминируемое этими гуманитарными смыслами и ценностями, различные режимы социального управления, основанные на этих ценностных установках и преследующие цели их осуществления [6]. При этом, отмечает автор, культурология исследует базисные основания культуры и способы формирования культурной парадигмы. Культурология изучает механизмы трансляции культурного наследия, проблемы преемственности и новаций в культуре, изучает само понятие культуры во всей его многогранности закономерности формирования языка культуры. В связи с этим культурология занимает особую нишу в ряду наук о культуре, т. к. решает ряд специфических задач, решение которых неспособна на себя взять ни одна другая гуманитарная наука. В этом смысле, как отмечает А. И. Щендрик, культурология может рассматриваться в качестве теоретической дисциплины самого высокого уровня [7, с. 100].

Практика научных исследований показывает, что при наличии общих проблем у философии культуры и у теории и истории культуры, культурология, строит свои обобщения преимущественно на анализе и обобщении конкретного материала истории искусства,

науки, образования, истории быта и нравов устойчивых исторических общностей: религиозных, этнических, политических, территориальных и других, выявляя свойственные им исторические типы и модели сознания, деятельности, поведения, способов их закрепления, трансляции и совершенствования связей с другими сферами жизни общества. Это делает культурологию не только теоретически важной, но и практически значимой дисциплиной, востребованность которой постоянно возрастает в современной России.

Следует учитывать специфику различных уровней обобщения знания о культуре, включающих теоретические и практические аспекты.

1. Культурфилософский анализ, введенный в контекст базовых философских проблем, связанных со смыслом бытия, с фундаментальными законами развития и т. п., предполагает выявление сущности культуры через ее соотнесение с максимально широким пространством, охватываемым формулой «человек – мироздание». Все три «слоя», значимые для бытия человека – природный, социальный, культурный – попадают здесь в сферу научно-мировоззренческого осмысления, взятые в их взаимосвязи, рассмотренные в адекватном философской парадигме исследования ключе и отраженные в соответствующем категориальном аппарате. В этом смысле о философии культуры можно говорить как о мировоззренческом основании для более частных уровней осмысления феномена культуры как своего рода метатеории культуры.

2. Еще один уровень обобщения знаний о культуре – собственно культурологический – предполагает ее выделение как специального предмета анализа через соотнесение с социальным пространством, которое рассматривается здесь в широком смысле слова как вне-природная, связанная с человеческой

деятельностью реальность. Обратим внимание на специфику культурологии как целостной системы знания не просто суммирующей, а интегрирующей многообразные данные о культурных феноменах с целью выявления и объяснения закономерностей их генезиса функционирования, изменения, раскрывающей базовые культуuroобразующие основания в многообразной по видам и формам деятельности человека; с целью осуществления в этом контексте сравнительных исследований как по временной, так и по пространственной оси для выявления специфики векторов и динамики движения культуры, особенностей различных типов культуuroобразной деятельности (включая социализацию и инкультурацию человека). Таким образом, речь идет не просто об «общей крыше» для различных культуроведческих факторов, а о рождении нового, интегративно-типологизирующего, объяснительного знания о культуре. На данной научной «горизонтالي» рядом с культурологией располагается несколько смежных дисциплин, которые, имея свою специфическую научную атрибутику и принадлежа к разным отраслям, могут быть соотнесены с культурологией по признаку глобальности охвата пространства человеческой деятельности. К этим дисциплинам в первую очередь могут быть отнесены, на наш взгляд, социология и интегративная антропология, а также история, «работающая» с тем же глобальным пространством в диахроническом режиме [9, с. 139].

3. Следующий уровень анализа и обобщения знания о культуре, который обозначается как культуроведческий, включает в себя многообразные частнонаучные дисциплины, ориентированные на изучение не культурного пространства как такового, а тех или иных его подсистем, конкретных форм и видов культуuroтворческой деятельности, их специфики, структуры, внутренних механизмов

развития и т. д. К такому рода дисциплинам могут быть отнесены искусствознание, религиоведение, литературоведение, экономика культуры и т. д. Именно на этом уровне создается мощный фактологический фундамент, связанный с изучением многообразных культурных феноменов, осуществляется эмпирический анализ источников, дается детальное описание отдельных сторон и характеристик различных видов культурной практики человека (хозяйственной, политической, правовой, эстетической, образовательной и т. д.). Вместе с тем этот уровень познания культуры не ограничивается эмпирической фактологией, а предполагает – в рамках каждой культуроведческой дисциплины – свои теоретические обобщения, позволяющие не только описывать, но и объяснять изучаемые явления и процессы [9, с. 142].

По отношению к данному уровню конкретно-научного знания культурология выполняет также роль своего рода «системы координат», в которой становятся возможными реальное соотнесение отдельных культуроведческих дисциплин между собой, акцентирование как их специфики, так и степени и характера сопряженности с другими родственными науками. Такой подход не только не ослабляет позиций отдельных научных направлений, но, напротив, придает каждому из них новый, дополнительный смысл, порождаемый эффектом интеграции, взаимоположенности, превращающей ту или иную частную дисциплину в неотъемлемую составную часть процесса постижения культуры, обладающую своей, четко отрефлексированной сферой компетенции и потому особой значимостью для других составляющих этого процесса. Практика показывает, что игнорирование такого рода «рамки соотнесения» делает любую позицию менее артикулированной, менее ясной, а в иных случаях и менее убедительной [9, с. 143].

Важнейшим фактором и условием рождения культурологической парадигмы следует считать актуализацию проблемного поля. Ведь становление и корректировка уровней обобщения, лежащих в основе парадигмы, всегда обусловлены историко-культурной ситуацией. Сам же способ обобщения выступает в качестве производной от деятельности находящегося внутри социально-культурной среды научного сообщества. Существенным своеобразием культурологической парадигмы является доминирование личностно-ориентированной методологии. Здесь имеется в виду обращение гуманитарного сообщества к актуальным вопросам бытия человека в мире, смещение акцентов с рассудочно-познавательной мотивации на детерминированность животрепещущими проблемами. В этом отношении актуализация культурологии определяется ее тесными связями с гуманитаристикой. Особенность

гуманитарного знания по сравнению с естественнонаучным в том, что оно не существует без субъекта – носителя этого знания. Он должен взять на себя ответственность за связь причины и следствия. И культурология должна также отразить свою субъективность [8, с. 15].

Таким образом, культурология в своей методологической основе изначально складывалась как гуманитарная парадигма, имеющая междисциплинарный статус, интегрирующая методы и результаты других наук социально-гуманитарного профиля вокруг определенного проблемного поля. Особенность культурологического метода, цементирующего данную научную парадигму, состоит в том, что он, интерпретируя и понимая «тексты культуры», одновременно онтологизирует целостную социально-культурную реальность – творит, создает ее символический образ.

Литература

1. Некрасов С. И., Некрасова Н. А. Философия науки и техники. – Орел: ОГУ, 2010. – 289 с.
2. Розин В. М. Культурология в системе современных научных дисциплин // II Российский культурологический конгресс: тезисы. – СПб.: ЭЙДОС: АСТЕРИОН, 2008. – С. 100–101.
3. Ларин Ю. В. Мировоззренческо-методологические основы постижения культуры: проблема концептуализации: автореф. дис. д-ра философ. наук: 24.00.01: защищена 17.12.2004. – Тюмень, 2004. – 38 с.
4. Быховская И. М. Знание о культуре: культурософия – культурология – культуроведение // Культурология и культуроведение: концептуальные подходы, образовательная практика: мат-лы науч.-практ. семинара. – М., 1998. – С. 7–17.
5. Миненко Г. Н. О взаимодействии научно-фундаментальной и прикладной культурологии // Культурология и культуроведение: концептуальные подходы, образовательная практика: материалы науч.-практ. семинара. – М., 1998. – С. 43–53.
6. Флиер А. Я. Не будем путать культурологию с культуроведением [Электронный ресурс] // Высшая школа культурологии. – Режим доступа: http://hischool.ru/o_kulturologii_i_kulturologicheskom_obrazovanii
7. Шендрик А. И. К вопросу о природе и структуре культурологического знания // II Российский культурологический конгресс: тезисы. – СПб.: ЭЙДОС: АСТЕРИОН, 2008. – С. 560.
8. Доброхотов А. А. О Предмете культурологии // От философии жизни к философии культуры: сб. ст. / под. ред. В. П. Визгина. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 11–21.
9. Александрова Е. Я. Культурологические опыты. – М., 1996. – 155 с.

УДК 008

*Д. Д. Родионова***МУЗЕЙНАЯ ПРОФЕССИЯ: ВЫБОР ПРОФИЛЯ ПОДГОТОВКИ**

Основываясь на истории подготовки музейных кадров в России, в статье обосновывается выбор профиля подготовки по направлению «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» в Кемеровском государственном университете культуры и искусств.

Ключевые слова: музеология, музейное дело, специалист, бакалавр, образовательный стандарт.

*D. D. Rodionova***MUSEUM PROFESSION: SELECTING THE PROFILE OF TRAINING**

The article, based on the history of training the museum specialists in Russia, proves the choice of profile for training specialists in «Museum science and preserving items of cultural and natural heritage» in Kemerovo State University of Culture and Arts.

Keywords: museum science, museum business, specialists, bachelor, educational standard.

Одной из составных частей наших ценностей является историческое и культурное наследие. Кардинальные изменения общества в области экономики и политики неизбежно должны были привести к изменению представлений о ценностях, в том числе и в сфере образования. В связи с этим существенно изменилось и представление о культурном и природном наследии. Однако удивляет тот факт, что в 90-х годах XX века, в самое тяжелое для культуры время, когда было резко сокращено финансирование, резко возросло количество музеев, в том числе и в Кузбассе; также в стране организуется широкая сеть учебных структур по подготовке музейных специалистов.

Современная концепция программы подготовки специалиста в сфере музееведения прошла путь длительного формирования.

Впервые подготовку по специальности 052800 «Музейное дело и охрана памятников» начали в России в 20–30-х годах XX века. В 1918 году Институт внешкольного образования (ныне Санкт-Петербургский университет культуры и искусств) начал обучение по музейной специальности, прекращенное в 1924 году.

В 1936–1941 годах подготовка музейных специалистов была возобновлена историко-

краеведческим факультетом вышеназванного института, переименованного к тому времени в Ленинградский политико-просветительный институт. Однако на протяжении 1940–1980-х годов в нашей стране не существовало вузовской подготовки кадров по музейной специальности.

Подготовка музейных кадров началась в 1988 году в виде специальности «Музейное дело и охрана памятников». Программа стала реализовываться в Санкт-Петербургской академии культуры, унаследовавшей традицию прежней практики этого вуза. С 1989 года набор по данной специальности осуществляет Московский государственный историко-архивный институт, а с 1990 года – Московский государственный университет культуры. В настоящее время по данной образовательной программе обучение ведется в институтах, университетах, академиях культуры Министерства культуры РФ в Барнауле, Воронеже, Орле, Тамбове, Челябинске, Улан-Удэ, Кемерове.

Здесь хочется обратить внимание на то, что музейное и памятникоохранительное образование в КемГУКИ начало внедряться в то время, когда еще в стране и не думали об этом. В 1974 году в Кемеровском государственном институте культуры на клубном фа-

культете читались такие дисциплины, как «Музееведение», «Охрана памятников» и «Краеведение». К сожалению, расширение цикла музееведческих дисциплин было в то время в нашем вузе затруднительно из-за недостатка специалистов.

В 2000 году в Кемеровской государственной академии культуры и искусств была создана кафедра истории, музееведения и краеведения, которая под руководством профессора А. М. Кулемзина начала подготовку музейных специалистов.

В 2003 году Министерством образования РФ был введен новый образовательный стандарт 070503 «Музейное дело и охрана памятников», где прежняя квалификация «историк-музеевед» была заменена новой – «музеевед». Однако, хочется отметить, что образовательная программа, предусмотренная новым стандартом, не претерпела существенных изменений, сохранив ярко выраженную связь с программой подготовки историков (остался большой объем отечественной истории, источниковедения, историографии и др. дисциплин).

Представленный в стандарте цикл музейных дисциплин нацелен на приобретение практических навыков работы с фондами исторических и краеведческих музеев, т. к. традиционно в большинстве регионов краеведческие музеи представляют основной вид музейных учреждений. Тесная связь образовательной программы с исторической методологией вполне обеспечивала необходимые знания и навыки, составлявшие профессиональную компетенцию по отношению к данной группе музеев.

Кроме того, приказом № 352 Министерства образования РФ от 22 апреля 1994 года была утверждена специальность 021000 «Музеология», которая была задумана как родственная, но далеко не тождественная специальности «музейное дело». Она возникла как реакция на социализацию музея и формирование теоретического направления

в музееведении, ориентированного на широкую трактовку наследия, музейного предмета, системных представлений о человеке и его окружении, реализуемых на междисциплинарной основе [4, с. 8].

Инициатором утверждения специальности «Музеология» была профессор С. И. Сотникова, которая возглавила соответствующую кафедру и факультет в Российском государственном гуманитарном университете. По ее мнению, музееведение традиционно обслуживало предметное знание и профильные музеи, а музеология отражает принципиально новую степень в развитии представления о наследии и музеях. Объектом музеефикации становятся недвижимые памятники истории и культуры, социальные и культурные объекты, нематериальное наследие. Музеи значительно расширили поле своей деятельности. В осмысление этого феномена большое значение приобрели междисциплинарные связи [6].

Область музеологии в современной трактовке ICOM (международного совета музеев) гораздо шире, чем изучение музеев как таковых, хотя основой является их деятельность и роль в обществе [8].

В декабре 2009 года приказом № 810 Министерства образования РФ был утвержден ФГОС ВПО по направлению подготовки 072300 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия». Кафедра музейного дела ФГБОУ ВПО «Кемеровского государственного университета культуры и искусств» с 2011 года осуществляет набор студентов для обучения по данному направлению подготовки и выбранному профилю «Культурный туризм и экскурсионная деятельность». Всего утвержденных профилей восемь, включая такие, как: «Выставочная деятельность», «Информационные технологии в музейной деятельности», «Атрибуция музейных предметов», «Музейный дизайн», «Хранение музейных собраний и частных коллекций» и др. Проанализировав основ-

ные образовательные программы вузов в области подготовки «музейщиков» стало ясно, что по профилю «Культурный туризм и экскурсионная деятельность» осуществляют набор 9 из 16 вузов страны, а по профилю «Выставочная деятельность» – 8. Такие вузы, как КемГУКИ, Сургутский государственный университет, Санкт-Петербургский университет управления и экономики готовят сразу по двум представленным профилям. Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, например, выбрал свой (инициативный) профиль «Экспертиза культурных ценностей в таможенной деятельности».

Следует отметить, что концепция образовательной программы по направлению подготовки 072300 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» базируется на представлении о музее как полифункциональном социокультурном институте, хранителе и интерпретаторе культурного и природного наследия, канале коммуникации культур в пространстве и времени, а также средстве формирования и развития личности.

Студенты, обучающиеся по данному направлению подготовки, будут проходить практику на базе ведущих музеев Кемеровской области: музей-заповедник «Красная горка», музей-заповедник «Томская Писаница», Новокузнецкий государственный художественный музей и др., а также на базе ведомственных и школьных музеев, туристических фирм различных форм собственности.

Составление планов на будущее – это хороший повод разобраться, что же мы имеем в настоящем. Кафедра «Музейного дела» КемГУКИ имеет мощный кадровый потенциал, разработала учебный план по направлению бакалавриата «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», а также может приглашать к сотрудничеству своих выпускников, которые занимают ру-

ководящие должности в музеях различного профиля и туристских фирмах.

Говоря о будущем, хочется расставить и стратегические приоритеты развития кафедры музейного дела. Прежде всего, развитие и совершенствование образовательного процесса, совершенствование научных исследований и учебного процесса. Развитие междисциплинарных образовательных и научно-исследовательских проектов и конечно интеграция в европейскую систему высшего образования и мировое научное сообщество.

В настоящее время широко обсуждаются вопросы профессиональной компетентности музейного работника, а вместе с тем и характер образовательных программ подготовки кадров.

Основу профессиональной компетенции музеолога составляет история культур в ее различных феноменах и формах бытования в широких хронологических рамках, национальных, региональных, конфессиональных и других особенностях. В структуре образовательной программы это обеспечивается системой фундаментальных дисциплин базовой части профессионального цикла (история культуры, этнология, история материальной культуры, история искусств, история мировых религий). В своей совокупности они позволяют бакалавру свободно ориентироваться в обстоятельствах возникновения и бытования памятников различных эпох, особенностях их создания, интерпретации, обеспечения сохранности и освоения. В профессиональную компетенцию музеолога входят так же знания по истории, теории и практике, связанные с будущей работой в системе музейных учреждений. Они представлены в программе профессионального цикла дисциплин музейного модуля, позволяющих ориентироваться в современной музейной типологии, особенностях деятельности музеев в прошлом и настоящее время (основы музеологии; история музеев мира; история

музейного дела России; основные направления музейной деятельности и др.). Кроме того, программа включает систему курсов (вариативная часть), направленных на приобретение практических навыков, необходимых для профессиональной деятельности в рамках профиля подготовки (маршруты культурного туризма Сибири; технология и методика экскурсионной деятельности; речевая культура экскурсовода; краеведение; уникальные исторические и культурные памятники Сибири и др.). Однако хочется обратить внимание и на то, что в ходе подготовки учебного плана мы постарались максимально увеличить объем изучения отечественной истории.

Современный музейный специалист – это не эстетствующий искусствовед, ностальгически восхищающийся европейской классикой, но и не малообразованный местный краевед, знающий лишь свою «малую Родину». Это профессионал, обладающий новым, современным, демократическим мировоззрением, основанным на достоверной информации о прошлой истории и культуре России. Современный музеевед – это человек, понимающий необходимость глобальных процессов всестороннего изменения и интеграции разнообразных культур.

Задачей современного специалиста-музееведа является сохранение своеобразия каждой отдельной культуры для современного и будущих поколений, для умелого сочетания современной и традиционной культуры, т. е. условий для эволюционного процесса развития культуры [1, с. 123].

Что и подтверждает стандарт третьего поколения: область профессиональной деятельности бакалавров по направлению подготовки 072300 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» включает: музеи и учреждения музейного типа, художественные галереи; библиотеки, архивы, фонды, общественные организации; реставрационные мастерские; экскурсионные бюро и туристические фирмы; научно-

исследовательские институты и экспертно-аналитические центры; органы управления объектами культурного и природного наследия; образовательные учреждения, центры эстетического воспитания; средства массовой информации.

Уже на протяжении более 10 лет кафедра «Музейного дела» КемГУКИ занимается исследованием, сохранением историко-культурного наследия. Студенты выезжают на археологическую практику, проходящую как на территории Кемеровской области, так и за ее пределами, участвуют в работе экскурсионного объединения «Обсидиан».

Ни для кого не секрет, для того чтобы в стране мог существовать культурный туризм, необходимо исследовать культурно-исторический потенциал государства, включая народные обычаи, традиции, культуру и т. д. Для развития экскурсионной деятельности должны быть изучены археологические памятники, старые и новые; развитые города, музеи, выставки, экспозиции – Кузбасс этим богат.

Особенности образа жизни и исторически сложившихся культурных традиций привлекают туристов в путешествия. Ознакомление с новой культурой обогащает кругозор и способствует развитию личности. Успех развития культурного туризма зависит не только от уникальности местности, народа и его обычаев и образа жизни, но и от грамотного подхода к организации данного процесса и подготовки высококвалифицированных кадров.

На кафедре музейного дела КемГУКИ ведется подготовка студентов по двум специализациям «Историко-культурное наследие Сибири» и «Организатор туристско-экскурсионной деятельности». Поэтому открытие бакалавриата по профилю «Культурный туризм и экскурсионная деятельность» является реальным продолжением учебной и научно-исследовательской работы кафедры «Музейного дела» КемГУКИ.

Литература

1. Кулемзин А. М. О музейном специалисте // Красная горка. Центр мироздания. – Кемерово, 2003. – С. 122–126.
2. Романчук А. В. Подготовка менеджеров и экскурсоводов в рамках учебного курса «Музейный туризм» // Вопросы музеологии. – 2010. – № 2. – С. 89–93.
3. Сидорова И. Б. Общая музеология как учебная дисциплина: дискуссионные вопросы // Вопросы музеологии. – 2010. – № 1. – С. 99–105.
4. Сотникова С. И. Музеология: пособие для вузов. – М.: Дрофа, 2004. – С. 8.
5. Сотникова С. И. Чему учат будущих музейщиков // Мир музея. – 2007. – № 9. – С. 26–31.
6. Сотникова С. И. Музей в меняющемся мире [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://museolog.rsu.ru>
7. Сотникова С. И.: Подготовка музейных специалистов: история и современное состояние // Музей. – 2005. – № 3. – С. 26–27, 30.
8. <http://www.icom.org.ru/docs/> (последний раз ссылка проверялась 24.10.2011 г.).

УДК 008

С. В. Андреева

ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК ТВОРЧЕСКИЙ МЕТОД

В работе представлена специфика проектирования в контексте современной инновационной творческой деятельности. Обозначены методы творчества. Выделены характеристики и преимущества творческого процесса. Предложена к рассмотрению и практическому внедрению группа методов и технологических приемов проектирования.

Ключевые слова: инновации, творчество, творческий процесс, проектирование, методы творчества, технологии, проект, проективная деятельность, эвристика.

S. V. Andreeva

PROJECTING AS A CREATIVE METHOD

The paper focuses on specificity of projecting within the context of modern innovative creative activity. The creative methods are outlined. Characteristics and advantages of the creative activity are suggested. The group of methods and projecting the technological ways are proposed for consideration.

Keywords: innovations, creation, creative activity, projecting, creative methods, technologies, project, project activity, heuristic.

Творчество (креативность) – это трудное для определения слово. Мы говорим: «это творчество», если человек сделал нечто такое, что можно назвать необычным, но в то же время значимым и полезным. Таким обра-

зом, творчество определяется через последствия процесса, а не как сам процесс.

Определение творчества имеет две стороны: формальную (эвристическую) и сущностную (интуитивную).

Формальное (эвристическое) творчество поддается определению, а сущностное (интуитивное) мы не можем определить, оно находится на уровне нашего подсознания.

Творчество – это множество процессов, которые следует рассматривать в едином контексте. Один или несколько из этих процессов приносят новизну в привычные действия – в том числе и при выявлении и формулировке задачи, выработке и оценке всевозможных решений.

Сложность определения понятия творчества связана и с тем, что люди часто расходятся во мнении, что можно назвать «необычным», «хорошим» и «полезным» – эти понятия очень относительны.

В современной психологии выделяют различные виды творчества.

Кроме общепризнанных, таких как научное, техническое, литературное, музыкальное, появилось творчество игровое, учебное, бытовое, управленческое, профессиональное и т. д. Каждый из указанных видов творчества имеет свои особенности, но в основе каждого из них лежит творческая деятельность.

Важным отличием творческой деятельности является то, что решения поставленных задач ищутся в условиях неоднозначности исходной информации и критериев оценки конечного результата. О человеке, который ищет новые решения и ставит оригинальные задачи, говорят, что он творческая личность.

«...Основательное понятие творчества состоит в том, что оно способно изменить взгляд человека на вещи и на себя самого настолько, что он попытается сделать нечто, ранее казавшееся ему выходящим за пределы возможного. Творчество в проективных методах проявляет себя в оригинальности формулируемых вопросов, целей, классификаций, процессов и т. п.» [2, с. 134].

«Проектирование – это творческая деятельность, которая вызывает к жизни нечто новое, чего раньше не существовало. Цель

проектирования – положить начало изменениям в искусственной среде» [2, с. 35].

Проектный метод – это современный эффективный способ управления культурой в целом, отдельными ее отраслями и конкретными учреждениями. Под этим определением следует понимать не только создание отдельного культурного проекта, но и разработку комплекса мероприятий, обычно долгосрочных и разнохарактерных. Более точно этот метод называется проектно-программным. Метод реализует себя в некоторой совокупности действий или технологий.

Комбинация различных способов проектирования в соотношении с теми или иными составляющими объектной области дает нам множество вариантов проектной деятельности – в виде специализированных технологий.

Слово «проект» в настоящее время является распространенным и часто употребляемым в разных сферах деятельности, в том числе и в областях культуры. Проект включает в себя замысел, средства его реализации и получаемые результаты.

Основные характеристики, присущие проектам в сфере культуры:

- ориентация на достижение определенной цели;
- система взаимосвязанных действий;
- уникальность и специфичность каждого проекта;
- любой проект подразумевает в равной степени и процесс, и результат;
- проект подразумевает придание равного значения результативности и экономичности как основным его итогам.

Проективная (или проектная) деятельность относится к разряду инновационной, творческой деятельности, поскольку она предполагает преобразование реальности, строится на базе соответствующей технологии, которую можно унифицировать, освоить и совершенствовать. Проектно-конструкторская деятельность и творчество

всегда были тесно связаны между собой. Все, что нас окружает, является результатом творческой деятельности людей, будь то орудия труда, жилища, предметы быта, машины, произведения искусства.

«Проектность – это фундаментальное имманентное свойство культуры, выражающиеся в формировании, трансляции, реализации замыслов, идей, целей присущих как отдельным историческим формам, или типам культуры, так и культуре в целом, в способности опережать наличную культурную деятельность. Оно однопорядково с такими фундаментальными свойствами культуры, как искусственность, непрерывность, динамичность, креативность, ритмичность, асинхронность» [3, с. 27].

Специфику творческих подходов мы определяем как проектную. То есть, системно организованную деятельность, обладающую заранее определенной спецификой действий, видимых для получения результата.

Когда традиционных методов творческого поиска явно недостаточно для решения поставленной задачи, уместно воспользоваться эвристическими методами. Эвристика – наука, изучающая продуктивное творческое мышление. Методы эвристики – методы интенсификации творческой фантазии. Творческий процесс – чрезвычайно многообразное и сложное явление. Развитие творческого воображения, нахождение нетривиальных путей решения творческих задач проектирования, преодоление психологической инерции – вот возможности эвристических методов.

«Метод проектов» как творческую форму в конце XIX начале XX века разработал американский педагог, философ и общественный деятель, Дж. Дьюи. В центре философии Дж. Дьюи находится действие, т. к. Дж. Дьюи – один из представителей философского направления – прагматизма, сформировавший свою особую концепцию – инструментализм (практическая деятельность человека по ориентации и взаимодействию

с миром осуществляется с помощью инструментов, создаваемых человеческим интеллектом, т. е., интеллект остается основным инструментом, обеспечивающим биологическое выживание человека, что, собственно, и является творческим процессом). Практическая деятельность и использование инструментов для ее осуществления – вот идеи, определяющие подходы Дж. Дьюи к творчеству.

Большой вклад в развитие «метода проектов» и эвристических методов внесли американские и российские ученые (Ф. Фребель, Е. С. Полат, М. А. Фомина, О. И. Генисаретский и др.)

Плодотворным может быть изучение и практическое внедрение, наряду с традиционными эмпирическими приемами, нетрадиционных методов, так называемых технологических приемов творчества.

Методы творчества можно разделить по группам:

1. Методы, применяемые при пересмотре поставленной задачи при проектировании: наводящая задача – аналог, изменение формулировки задачи, наводящие вопросы, перечень недостатков, свободное выражение функции.

2. Методы проектирования: аналогии, ассоциации, неологии, эвристическое комбинирование, антропотехника, использование передовых технологий.

3. Методы, дающие новые парадоксальные решения: инверсия, эмпатия, «мозговая атака», «мозговая осада», «совещание пиратов», дельфийский, карикатуры и др.

4. Методы математического анализа: семикратный поиск, построение матриц и сетей взаимодействия, генерирование идей на основе построения диаграмм.

5. Методы, использующие профессиональные игры: написание сценариев, ролевые игры, импровизация и т. д.

6. Методы разработки социально-культурных и культурно-досуговых программ для

различных слоев населения: определение проблемы, работа над сценарием, написание текстов ведущих, организационные вопросы, и т. д.

Из перечисленных методов можно выбрать любой, наиболее подходящий для решения конкретной задачи, или группу методов и использовать их при проектировании.

Осознаваемая ситуация нового вида может быть названа творческой ситуацией. Другими словами творческая ситуация, в которой человек осознает необходимость осуществления целенаправленной деятельности в условиях, не позволяющих или ограничивающих использование имеющегося у него опыта.

Важно отметить, какие преимущества получает человек, овладевший творческим подходом к решению стоящих перед ним задач – в процессе творческой деятельности формируются лучшие качества личности: трудолюбие, упорство в достижении цели и т. д.;

– творческий подход позволяет успешно разрешить противоречия, возникающие в процессе решения технических и производственных задач, а также противоречия в обществе, коллективе, семье;

– возможность быстрой адаптации к новым видам деятельности в обществе, новом коллективе;

– творчество может стать смыслом жизни человека и способом его самовыражения;

– в процессе технического творчества гармонично сочетаются умственный и физический труд.

Чаше всего творчество проявляется в процессе проектирования при создании ранее не существовавших материальных или идеальных объектов. Творческим результатом может быть и новый способ деятельности, т. е. новая совокупность, новая комбинация приемов и методов деятельности, обеспечивающих ее результат, при этом приемы могут быть тоже новыми, но могут быть и известными.

Процесс творчества – это, в конечном счете, поиск единства форм и содержания. Иногда при решении творческой задачи применение традиционных методов проектирования не дает новых интересных решений. Поэтому важна активизация творческого поиска в проектировании, направленная на развитие творческого проектного мышления и на интенсификацию самого процесса проектирования.

Литература

1. Антонюк Г. А. Социальное проектирование и управление обществом. – Минск: Наука и техника, 1986.
2. Балабанов П. И. Методологические проблемы проектной деятельности. – Новосибирск: Наука, Сиботделение, 1990.
3. Джонс Дж. К. Методы проектирования: пер с англ. – 2-е изд., доп. – М.: Мир, 1986.
4. Генисаретский О. И. Экология культуры. Теоретические и проектные проблемы. – М.: Наука, 1991.
5. Дьюи Дж. Демократия и образование. – М.: Педагогика – Пресс, 2000.
6. Марков А. П. Основы социокультурного проектирования. – СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 1994.
7. Метод проектов в системе работы преподавателя курса «Мировая художественная культура. Театр: сб. ст. / под ред. М. А. Фоминой. – М.: ИНИОН, 2001.
8. Метод проектов: сб. ст. / под ред. Е. С. Полат. – Минск: РИВШБГУ, 2003.
9. Фребель Ф. Будем жить для наших детей. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – (Сер. «Психология детства. Классическое наследие»).

УДК 17.023.362

*Т. И. Кузякина***МУЗЫКА И ДУХОВНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА**

В статье обсуждается взаимосвязь музыки и духовного мира человека. Аргументируется тезис о том, что в соответствии с двумя формами духовности, основанными на теистической и пантеистической религиозности, существует два типа высокой музыки – эйдетическая и романтическая. Первый тип музыки основан на интуиции «точечного времени» или вечности, второй – на интуиции бесконечного пространства.

Ключевые слова: бесконечность, воображение, духовность, духовный мир человека, пантеизм, романтическая музыка, теизм, эйдетическая музыка.

*T. I. Kuzyakina***THE MUSIC AND THE INNER WORLD OF THE PERSON**

The article deals with the interrelation of music and the inner world of the person. The following thesis is argued that according to two forms of spirituality based on the theistic and pantheistic religiousness there are two types of music – eidetic and romantic. The first type of music is based on intuition of «point time» or the eternity; the second one – on intuition of the endless space.

Keywords: eternity, imagination, spirituality, the inner world of the person, pantheism, romantic music, theism, eidetic music.

Рассматривая музыку как специфическую форму репрезентации духовного мира человека, мы имеем в виду музыку европейскую, представленную ее классической – светской и конфессионально-богослужебной – традициями. Выросшей из средневекового менестрельства музыки развлекательной мы не касаемся. Это особая тема, которая должна обсуждаться серьезно, но отдельно.

Музыка, всегда сопровождавшая жизнь человека, в своих глубинах отражает важнейшие, первопричинные основы бытия. Из века в век, от человека к человеку музыка передает свою духовную энергию, приподнимая человека над неотступными тяготами его бытия. Существует множество интерпретаций духовности, и количество их неизменно растет. Сложившееся многообразие отражает сложность, глубину, многогранность и

противоречивость духовных аспектов бытия. Мы рассмотрим два подхода к духовности в музыке: традиционный и нетрадиционный. Для нас более приемлем подход к духовности, основания которого разработаны в некоторых классических трудах европейской философии и эстетики, и в систематической форме эксплицирован в комментаторских работах [9, с. 85–114]. Роль и место музыки в сопряжении с духовностью при таком подходе видится несколько иначе, чем в современной эстетике, традиционном музыкознании, основывающихся на представлении о ее многофункциональности.

Однако прежде чем обратиться к нетрадиционной трактовке музыки, остановимся на обычном и широко распространенном о ней представлении. Музыка рассматривается в нем как часть духовной культуры,

в центр внимания ставятся ее коммуникативные, социальные и другие функции. На стыке психолого-педагогических проблем рассматривается преобразующая сила музыки, ее духовно-воспитательная роль. Специфика музыки при этом требует философского объяснения ее сущности и существования. К области философии музыки относятся такие вопросы как музыка и мир человека (мир культуры), онтологическая природа музыки, специфика ее содержания и формы, способ существования музыкального произведения. В философии музыки используются такие фундаментальные категории, как «мир», «вселенная», «человек», «сознание», «прекрасное» и др. И это подтверждает мысль, что музыка играет для человека и человечества чрезвычайно важную, подчас судьбоносную роль. По выражению П. Булеза, музыка осмысливается как «способ быть в мире». В связи с таким видением выделяется мировоззренческая, этическая и эстетическая ценность музыки, а это означает, что в подлинном музыкальном искусстве проблематика высших жизненных ценностей заложена изначально. Так, к примеру, мировоззренческая ценность музыки заключена в символической троичности – звучащего «тела», музыкальной души и духа. Обозначение философского статуса ценности музыки может быть определено как ее постижение в системе «человек – мир – музыка» [7, с. 9]. Традиционен для научного знания взгляд на музыку как на социальное явление.

Музыка как вид искусства в современной философии и эстетике стоит в ряду искусств, отнюдь не выдвигаясь на первое место, как, скажем, в романтической эпохе XIX века, когда она воспринималась как главное воплощение духа. Музыка ныне становится и предметом теории культуры, исследующей исторически обусловленные типы человеческой духовности в ее наиболее репрезентативных и подлежащих социальному насле-

дованию формах. Можно поэтому подходить к понятию «музыка» с разных сторон, рассматривая ее на различных уровнях: физическом, биологическом, психологическом, социальном, эстетическом – все в рамках вида искусства.

Но есть и другой взгляд на музыку, рассматривающий ее не с позиции многофункциональности, что свойственно и другим видам искусств и художественной культуре в целом, а как явление совершенно особое, во многом самодостаточное. Об этом заявлено в позиции Б. В. Асафьева, который в работе «Ценности музыки» видел в музыке не отражение социальной действительности и нашей жизни с ее переживаниями, а отражение «картины мира», и через познание становления музыкального процесса считал возможным приблизиться к пониманию оформленного мироустройства [7, с. 11]. В. К. Суханцева также рассматривает музыку как феномен, объединяющий глубинные структуры бытия с человеческой психикой, что, естественно, превышает границы вида искусства либо художественной деятельности. «Именно в искусстве, достигающем предела символизирующей интенсивности, – пишет она, – происходит сбрасывание символики; и сквозь языки и коды культуры проступает мир сущего, тот самый генезис, который более нигде не обнаруживает себя с отчетливостью. Наиболее чистым случаем проступания генезиса является музыка. ...XX век пронизан интуициями целого» [10, с. 9]. Такого рода представления о музыке связаны, на наш взгляд, с возвращением сегодня на новом витке процесса развития к античному пониманию музыки – как репрезентации Космоса, Числа и Эйдоса, музыки – как художественного эквивалента философии и смысла мира.

Музыка как вид искусства представлена нам в музыкальных формах, в виде искусно сделанного, организованного во времени

звукового пространства (с учетом меры, гармонии, симметрии, совершенства, красоты). В свете новых мироощущений, представлений, обнаруженных противоречий на современном этапе развития человечества гуманитарные науки пытаются по-новому осмыслить музыкальные явления и процессы. Особенно активно разрабатывается в настоящее время такая ветвь изучения и осмысления музыки, как «культурология музыки», рассматривающая музыку в свете духовной культуры. Здесь можно назвать работы Л. А. Закса, В. К. Суханцевой, С. Х. Раппорта, Г. Г. Коломиец, В. Н. Холоповой и др. Современная психология, соприкасающаяся со смежными науками – эстетикой, музыковедением, психологией художественного творчества, – представлена в отечественных работах В. В. Медушевского, Е. В. Назайкинского, В. И. Петрушина, А. А. Мелик-Пашаева, М. С. Старчеус и др.

Среди философских концепций музыки, бесспорно, выделяется фундаментальный труд А. Ф. Лосева «Музыка как предмет логики», в котором выявлена жизнь числа как логическая сущность музыки, социальное бытие музыки в конкретных музыкальных формах, логика которых обусловлена сущностью времени и числа. Сложность философского постижения музыки, мышления о ней «крупным планом» порождает такую его особенность, как гипотетичность, незаконченность мысли. «Слово о музыке, – пишет А. В. Михайлов в работе “Языки культуры”, – неотделимо от самой музыки, и потому должно меняться вместе с ней, участвуя в разрывании самосознания искусства. Поэтому то, что говорится о музыке, всегда не окончательно», так же как и история прошлого никогда не завершена в себе... [7, с. 16].

Теперь поставим вопрос: как можно категориально отобразить уникальную и универсальную роль музыки в культуре и духовном

мире личности? Такой категорией в рамках названного выше нетривиального подхода к пониманию самодостаточности музыки является, на наш взгляд, категория бесконечности мира (макрокосмоса) и *бесконечности человеческой личности* как соразмерного ему микрокосмоса. Обратимся к работе, в которой рассматривается возможность проецирования идеи бесконечности на личность человека и его творчество [9]. В ней рассматриваются такие вопросы, как логический и бытийный статус категории бесконечности; особенности ее применения в богословии, в отношении к Богу и Божественным атрибутам; характер пространственно-временной бесконечности мира и, наконец, особенно важный для нас вопрос – возможность проецирования категории бесконечности на человеческую личность. Как считает автор, с формальной точки зрения понятие бесконечности человека может быть задано трояко: а) в качестве эмпирического обобщения, б) философски, т. е. постулативно, в) и, наконец, догматически. Из многовекового развития проблемы делается аргументированный вывод, что бесконечность человека может быть непротиворечиво обоснована, прежде всего, догматически. Без теологии научные соображения оказываются теоретически безосновными: «Онтологический принцип бесконечности, диалектика конечного и бесконечного являются “архетипическими” для всякого сколько-нибудь глубокого религиозного и философского мышления. Они воспроизводятся с необходимостью, если поиск оснований ведется с должной последовательностью. Также необходимо философское умозрение, которое смыкается здесь с теологией, потому что нет потенциальной бесконечности без актуальной, нет последней без Абсолюта (или Бога). Теологический способ введения бесконечности человека имеет основание в пасхальном догмате и по

своей логической форме идентичен аксиоматическому и постулативному способам введения бесконечности в философии и науке» [9, с. 99–100].

Заслуга глубокого, всестороннего осмысления и развития принципа бесконечности человека принадлежит в первую очередь русской философии конца XIX – первой трети XX столетия. Начинать ряд нужно с основателя философии всеединства В. С. Соловьева. Принципиально идею бесконечности личности в ее отдельных аспектах развивали также Б. П. Вышеславцев, С. Л. Франк, Л. П. Карсавин, В. В. Зеньковский, Н. А. Бердяев. Каждый из них работал в этом направлении по-своему. Уникальную в своем роде программу реформирования педагогики, ее выстраивания на основе категорий свободы и бесконечности личности разработал В. В. Зеньковский. Ему более всего свойственна четкость формулировок о бесконечности человека в смысле их соответствия восточно-христианскому богословию. Он также настойчиво проводил идею о том, что акцентирование бесконечности тварного мира ведет человека не к личному Богу, а к пантеизму.

В контексте нашей работы важно указать на принципиальную и решающую роль в трактовке религии и, соответственно, духовности в свете категории одного из ведущих теоретиков немецкого романтизма Фридриха Шлейермахера (1768–1834). В своем сочинении «Речи о религии» он впервые обозначил новое направление изучения религии, которым считал изучение религиозного опыта. Шлейермахер пытался подняться над конфессиональными ограничениями и искал основания религиозного опыта вообще. В результате он пришел к идее, что любой религиозный опыт основан на двух моментах, которыми являются «отношение к бесконечному в содержании религиозного

сознания и признак *чувства*... в психологической природе этого сознания» [12, с. 21].

Интуиция бесконечности касается как пространственного, так и временного модусов, т. е. истоком религиозного сознания является не только понятие бесконечности, но и вечности. Комментируя эту основную идею Шлейермахера, русский философ С. Л. Франк, автор вводной статьи к изданию «Речей...», заключает: «Религия есть “чувство и вкус к бесконечному”». Этим непосредственным сознанием и созерцанием бесконечности религия... отличается от знания и практической деятельности, имеющей дело всегда с конечным. ...Таков первый элемент религии – непосредственное созерцание бесконечного и вечного; он есть не греза или вымысел воображения, не догадка мудрствования, а первичный, изначальный факт всякой жизни и всякого сознания; его стоит только раз заметить, чтобы он стал навсегда самоочевидным» [12, с. 21, 23].

Конечно, не один Шлейермахер акцентировал идею бесконечности мира, она архетипична для нововременной европейской философии и культуры, начиная с XVII века. В дальнейшем серьезный вклад в изучение религиозного опыта в его надконфессиональной природе внесли американский философ-прагматист и психолог У. Джемс («Многообразие религиозного опыта») и немецкий теолог Рудольф Отто («Священное»). При этом нельзя не отметить, что они зависели от основополагающих идей Шлейермахера и романтиков. «Океаническое чувство», на которое указывал Джемс, как особенность религиозного опыта, есть, конечно, не что иное, как романтическое чувство бесконечности [4, с. 182].

К числу других достижений Шлейермахера С. Л. Франк относил открытие особого гносеологического феномена – «эмоционального знания». Его значение для нашей работы

столь велико, что необходимо привести наиболее важный фрагмент из статьи русского философа на эту тему, которая была издана еще в 1921 году в Берлине. Франк пишет: «Лишь психологическая литература последнего времени начинает постепенно и еще неуверенно подходить к явлению, которое с гениальной интуицией открыл Шлейермахер: к явлению *эмоционального знания* или, как выражается замечательный современный мыслитель Франц Brentano, “эмоциональной очевидности”. В различной связи и под разными названиями – “вчувствования”..., “интроекции”..., “эндопатических чувств”... психология приближается к этой явственной и вместе загадочной стороне жизни, которая *вызывает* внутреннее возбуждение, чувство или воля, как бы раскрывает нам невидимые свойства и области реальности и дает начало особому, теоретически недоказуемому, но субъективно достоверному знанию» [12, с. 28].

С. Л. Франк ставил перед гносеологией задачу открытия познавательной природы и своеобразного объективизма этого знания, данного нам в субъективной форме чувства. Современник Франка – немецкий философ Вильгельм Дильтей – пытался разрешить эту задачу, предложив новое гносеологическое понятие – «переживание» (нем. – *Erlebnis*) [см.: 3, с. 68–75, 89–105 и др.]. Работы Дильтея на эту тему остались невостребованными, т. к. понятие эмоционального знания не достигло у него необходимого уровня ясности и операциональности, и задача, поставленная перед гносеологией Франком, по большому счету, оказалась удовлетворительно не решенной до настоящего времени.

Тем не менее, эмоциональное знание, субъективно данное нам процессуально – в форме переживания, имеет ключевое значение для понимания того пласта духовности, путь к которому открывает музыка.

Сам Шлейермахер понимал, что музыка содержит в себе особое, таинственное знание о мире. Его тексты на этот счет немногочисленны, но принципиально важны. В частности, он четко обозначает сходство феномена духовности, представляемой религией, с музыкальным откровением и пишет следующее: «Если можно... сравнить с чем-либо религию, то лучше всего сопоставить ее с тем, что и в иных отношениях тесно с ней связано, – я имею в виду музыку. Ибо музыка образует, конечно, великое целое, особое замкнутое в себе откровение мира...» [12, с. 96].

Идея бесконечности как неотъемлемая компонента любого истинного религиозного опыта прочно вошла в арсенал западной теологии и отечественной философии и богословия. Но наиболее точные формулы для определения сущности и модусов феномена бесконечности в религиозном сознании предложил известный русской философ и теоретик педагогики Василий Васильевич Зеньковский (1882–1962). Он также, вслед за предшественниками подчеркивая основополагающее значение чувства бесконечности, пишет: «Существенное и основное в *духовной жизни* заключено в искании Бесконечного и Абсолютного. Это искание есть самое основное и глубокое в нас, есть тот неистощимый и неистребимый источник вечной жизни, присущий духу...» [6, с. 50]. Но начало личности, выражающее в человеке образ Божий, по его мысли, не может в человеке как существе тварном стать самосущим, и поэтому переходит в нем в «томление о Бесконечности». Смысл этого томления «...открывается тогда, когда человеческий дух входит в общение с Богом – тогда утоляется потребность бесконечной жизни, тогда раскрывается подлинная и творческая бесконечность в человеке, – но лишь при благодатном осиянии нашего духа Духом Святым. Оба движения духа – томление о Бесконечном и жизнь

в Боге – дают начало религиозному опыту...» [6, с. 74]. Посылка эта, несомненно, христианско-догматическая, но из нее вытекает принципиальный вывод, который и делает сам В. В. Зеньковский – вывод о двух принципиально различающихся видах духовно-религиозного опыта. «...Есть два типа религиозного опыта, – пишет он, – “естественный”, в своей вершине восходящий к пантеистическому мистицизму, к восприятию божественного начала в мире (тварной Софии), – и благодатный, где Сам Бог (а не тварная София) открывается человеку. Первый опыт имперсоналистичен, ведет к пантеизму, к остановке на “божественном”, второй – персоналистичен, восходит к Божеству (а не “божественному”), от тварной Софии восходит к Абсолюту» [6, с. 74].

Исходя из этой посылки, мы можем утверждать, что и европейская музыка манифестирует духовные горизонты человеческого бытия двумя существенными различающимися способами. Один связан с актуальной качественной бесконечностью Абсолюта – христианского Бога. Он лишен пространственного размаха авторского воображения, сконцентрирован на точечном времени – Вечности. По этой причине данная музыка лишена изысков музыкальной выразительности, примером чего является русский знаменный распев с его монодией, доминированием низких голосов, сосредоточенностью на Слове, то есть Смысле; а также традиционное литургическое пение римско-католической церкви – григорианский одноголосный распев с нентотированным ритмом. Известный специалист по древнерусской музыке В. И. Мартынов считает даже этот вид богослужебного пения не музыкой и пением, а формой молитвы. Она требует от исполнителя и воспринимающего ее слушателя эйдетики интенсивности – внутреннего самоуглубления, растворения в смыслах Слова

при минимуме внешних средств выражения. Отсюда, например, монодия и узкий звуковысотный диапазон знаменного и григорианского пения. Данный тип музыки обозначим как *эйдетический*.

Совершенно другой, можно сказать противоположный, тип представляет собой музыка *романтическая*. Подобно прямой перспективе, открытой живописью Возрождения, она основана на чувстве экстенсивной бесконечности, то есть бесконечности пространственной, количественной, а не интенсивной или качественной. В соответствии с типологией В. В. Зеньковского, это пантеистическая форма выражения духовности. Термин «романтическая» является не исторически конкретным обозначением особого этапа развития европейской музыки, а имеет типологическое значение. Потому что фантастическое развитие средств выразительности, которое началось с эпохи Барокко, и в обвальном масштабе с Людвиг ван Бетховена и эпохи романтизма, выражает именно устремленность в экстенсивную, пространственную бесконечность. В ней, в сравнении с эйдетической музыкой, меньше мысли, но максимум воображения, чувства, экзальтированности и внешних средств выражения. Она дальше от «Божества», но ближе к человечности, и потому в секуляризирующемся мире оказалась максимально востребованной человеком культуры, уходящим от Бога, но глубоко нуждающимся в какой-то форме духовности. Романтическая духовность, поддержанная также бурным развитием поэтического творчества, фактически монополизировала духовный горизонт европейского и русского человека.

Музыка и система музыкальной культуры в Европе отражали фундаментальную онтологию. Начиная с конца XVII века утрачивает свое значение понимание времени, характерное для античности и средних веков.

Уходит на периферию мышления рассмотрение времени сквозь призму вечности, и время, десакрализованное с его необратимостью, все более приобретает черты «нового Абсолюта». Поэтому не случайно, что, начиная с Канта, который интерпретировал время как внутреннюю форму чувства и созерцания субъекта, европейская музыка, репрезентированная в первую очередь романтической линией ее развития, обретает значение более адекватной формы выражения процессуальности внутреннего мира человека, его духовности, а также бытия в целом. И это продолжается до последней трети XX века, когда в музыке обнаруживается взаимодействие и борьба двух модусов музыки, и, возможно, начинается переход к осмыслению времени в перспективе вечности и, соответственно, к эйдетической музыке как форме ее репрезентации.

Конечно, не все виды музыки укладываются в предлагаемую схему. Например, богослужбное многоголосное пение, родившееся на Руси и в России в XVII–XVIII веках благодаря освоению западной партесной музыки, является пограничным. Оно сочетает в себе устремленность к Слову, но не чуждо и украшательства, «красивостей», эмоциональных контрастов. Поэтому оно находит многочисленных поклонников вне церковной среды, востребовано людьми с развитым музыкальным слухом, воспитанным в романтической музыкальной традиции.

Обе линии развития музыки и, соответственно, музыкальной культуры мы относим к вершинной области музыкального творчества – «высокой музыке». И в том, и другом варианте ей свойственно многозначное выражение духовного мира человека. В каждой эпохе композиторы по-своему слышали и космический, и божественный, и человеческий мир, искали средства его предельного выражения. Но так или иначе, данной музыке имманентно присущи ценности человеческо-

го духа, в частности, неутилитарное чувство и отношение к явлениям бытия. Еще Платон в «Законах» говорил о том, что сущность эстетического наслаждения от музыки в том и заключается, что оно неутилитарно, ценно само по себе: «удовольствие служит правильным мерилom», «но творится исключительно ради того, что в других случаях является сопутствующим, то есть ради приятности, которую великолепно можно назвать удовольствием» [7, с. 43]. И эта «приятность» понимается им не грубо-физиологически, а эйдетически, как особого рода интеллектуальное удовольствие.

Функция музыки, по Аристотелю, также есть не только забава, удовольствие, но главным образом «умное» удовольствие. Высшая функция музыки – воздействовать на слушателя, преобразовывая его душу. Отсюда роль создателя, изобретателя искусства (музыки, в частности) значительна и сравнима с ролью философа. Творящий человек – человек большого таланта, воображения, гибкой восприимчивости действительности. Он раскрывает божественное начало, подражает в своих способах деятельности божеству. Если главный двигатель природы – Бог, то главный двигатель искусства – творец, изобретатель. Искусство несет не просто наслаждение, а божественное наслаждение [7, с. 69].

В мировом развитии музыки и рефлексии над ней эстетики довольно ясно прочерчивается переход от «интенсивной» к «экстенсивной» духовности. Образцовым искусством вплоть до Гегеля считалось античное искусство как искусство меры. Мера в древности предполагает симметрию, соразмерность и является синонимом истины и красоты. Согласно Августину, можно сказать: музыка есть мера, музыка есть наука и музыка есть музыкальное искусство – практика, тем самым выделив три ступени иерархии существования музыки: мера (божественное), идеи (теоретическое), ис-

кусство (практическое) [9, с. 86]. В дальнейшем развитии философской мысли с XIX века при рассмотрении образцов искусства осуществляется переход от ценности меры к ценности *безмерного*, значимости выхода меры в безмерное бытие. Это показательно и для современной эстетики, осуществляющей переход от ценности антиэнтропийной красоты к энтропийному «непрекрасному», или по-своему прекрасному Хаосу.

Поскольку эстетика средних веков была теологична и подчинена христианской догматике, то прекрасное видимого мира – в природе, искусстве, человеке – понималось как символ божественной красоты. Превосходство отдавалось музыке не как виду искусства, а как чувственному проявлению божественной красоты, и лишь в этом смысле она считалась искусством высшего Творца. Именно в музыке, как в мироздании, виделось единство гармонии, пропорции, порядка.

В эстетике Возрождения божественная красота воспевалась в телесности, в реальной жизни, самой Природе. В учении Джозеффо Царлино (1517–1590) видны неоплатонические черты. В трактате «Установление гармонии» он писал, что весь мир наполнен гармонией и что сама душа мира есть гармония. Согласно Ю. Н. Холопову, Царлино и Мерсенн были последними, кто имел в виду единство музыкальной и всеобщей гармонии, видел жизнь музыки как воплощение мировой гармонии в живую ткань музыкальных организмов. По его словам, начиная с Нового времени, рационализация музыкальной теории, особенно в эпоху Просвещения, повлекла за собой нарушение равновесия между духовным содержанием и звуковой, физической стороной музыки в пользу последней [11, с. 98].

В Новое время и в эпоху Просвещения музыкальная эстетика носила характер, с одной стороны, антропологический, в своей обращенности к человеку, с другой –

рационалистический. Была еще и третья сторона – трансцендентальная. Идеи Канта приводят к мысли о том, что эстетическое как незаинтересованное, непрактическое, ценностное отношение к произведению искусства, как прекрасное для человека трансцендентально восходит к сверхчувственному – к идеям красоты, добра, истины; с другой стороны, эстетическое суждение, выражаясь посредством искусства, выступает как феномен культуры.

В связи с духовностью принципиально важно выяснить также вопрос о том, что если она неразрывно связана в человеке с обращенностью к Абсолюту или, в пантеистическом варианте, к Бесконечности, то, на какое реальное познавательное начало человека опирается постижение этих запредельных сущностей. В ответе на этот вопрос в философии. Эстетике, культурологии нет разночтений. Оно опирается на *способность воображения*, фантазию. Так думали и писали по этому вопросу Ф. Шлегель, С. Кьеркегор, Н. А. Бердяев, современный представитель философской антропологии Е. Финк, экзистенциалист Ж.-П. Сартр, протестантский теолог В. Панненберг и др. Культуролог Э. М. Голосовкер в работе «Логика мифа» (1987), написанной еще в 1930-е годы, ввел понятие «имажинативного абсолюта». Но наиболее четко выразил мысль о связи чувства бесконечности и феномена духовности со способностью воображения современный исследователь-эстетик В. Д. Диденко. Он пишет: «...воображение предстает в онтологическом своем содержании как способ существования духа, самой духовной культуры, ибо только воображение в наибольшей степени синтезирует в себе весь ансамбль творческих потенций субъекта (эмоции, разум, волю), все уровни психической реальности (подсознание, сознание, сверхсознание) и является наиболее полным выражением всех основных свойств духовного – его творческой природы, устрем-

ленности к должному, идеальному, новому бытию, прорыв за пределы рационального... к новому уровню свободы. Другими словами, именно через воображение происходит превосходение человеком самого себя и естественных, заданных наличным бытием условий жизни, создание той второй “очеловеченной” действительности, которая и есть духовная культура, сердцевиной, квинтэссенцией которой является искусство...» [2, с. 123–124].

Именно посредством воображения реализуется глубинное постижение духовных элементов бытия, скрытых от чисто рассудочной, рациональной познавательной способности человека. И именно на музыку в первую очередь проецируется наблюдение В. Д. Диденко о сущности художественного творчества как усмотрении недоступных рассудочному познанию пластов бытия. «Ценность творчества художников, – отмечает он, – заключается в обнаружении за порогом событий повседневной жизни глубинных таинств мироздания, несоизмеримых в своей необъятности масштабу отдельного субъекта, и выражение в творческом акте неизъяснимо бесконечного, неожиданно парадоксального, переживаемого, но не понятного многообразия мира, неких высших сил сущего» [2, с. 99]. Более того, **ориентированность искусства на абсолютное, идеальное, совершенное** потому и обладают непреходящей культурной ценностью, что воплощают в себе не ставшее бытие и знание о нем, а само становление бытия и сознания в противоречивой дихотомии познанного и неизвестного, явного и таинственного, действительного и возможного, конечного и бесконечного.

Вся история музыки, как писала Е. Ручьевская, показывает, что в основе ее прогресса было завоевание новых областей содержания, открытие новых способов отражения, новых явлений жизни и новых сторон духовности в человеке [7, с. 497].

Это означает, что искусство, в том числе музыка, аккумулируя в себе внерациональные и рациональные уровни психической активности субъекта, обладает способностью выражать как глубинные, еще не познанные слои субъективной реальности, так и отражать объективное бытие во всей многомерности и непознанности. В. Н. Холопова подчеркивает, что именно духовные аспекты музыки проецируются на временные и высотные отношения, порождая определенные структуры. Общим для музыкальных произведений является духовно упорядочивающая («гармонизирующая») художественная деятельность, которая проецирует себя в сферу звукового материала, адекватно организуя его свойства с целью максимальной объективизации духовных актов [11].

Не осталась в стороне от осмысления темы духовности и оригинальная русская мысль. Как полагает П. А. Флоренский, в начале XX века и притом на русской почве осуществлялась плодотворная встреча православной философии искусства в ее последней, завершающей стадии с одной из существенных тенденций европейского художественного авангарда – устремленностью к духовности в искусстве, к поискам сущностного, идеального, надмирного, абсолютного и путей его наиболее адекватного выражения в художественной материи [1, с. 217].

Музыка наиболее эксплицитно выражает также пока еще не познанное в достаточной мере «эмоциональное мышление», как «инструмент», позволяющий проникать нам в духовные пласты бытия. В истории эстетической и художественной мысли достаточно наблюдений, подтверждающих этот тезис. Гегель определял музыку как искусство чувства, которое непосредственно обращается к самому чувству. Музыка постигает сферу чувств – их внутренний смысл, приводя в движение сердце и душу как концентрированный центр всего человека. Мелодия мыс-

лится Гегелем как свободное звучание души в сфере музыки.

В эпоху романтизма экзистенциальная жизнь человеческого духа приобрела высочайшую ценность в глазах художников-романтиков и утонченной публики того времени, поскольку представляла собой неповторимый внутренний мир личности в отличие от безличного разума, претендующего на познание бесстрастно-объективное, не затрагивающее душу человека. Понимали романтики эту эмоциональную жизнь как сокровенное достояние индивидуального «Я», подобно фихтеанцам иенской школы, или как Абсолютную Волю А. Шопенгауэра, оторванную от индивидуума и превращенную в божественную сущность мира. В XIX веке музыка стала с равным успехом выражать лирическую исповедь страдающей души и создавать эпические картины «шестивия богов» или «полета валькирий». Существенно в обоих случаях, что и погружение в таинственные недра души лирического героя, и воссоздание мифологического образа бытия имело эмоциональную природу; истинный романтик мог бы, полемизируя с Декартом, провозгласить: «Я чувствую, переживаю, страдаю, следовательно, существую!». По убеждению Э. По, «именно в музыке душа находит наиболее высокую цель, в которой она стремится достичь под влиянием поэтического чувства – создание высшей красоты» [5, с. 183].

Подведем итог сказанному. Неоднократно отмечалось, что музыка, как самодостаточная субстанция, обладает двойственностью. С одной стороны, музыка как музыкальная мысль аскетична, глубинна, «покойна», неизменна. Отсюда идея религиозного, универсального смысла в музыке, которая прослеживается в высказываниях современных русских композиторов (С. А. Губайдуллина, Г. В. Свиридов). Выше музыки – аскеза (молитва). В музыке человек общается с самим собой, в молитве – с Богом. По словам

А. Ф. Лосева, из всех молитв лишь музыка по значению приближается к «умной молитве», а саму молитву он называл «музыкой небесной любви», говорил о принадлежности музыки к Божественной сфере: музыка, по его словам, есть сфера абсолютной Личности [9, с. 493]. Эта тема на специальном языке развивается В. Медушевским. Смысл музыки в его работе «Интонационная форма музыки» понимается как подлинная глубокая жизнь духа, когда духовные энергии веры, надежды, любви, вливаясь в звуки, несут человеку особую энергию. С другой стороны, музыка воспринимается как чувственная реальность, связанная с душевным началом. Гениальный дар П. И. Чайковского проявился именно в раскрытии душевного мира человека, в обращении к вечным человеческим ценностям, морально-философским проблемам. У него получило предельное выражение раскрытие общечеловеческих душевных стремлений, внутреннего мира человека, его жизни и смерти.

Все это означает, что музыка может восприниматься как эстетически, так и религиозно. При этом катарсис есть то очищающее и возвышающее чувство, которое объединяет эстетические и религиозные начала музыки. Но как это может сочетаться? Удовлетворительное объяснение этой давно отмечаемой двойственности музыки и такого же двойственного ее воздействия на человека мы видим в заявленной выше идее существования двух модусов духовности – теистической и пантеистической. Соответственно, выражаются они в существенно различающейся по глубинной природе и характеру музыке – эйдетической и романтической. Это различие имеет принципиальное значение, когда мы обращаемся к социальной стороне функционирования музыки и музыкальной культуры, в частности, к вопросам становления, или даже «формирования», духовности человека, его духовно-нравственных качеств.

Литература

1. Бычков В. В. Русская теургическая эстетика. – М.: Ладомир, 2007. – 743 с.
2. Диденко В. Д. Духовная реальность и искусство: Эстетика преображения. – М.: Беловодье, 2005. – 288 с.
3. Дильтей В. Собрание сочинений: в 6 т. / под ред. А. В. Михайлова и Н. С. Плотникова. – М.: Три квадрата, 2004. – Т. 3: Построение исторического мира в науках о духе / пер. с нем.; под ред. В. А. Куренного. – С. 10–413.
4. Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. – СПб.: Аксиома, новатор, 1996. – XL, 232 с.
5. Заховаева А. Г. Девальвация личности: откуда черпать человеческое? // Философия и общество. – 2005. – № 3. – С. 110–120.
6. Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. – М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1993. – 224 с.
7. Коломиец Г. Г. Ценность музыки: философский аспект. – 2-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 536 с.
8. Лосев А. Ф. Музыка как предмет логики // А. Ф. Лосев. Из ранних произведений. – М.: Правда, 1990. – 550 с.
9. Миненко Г. Н. Эволюция и революция в культурно-исторической динамике человека. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. – 327 с.
10. Суханцева В. К. Музыка как мир человека. От идеи вселенной – к философии музыки. – Киев: Факт, 2000. – 176 с.
11. Холопова В. Н. Музыка как вид искусства. – СПб.: Лань, 2000. – 320 с.
12. Шлейермахер Ф. Речи о религии. Монологи: пер. с нем. – М.-К.: Refl-book – ИСА, 1994. – 417 с.

УДК 008

Е. В. Седина

ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА В КОНТЕКСТЕ МИФОПОЭТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

В статье рассматривается М. Ю. Лермонтов как субъект и творец культуры. Изучение мира поэта требует применения различных методов и подходов. Особый акцент делается на мифопоэтический подход как соответствующий символическому характеру мифотворческой деятельности человека в культуре.

Ключевые слова: М. Ю. Лермонтов, картина мира, мифопоэтический подход, личность, культура, творчество, мистицизм.

Е. V. Sedina

FEATURES OF CREATIVE THINKING OF M. Y. LERMONTOV IN THE CONTEXT OF MYTHOPOETIC APPROACH

In article M. Y. Lermontov as the subject and the creator of culture is considered. Studying of the world of the poet demands application of various methods and approaches. The special accent becomes on mythological poetic the approach, as corresponding to symbolical character mythological activity of the person in culture.

Keywords: M. Y. Lermontov, a world picture, mythological poetic the approach, the person, culture, creativity, mysticism.

Культура как система всеобщих принципов смыслообразования и самих феноменологических продуктов этого смыслообразования, в совокупности определяющих иноприродный характер человеческого бытия [13, 10], выполняет важнейшее свойство – быть картиной мира, определенной сеткой образов и значений, через которую мы воспринимаем окружающий мир. Как образ и картина мира культура представляет собой упорядоченную и сбалансированную схему космоса и является той призмой, через которую человек смотрит на мир. Она выражается через философию, литературу, мифологию, идеологию, а также в поступках людей [2, с. 191].

Понятие культуры личности является основополагающим для понимания культурных процессов, т. к. о реальной целостности культуры можно говорить только применительно к конкретной личности. Личность является основным носителем культуры, и потому все более крупные культурные объединения (культура общества, нации, региона и т. п.) являются производными от культуры личности. Культура личности представляет собой синтез из особенностей национальной культуры, менталитета, индивидуальных культурных особенностей.

Понятия ценности и ценностной ориентации в мире культуры являются одними из ключевых, т. к. ценность составляет ее сущность, поэтому культуру можно представить как систему ценностей. Категория ценности формируется в сознании человека через сравнение разных явлений. В общем виде ценность можно определить как нечто такое, без чего данная культура оказывается ущербной, эмоционально дискомфортной. Применительно к культуре личности можно сказать, что ценность есть то, без чего существование этой личности полностью или частично теряет свой смысл. Система конкретных

ценностей и тип эмоционально-ценностной ориентации – первое, что необходимо установить при анализе той или иной культуры [3, с. 118]. Аксиологический (ценностный) подход связан с изучением культуры как совокупности ценностей, которые понимаются как идеалы, к достижению которых стремится данное общество. Нужно отметить, что особенностью русской культуры и литературы является то, что они формировались под мощным тысячелетним воздействием христианских ценностей в органичном синтезе со славянством. Эта особенность русской культуры отражена и в творчестве М. Ю. Лермонтова.

Аксиологический подход подчеркивает противоположность культуры природе, а также то, что все ценности существуют лишь по отношению к человеку, поэтому при данном подходе все изучаемые феномены соотносятся с человеком, его потребностями и интересами.

Культура, как система ценностей, бытует в четырех сферах: быт, идеология (включающая в себя такие формы, как философия, политика, этика и др.), религия и художественная культура (искусство). Художественная культура представляет собой совокупность процессов и явлений духовной практической деятельности, которая создает, распространяет и осваивает произведения искусства и материальные предметы, обладающие эстетической ценностью.

Содержательное ядро художественной культуры представлено искусством (включая художественную культуру) как одним из важнейших механизмов познания феномена человека и окружающего его мира. Искусство фиксирует мир воображаемых реальностей (или наблюдаемых, но подвергнутых субъективной авторской интерпретации), построенных таким образом, чтобы привлечь внимание людей на тех нравственных, этиче-

ских, эстетических и иных проблемах, которые актуализируются в данном произведении [6, с. 536].

Характерной особенностью любой культуры (культуры личности или культуры общественной группы) является создание картины мира и осмысление человека в нем. Разные виды культурного сознания по-разному формируют картину мира. Для выявления концепции мира и человека в художественных произведениях требуется интерпретация, т. е. «перевод» с художественного, образного «языка» на язык понятийно-логический. Этот перевод предполагает не столько знание о каком-то феномене, сколько его понимание. Именно понимание феномена предполагает герменевтический подход, в рамках которого изучение культурных объектов как неких текстов, говорящих своим языком, основано на понимании феномена и на проникновении в его сущность.

В творческой деятельности художника создается уникальная единственная в своем роде картина мира, потому как, по утверждению В. И. Тютю, «деятельность художника состоит в сотворении новых образов жизни, новых форм ее восприятия в воображении. Эстетическая по своей природе деятельность художника оказывается сотворением – беспрецедентным созданием» [7, с. 29], что сближает ее с мифосознанием и мифотворчеством.

Сама суть человеческого существования в мире заключается в том, что он делает окружающий его мир иным по сравнению с тем, каким он ему дается при рождении. Человек создает мир, которого не было при его рождении, в творческом акте он выходит за пределы данного при рождении мира, и тем самым творит мир культуры. Результатами культурной деятельности человека становятся символы.

Отличительной особенностью М. Ю. Лермонтова как личности и художника является

его мистическое мировидение. Как для всякого человека совершенно естественно видеть, слышать, осязать, так для Лермонтова совершенно естественно воспринимать и понимать мир мистически.

Мистицизм наполняет и организует поэтический мир Лермонтова, символически расширяя горизонт реальности: воспроизводимая им реальность приобщена к каким-то иным пластам жизни, зачастую она служит внешним определением для более глубоких тем и переживаний. Символизация действительности является выражением мучительного напряжения внутренней жизни через ее соучастие в жизни мировой. В мире Лермонтова явления живой и неживой природы поставлены в рамки человеческих отношений и живут по человеческим меркам («На севере диком», «Утес», «Спор»). Порой в иносказательных пейзажах олицетворение представляет рассказанное как задушевное признание, чем достигается эффект многозначительной углубленности. Человек-сосна, человек-утес, человек-листок – спутники лирического героя, с ними повествователь делит свое настроение [5, с. 784]. Путем символизации поэт проецирует свою внутреннюю трагедию вовне, расширяя ее до общемирового действия.

Мистическая основа творчества Лермонтова соответствует символическому характеру мифотворческой человеческой культуры. «Предметы становятся символами во взаимодействии с человеком, который, вкладывая в них свою душу, буквально творит их по образу и духу своему, делает символической всю человеческую культуру. И в этом смысле человек с полным правом может быть назван существом символическим – существом, являющимся символом и создающим символы» [9, с. 95]. Потому картину мира можно определить как «духовное в своей основе представление, данное в про-

цессе внутреннего освоения человеком всей полноты окружающего бытия. Картина мира представляет мир как некую упорядоченную целостность» [9, с. 101].

В современной отечественной культурологии и литературоведении проблема осмысления аксиологической составляющей художественного творчества и литературного процесса с точки зрения традиционных духовных ценностей методологически актуальным делает мифопоэтический подход для интерпретации художественного творчества и культурной традиции как мифотворчества.

Мифопоэтический аспект, по словам И. П. Бражникова, предполагает «прежде всего, *архетипическое* и *символическое* в произведении и его составляющих: композиции, сюжете, образах, т. е. это один из самых глубоких уровней художественного текста, на котором прослеживается его связь не только с близкими ему явлениями литературного ряда, но также и “отдаленные” связи с мифологией, произведениями религиозной и философской мысли и – шире – с контекстом всей мировой культуры» [1, с. 3].

Термин «мифопоэтика» определен в работах многих исследователей, в частности: И. П. Смирнова, С. Н. Телегина, В. Н. Топорова, М. Е. Мелетинского, Л. Э. Голосовкера, С. С. Аверинцева, Н. О. Осиповой¹ и др. Следует сослаться на точку зрения Н. О. Осиповой, которая обозначила мифопоэтику как «творческую, личностную и жизнетворче-

скую систему художника, основанную на художественно мотивированном обращении к традиционным мифологическим схемам, моделям, сюжетно-образной системе и поэтике мифа и обряда, в том числе и созданию «неомифологических» текстов [12, с. 5].

Вместе с тем, необходимо уточнить, что под термином «мифопоэтика» понимается и метод исследования таких явлений литературы, которые «ориентированы на мифопоэтические модели с целью проследить их генезис, развитие и функции в создании целостной картины мира, трансформацию традиционных образов, что позволяет исследовать широкие интертекстуальные связи» [12, с. 5]. Т. е., текст, ориентированный на мифопоэтическую традицию, – это текст, где структурно-семантические компоненты, взаимодействуя, складываются, выражая основные принципы построения мифологического повествования. Уровни структуры текста: сюжетно-композиционный, пространственно-временной, уровень авторского присутствия, уподобляются уровням структуры мифа, а значит, его сюжету, времени и т. п. И произведение, являющееся моделью мира, несущее, по словам исследователей, «образ мира» – «художественный аналог всей человеческой жизни, сконцентрировавший в своей образной плоти постигаемый художником эстетический смысл жизни» [4, с. 315], представляет картину мира, обладающую устойчивыми признаками картины мира мифологической.

Мифопоэтика художественного сознания может проявляться по-разному. Проявления мифопоэтики «могут быть связаны с фольклорно-мифологической традицией (славянская, античная, скандинавская, древнеиндийская и другие системы мифов), с сакрализованными текстами (религиозная, апокрифическая, житийная традиция), с собственно культурными текстами (Пла-

¹ Смирнов И. П. Место «мифопоэтического подхода» к литературному произведению среди других толкований текста // Миф – фольклор – литература. – Л., 1978. – С. 186–192; Мелетинский Е. М. О литературных архетипах // Чтения по истории и теории культуры. – М., 1994. – Вып. 4; Голосовкер Я. Э. Логика мифа. – М., 1987; Аверинцев С. С. София-Логос. – Киев, 2000; Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М., 1995; Телегин С. Н. Философия мифа. Введение в метод мифореставрации. – М., 1994; Осипова Н. О. Мифопоэтика творчества М. Цветаевой. – Киров, 1995.

тон, Данте, Гете, Пушкин, Достоевский и др.)» [12, с. 7].

Мифопоэтический анализ призван творчески воссоздать архаические, абстрактно-логические схемы, которые сознательно или бессознательно усваиваются конкретным художником и воспроизводятся им в той или иной художественной модели бытия. Поэтому использование мифопоэтического подхода к исследованию творчества М. Ю. Лермонтова позволит выявить специфику художественного воплощения мифологического содержания в его творчестве.

Мифология в мифопоэтике понимается не как система мифов, а как особый тип мышления, мифологическое мышление, которое гораздо шире и универсальнее религиозного мышления в способе постижения мира, где главная «сюжетная линия» – борьба Хаоса и Космоса, тождество макро- и микрокосмоса. И таким образом складывается модель мира, главным свойством которой является «все-сакральность».

Представления о мире и человеке – это в любом случае представления о мироустройстве, миропорядке, подразумевающим некоторую упорядоченность мира, подчинение его определенным законам и закономерностям (это не противоречит теории рассмотрению бытия как абсолютного хаоса, поскольку сама идея хаоса рождается из первоначальной идеи порядка и представляет собой «миропорядок со знаком минус»). Семантическое содержание в мифопоэтической картине мира формируется через систему мифологем и их бинарных оппозиций, которые охватывают структуру времени, пространства, общества и культуры.

Нужно отметить, что «бинарность является типологической особенностью русской культуры» [8, с. 61]. Эту особенность национальной культуры наследует художественный мир М. Ю. Лермонтова. В мире поэта

противопоставляются жизнь/смерть, судьба/воля, время/вечность, человек/среда, человек/природа, я/другие, добро/зло, буря/покой и др. Все они отражают лермонтовское представление о трагическом бытии человека в мире.

Ю. М. Лотман отмечает как устойчивую константу лермонтовского мира абсолютную полярность всех основных элементов, составлявших его сущность. Можно сказать, что любая идея получала в сознании Лермонтова значение только в том случае, если она, во-первых, могла быть доведена до экстремального выражения и, во-вторых, если на другом полюсе лермонтовской картины мира ей соответствовала противоположная, несовместимая и непримиримая с ней структурная экстрема [11, с. 201]. В мире М. Ю. Лермонтова основными бинарными оппозициями являются человек/Бог, сакральное/профанное, я/другой.

Нужно отметить, что создание концепций миропорядка вытекает из самой сущности культуры, которая рождается из противоречия «я – мир». Следовательно, найти организующую идею или принцип миропонимания и найти свое место в нем – чисто человеческая, притом именно культурологическая (а не философская) потребность. Картина мира в творчестве М. Ю. Лермонтова организуется принципом двоемирия, который проявляется в ярко выраженном противопоставлении неба и земли.

У мифопоэтики как метода исследования есть ряд теоретических понятий, являющихся базовыми для анализа текста. Главными исследователи считают мифологическое мышление, мифопоэтическую модель мира, мифологему, архетип. Архетипы и мифологемы, являясь главными составляющими мифопоэтического мышления, в художественном творчестве реализуются в системе символов и других поэтических категориях, выполняя

функции универсализации и репродуцирования всеобщего в частном, в данном случае, в литературном тексте.

Мифопоэтическая картина мира в художественном творчестве представляет собой сложное образование. Она формируется под влиянием мировой мифологии, отражает универсальные понятия, представления о стихиях, организацию пространства и времени, мифологическую логику. Миф как мироощущение проявляется в творчестве Лермонтова в ориентации в качестве моделирующей системы на мифологическое мышление через основные признаки: отождествление микро- и макрокосмоса, бинарность, мифологическое символизирование, мифологическую логику организации действия. Помимо мировой мифологии на формирование мифопоэтической картины мира влияет национальная картина мира. Особенностью русской национальной картины мира является органичное слияние славянского и христианского начал, что находит отражение в картине мира Лермонтова. Картина мира поэта образуется христианским представлением об изначальной гармонии всего мира. Сюжетным элементом лермонтовского мифа об участии человека в мире является архетипический сюжет странствия, получающий у поэта значение поисков смысла жизни. Помимо этого сюжета уже в юношеской лирике постоянным мотивом творчества М. Ю. Лермонтова становится осмысленная в романтическом ключе притча о блудном сыне, возвращающемся к Отцу. Эти основные сюжеты дополняются другими мифологическими сюжетными элементами: обряд инициации, покупка души дьяволом, мотив оборотничества и др.

Человек как субъект и творец культуры способен к мифотворчеству. Но следует оговориться, что творить мифы может лишь творческая личность, художник. Одной из таких личностей в художественной

культуре XIX века был М. Ю. Лермонтов. Каждая поэтическая мифология неразрывно связана с личностью своего творца. Картина мира несет в себе яркие черты своего создателя. Об этом говорит А. Ф. Лосев «...каждому человеку свойственна такая специфическая интуиция, рисующая ему мир только в каком-то особенном свете, а не как-нибудь иначе. <...> В каждом человеке можно заметить, как бы ни была богата его психика, эту одну общую линию понимания вещей и обращения с ними. Такая линия свойственна ему, и никому больше. На любом писателе это можно проверить и показать». По уточнению философа, «это действительно взгляд, но не на ту или иную вещь, а взгляд вообще на бытие, на мир, на любую вещь, на Божество, на природу, на небо, на землю... и даже, собственно, не взгляд, а какая-то первичная реакция сознания на вещи, какое-то первое столкновение с окружающим» [10, с. 70].

Результатом творческого акта в искусстве являются творение и творец. Художник создает творение, творение, в свою очередь, создает творца. Многообразная символика поэтического текста неуловимо несет в себе печать личности своего создателя. Творчество каждого художника незримой вязью характерных мотивов, сюжетов, символики, тем, героев организуется в индивидуальную целостную мифологию поэта. Произведения Лермонтова узнаваемы по обязательной эмоциональной напряженности, зачастую – перенапряженности, чрезвычайной интенсивности, антитетичности мысли, образа, чувства, постоянной активности жеста, перенасыщенности цвета и ритма, по его характерным темам: свободы и воли, действие и подвиг, одиночество, странничество, изгнание, память и забвение, обман, мщение, покой, земля и небо, сон, игра, путь, время и вечность, любовь, смерть [5, с. 358].

Система таких постоянных, повторяющихся, организующих элементов, или инвариантных, проходящих через все творчество поэта мотивов, образует индивидуальную поэтическую мифологию, мифопоэтику творческого мира. Это позволяет рассмотреть картину мира поэта как индивидуально-авторскую мифологию, т. к. «любой отдельно взятый

миф (или группа мифов) раскрывает в образной форме вполне определенный смысл. Тогда мифология в целом (как региональная, так и мировая) может быть охарактеризована как символически выраженная картина мира – смысловая картина, но выраженная через образы», в том числе литературные [9, с. 248].

Литература

1. Бражников И. А. Мифопоэтический аспект литературного произведения: автореф. дис. ... канд. филол. наук по специальности 10.01.08. – М., 1997. – 20 с.
2. Садохин А. П., Грушевицкая Т. Г. Культурология. Теория культуры. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 365 с.
3. Есин А. Б. Литературоведение. Культурология. Избр. тр. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 352 с.
4. Лейдерман Н., Липовецкий М., Барковская Н., Ложкова Т. Практикум по жанровому анализу литературного произведения. – Екатеринбург, 2000. – 567 с.
5. Лермонтовская энциклопедия. – М.: Советская литература, 1981. – 784 с.
6. Новейший философский словарь. – 3-е изд., испр. – М.: Книжный дом, 2003. – 1280 с.
7. Тюпа В. И. Анализ художественного текста. – М.: Изд. центр «Академия», 2006. – 336 с.
8. Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 687 с.
9. Косарев А. Ф. Философия мифа: Мифология и ее эвристическая значимость. – М.: ПЕРСЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. – 304 с.
10. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Философия. Мифология. Культура. – М., 1991. – 480 с.
11. Лотман Ю. М. Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова // Лермонтовский сборник. – Л.: Наука, 1985. – 379 с.
12. Осипова Н. О. Мифопоэтика творчества М. Цветаевой. – Киров, 1995. – 221 с.
13. Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 376 с.

УДК 008

Е. Е. Леонов

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОЯВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ШКОЛЬНЫХ МУЗЕЕВ В РОССИИ: ПЕРИОДИЗАЦИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ

Автор статьи предлагает свою периодизацию по истории школьных музеев России, согласно которой описывается процесс появления и дальнейшей деятельности школьных музеев. В работе обстоятельно показана не только история появления школьных музеев, но также их роль и значение в образовательном процессе на разных этапах исторического развития. Также описываются проблемы школьных музеев в контексте их исторической специфики.

Ключевые слова: школьные музеи, сеть школьных музеев, периодизация, этапы деятельности школьных музеев, положение о школьном музее.

E. E. Leonov

HISTORICAL ASPECT OF OCCURRENCE AND DEVELOPMENT OF SCHOOL MUSEUMS IN RUSSIA: THE PERIODIZATION, PROBLEMS, FEATURES OF WORK

The author of article offers the periodization on stories of school museums of Russia according to which process of occurrence and the further activity of school museums is described. In work it is in details shown not only history of occurrence of school museums, but also their role and value in educational process at different stages of historical development. Also problems of school museums in a context of their historical specificity are described.

Keywords: school museums, a network of school museums, a periodization, stages of activity of school museums, position about a school museum.

История появления школьных музеев в России имеет свои особенности и закономерности, которые частично исходят из появления музеев других профилей в стране. Проанализировав исторический аспект организации школьных музеев в России, мы предлагаем следующую периодизацию, на основе которой рассматриваем историю школьных музеев в целом.

Периодизация деятельности школьных музеев России:

I. Вторая половина XVIII – вторая половина XIX века – зарождение школьных музеев;

II. Начало XX века – 1917 год – подъем школьного музейного дела;

III. 1918 – конец 1920-х годов – «большевизация» школьных музеев;

IV. Начало 1930-х – 1940-е годы – расцвет краеведения в школьных музеях;

V. 1950–1970-е годы – формирование сети школьных музеев;

VI. 1970–1980-е годы – развитие и массовое создание школьных музеев;

VII. 1990-е годы – кризис школьного музейного дела;

VIII. Вторая половина 1990-х – начало XXI века – возрождение школьных музеев.

Первый этап связан с появлением школьных музеев в России, который приходится

на вторую половину XVIII века, что связано с несколькими факторами.

Вторая половина XVIII – начало XIX века характеризуется глубокими сдвигами, прежде всего в экономической жизни России. В этот период происходит рост товарности сельского хозяйства, развитие капиталистических форм промышленности, формирование классов капиталистического общества, расширение внешнего и внутреннего рынка – все это в полной мере знаменовало развитие капиталистических отношений в недрах крепостнической системы хозяйства [11, с. 159].

В этот период экономические вопросы стали особенно привлекать к себе внимание общества. Одним из проявлений этого интереса было интенсивное изучение России в экономическом и географическом отношениях, проводимое путем анкетных обследований, топографических описаний наместничеств и губерний в 80–90-х годах XVIII века, организации географических, правительственных и академических экспедиций [11, с. 160].

Именно с началом географического и экономического исследования Сибири связано появление первых музеев в этом крае. Во второй половине XVIII века появились первые общественные музеи в Сибирском

крае. Первый музей в Сибири был открыт в 1782 году в Иркутске при городской школе (сама школа была открыта в 1781 году). Организаторами и главными деятелями музея были корреспондент Академии наук, натуралист А. М. Карамышев, ведавший библиотекой, и почетный член Академии наук Э. Лаксман – минеролог, химик и ботаник, с 1764 года путешествовавший по Сибири. История музея, по сути, началась с того, что Лаксман во время своих поездок составил минералогические и ботанические коллекции, часть из которых была положена в основу первого Иркутского и первого школьного музея России [11, с. 160–161].

История организации библиотеки («книгохранительницы») и состоявшего при ней музея изложена в «Предуведомлении» об их открытии и в правилах пользования библиотекой и музеев, составленных в 1728 году. В постройке здания для библиотеки принимали участие местные жители. Книги «русские и иноязычные» были выписаны из Петербурга через Академию наук [11, с. 161].

Затем возникла мысль «снабдить сию книгохранительницу математическими, физическими и земледельческими орудиями», а также «всеми находящимися в сей губернии ископаемыми, произрастениями и животными» [11, с. 161].

В библиотеке и находящемся при ней музее в 1782 году находились: «отменного искусства телескоп», «новейшего изобретения электрическая машинка», «орудия приготовления целительных искусственных вод, толико в здешнем крае нужных», модели «как водоходным здешним судам, так и фабрикам», «разные породы земли, камня, соли, горючести и металлические руды». Главной особенностью первого школьного музея было то, что он был полностью доступен для обозрения [11, с. 161].

В правилах пользования «книгохранительницей» отмечалось, что из «естествен-

ных произведений никому ничто в дом не дается, но довольствуются любители и знатоки единственным зрением в книгохранительнице» [11, с. 161].

В конце 80-х годов XVIII века, после отъезда из Иркутска организаторов музея Карамышева и Лаксмана, музей пришел в упадок. Остатки его в 1789 году были переданы Главному народному училищу, а в 1805 году – вновь организованной Иркутской губернской гимназии. Последнее крупное поступление в музей относится к 1804 году, когда ему был передан приобретенный после смерти Э. Лаксмана «натуральный кабинет», содержащий 300 штучек минералов и 860 раковин. Именно иркутский музей естественных произведений при городской школе принято считать первым школьным музеем России [11, с. 161].

Стоит отметить, что школьные музеи в конце XVIII – начале XIX веков только начинают входить в образовательный процесс, но, несмотря на появление нового типа музеев, они уже приобретали признание как элемент в образовательной цепочке.

В 1825 году графиня Строганова при содействии Вольного экономического общества открыла школу, задача которой была дать образование в области сельского хозяйства, горных дел и ремесел. Эта школа просуществовала до 1844 году. Есть основания предполагать, что были попытки организовать при ней музей. Во всяком случае, в 1846 году при ее ликвидации, ученый комитет Министерства государственных имуществ разрешил начальнику лесного института приобрести у этой школы «для Музеума Лесного и Межевского института» коллекцию скелетов животных [9, с. 25].

В XIX веке Московским обществом была открыта земледельческая школа, при которой в 1842 году был открыт музей. При этой школе составлялись кабинеты мо-

делей земледельческих орудий и машин, собрание минералов, хлебных семян, растений, строительных материалов и другие пособия. Музей был достаточно известен. Ученики его очень любили, а учителя им гордились, поскольку до этого практически не было хорошо организованных музеев при школах подобного профиля [9, с. 33].

Подъем и расцвет российского школьного музееведения приходится на XX век, когда школьные музеи получают соответствующие программы, а процесс образования музея вызывает огромный интерес. Именно начало XX века мы выделяем как *второй этап* в истории школьных музеев России [9, с. 26].

В 1910 году был открыт Родиноведческий музей с. Атмисс Самарской губернии, который известен тем, что он был образован при начальной школе и уже имел существенное значение в системе школьного образования. В 1914 году в Царицыне открывается Музей общества содействию внешкольному образованию. Хотя его и нельзя считать школьным музеем, но он привлекает к себе внимание тем, что уровень его организации и высокие ставящиеся цели сыграли большую роль в становлении будущих музеев при школах. В 1915–1916 годах в Волчанске (Харьковская губерния) был открыт Музей Волчанского общества образования [12, с. 223].

После прихода большевиков к власти открывается много новых школьных музеев. Этот период мы выделяем в качестве *третьего этапа* развития школьных музеев. Первым после смены власти был открыт Камчатский музей местного края при школе II степени в 1918 году. Музей был неплохо оборудован, а последние указания В. И. Ленина об организации музеев и бережном их хранении послужили хорошим стимулом к поиску музеем новых путей преобразования. Также в 1918 году был открыт Шурминский школьный музей [9, с. 27–28].

О том, что школьные музеи только начинают развиваться и играть роль в образовательном процессе свидетельствует тот факт, что следующий музей был открыт лишь в 1926 году. Это Школьно-краеведческий музей в Иркутске [9, с. 28].

Школьный музей рубежа XIX и XX веков в значительно меньшей степени, чем какой-либо другой, был собранием раритетов. «Под наименованием “школьный музей”, – делится своими соображениями автор Н. А. Хитков, – разумеется, нельзя понимать такое учреждение, где собраны те или иные редкости... В школьном музее они только желательны, но не необходимы... Музей, о котором мы хотим сказать, есть просто собрание коллекций, приборов, картин и вообще всего того, что повседневно употребляется в школе, где введено наглядное преподавание... Потому программа такого музея должна быть самая обширная и многообразная». Всякий предмет мог представлять ценность для такого музея: «камень валяющийся на дороге... коробочка от спичек... старое гнездо птички, шмеля, нарост на дереве, раковина, пуговица», коль скоро он становился объектом пристального наблюдения и средством познания окружающего. Причем особое значение при сборе материалов придавалось связи с местными условиями, с краеведением [14, с. 12–13].

Таким образом, школьный музей был самым непосредственным образом включен в учебный процесс для осуществления наглядного метода, знакомства с действительностью, с требованиями окружающей жизни.

Другой отличительной его особенностью было то, что он являлся, как правило, плодом общих усилий, совместного творчества педагога и учащегося, которые вместе занимались собиранием или изготовлением пособий. Вот одно из свидетельств: «Я учитель. Живая струя увлечений всяческими практическими работами, собиранием коллекций

для школы дошла и до меня. В прошлом году мой коллега, учитель из соседнего села, был на курсах и привез приготовленные им самим препараты и коллекции. Меня это заинтересовало... Эта страсть передалась и ученикам, и теперь не в одной моей школе есть музей, а в нескольких школах есть маленькие музеи, собранные ими же» [16, с. 148]. Музей, следовательно, был способом налаживания контактов, одухотворения взаимоотношений учителя с детьми [1, с. 51].

Помимо того, что музей в школе являлся условием «для воспитания полезных и необходимых для жизни навыков... для возбуждения любознательности, для построения правильных представлений и понятий об окружающей жизни», он служил также «прекрасным побудителем к дальнейшему самообразованию и самого учителя». Иными словами, школьный музей становился для учителя средством поддержания профессионального уровня, того ореола знатока и наставника, который в России имел учитель [1, с. 51].

Развитию школьных музеев способствовали деятели народного образования, которые становились авторами пособий по созданию музеев в школах. Целью таких руководств, как пишет А. И. Гусев, – автор одного из них – было «дать указания по структуре местного школьного музея, способам собирания и монтировке материалов, методике их использования на уроках» [3, с. 6].

Кроме подготовки таких руководств, призванных стать настольной книгой учителя, предпринимались и другие акции, направленные на упрочение статуса школьного музея. Так, систематически организовывались курсы для устроителей подобных музеев, мастерские по изготовлению наглядных пособий, которыми снабжались школы [3, с. 6].

Необходимо, однако, отметить, что практика снабжения школьных музеев готовыми

материалами далеко не всегда находила сторонников. Кажется принципиально важной позиция Б. Надеждина, который считал, что такой музей предполагает активность самого ребенка и объединение учащихся на основе общих интересов, естественно складывающихся во время собирания и изготовления коллекций [3, с. 6].

Школьный музей дореволюционной России в значительной степени был музеем детского творчества и детского труда, выполняя при том задачу образования на основе предметного метода. Таким он и оставался преимущественно до конца 1920-х годов.

Значительные изменения в истории школьных музеев России произошли в период 1930-х годов, когда школа была ориентирована на осуществление идей политехнизации с широким использованием краеведения. Это время можно выделить в качестве *четвертого этапа* развития школьных музеев. В инструкции Наркомпроса РСФСР «Об укреплении работы и связи музеев со школами» (1938) прямо указывалось на необходимость организации выставок, уголков краеведения в школе. Под влиянием этих требований прежний музей наглядных пособий, включавший, конечно, и местный материал, постепенно превращался собственно в краеведческий [16, с. 149].

Этому способствовало, во-первых, туристско-краеведческое движение школьников, которое начинает разворачиваться со второй половины 1930-х годов под руководством специально созданных для этого организаций. В их числе прежде всего следует назвать Центральную детскую экскурсионно-туристическую станцию Наркомпроса РСФСР (возникла вследствие слияния Центральной экскурсионной базы Наркомпроса, руководимой первоначально А. Я. Заксом, с Центральной биологической станцией юных натуралистов). С целью массового раз-

вития школьного краеведения организуются походы по родной стране, первым из которых стал Всероссийский исследовательский поход пионеров и школьников, проводившийся под эгидой ЦДЭТС в 1935–1936 году. Отметим, что и в дальнейшем развитие школьных музеев будет самым тесным образом связано с туристско-краеведческим движением, организацией крупномасштабных экспедиций пионеров и школьников по родной стране [16, с. 149–150].

Результатом этой первой и последовавших вслед за ней акций стало появление в школе конца 1930-х – начала 1940-х годов комплексных музеев краеведения. Однако в эти годы школьный музей еще не стал тем массовым явлением, каковым станет в следующее десятилетие. Именно с расцветом краеведения в школах связан этот исторический период в истории школьных музеев [3, с. 6].

Пятый этап в развитии школьных музеев приходится на 1950–1970-е годы. В это время начинается процесс формирования сети школьных музеев, что связано с новыми тенденциями. В 1956 году ЦДЭТС и газета «Пионерская правда» объявляют Республиканскую туристско-краеведческую экспедицию пионеров и школьников, посвященную 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Вслед за ней последовали и другие, давшие импульс для создания школьных музеев практически всех профилей [16, с. 151].

Если с начала своего возникновения на рубеже XIX–XX веков вплоть до конца 1920-х годов школьный музей создается исходя из потребностей в наглядном преподавании, а в 1930-е и 1940-е годы – в связи с развитием школьного краеведения, то с середины 1950-х годов обозначается новая тенденция: ориентация на государственные музеи [9, с. 29].

Вместе с этим возникают и новые проблемы, которых прежде школьный музей не знал.

Первая из них – определение направления поисково-исследовательской деятельности и выбор профиля. Содействовать решению этой проблемы призвана была Всесоюзная туристско-краеведческая экспедиция «Моя Родина СССР» (1972–1986), которая проводилась под руководством Центральной детской экскурсионно-туристической станции Министерства просвещения СССР (создана в 1971 г.). Каждый этап этой экспедиции, связанный с определенными юбилейными датами в истории страны, обеспечивался определенными экспедиционными заданиями, которые позволяли локализовать поисково-собираТЕЛЬскую деятельность учащихся. Одновременно с этим был организован первый Всесоюзный смотр школьных музеев и проведена их паспортизация, что сыграло «важную роль в упорядочивании сети школьных музеев, их профилей, выработке единых критериев их работы» [16, с. 152].

Подобно другим музеям, школьные начинали строиться по отраслевому принципу. Они имели профили: исторический, краеведческий, естественнонаучный, литературный, художественный, музыкальный, театральный, народного творчества. В школах действительно возникали музеи самых разнообразных направлений, но при этом музеев, посвященных родному краю, землякам и особенно истории школы (что, казалось бы, наиболее соответствует интересам и возможностям их создателей), оказывается отнюдь не большинство. Это являлось следствием того, что музеи в школах создаются порой не в результате обоснованного выбора темы, а по стихийно складывающимся обстоятельствам (желание ветеранов, престиж школы, чрезмерное администрирование вышестоящих органов, увлечения энтузиастов-коллекционеров и т. д.). Аналогичный подход к проблеме выбора профиля и темы демонстрировал главный специалист Московско-

го комитета образования С. В. Евтушенко, который подчеркивал, что «возможность опоры на местный краеведческий материал в образовательном процессе на уровне систематизированной деятельности школьного краеведческого музея в городе еще мало используется» [4, с. 117].

Вторая проблема, вслед за определением профиля и тематики, – это обеспечение полноты коллекции в соответствии с выбранным профилем. Естественно, наиболее остро она стоит тогда, когда профиль музея выбран необоснованно и наблюдается явное расхождение между намерениями и возможностями авторского коллектива. Стремление обеспечить тематическую полноту коллекции (при неумении или нежелании проводить серьезную поисковую и исследовательскую работу) приводило к тому, что многие музеи строились преимущественно на тиражируемом материале. Государственные музеи оказывались буквально заваленными письмами с просьбой «выслать экспонаты» для школьного музея, который оказывался близким им по профилю [4, с. 117].

Этот простой и наивный способ комплектования фондов был в какой-то мере подсказан установкой на копирование «настоящего» музея, однако она же, эта установка, отрицала путь создания в школе музея копий и репродукций. Об этом, в частности, со всей определенностью было заявлено в «Положении о школьном музее», утвержденном Секретариатом ЦК ВЛКСМ, коллежиями Министерства просвещения и Министерства культуры СССР в 1974 году. Согласно этому документу основанием для создания школьного музея являлось наличие «фонда подлинных материалов, соответствующих профилю музея, а также необходимых помещений и оборудования, обеспечивающих хранение и показ собранных коллекций» [16, с. 155].

Этот принцип был усилен в следующем Положении, принятом Министерством просвещения СССР в 1985 году, где сказано: «Школьный музей является тематически систематизированным собранием подлинных памятников истории и культуры и природы», которые «входят в состав музейного фонда и архивного фонда СССР» [10, с. 19].

Установка на подлинность остается в Положениях о статусе школьного музея, которые утверждались в последующие годы. В школьном музее также выдерживается деление фонда на основной (подлинные памятники) и вспомогательный (схемы диаграммы, копии, муляжи). Соответственно этому предметы, сделанные руками детей: те же муляжи и макеты, – расцениваются как малоценные с музейной точки зрения.

Поскольку приоритет в школьном музее, как и в любом другом, отдается подлиннику, возникает, третья, самая серьезная проблема его жизнедеятельности – обеспечение сохранности музейного предмета. Типичной становится ситуация, которую характеризуют в это время следующим образом: «Сбором, хранением и использованием документальных и иных памятников истории и культуры в школьном музее занимаются лица, не имеющие специальной музееведческой, архивоведческой, археографической и т. п. подготовки, что подчас отрицательно сказывается на результатах поисково-собирательной и музейной работы. Имеет место утрата памятников истории и культуры как в результате неумелого обращения с ними в процессе хранения и использования, так и из-за прекращения по какой-либо причине деятельности школьного музея» [16, с. 155].

Для того чтобы решить проблему или хотя бы снизить ее остроту, предпринимаются различные меры. Их цель – подготовить педагогов-руководителей и детей-активистов к профессиональной работе с музейным пред-

метом, включая методику сбора материала, правила оформления учетных документов, научного описания и экспонирования подлинников. Специально этим занимаются детские экскурсионно-туристические станции, которые организуют систематическую учебу руководителей школьных музеев и учащихся. Наряду с этим важнейшим условием жизнеспособности школьного музея признается налаживание его контактов с государственным. Для этого организуются межведомственные советы по координации деятельности государственного и школьного музея, а также музейные комиссии при отделах народного образования, куда наряду с представителями школьных музеев входят работники государственных [16, с. 156–157].

Постепенно складываются весьма разнообразные способы их взаимодействия (постановка на учет в государственном музее основного фонда школьного, организация совместных выставок и экспедиций, участие государственных музеев в паспортизации школьных), а также оказания специалистами методической помощи по всем видам деятельности (консультации, рецензирование тематико-экспозиционных планов и методических разработок, учеба руководителей и активистов, подготовка пособий «В помощь школьному музею», передача дублетных и научно-вспомогательных материалов, старого оборудования и пр.). Конечно, далеко не всегда контакты двух типов музеев носят систематический характер, но в тех случаях, когда они оказываются таковыми, это самым положительным образом сказывается на деятельности школьного: он грамотно комплекзует, описывает, хранит и экспонирует свои материалы [16, с. 157–158].

Шестой этап в истории школьных музеев мы выделяем как период 1970–1980-х годов. К середине 1980-х годов в России сформировалась весьма обширная сеть школьных

музеев – четыре с половиной тысячи. В количественном отношении они стали преобладать над всеми другими группами музеев, образующих структуру музейной сети страны. Из среды школьных выделяются музей-лидеры, которые формируют облик школьного музея этого времени и оказывают влияние на остальные [16, с. 158].

Однако на *седьмом этапе* (начало 1990-х годов) они переживают известный кризис и подвергаются модификациям, связанным с коренными изменениями в общественной и экономической жизни страны. Мы выделяем этот период как восьмой этап в истории школьных музеев России. Часть музеев приходит в упадок либо закрывается, что объясняется сменой идеологических приоритетов (вследствие чего некоторые музеи, прежде всего военно-исторического профиля, теряют актуальность), слабой преемственностью в работе руководителей (на смену энтузиастам 1970–1980-х годов не всегда приходят новые кадры), материальными трудностями и отсутствием правового статуса школьного музея. С другой стороны, некоторым музеям удается не только «выжить» в условиях нового времени, но и отразить его требования и тенденции. Поэтому «кризис» можно расценивать как обретение школьным музеем нового качества. Этот процесс связан с осознанием того, что школьный музей представляет собой открытую систему. Особенность открытой системы являются:

- Школьный музей служит своим создателям. Те, кто создают этот музей (актив, учащиеся и педагоги школы, совет содействия и пр.), являются и его основными «потребителями» или «пользователями». Это отличает его от многих других музеев, которые создаются одной группой лиц (специалисты-музеологи) для другой (аудитория) [2, с. 13].
- Школьный музей интегрирован в учебно-воспитательный процесс: через свои со-

бразия и формы деятельности он связан с изучением конкретных учебных дисциплин и с дополнительным образованием учащихся. Подобная связь существует между школой и музеями других типов, но не является столь тесной и интенсивной. Школьный музей тесно связан с образовательными программами школьных музеев [2, с. 13].

- Школьный музей, более чем какой-либо другой, включен в жизнь местного населения, а «качество жизни» его самого непосредственным образом связано с отношением к нему со стороны местной администрации (включая учебный округ района и методический центр руководства работой музея), а также – близлежащих предприятий и учреждений, местных средств массовой информации и, наконец, жителей района (в том числе и прежде всего проживающих на данной территории родителей учащихся) [2, с. 13].

Актуализация школьного музея как открытой системы связана с четким осознанием следующих позиций.

Создание в школе музея, который мало чем отличается от государственных по содержанию и оформлению, едва ли можно признать главным положительным итогом работы учащихся и учителей. Термин «школьный» должен определять не местонахождение, а специфику музея. Он нужен школе в той степени, в какой оказывается не церемониальным залом, куда приглашают почетных гостей или где проводят торжественные линейки, а побудителем творческой активности детей, способом улучшения и углубления их контактов с педагогом, средством обогащения учебного процесса. Так было в период зарождения школьного музея в России, таковыми должны остаться критерии оценки его деятельности и сегодня.

Школьный музей актуален тогда, когда он не стремится походить на классическое музейное учреждение. А в таком музее цен-

ность музейного предмета определяется его образовательным назначением.

Школьный музей призван оставаться по преимуществу музеем детского творчества и детского труда, а потому ключевыми для характеристики его деятельности должны быть слова поиск – открытие – творчество. Это музей, который создается детьми и одновременно – для детей.

Его специфика в том, что он входит в структуру школы, отвечает ее потребностям. А потому правомерность существования и эффективность деятельности школьного музея определяются, во-первых, степенью включенности в его работу учащихся той или иной школы (по возможности всех, а не только членов актива музея) и, во-вторых, использованием его материалов в учебно-воспитательном процессе (не только учителями-энтузиастами, а всем педагогическим коллективом).

На *восьмом этапе* (вторая половина 1990-х годов – начало XXI в.) **школьные музеи** возрождаются заново и преобразуются в единую сеть, структурируемую в отдельно взятых регионах. В итоге по всей стране открываются новые школьные музеи и воссоздаются старые. Это привело к тому, что в качестве главной цели развития школьных музеев в России считается открытие в каждой школе музея.

Таким образом, можно отметить, что школьные музеи в России насчитывают достаточно долгую историю, но до второй половины XX века они все же создавались крайне нерегулярно, что можно объяснить разными причинами, одной из которых является и отсутствие четкой программы школьных музеев. Положение о школьных музеях появилось лишь в 1974 году, когда музеи при учебных заведениях, и особенно при школах были созданы в большом количестве. Об это говорит статистика. На 1 января 1978 года

было создано 4174 общественных музеев, а на 1980-й год было открыто 3100 школьных музеев, что, конечно же, говорит о широком признании не только среди учащихся и учителей, но и среди простых людей, которым подобные музеи также были любопытны [9, с. 44].

Еще в 1919 году на Первой Всероссийской конференции по делам музеев народный комиссар просвещения А. В. Луначарский подчеркнул, что музеи «должны быть опорой науки» и вместе с тем – «опорными пунктами в великом деле народного образования». С этого времени осуществление образовательно-воспитательных задач советских музеев тесно связано с учебно-воспитательной работой школы. Особую остроту эта проблема приобрела в первой половине 30-х годов в связи задачами в области учебной, идеологической, пропагандистской работы на новом этапе социалистического строительства – индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства [9, с. 19].

В партийных и правительственных постановлениях о перестройке учебного процесса в начальной, средней и высшей школе (1931–1936) указывалось на необходимость усиления в обучении принципа историзма, повышения наглядности, введения краеведческого материала, широкого использования экскурсионного метода [9, с. 46].

Н. К. Крупская в статьях и выступлениях этих лет особенно подчеркивала роль музеев в осуществлении принципа наглядности и конкретности преподавания. На совещании музейных работников (1936) она говорила о колоссальном значении «живого показа» в обучении, который может дать именно музей [9, с. 46].

Развитие музейного дела в период развитого социализма имело свои особенности.

В связи с ростом материального благосостояния, образованности и информированности, увеличении бюджета свободного

времени советских людей усилилось значение науки и культуры во всех сферах общественной жизни. Существенную роль в их распространении стали играть технические средства – кино, радио, телевидение, доступные многомиллионной аудитории.

В этих условиях эффективность деятельности научно-просветительных учреждений во многом зависит от наиболее полного использования специфических средств их образовательно-воспитательного воздействия.

Ведущим средством образовательно-воспитательного воздействия выступает экспозиция, на базе которой проводятся экскурсии – основная культурно-образовательная форма работы с молодежью, включающая и другие мероприятия.

Необходимо заметить, в условиях царской России просветительные возможности музейных собраний использовались далеко не полностью. Колоссальные историко-культурные ценности, принадлежавшие царской фамилии, дворянству и буржуазии, не были доступны ни для научного, ни для просветительного использования. Большая часть музеев создавалась без участия государства, по инициативе общественности. Существование музеев в значительной мере зависело от частных пожертвований. Это приводило к неравномерности их развития. Музеи, особенно местные, часто распадались. Однако благодаря усилиям прогрессивной части общества ко времени Октябрьской социалистической революции в музеях были накоплены значительные коллекции, которые легли в основу фондов советских музеев.

В 1930–1940-е годы в связи с развитием краеведения развивается и школьный музей. Музеи в школах становятся основой поисковой деятельности учеников. Это был виток преобразования школьных музеев в новое качество, когда на их основе появляются краеведческие кружки, значительно пополнявшие своей деятельностью коллекции музеев.

С 1950-х годов работа школьных музеев переориентирована на государственные музеи. Это привело к сложностям в поисковой работе, поступлении новых экспонатов и определении профиля школьных музеев. От них требуют строгого следования нормам и правилам оформления найденных экспонатов любой ценности. В этот период школьные музеи потеряли свободу действий, которая была в предыдущие годы.

Кризис 1990-х годов предопределил крах сети школьных музеев, которые закрываются

по всей стране в огромном количестве. В это время школьные музеи выживали во многом благодаря энтузиастам, которые бережно сохраняли экспонаты, даже в самое нелегкое время.

В конце 1990-х годов школьные музеи выходят на новый уровень своего развития. Их открывают с четкой задачей: усиление патриотического воспитания молодежи. Именно с этой позиции культурно-образовательной деятельности в работе и развитии школьных музеев уделяют повышенное внимание.

Литература

1. Борин Я. Как мы составляли у себя школьный музей // Вопросы и нужды учительства. – 1910. – Вып. 5. – С. 48–58.
2. Галкина Е. Л. Школьный музей – открытая система // Школьный музей – открытая система. Теория и практика. – М., 2009. – С. 13–27.
3. Гусев А. И. Школьный музей как учебное пособие при занятиях с детьми в начальной школе. – М., 1908. – 138 с.
4. Евтушенко С. В. Школьные музеи Москвы: перспективы развития // Материалы науч.-практ. семинаров музейных работников по теме «Музей и дети» в г. Москве и Сыктывкаре 1995 г. / М-во культуры РФ; Музей революции. – М., 1996. – С. 110–121.
5. Зеленко А. У. Школьный музей. – М., 1927. – 192 с.
6. История музейного дела в СССР: сб. ст. – М., 1957. – 192 с.
7. Любченко Д. Школьный музей // Педагогический вестник Московского Учебного округа. – 1913. – № 4–5. – С. 10–18.
8. Музей и школа: пособие для учителя / Е. Г. Ванслова, А. К. Ломунова, Э. А. Павлюченко и др.; сост. Э. А. Павлюченко; под общ. ред. Т. А. Кудриной. – М., 1985. – 224 с.
9. Очерки истории музейного дела в России. – М., 1960. – 166 с.
10. Положение о школьном музее [Текст] // О дальнейшем совершенствовании туристской, краеведческой, экскурсионной работы учащихся. Приказ. – М., 1985. – С. 17–19.
11. Равикович Д. А. Из истории организации сибирских музеев в XIX в. // История музейного дела в СССР. Труды научно-исследовательского института музееведения. – М., 1957. – Вып. 1. – С. 159–191.
12. Равикович Д. А. Музеи местного края во второй половине XIX – начале XX века (1861–1917 гг.) // Очерки истории музейного дела в России. – М., 1960. – Вып. 2. – С. 145–224.
13. Радченко Е. С. Музей и школа // Сов. музей. – 1932. – № 5. – С. 24–36.
14. Хитьков Н. А. Школьный музей, его значение и организация. – Киев, 1915. – 178 с.
15. Шварц М. Наш школьный музей // Школьные экскурсии и школьный музей. – 1913. – № 1. – С. 86–92.
16. Юхневич М. Ю. Я поведу тебя в музей: учеб. пособие по музейной педагогике. – М., 2001. – 223 с.

УДК 008

Н. Т. Ултургашева

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР ТУВИНЦЕВ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматриваются проблемы исследований музыкального фольклора тувинцев и изучение уникального музыкального искусства народов Саяно-Алтайского нагорья – горловое пение: алтайский – кай, тувинский – хоомей, хакасский – хай. Сравнительный анализ изучения горлового пения показал, что наиболее колоритно, в разнообразных мелодических стилях оно развито в Республике Тыва.

Ключевые слова: музыкальный фольклор, горловое пение, хоомей, двухголосное пение.

N. T. Ulturgasheva

FOLK MUSIC OF TUVINIANS AND PROBLEMS OF ITS RESEARCH

The article considers the problem of research of Tuvan folk music and unique music of peoples of the Sayan-Altai Highlands throat singing: Altai – kai, Tuvan – khoomei, Khakas – hi. Comparative analysis of throat singing found that, in a variety of melodic styles, it developed as the most colorful in the Republic of Tyva.

Keywords: folk music, throat singing, khoomei, two-part singing.

Фольклорные формы музыкального творчества тувинцев, складывавшиеся веками, органически связанные с жизнью и бытом, отвечали самым насущным их потребностям. Народное пение как художественное явление в традиционной культуре тувинцев имеет свой собственный музыкально-поэтический язык, систему песенных жанров, исполнительских стилей, эстетических категорий. По мере того, как музыкальный фольклор из практической необходимости все больше переходил в эстетическую потребность, возрастала роль исполнителя народных песен.

В связи с тем, что творец и исполнитель в музыкальном фольклоре тувинцев в одном лице и это главная и характерная черта, «закон творческого порождения»: будучи «всегдашним», фольклор исполнительски возникает обязательно заново. «Это символ постоянного воссоздания, обновления традиции: она тем и сильна, и жива, что всегда

рождается (всегда рожаема!), а не поддерживается пассивно, естественных элементов затверженных бытом и традицией навыков интонирования» [1].

Песня сопровождала труд тувинцев и скрашивала его отдых; песня являлась неотъемлемой частью бытовых обрядов и праздников. В зависимости от своего назначения песни имели различный характер: лирические – грустные, игровые – веселые, героические – торжественные.

Изучение песенного фольклора показывает не только то, как музыкально одарен тувинский народ, но и то, что для истинного национального исполнения этих песен требовался незаурядный артистический талант. Еще Н. Ф. Катанов (1862–1922) в ноябре 1889 года, в с. Аскыс, в Хакасии сделал в своем дневнике запись о необычной музыкальности тувинцев: «Песен я записал здесь до 60. Но ни в одной песне я не встретил имен

лиц еще живых. Зато в сойонских песнях есть многое, что указывает на современную жизнь. Остроумия и сатиры в сойонских песнях больше, потому что они к импровизации способные, нежели наши минусинские татары. Сойонцы сложили про меня 3 песни» [2].

В 1909–1910 годах А. В. Анохин совершил поездку в Туву для сбора этнографических и фольклорных материалов. Весь его материал был изложен в его втором докладе «Об азиатской музыке тюркских и монгольских племен», в котором он очень метко подметил: «Из всех тюркских племен сойоты (тувинцы) самое певучие племя... У сойот 95% поющего элемента» [3].

Ведущей отраслью хозяйственной деятельности у тувинцев было кочевое скотоводство и большую часть времени они проводили на открытом воздухе. Для арата, целыми днями в одиночестве пасущего скот, периодически меняя пастбища, появлялась потребность в передаче чувств, навеянных мечтами, воспоминаниями, переживаниями. Для многих кочевников песня была как бы формой интимной беседы между молодыми людьми, она же побуждала к ревности, к любовным переживаниям. Тувинских любовных песен огромное множество. Любовные мотивы отчетливы во многих песнях. Особенно гимнистического характера: «Сарыы-ла чок херээженнин, сарымзырап орарын кор» – женщина без мужчины, что поваленное дерево. В песнях молодые люди любовались девушками. Они «красивые», «черные как журавли». Щеки «красные», «румяные». Косы «черные как черемуха», «длинные», толстые, схожие с пихтой. Они веселые, «улыбчивые», «милые», «ласковые», «забавные». Но они и «глупы», «неразумны», «бестолковы», «своенравны». Парень любовную встречу считал сладостью: «Чоон чаштыг уруг – биле, чодураалап хонар чуве» – с толстокосой девушкой, черемуху собирая, ночь проведем. Песни воспроизводили своеобразный лю-

бовный этикет. Известно, что парни часто снимали с девушек украшения, добиваясь тем самым их прихода на вечернее свидание. Но песня осуждала подобные вольности.

Тувинцы-старики говаривали, что песня – «радость», поэтому надо петь, пока «не затвердела грудь», «не засохло горло». Или такое: «Как же жить, не веселясь, не напевая песни?». Действительно, пение певец «не бросит», «не оставит, всегда, везде будет носить с собой».

Само желание петь тувинцами воспринималось как признак душевной молодости и силы. И наоборот – физическая невозможность петь, по традиционному мировоззрению, означала близость смерти:

Кежээ-ле эдер кегжиримнин
Туна бээри ол-ла чоор бе?
Хемчээп каган назынымнын,
Болу бээри ол-ла чоорбе?

Неужели звонкое мое горло
Больше не сможет петь песни:
Неужели моей жизни,
Дарованной матерью, пришел конец?

Наибольший интерес представляют песни, входившие в бытовые обряды, особенно в связи с тем, что пение в процессе выполнения обряда сопровождалось особым церемониалом. Пытаясь выявить логику изучения тувинского музыкального фольклора как явления народной художественной культуры, важно представлять его не только особым слоем современной культуры, но и специфическим ее типом, обладающим необычной целостностью, особыми законами, существующими между внутренними элементами, и особой природой взаимодействия с жизнью. Чтобы понять природу, место и функции тувинского музыкального фольклора в художественной культуре XX века, необходимо сначала понять музыкальный фольклор в тех его структурных появлениях, когда он,

по сути дела, и был единственной культурной, осуществлявшей универсальные функции, или функции «выживания» общества и эффективным средством социальной организации и порядка.

Тувинское горловое пение является национально-самородным феноменом традиционного народного вокального, вокально-инструментального, музыкально-поэтического и, шире, общехудожественного, общекультурного творчества тувинцев (у которых он в прошлом и ныне развит в наибольшей степени) и ряда соседних и сопредельных народов: некоторых аборигенов Монголии, Алтая, Шории, Хакасии, Тибета, вост. Казахстана, Каракалпакии, Башкирии и др. народов.

Факт существования в прошлом и ныне феномена хоомея вызывает ряд интересных и важных научных, художественных культурологических и религиозно-философских вопросов и гипотез. Проблемы генезиса хоомея привлекает многих исследователей, причем не только музыковедов, но также этнологов и культурологов. Отрадно отметить, что значительный вклад в эту проблематику внесли труды ученых Тувы, в особенности, З. К. Кыргыс, Б. И. Татаринцева, Д. С. Куулар, З. Б. Самдан, В. Ю. Сузукей и др. Ученые отмечают, что основные выводы по сложнейшей проблеме происхождения хоомея сводятся к нескольким основным гипотезам. Одна из них связывает его происхождение лишь с тувинскими (урянхайскими) племенами, населявшими в основном территорию Тувы и северо-западной Монголии, другие – с обитателями Саяно-Алтайского нагорья, третьи – с древнетюркской средой Центральной Азии.

Тувинский музыкальный феномен хоомей (буквально «горло») последние десять лет завораживает музыкальные аудитории по всему миру: от США до Голландии, от Канады до Германии и Швеции, от Франции и Испании до Японии и Австралии. Начиная с 90-х годов, можно заменить обертоны

в **Fusion Music: соединение обертонов с другими музыкальными культурами**, как например, обертоны с австралийским лильериду; обертоны с джазом, рэпом, роком, техномюзикой; обертоны с болгарским хором (Тран Кван Хэй).

В настоящее время, по данным МНЦ «Хоомей», в Туве официально насчитывается около 500 исполнителей хоомея, в том числе 10 женщин. Возраст исполнителей от 5 до 70 лет. Насчитывается 30 классов хоомея. В среднем в одном классе 10–12 учащихся, существуют 25 ансамблей хоомея, 10 из них детские.

В истории развития хоомея с начала XX века можно выделить 5 поколений хоомеистов: 1) с годом рождения до 1920 (К. Сорукту, О. Комбу); 2) с годом рождения с 1921–1940; 3) с годом рождения 1941–1960; 4) с годом рождения 1961–1980; 5) с годом рождения 1981–1990.

В истории исполнительской практики важную роль сыграли представители второго поколения, являясь как бы посредниками между народными хоомеистами дореволюционной Тувы и плеядой нового поколения. Именно они положили начало дальнейшему процветанию тувинского горлового пения, оставив за собой школы Ак-оола, Хунаш-таар-оола, Кызыл-оола и т. д.

Таким образом, хоомей до сих пор является любимым искусством тувинского народа. Как подчеркивает тувинский ученый Д. С. Куулар, «оно остается на самом деле феноменальным явлением, не подвластным даже фантастическим достижениям науки. Хоомей является тем фундаментом, на котором базируется вся этномузикальная культура Тувы. Он неизменно присутствует во всех областях жизни тувинцев. Хоомей можно услышать как во время традиционных тувинских праздников, так и в повседневной жизни тувинских скотоводов-кочевников» [6].

В настоящее время тувинское горловое пение нашло новое применение – в шоу-бизнесе. Прославленные тувинские хоомейжи и профессиональные ансамбли хоомейстов выезжают на гастроли по всему земному шару, удивляя и покоряя феноменом хоомей слушателей из многих стран мира. Тем не менее, в плане научного изучения можно сказать, что хоомей тоже представляется относительно новым явлением. Его исследование началось всего лишь век назад, что для науки является, вне всякого сомнения, очень малым временем. Хоомей по сути своей являясь живой и постоянно развивающейся материей, даст еще много пищи для размышлений как народу, который обладает этим удивительным феноменом, так и его исследователям.

В русской и западной научной литературе по хоомею можно встретить различные дефиниции этого уникального явления. Первым из русских исследователей дает описание тувинского хоомея А. Н. Аксенов: «...при горловом пении певец извлекает из голосовых связок несколько чередующихся остинантных звуков различной высоты и выделяет обертоны (образующие мелодию) из каждого такого остинантного звука» [4]. Отсюда вытекает и наименование тувинского хоомея, данное Аксеновым – «сольное остинантное двухголосное горловое» (или «гортанное») пение.

Термин, предложенный Аксеновым, довольно емкий и носит описательный характер. Он включает в себя как определение акустической природы рассматриваемого явления, так и технику его исполнения. В дальнейшем в русской научной литературе закрепился термин горловое пение, а также двухголосное горловое пение, сольное двухголосное пение, сольное двухголосие и т. п.

Тувинское горловое пение хоомей не имеет аналогов в культурах других народов, как ближайших соседей тувинцев по Саяно-Алтайскому региону, так и более дальних родственников тюркоязычных и прочих наро-

дов. Сходные тувинскому горловому пению явления, такие как хакасский хай, алтайский кай, монгольский хоомий, башкирский узяу или тибетский янг имеют лишь отдаленное, чисто внешнее сходство с тувинским хоомеем.

Хоомей является не просто отдельной техникой звукоизвлечения при помощи горла, а представляет собой явление, выражающее принадлежность к тувинскому этносу. Хоомей неразрывно связан со всей тувинской цивилизацией и не может рассматриваться в отрыве от всей тувинской культуры, кочевого уклада и природного окружения тувинцев, камнерезного искусства, шаманских традиций, национальной борьбы хуреш, народного инструментального творчества и т. д.

В английском языке существуют следующие определения хоомея – *throat singing* «горловое пение», *guttural singing* «гортанное пение», *pharyngeal singing* «плоточное пение», *harmonic song* «гармоническая песня», *overtone singing* «обертоновое пение».

Исследователь из Нидерландов Марк Ван Тонгерен считает, что наиболее приемлимым наименованием для тувинского хоомея является термин «обертоновое пение», которое общепринято в данное время на Западе. По его мнению, горловым считается «пение, продуцируемое далеко в горле, примеры которого можно найти среди иннуитов Канады или в северной Сибири, О. Бали, на Мадагаскаре и в континентальной Африке, среди многих племен американских индейцев и среди популярных певцов, из которых самый известный – Луи Армстронг.

Различные названия предлагают французские ученые, в сферу изучения которых попадает явление хоомея: *chant de gorge* «горловое пение», *voix guimbarde* «голос старой гитары», *chant diphonique solo* «сольное диофоническое пение».

Французские исследователь Тран Коанг Хэй дает названия, в каждом из которых име-

ются префиксы, соответствующие в русском языке значению «два»: *chant biphonique* или *diphonique* «двухголосное (диафоническое) пение», *chant biphormanitique* «двухформатное пение», *chant diplophonique* «диплофоническое пение». Слово диплофония относится к разряду медицинских терминов и означает одновременное существование в глотке двух звуков (от греческого *diplo* «два») различной высоты.

Тран Коанг Хэй критически относится к определению *chant harmonique* «гармоническое пение» или его английскому эквиваленту *harmonic song*. Свое несогласие с данным термином он объясняет тем фактом, что любое пение, вне зависимости от типа голоса, создается серией гармоник.

Что касается термина *diphonique* или его английского соответствия *diphonic*, хотелось бы предостеречь от неправильного перевода этих слов на русский язык. Данные слова, входящие в состав терминов, обозначающих хоомей, предлагаемый Тран Коанг Хэем не могут быть переведены на русский язык словом «дисфонический». Точнее будет перевод «диафонический», то есть двухголосый. Сам французский ученый так указывает различие между дисфонией и диафонией: «Дисфония является изменением голосового тембра (низкий и высокий регистр, или грудной и верхний голос)... Двухголосие (или диафония), как следует из названия, состоит из двух звуков. При простом слуховом наблюдении различают первый звук, высота которого постоянна и который я (Тран Коанг Хэй – Н. У.) называю бурдон (бас), и второй звук, состоящий из избирательных гармонических частот, который и рисует мелодию по желанию певца» [5].

Интересно мнение по данному вопросу тувинских ученых, ведущих свои исследования в области хоомей, в сферу интересов которых он входит. Так, Д. С. Куулар катего-

рически не согласен с названием «горловое пение». Он считает неправомерным употребление слова «пение» и пишет по этому поводу, что «все стили хоомей тувинцы не относят к певческому искусству, понимают их не как песню, а особый вид творчества» [6]. Об исполнителе у нас не говорят «певец каргыраа», «певец сыгыта» и т. д. Куулар не причисляет хоомей к вокальному искусству, а выделяет его как совершенно самостоятельный вид искусства, и при переводе на русский язык, а по логике вещей, и на другие языки, предлагает использовать определение «искусство хоомей», которое будет соответствовать тувинскому феномену хоомей.

На наш взгляд, данное предложение не может быть принято, т. е. при переводе на русский или другие языки, мы должны дать такое научное определение хоомей, в котором была бы отражена суть данного явления, а также ввиду того, что взгляд Д. С. Куулара на хоомей не как на пение, а как на отдельное искусство, как нам кажется, довольно сомнителен. С чем можно беспрекословно согласиться, так это с замечанием Д. С. Куулара относительного обратного перевода русского определения хоомей «горловое пение» на тувинский язык. Совершенно правильно тувинский ученый отмечает, что дословный перевод русского названия «горловое пение» на тувинский язык как *боостaa ырызы* не выдерживает никакой критики. Вне зависимости от термина, принятого в различных языках для определения соответствующего явления, на тувинский язык оно должно переводиться термином «хоомей» и никаким другим.

Исходя из способа звукообразования при исполнении тувинского хоомей, В. Ю. Сузукей склоняется к мнению, что наиболее подходящий термин для определения хоомей – «Бурдонно-обертоновое исполнительство». Как мы видим, она также придерживается точки зрения Д. С. Куулара, избегая слова

«пение»: «Будучи исполнительным аппаратом человека, горловое пение по характеру звучания резко отличается от вокального исполнения и никак не укладывается в рамки обычных представлений, связанных с понятием “пение” [7].

Не может согласиться В. Ю. Сузукей и с названием «двухголосое пение» или «двухголосие». Во-первых, из вышеприведенных определений хоомея невозможно определить, один человек производит два звука одновременно или в процессе создания данного феномена участвуют два исполнителя, т. е. звук исходит из двух источников. Во-вторых, наименование «двухголосное пение» или «двухголосие» указывают на двухуровневую структуру хоомея, в то время как В. Ю. Сузукей делает вывод о его трехуровневой организации. Кроме двух явно слышимых голосов – бурдона и обертоновой мелодии – существует промежуточный уровень, который В. Ю. Сузукей называет сонорным фоном [7].

В этой связи необходимо отметить, что французский исследователь Тран Коанг Хэй, который и предлагает определения, в состав которых входят слова «диафонический» или «двухголосый», также отмечает наличие третьего голоса при исполнении тувинских техник пения. Однако основными являются бурдон и обертоновая мелодия, по мнению Тран Кван Хэя, тогда как, возникающий «дополнительный голос связан больше с личностью исполнителя, чем с отдельной техникой».

В работах ведущего тувинского исследователя хоомея, этномузыковеда З. К. Кыргыз мы чаще всего встречаемся с определением «горловое пение». Предпочтение, отдаваемое названию «горловое пение», исходит из точки зрения ученого на проблему происхождения хоомея. З. К. Кыргыз не связывает происхождение данного явления ни с ламаистской религией, ни с шаманизмом, ни погребаль-

ными обрядовыми действиями, а считает, что «... горловое пение возникло и всегда существовало как совокупность самых разных жанров тувинского песенного искусства. И возникло оно на прочной основе поэтических традиций, сложившихся в фольклоре в предшествующие периоды. Каждый стиль в своем генезисе был песней» [8].

Однако нельзя не учитывать и еще одну довольно интересную точку зрения по вопросу определения хоомея, которую выдвигает также тувинский ученый-фольклорист З. Б. Самдан. Она вообще считает, что в качестве общего названия горлового пения в Туве более подходит парный термин хоомей-сыгыт. Свою точку зрения она аргументирует тем, что сыгыт и хоомей в народе строго различаются, а термин хоомей был введен не самими исполнителями, а исследователями других языков, где используется латинский алфавит, в частности английский и французский, предлагая транскрибировать данное слово следующим образом: **Khoomei**. Заглавная буква в слове будет указывать на то, что речь идет не об отдельном стиле, а обо всем явлении в целом.

В русском же языке феномен хоомея наиболее полно выражается, на наш взгляд, термином «горловое пение». Данное наименование довольно емкое, устоявшееся в научной литературе, отражает сущность хоомея как явления физиологического, так и музыкального. В английском и французском языках его эквивалентами могут выступать соответственно термины *throat singing* и *chant de*.

Горловое пение, алтайский – кай, тувинский – хоомей, хакасский – хай, родились и развились в настоящее время в уникальное музыкальное искусство народов Саяно-Алтайского нагорья, но наиболее колоритно, в разнообразных мелодических стилях оно развито в Республике Тыва. На наш взгляд, тувинцы достигли огромных профес-

сиональных высот и совершенства владения уникально-самобытными стилями хоомея.

В заключение отметим, что самобытность тувинского музыкального фольклора предполагает адекватного исполнителя. Чтобы передать содержание и смысл исполняемого, необходима высокая степень ма-

стерства, позволяющего певцу быть независимым от техники исполнения, свободным в своих художественных мировоззрениях и оригинальным в передаче народной характеристики. Все это обеспечивается высоким уровнем духовного, национального и эстетического сознания.

Литература

1. Земцовский И. И. О творческой природе фольклора // Стилиевые тенденции в советской музыке 1960–70 гг. – Л., 1984. – С. 147.
2. Катанов Н. Ф. Письма из Сибири и Восточного Туркестана. Приложение к XXIII тому записок Импер. ак. наук. – СПб., 1893. – № 8. – С. 18.
3. Шульгин Б. М. О музыкальной культуре алтайцев. – Горно-Алтайск, 1968. – С. 13.
4. Аксенов А. Н. Тувинская народная музыка. – М., 1964. – С. 54.
5. Тран Коанг Хэй Практика дисфонического или двухголосного пения у пожилых людей // Мелодии «хоомея». – Кызыл, 1994. – С. 54.
6. Куулар Д. С. Хоомей – вид музыкального фольклора // Мелодии «хоомея». – Кызыл, 1994. – С. 78.
7. Сузукей В. Ю. К вопросу о специфике бурдонно-обертонного музицирования тувинцев // Мелодии «хоомея». – Кызыл, 1994. – С. 48.
8. Кыргыз З. К. Хоомей – памятник самобытной культуры тувинского и других народов Азии // Мелодии «хоомея». – Кызыл, 1994. – С. 14.

УДК 008

М. Б. Абсалямов

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ КАК ИСХОДНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ

В работе рассматривается философско-антропологическая концепция культуры, начиная с первой половины XIX века до середины XX века.

Ключевые слова: концепция культуры, понимание культуры, способы и формы существования культуры

М. B. Absalyamov

CONCEPTUAL FOUNDATIONS AS SOURCE CONSTITUENTS OF THE CULTURAL HISTORICAL RE-ENACTMENT

This article considers the philosophical-anthropological concept of culture, starting with the first half of the XIXth century until the middle of the XX century.

Keywords: concept of culture, cultural understanding, methods and forms of existence of culture

Общенаучные основания познания культуры включают в себя: во-первых, исходную составляющую понимания культуры, во-вторых, представления (концепции) всеобщих способов и форм ее существования во времени и пространстве. Это те всеобщие основания, без которых невозможно осуществить культурно-историческую реконструкцию во всей ее полноте.

К настоящему времени наиболее разработанной и многообразной по подходам выступает философско-антропологическая концепция культуры. Ее основные идеи заключаются в том, что культура есть результат деятельности людей, их взаимосвязей и творчества. Совершенствование и развитие культуры неразрывны с процессом развития и совершенствования человека. Культура, тем самым, определяется человеческим измерением истории.

В первой половине XIX века идеи эволюционизма побеждают не только в естественных науках, но и в познании человеческой истории. Культура начинает реконструироваться во времени как процесс развития. В 1836 году на основе археологического и этнографического материалов Ю. Томсен создает систему периодизации развития культуры, обосновывает ее переход от каменного к бронзовому и затем к железному веку. Он четко выделил преемственность в процессе материального развития культуры. В этот же период большое значение приобретает этнография, то есть обращение к органическому, человеческому развитию народов. По определению Р. Ф. Итца, «этнография – это историческая наука о происхождении этнической истории народов, формировании специфических особенностей их культуры и быта – составных частей мировой цивилизации» [1]. Антропологическое понимание культуры базируется на единстве исторического и этнического контекстов.

Наиболее полно это единство явлено в работах Э. Тайлора (1837–1917). Он исходит из того, что с идеальной точки зрения на культуру можно смотреть как на общее усовершенствование человеческого рода путем высшей организации отдельного человека и целого общества с целью одновременного содействия развитию нравственности, силы и счастья человека. Тайлор рассматривал человеческий род как образование, с одной стороны, подверженное действию всеобщего закона эволюции, с другой – как специфическую форму развития – духовную форму. Большая часть его работ посвящена исследованию религиозных форм древних культур.

Размышляя по поводу методологии исследования древних культур, Тайлор подчеркивает значение причинных связей в истории и отмечает, что, изучая различные обычаи и воззрения, мы неизменно убеждаемся в наличии причинности, лежащей в основе явлений человеческой культуры, в действии законов закрепления и распространения, сообразно которым эти явления становятся устойчивыми, характерными элементами общественной жизни на определенных стадиях культуры. Тайлор создал теоретическую культурно-конструктивную базу для исследования культуры. Его труд «Первобытная культура», опубликованный в 1871 году, явился примером комплексного использования данных этнографии, археологии, фольклористики и других смежных дисциплин. Он одним из первых разработал прием типологического сравнения. Показал преемственность культур, введя в анализ понятие «пережитки». Тайлор считал, что изучение истоков и первоначального развития цивилизации заслуживает ревностной работы не только как предмет любопытства, но и как весьма важное практическое руководство для понимания настоящего и заключения о будущем.

Анализ философско-концептуальных оснований культурно-исторической реконструкции начат с Э. Б. Тайлора в работе не случайно. Здесь необходимо подчеркнуть, что любая, самая общая, концепция культуры обретает свой смысл в обращении к реальному полю культуры и такие исследователи, как Тайлор, являют нам это реальное историческое поле культурного развития, давая пищу для широких концептуальных обобщений. В работах Тайлора наглядно выступает диалектика концептуального методологического и теоретико-эмпирического контекстов в исследовании культуры.

В XX веке философско-антропологическая концепция культуры разрабатывается во всем многообразии. В культурологических работах Э. Кассирера утверждается: «Явления истории принадлежат к особой области деяний человека. Вне человеческого мы не можем говорить об истории» [2]. Кассирер подчеркивал социальную природу человека, его жизнь в мире языка, религии, искусства путем создания символических форм общения. Задача историка и исследователя культур состоит в том, чтобы «оживить эти символы, воскресить их в новой жизни, снова сделать их понятными и ясными» [2, с. 131]. Кассирер раскрывал существенные свойства человека через его социальность, а существенные свойства культуры через ее символичность. Развитие культуры представляется как процесс развития духовных форм, от чисто речевых к становлению феноменов мифического и религиозного мышления. Он связывает развитие культуры с развитием свободы: «Можно согласиться с кантовской и гегелевской концепциями культуры как поступательного развития в сознании свободы, ибо свобода сознания полагается и осуществляется в каждом движении мысли, воли или чувства, ведущего из пассивного состояния к определенным формам деятельности» [2, с. 154].

Социально-символическая концепция Э. Кассирера дополняется идеями другого мыслителя двадцатого столетия – Х. Ортеги-и-Гассета. Он видит в культуре творческую человеческую основу, а потому предъявляет человеку высокое требование ответственности бытия в культуре: «Человек... это то, что с ним происходит. Ибо у человека нет природы, у него есть... история» [3]. Философ ставит задачу поиска оригинального, самобытного разума в истории как откровения реальности. Он дал серьезнейший анализ культуры XX века, показав ее массовидный характер. В человеке массы философ выявил форму безответственного перед культурой бытия, которое ведет к возрастанию жизненных вожделений и принципиальной неблагодарности ко всему, что позволяет их удовлетворять. Рассуждая о культуре, Ортега-и-Гассет говорит, что степень культуры измеряется степенью развития норм, при этом важнейшим для него выступают высшие нормы разума, то есть общечеловеческие ценности истины и морали. Таким образом, антропоцентрическая концепция культуры выходит за свои рамки и обращается к обоснованию значения идеалов, идей, духовных ценностей в бытии культуры, то есть к концепции, которую можно обозначить как духовно-человеческая сущность культуры. Здесь хотелось обратить внимание на двух известных ее представителей в русской философии, это – Николай Бердяев и Павел Флоренский.

Н. Бердяев рассматривал развитие культуры в разных контекстах. Для нашего исследования представляются наиболее важными его следующие темы культуры: первая – человеческое, творческое бытие культуры, вторая – основополагающее, духовное содержание культуры, третье – культура и история.

В работе «Смысл творчества» он утверждает, что самосознание человека как центра

мира, в себе таящего разгадку мира и возвышающегося над всеми вещами мира, есть предпосылка всякой философии [4]. Человек, по Бердяеву, – точка пересечения двух миров, природного и божественного: «Антропологическая философия имеет дело не с фактом человека как объекта научного познания (биологического, психологического или социологического), а с фактом человека как субъекта высшего самосознания» [4, с. 298].

XX век многие философы воспринимали как время кризиса культуры. Войны и революции, массовые истребления людей заставляли их снова и снова обращаться к сущности культуры и творчества. Как пишет Бердяев, творческий акт имманентно присущ лицу, личности как свободной самостоятельной мощи. Его концепция свободы неразрывно связана с пониманием творческой сущности культуры. Вслед за Х. Ортега-и-Гассетом он выделяет аристократичный характер культуры, понимая под этим, что культуру творят только духовно свободные люди (аристократы духа): «Свобода и творчество говорят о том, что человек не только природное существо, но и сверхприродное... Свобода есть мощь творить из ничего, мощь духа творить не из природного мира, а из себя» [4, с. 339]. Однако на вершинах культуры мучит человека противоположность между тем, чтобы создавать что-то, и тем, чтобы быть чем-то. Бердяев говорит о двойственной природе культуры: с одной стороны, она результат великого творческого деяния человека, а с другой – «культура кристаллизует человеческие неудачи. Все достижения культуры символические, а не реалистические... Культура также символична, как и породивший ее культ... Культ – религиозный источник культуры и сообщал ей свой символизм. Все великое в культуре было символически культовым. В культуре есть вечное и мучительная неудовлетворенность» [4, с. 370].

Рассуждая о русской культуре, философ говорит о том, что в России не только неизбежен кризис мировой культуры, но неизбежно и послушание мировой культуре. Но на почве буржуазной культуры Россия никогда не будет талантлива. Кризис культуры связан у Бердяева с тем, что ее духовное содержание и духовная сущность умаляется телесно вожделеющим господством материально-технического мира.

Тема духовного содержания культуры – ведущая в работах Бердяева. В частности, в «Духе и реальности» он пишет: «Дух есть сфера, на которую не распространяются различение и противопоставление мышления и бытия и в которой нет объективации... Дух есть истина души, ее вечная ценность... Духовность есть высшее качество в человеке» [4, с. 522]. Рассматривая развитие культурных форм экономики и социальной жизни, он отмечает: «Маркс был прав, когда учил, что основой исторического процесса является борьба человека, соединенного с человеком, то есть социального человека со стихийными силами природы. Но он почему-то вообразил, что это есть материалистическое понимание исторического процесса, в то время как борьба эта, как и всякая человеческая активность, есть борьба духа и результаты ее зависят от состояния духа» [4, с. 524]. Бердяев подтверждает свою точку зрения ссылками на Макса Вебера, Зомбарта и других авторов: «Можно установить три ступени духовности: духовность, ограниченная природой, духовность, ограниченная обществом, и чистая освобожденная духовность... для нее священны Бог... истина, любовь, милосердие, справедливость, красота, творческое вдохновение» [5].

Тема культура и история раскрывается Н. Бердяевым в работе «Смысл истории», где он говорит о трех периодах отношения к историческому.

Первый – период органического пребывания в историческом строе, в нем историческое сознание не зарождается.

Второй – период состояния раздвоения, исторические устои расшатываются, и зарождается рефлексия исторического познания и даже исторические науки, но нет понимания исторического.

Третий – это период философского осмысления истории, постижения смысла истории.

Н. Бердяев описывает «просветительский» второй период отношения к историческому как попытку «сделать малый человеческий разум судьей над тайнами мироздания и тайнами человеческой истории» [5, с. 450]. Здесь делается попытка открыть общие законы истории, но одновременно закрывается путь к постижению человека и культуры как способа бытия. Бердяев считает, что философия истории должна брать человека в совокупности действия всех мировых сил, то есть в величайшей полноте и конкретности. Она должна приобщать человека к другой, более широкой и богатой действительности, чем та, в которой он живет. Настоящая философия истории, по его мнению, начинается лишь в христианской культуре. Греки не знали исторического движения, временное было круговоротом. Христианство внесло в историю настоящее, будущее и прошлое.

Описывая различные исторические периоды культуры, Бердяев говорит о конце Ренессанса и гуманизма в начале XX века. Он раньше других исследователей культуры заговорил о кризисе европейской культуры, о проблемах, связанных с ее индустриализацией. «Во всякой культуре, – пишет он, – после расцвета, усложнения и утончения начинаются иссякание творческих сил, удаление и угашение духа, убыль духа» [5, с. 460]. В этом случае «воля к культуре» сменяется «волей к жизни», то есть к телесному мате-

риальному началу, не больше воли к гениальности, и культура опускается вниз.

Бердяев рассматривает значение понятия «цивилизация», понимая под ним господство «буржуазности», истребление духовности и святости. Цивилизация для него – индустриально-капиталистическая система. Он верит в то, что Россия сможет сохранить свою духовность и выполнит миссию соединяющего духовного начала между Западом и Востоком.

Духовные смыслы культуры раскрываются другим русским философом – П. А. Флоренским (1882–1937). Отвечая на вопрос, что такое культура, он пишет: «Тут Евангелие от Иоана, но тут и люциферическое Евангелие Пайка. Как в плоскости культуры отличить церковь от кабака или американскую машину для выламывания замков от заповеди «не укради» – тоже достоинство культуры? Это все равно есть в культуре, и в пределах самой культуры нет пределов для выбора критериев различения одного от другого: нельзя, оставаясь верным культуре, одобрять одно и не одобрять другого, принимать одно и отвергать другое». Основным законом мира Флоренский считает второй принцип термодинамики – закон энтропии, взятый расширительно, как закон Хаоса во всех областях мироздания. Миру противостоит Логос – начало энтропии. Культура, по Флоренскому, есть сознательная борьба с мировым уравниванием: культура состоит в изоляции как задержке уравнивающего Вселенной и в повышении разности потенциалов во всех областях как условия жизни, в противоположность равенству – смерти.

По мнению Флоренского, в основе культуры лежит культ, а познать культ можно не рассудочным разумением, а жизненным с ним соприкосновением. Культ, по Флоренскому, постигается сверху вниз, от духа к опыту. Такое постижение культа, а следовательно, и ядра культуры (культ – это бу-

тон) предполагает погружение в реальность. Можно подойти к действительности и с опытом трансцендентального, когда необходимо доказывать осмысленность вещей и осмысленность смыслов.

Культура и религия близки по духу, ибо смысл религии соединять Бога и Мир, дух и плоть, смысл и реальность. В процессе движения культуры происходит «выветривание» религиозного смысла культа и системы, его сопровождающей (мифы, догмы, обряды). Это порождает светскую философию, светскую науку, светскую литературу. Религиозный смысл культуры «выветривается» благодаря еще одному феномену – технике. Техника не просто посредник между человеком и природой, но и своего рода средство человеческого самопознания. Овладев умением создавать орудия, человек должен научиться совершенствовать себя самого. Он отмечал, что линия техники и линия жизни идут параллельно друг другу, но соответственные точки той и другой могут забегать вперед и отставать относительно друг друга. Он приветствует В. Вернадского в его исследованиях био- и ноосфер. Однако подчеркивает, что есть много данных, правда еще не достаточно оформленных, намекающих на особую стойкость вещественных образований, проработанных духом, например, предметов искусства (письмо к Вернадскому от 21.09.1929). К сожалению, жизнь и научная деятельность П. Флоренского трагически оборвались в 1937 году.

Обращаясь к концепции духовного основания культуры в работах русских философов, мы не можем не отметить, что и в западноевропейской философской мысли идеи кризиса духовности европейской культуры находили выражение. В частности, у О. Шпенглера в нашумевшей в свое время его книге «Закат Европы», а также в работах экзистенциалистов и представителей Франфуртской школы.

Говоря о русской традиции постижения и понимания культуры, нельзя не видеть ее космической ориентации. Определение «космическая» для этой концепции, пожалуй, однозначно, но космос понимается нами не только в его естественнонаучном, а прежде всего в культурном понятии. Н. Холодный в работе «Мысли дарвиниста о природе человека» предлагает обозначить эту концепцию как антропокосмизм.

Философские идеи о космическом характере антропоприродных процессов разрабатывались на двух уровнях: философском и естественнонаучном. Они постоянно обогащали и дополняли друг друга. Родоначальником активно-эволюционной философской космической мысли в России был Николай Федоров. Его труды, вышедшие посмертно под названием «Философия общего дела», призывали человечество к великим деяниям в установлении связи времен, в совершенствовании жизни. При помощи ее общего познания и труда человечество должно овладеть энергетикой космоса и использовать ее для создания бессмертной жизни, восстановив своих предков. Преобразование физической природы человека, создание нового типа организации общества – это труд всех над всем. В этом автор видел идею истинного коллективизма. Грандиозный синтез наук в космическом масштабе должен был позволить человеку проникнуть и в тайны Вселенной, и в тайны самого человека. Тогда он овладеет органосозиданием, которое доступно творческой силе разума. Идеи Федорова многим показались фантастическими, но заложенная в них сила дала толчок такому направлению в русской духовной культуре, которое называют русским космизмом [6].

Русский космизм – это духовный феномен не только русской, но и мировой культуры, в нем синтезированы в философских, естественнонаучных, технических и

даже литературно-художественных формах идеи единства биологических, космических и антропокультурных процессов. Теории космизма в науке были развиты русским ученым В. И. Вернадским. Он писал о космическом характере биосферы, которая, концентрируя солнечную, космическую энергию, трансформирует ее в активную энергию земных процессов. Живые организмы стремятся к максимальному проявлению этой энергии в биогеохимических циклах. Прямые и обратные связи такой цикличности и составляют механизм функционирования биосферы. Для космической концепции культуры основополагающим понятием становится понятие НООСФЕРА. Впервые оно прозвучало в стенах Коллеж де Франс на лекциях философа и математика Э. Леруа, при этом соавтором был объявлен Пьер Тейяр де Шарден, палеонтолог и философ. Они опирались на понятие биосферы, высказанное В. И. Вернадским в его знаменитых лекциях в Сорбонне в 1922–1923 годах. Сам Вернадский принял идею Леруа о ноосфере. «Я принимаю идею Леруа о ноосфере, он развил глубже мою биосферу», – отмечал он [6, с. 163]. Содержание идеи ноосферы выражено Леруа следующим образом: возникает выше, чем животная биосфера, следующая за ней человеческая сфера, сфера рефлексии сознательного и свободного изобретения, короче говоря, – мысли, собственно сфера разума или ноосфера. Центры исследовательской научной работы, как особые мозговые очаги, связанные информационно друг с другом, образуют области, в которых можно уже признать разум человечества в его развитии как органа всечеловеческого сознания.

Вопросы возникновения ноосферы не решаются однозначно, с одной стороны, бытуют утверждения, что ноосфера возникает с появлением человека, с другой – что она возникает из биосферы только сейчас и

главная ее культурная функция – служить для будущего. Следовательно, два момента, по Бердяеву, являются предпосылками замены антропосферы ноосферой: господство человека над внешней природой и господство в самом человеке сил разума над внешними инстинктами. Одно из условий создания ноосферы – единство человечества. Духовной силой единения людей В. Вернадский считал науку, поскольку только она обладает качеством логической обязательности и непрерываемости ее достижений. Достижения науки позволяют человеку стать автотрофным существом, то есть перестать употреблять в пищу растения и животных, а научиться, подобно растениям, получать пищу, пользуясь непосредственно энергией солнца для химических синтезов. Вернадский считал, что осуществление идеала автотрофности дало бы человеку возможность величайшего нравственного и социального совершенства: «Создание нового автотрофного существа даст ему доселе отсутствующие возможности использования его вековых духовных стремлений» [7].

Идея космоэволюционного развития человеческой культуры нашла свое отражение и в трудах известного историка Л. Гумилева. Рассматривая вопрос об энергетической сущности этногенеза, он использовал идеи В. Вернадского о биосфере, которая обогащается энергией солнца и космической энергией элементов, рассеянных в нашей Галактике. Эти формы энергии заставляют организмы размножаться. Возникают сложные системы – геобиоценозы. Люди тоже входят в них – этнические формы венчают геобиоценоз как процесс энергетический. «Наша планета, – писал Л. Гумилев, – получает из космоса больше энергии, нежели необходимо для поддержания равновесия биосферы, что ведет к эксцессам, порождающим среди людей пассионарные толчки или

взрывы этногенеза» [8]. Пассионарность – это способность к целенаправленным сверхнапряжениям, это врожденная способность организма абсорбировать энергию внешней среды и выдавать ее в виде работы. Гумилев рассматривает биоэнергетическую природу пассионарности в качестве гипотезы, способной дать объяснения многим культурно-историческим явлениям в развитии человечества. Он подчеркивает обязательность пассионарного импульса для возникновения этногенеза, разнообразие этносов определяется ландшафтными и климатическими условиями, этническим соседством, культурными традициями, а также силой самого толчка, то есть импульса.

Рассуждая о ноосфере, Л. Гумилев отмечает противоречивость антропосферы и тех-

носферы, как полярности техники и жизни. Проблема техники и технологичности человеческой культуры – одна из важнейших в понимании культуры как способа человеческого бытия. Технологическая концепция культуры фиксирует противоречие человека и техники.

Антропокосмический подход к пониманию культуры позволяет представить человека как существо природное и существо культурное, объединенное космическим пространственно-временным бытием культуры. Он позволяет рассматривать культурные процессы в генезисе органического и социального. «Бытие духа в природе» – так обозначил бы эту концепцию Н. Бердяев. Она позволяет наглядно увидеть природно-исторические начала человеческой культуры.

Литература

1. Итс Р. Ф. Введение в этнографию. – СПб., 1991. – С. 8.
2. Кассирер Э. Лекции по философии и культуре. Культурология XX.
3. Ортега-и-Гассет Хосе. Положение науки и исторический // Что такое философия. – М., 1991. – С. 209.
4. Бердяев Н. А. Избран. – М.: Правда, 1989. – С. 294.
5. Бердяев Н. А. Философия свободного духа. – М., 1994. – С. 366–367.
6. Бердяев Н. А. Смысл истории. – М., 1990. – С. 7.
7. Вернадский В. И. Автотронность человечества // Проблемы биохимии. – М.: Наука 1980. – Вып. 16. – С. 243.
8. Гумилев Л. Н. Этнография и биосфера земли. – М., 1993. – С. 319.

УДК 008

О. П. Неретин

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

В статье обсуждается проблема глобализации в сфере культурного пространства. Автор рассматривает процесс глобализации не только как экономический, но и как фактор культурной, социальной, духовной жизни общества.

Ключевые слова: глобализация, информационное общество, информационные технологии.

O. P. Neretin

MAJOR TRENDS AND CONFLICTS IN THE FORMATION OF MODERN CULTURAL SPACE

The article discusses the problem of globalization in cultural space. The author reviews the process of globalization as not only an economic but also as a factor in cultural, social and spiritual life of the society.

Keywords: globalization, information society, information technology.

Современные теории культурного пространства лежат на пересечении концепций глобализации и информационного общества. Большинство политиков и экономистов информационное общество рассматривается как синоним постиндустриальному обществу – в соответствии с концепцией Д. Белла, которая во многом служит теоретической основой идеологии глобализма. В основе теории постиндустриализма находится представление об эволюционном и прогрессивном развитии обществ, каждое из которых должно последовательно пройти стадии аграрной, индустриальной и постиндустриальной цивилизации. Если доиндустриальное общество – это общество физического труда и аграрных экономических доминант, а индустриальное общество – это технократическое рациональное общество, то постиндустриализм характеризуется более высокими позитивными ценностями, более значительным удельным весом услуг, информатизации, свободного времени, экологизма. Как и коммунистический проект К. Маркса, этот социум ориентирован человекоцентрично.

Формирование современного культурно-информационного пространства, как важнейшего фактора всеобщей глобализации, и воздействие его на цивилизационное развитие человечества, привлекает внимание культурологов, философов, социологов, политологов и др. ученых. Считается, что информатизация социальной среды привела к возникновению современной формы глобализации, в том числе и так называемой «культурной

глобализации». Глобальное культурное пространство стало результатом современного интеграционного процесса во взаимодействии культур и цивилизаций [1]. Это особая стадия развития человечества и общества, когда на основе экономических, торговых и политических связей с помощью ИКТ возникли семиотические коды и механизмы, интегрирующие человечество в глобальное целое. Это новое смысловое единство человечества возникло на основе существующих универсалий культуры, которые нашли свое глобальное проявление благодаря современным техническим средствам. Сформировался новый пространственно-временной континуум человеческой культуры.

Этап обсуждения проблем глобализации, приведший к идее «культурной глобализации», начался в 1980–1990-х годах. В число инициативных работ этого периода вошли труды А. Аппадурай «Разъединение и различие в глобальной культур-экономике» [2] и «Современность в полный рост: Культурные измерения глобализации» [3]. Так постепенно в концепциях глобализации стал доминировать культурологический дискурс. Сам А. Аппадурай рассматривает глобализацию как детерриториализацию, связанную с информатизацией и виртуализацией и ведущую к потере привязки социальных и культурных процессов к физическому пространству [4]. Считается, что в процессе глобализации формируется «глобальный культурный поток», который распадается на пять культурно-символических потоков: этнопро-

странство образуется потоком туристов, иммигрантов, беженцев, гастарбайтеров; технoprостранство – потоком технологий; финанспространство – потоком капиталов; медиапространство – потоком образов; идеопространство – потоком идеологем. Эти текучие, нестабильные пространства являются «строительными блоками» тех «воображаемых миров», в которых люди взаимодействуют, и взаимодействие это носит характер символических обменов [5].

В концепции «воображаемых миров», создаваемых глобальными потоками, разделение на локальное и глобальное осуществляется феноменологически. Это – два типа «структур чувствования, которая продуцируется определенными формами интенциональной деятельности и которая производит определенные материальные эффекты» [6]. Локальное (этнокультурная идентичность, религиозный фундаментализм, общинная солидарность) конструируется из тех же потоков образов, которые образуют глобальное. Современное локальное столь же детерриторIALIZED, как и глобальное.

Сходный способ рассуждения и конструирования модели глобализации встречаем в работе М. Уотерса «Глобализация» (1995), в которой глобализация трактуется как совокупность тенденций, ведущих к детерриторизации социального, обусловленной экспансией символических обменов. Дело представляется так, что экономические обмены имеют тенденцию к локализации социальных отношений, политические обмены имеют тенденцию к интернационализации, символические обмены имеют тенденцию к освобождению социальных отношений от пространственной референции. Процесс трансляции интеллектуальных и эстетических символов может относительно легко перемещаться и осуществляться между территориально удаленными индивидами, поэтому глобализация общества – процесс, определя-

емый преобладанием культуры над экономикой и политикой. Уотерс считает, что в наибольшей степени подвержены глобализации те «измерения» экономики, в которых преобладает «символическое опосредствование» отношений – финансовый рынок и потребление, движимое принципами консьюмеризма. Гораздо менее глобализованы товарное производство и рынок труда. Политика также в большей мере глобализуется в тех ее «измерениях», где проблематизируются ценности, а не материальные интересы. Осознание в качестве глобальных проблем прав человека, экологии, сохранения мира, справедливого распределения мировых ресурсов привело к частичной делегитимации национального государства и росту числа международных организаций. Однако их влияние пока недостаточно для устранения национально-государственного суверенитета как организующего принципа политической сферы.

Анализ глобализации в сфере культуры Уотерс ведет, опираясь на концепцию Аппадурай, но несколько видоизменив классификацию пространств-потоков и сориентировав ее на концепцию симулякров Бодрийяра. «Измерениями» культуры в теории Уотерса являются: сакропространство, образуемое потоком симулякров религиозности; этнопространство, образуемое потоком симулякров этнической идентичности; экономпространство, образуемое потоком симулякров стоимости и капитала; медиапространство, образуемое потоком симулякров информации; досуг-пространство, образуемое потоком симулякров развлечений и впечатлений, например туристических.

Культурный глобализм можно рассматривать как проявление тенденций постмодернизма в социогуманитарном познании [7]. Постмодернизация социогуманитарного сознания привела к выводу, что доминантой глобализации является культура. Культура в этом случае предстает как наи-

более глобализованная сфера, поскольку в ней социальные отношения максимально символизированы и, следовательно, могут осуществляться без привязки к конкретной территории. Помимо этого, глобализация культуры посредством потоков симулякров передается в сферы экономики и политики, вызывая там интенсификацию глобализации. По мере утраты пространственной референции социальных отношений открывается перспектива постглобализации, под которой Уотерс понимает освобождение социальных отношений от телесной референции, что возможно, например, в киберпространстве, т. е. при коммуникации посредством компьютерных сетей. В моделях детерриториализации социального практически полностью утрачивается изначальная связь понятия глобализации с физическим пространством и подразумеваемым однородным целым. «Глобальное» у Аппадурай и Уотерса означает скорее нечто не-пространственное, нематериальное, воображаемое, символическое, гетерогенное, но всепроникающее.

Дискурс виртуализации можно также рассматривать как разновидность постмодернистского дискурса культурной глобализации. Термин «виртуальное пространство» использовал М. Уотерс, термин «виртуальная экономика» – У. Бек [8]. Привычным же для исследователей глобализации стал термин «виртуализация экономической деятельности» [9]. Р. Робертсон [10] констатирует, что понятие «виртуальное» становится существенным элементом концептуального аппарата. Суть этого процесса выражается в следующем: первое, горизонтальное, характеризует пространственные изменения, проявляющееся в виде детерриториализации, второе, вертикальное, обеспечивает симуляционность процессов. Эти отношения существуют самостоятельно лишь в силу аналитического разделения, а фактически образуют целостность – виртуализацию, в кото-

рой могут быть представлены как сущность и атрибут с постоянным перетеканием друг в друга и детерминацией друг друга. Виртуализация, существуя как базовое явление любых глобальных изменений, пронизывает всю сферу реальности, создавая новые, по сути, виртуальные явления и новую реальность за пределами территориальности. Виртуальность есть, по существу, семиотическое явление [11], так как это пространство порождается знаково-символическими средствами культуры.

Но виртуализация является результатом движения и по другой траектории – по пути информатизации. Первоначально проблема становления информационного общества на государственном уровне стала обсуждаться в США в конце 1960-х годов, после того как был выявлен значительный рост объемов информационных секторов в экономике. В 1990 году в США была разработана первая государственная концепция развития информационного общества.

После США в разработку этой стратегии активно включился Европейский Союз [12]. В 1994 г. был разработан план действий Европейского Союза на пути формирования информационного общества под названием «Европейский путь в информационное общество». Он предусматривал четыре направления:

- создание нормативно-правового пространства;
- развитие информационных сетей, классификация основных услуг, стандартизация оборудования;
- изучение социальных и культурных аспектов информационного общества;
- пропаганда концепции информационного общества среди населения с целью заручиться общественной поддержкой.

К середине 1990-х годов оформилась тенденция глобализации информационного пространства и определились основные лидеры

этого процесса. В это время развитие телекоммуникационных технологий перестало рассматриваться политиками сугубо экономически. В документах конференции стран большой «семерки», проходившей в феврале 1995 года в Брюсселе, уже было подчеркнуто, что формирующееся информационное общество – это качественные изменения в социальных взаимоотношениях и социальных структурах. Традиционные жесткие организационные структуры теряют свою актуальность и заменяются более гибкими, децентрализованными моделями. Следовательно, стратегическое направление развития информационного общества – это создание адекватной социальной и социокультурной среды. Она должна характеризоваться более высоким уровнем социальной интеграции, восстановлением чувства сообщества, сохранением и распространением национальных культур, стимулированием и укреплением дальнейшего развития демократических ценностей.

Для формирования информационного общества как социума, качественно отличного от «традиционного» капитализма, имеет значение глобализация. Уэбстер пишет: «Этим термином обозначается не просто рост интернационализации, предполагающей возросшее взаимодействие суверенных национальных государств. Глобализация – это нечто значительно большее: она означает рост взаимозависимости и взаимопроникновения человеческих отношений, наряду с ростом интеграции социоэкономической жизни» [13].

Глобализация не может быть только экономическим фактором, это фактор культурной, социальной, духовной жизни, который значим сегодня для множества сообществ. Развитие транснациональных корпораций и глобализация рынков является сегодня уже общеизвестным фактом. Важным показателем, который затрагивает в большей степени социокультурную и духовную сферы, является глобализация коммуникаций, созда-

ние глобальной символической среды. Возникновение глобальных имиджей, брендов, играющих сегодня главную роль в маркетинге, с одной стороны, взаимосвязано с экономическими процессами, но, с другой стороны, является проявлением культуры, влияет на моральные и нравственные ценности.

Глобальные тенденции развития информационного общества предъявляют особые требования к политическим стратегиям самых разных стран. Бурное развитие ИКТ вызывает социальные тенденции к сетевому развитию, в гораздо меньшей степени поддающемуся контролю со стороны государства. С другой стороны, сетевые структуры как будто и не требуют государственного и политического участия. В обществе наблюдается «размывание» государственных институтов и их функций, возрастание процессов самоорганизации и саморегулирования.

Однако роль государства, во многом качественно изменяясь, по-прежнему остается актуальной. Новые задачи, требующие немедленного решения, связаны с преодолением цифрового неравенства и обеспечением национальной безопасности в новых, сложных условиях. Реальная возможность дальнейшего увеличения цифрового разрыва приводит к росту напряженности в международных отношениях, а стало быть, глобальному росту рисков и угроз.

Обеспечение устойчивого социально-экономического развития страны требует перехода России к информационному обществу. Глобальный характер этого процесса предопределяет неизбежность вхождения нашей страны в мировое информационное сообщество. Только использование материальных и духовных благ информационного общества может обеспечить населению России достойную жизнь, экономическое процветание и необходимые условия для свободного развития личности.

22 июля 2000 года странами «Большой восьмерки» была подписана Окинавская хартия глобального информационного общества [14]. В ней отмечается, что информационно-коммуникационные технологии сегодня стали одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества. Их революционное воздействие касается образа жизни людей, их образования и работы, а также взаимодействия правительства и гражданского общества. ИКТ становятся жизненно важным стимулом развития мировой экономики. Они дают возможность всем частным лицам, фирмам и сообществам, занимающимся предпринимательской деятельностью, более эффективно и творчески решать экономические и социальные проблемы. Сущность экономической и социальной трансформации, происходящей под воздействием ИКТ, заключается в ее способности содействовать людям и обществу в применении знаний и идей. Информационное общество позволяет людям шире использовать свой интеллектуальный потенциал и реализовывать свои устремления.

Окинавская хартия основную задачу государства видит не только в содействии скорейшему развитию и распространению ИКТ и переходу к информационному обществу, но также и в реализации его полных экономических, социальных и культурных преимуществ. Окинавская хартия провозглашает либеральную парадигму государственного управления развитием ИКТ и информационного общества. В ней подчеркивается важность частного сектора, свободной конкуренции, демократических процедур. Задача государства в данной концепции сводится к созданию свободной, конкурентной среды, предсказуемой, транспарентной и недискриминационной политики и нормативной базы.

Важное значение Окинавская хартия придает преодолению цифрового неравенства. Развитие информационного общества

невозможно без развития человеческих ресурсов, более полного использования интеллектуального резерва всех людей на планете.

Культура информационного общества в современных теориях характеризуется преимущественно в тех понятиях, которые применяются и при характеристике постмодерна. Ей приписываются такие качества, как децентрализация, полистилистика, актуализация маргинальных культурных форм, многообразие векторов развития. Использование культурных форм постиндустриального и постсовременного общества для достижения каких-либо глобальных целей означает сегодня манипуляцию смыслами и нарушение нравственно-этических норм гуманизма. Концепция глобальной открытости, международной конкуренции и полного отсутствия протекционизма способствует, в конечном итоге, фиксации информационного неравенства и перерастания его в геополитическое, экономическое и духовное неравенство. Пессимистические прогнозы развития глобализации, сопровождающей информационное общество, могут иметь лишь характер неопределенного риска, но, тем не менее, последствия такого развития событий слишком существенны, чтобы оставлять их без внимания. Государственная политика национальной безопасности должна быть основана на пессимистическом варианте развития событий для того, чтобы иметь ресурсы для противостояния им. Проблемные точки [15] информатизации в России связаны с тем, что она имеет слишком мало таких ресурсов, а интенсивные темпы развития ИКТ в России не сопровождаются ростом либеральных идей, напротив, социум склоняется к авторитарным моделям управления и политической жизни. Все это приводит к росту противоречий в формировании информационного пространства и общества. С одной стороны, государство и общество не могут не признать стратегическую важность интеграции

в мировое сообщество, в том числе, с помощью развития ИКТ. С другой стороны, такая интеграция неминуемо сопровождается ростом воздействия на общество либеральной идеологии, что в условиях социально-экономического кризиса и слабой государственной власти угрожает ростом аномии, дальнейшими явлениями деградации в экономической и духовной жизни.

При этом необходимо учитывать опасности для культуры и духовного развития, которые несет в себе само информационное общество [16]. Оно содержит в себе большое внутреннее противоречие, заключающееся, с одной стороны, в возрастающей роли теоретического знания, в необходимости интенсивной и постоянной рефлексии общественной реальности, а с другой стороны, в девальвации смысла, превращении знаков в симулякры, в постмодернистском отрицании истины, знания, нравственности, науки и даже общества и самой реальности. Информационное общество – это, с одной стороны, общество знания, но, с другой стороны, его культура знаменует конец эпохи Просвещения; это, с одной стороны, максимальная рациональность и эффективность, но с другой – иррационализм, подчас переходящий в мистику.

Информационное общество, как это ни странно, девальвировало само понятие информации. Все больше людей, в том числе ученых, относятся пессимистически к наступлению информационной эры, не доверяя ни СМИ, ни данным Интернета. Обилие информации делает практически невозможной какую-либо проверку данных, социум, как оказалось, не располагает надежными институтами, защищающими людей от дезинформации и манипуляции смыслами. Постмодернизм отвечает на это полным отказом от поисков аутентичности, отрицанием ценности истинности, демонстрацией невозможности полной и достоверной интерпретации любых текстов.

Развитие информационного общества и глобализация тесно связаны с новыми вспышками насилия, межнациональных и межконфессиональных конфликтов. Проблемы войн, терроризма, насильственных методов политической борьбы не теряют своей актуальности. Сегодня интерес к социально-культурным и антропологическим источникам и последствиям насилия возрастает, но, по мнению В. Ярской, сегодня еще отсутствует фундаментальное исследование социальных дискриминаций, повседневного расизма, культурных факторов генезиса насилия, особенно экстремистской формы [17].

Терроризм, захват заложников, геноцид, апартеид, работорговля – это далеко не весь перечень дискриминационных практик и актов насилия. Сами властные структуры и военные органы, международные корпорации, медики, родители и педагоги нередко допускают незаконные действия в отношении бедных, женщин, детей, этнических, культурных и религиозных меньшинств, диссидентов и бездомных, безработных, стариков [18]. Как ученые, так и журналисты, общественные деятели и политики все чаще говорят о бездействии самого российского общества, которое слишком медленно идет по пути к статусу гражданского. Еще достаточно редко в обществе обсуждаются способствующие воспроизводству насилия проблемы, коренящиеся в массовом сознании, стилях жизни, стереотипах действия, захватывающих все сферы социума – от семьи до армии.

Внешним угрозам информационного давления можно противостоять, только развивая собственные ИКТ, формировать массовую информационную культуру, существенно сокращая информационное неравенство. Однако государственная политика в области информационных технологий и в сфере становления информационного общества не отличается последовательностью. В основном наблюдается доминирование технократиче-

ского подхода к информационному обществу, развитие которого представляется ограниченным технологическими, а не социальными решениями. Так, по мнению О. Вершинской и Т. Ершовой, российская специфика заключается в особенностях самого дискурса об информационном обществе: понятие «информационное общество» не используется ни в «Основных направлениях развития страны до 2010 года», ни в Федеральной целевой программе «Электронная Россия», ни на радио, ни на телевидении. Это понятие не входит в перечень утвержденных правительством РФ терминов. В России после перестройки вплоть до 2000 года (до подписания Окинавской хартии глобального информационного общества) проблематика информационного общества не была особенно популярной ни в политическом, ни в экономическом, ни в социологическом дискурсах [19].

Однако за оптимистическими цифрами роста использования ИКТ в бизнесе и государственном управлении скрываются серьезные проблемы. Они связаны, прежде всего, с вопросами оптимизации использования информационных услуг, грамотным распределением бюджетов, обучением сотрудников. Например, Г. Ладыжинский (директор по техническому консалтингу корпорации Oracle) считает: «В России ситуация с затратами на информационные технологии сложная, я бы даже сказал, запущенная. В госсекторе, например, расклад таков: 72,7 % расходов уходит на приобретение компьютеров, 18,1 % – на локальные сети, 5,55 % – на подключение к глобальным сетям и лишь 1,8 % бюджета идет на обучение сотрудников» [20].

Согласно данным Oracle, бессмысленные траты на покупку персональных компьютеров и периферии приводят к потере 48 млрд руб. в год. В целом, в российских компаниях на обучение персонала (в сфере ИКТ) тратится в десять раз меньше средств, чем на Западе (табл. 1) [21].

Таблица 1

**Формирование IT-бюджета
на Западе и в России**

	В западных компаниях (%)	В российских компаниях (%)
Оборудование	20	72,7
Сети передачи данных, телефония	12	22,6
Лицензии на ПО	17	1,9
Персонал (зарплата, обучение)	34	1,8
IT-сервисы	14	0,1
Прочие расходы	3	0,9

Внедрение ИКТ, таким образом, часто опережает культурные возможности их применения. Во многих фирмах использование персональных компьютеров ограничено несколькими, самыми простыми программами, обучение сотрудников, приобретение нового программного продукта резко отстает от возможностей, которые существуют сегодня на мировом рынке программного обеспечения. Внедрение информационных технологий, таким образом, опережает становление новой управленческой и организационной культуры. Райков А. считает, что крупные компании покупают дорогое зарубежное программное обеспечение, не имея даже предварительной концепции наведения порядка в корпоративном управлении. В большинстве компаний автоматизировать приходится хаос. Информационные системы зачастую проектируются «на рыхлой почве», когда отсутствует даже утвержденная организационно-функциональная структура [22].

Рост организационной и управленческой культуры не соответствует росту ИКТ даже в наиболее модернизированных отраслях экономики. В малых городах и сельских пунктах такой разрыв еще более значителен.

Таким образом, внедрение современных информационных технологий само по себе не является гарантом эффективной социальной трансформации общества и уж тем более гарантом перехода от индустриально-иерархической системы к информационно-сетевой. Для национально-эффективного развития информационного общества необходимо конструктивное взаимодействие трех субъектов информационной трансформации – государства, бизнеса и общества.

Очевидно, что основные опасности, угрожающие российскому обществу, заключаются как раз в движении по направлению к «узкой специализации» страны как производителя сырьевых ресурсов. Внедрение ИКТ как технико-экономический процесс не

может способствовать изменению этой траектории. Компьютеры и другие средства связи только могут оптимизировать и ускорить истребление природных ресурсов.

Государственная стратегия должна заключаться в переходе страны на производство так называемой «высокой стоимости» – новых технологий, программного обеспечения, интеллектуального продукта. Информационные технологии в рамках такой стратегии играют, конечно, важную, но все-таки второстепенную роль. Основная задача находится в социально-культурном контексте, в сфере развития образования, науки и культуры. При этом имеется в виду не высокая культура, а массовая – культура труда, хозяйствования, экономических отношений и управления.

Литература

1. См.: Гончаров П. А. Глобальное культурное пространство: философский анализ: автореф. ... канд. дис. 09.00.13. – Ставрополь, 2009.
2. Appadurai A. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy // *Global Culture* / ed. by M. Featherstone. – Bristol: Sage Publications Ltd, 1997. – P. 195–310.
3. Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. – Minnesota: University of Minnesota Press, 1996. – 248 p.
4. Appadurai A. *Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy* ... P. 301.
5. Там же. – P. 296.
6. Appadurai A. *Modernity at Large* ... P. 182.
7. См.: Попов А. В. «Государство» и «власть» в дискурсах глобализации: автореф. ... канд. дис. 09.00.11. – Краснодар, 2011.
8. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
9. Sassen S. *Territory and Territoriality in the Global Economy* // *International Sociology*. – 2000. – № 2. – P. 394–408; Arrighi G. *Globalization and the Rise of East Asia: Lessons from the Past, Prospects for the Future* // *Ibid.* – 1998. – № 1. – P. 59–77.
10. Robertson R. *Globalization Theory 2000+: Major Problematics* // *Handbook of Social Theory*/ ed. by G. Ritzer and B. Smart. – London, 2001. – 466 p.
11. См.: Удовик А. Семиотика глобализации. – М.; К.: Релф Бук, 2004; Схаляхо З. Ч. Особенности виртуализации экономической сферы современного общества: автореф. ... канд. дис. 09.00.11. – Майкоп, 2008.
12. Чернов А. А. Становление глобального информационного общества. Проблемы и перспективы. – М., 2003.
13. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – М., 2004.
14. <http://www.ifap.ru/ofdocs/okinhar.htm>

15. См.: Ратиев В. В. Институализация и особенности функционирования информационных процессов в российском обществе: автореф. ... докт. дис. 22.00.04. – Краснодар, 2011.
16. См.: Там же.
17. Ярская В. Н. Нация vs насилие // Стратегия развития России и стран Восточной Европы в условиях трансформации социально-экономических систем. – Саратов: ГОУ ВПО ПАГС, 2004. – С. 39–55.
18. Туляков В. А. Жертвы злоупотребления властью и социального насилия: введение в проблему. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kiev-security.org.ua/box/13/g.shtml>
19. Вершинская О., Ершова Т. Информационное общество в России как проблема социально-политического выбора и общественной инициативы // Мир России. – 2003. – № 1.
20. См.: Купченко Д. Найти и перепрыгнуть // Профиль. – 2004. – № 32. – 6 сент. – С. 117.
21. Там же.
22. Райков А. Фундамент корпоративного менеджмента // Открытые системы. – 2000. – № 1.

УДК 008

О. П. Неретин

КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Рассматривается культурологический подход и дискурс как форма анализа и прогностической оценки современной социальной реальности.

Ключевые слова: культурологический дискурс, культура как образ жизни, модели развития российского общества.

О. P. Neretin

CULTURE AND SOCIAL REALITY

The article reviews the culturological approach and discourse as a form of analysis and prognostic assessment of contemporary social reality.

Keywords: culturological discourse, culture as a lifestyle, models of development of the Russian society.

Существуют авторы, которые пессимистически оценивают современные образы социальной и культурной реальности в отечественной науке. Они считают, что отечественные теоретики отстают от потребности социальных преобразований и сами преобразования происходят стихийно. Отечественные социологические, политологические, экономические разработки не обладают адекватными способами концептуализации социальной реальности. Отсутствует соответствующий язык описания, а создаваемые проекты имеют скорее статус прожектов. Образы же-

лаемого будущего имеют политехнологический характер и плохо учитывают имеющиеся объективные предпосылки. Концептуальный аппарат заимствуется из западных учебников и не соответствует сложившейся в России социальной и прочей стратификации.

С. Кордонский категорически заявляет: «Мое глубокое убеждение состоит в том, что основной посыл реформаторства – то, что для реформатора не имеет значения реальное состояние объекта реформирования. Его интересует только то состояние, к которому объект придет в результате реформи-

рования. Отсутствие интереса к реальности было характерно для всех поколений реформаторов, начиная с 1980-х годов до сегодняшнего времени. Сегодняшняя методология реформы правительства, с моей точки зрения, обусловлена отсутствием интереса к тому, как реально функционирует система управления государством, и стремлением преобразовать эту систему, привести ее к некоторому идеальному виду... Мы страну не знаем и, видимо, знать не хотим. Мы четко уверены в том, какая страна должна быть, мы не фиксируем те ограничения, которые задает сама реальность» [1].

В связи с этим, С. Кордонский дает некоторые характеристики отечественной социальной реальности, не совпадающие с наукообразными ее картинами. Он считает, например, что сувереном и основным социальным фактором в нашей стране остается государство. История страны также демонстрирует, что демократия не тот институт, который приживался в России. Поэтому странно ее ждать и прилагать усилия по ее устройству. Считается, что мы создаем рыночную экономику, при этом у С. Кордонского были многочисленные попытки показать, что у нас рынок есть, и гораздо более развитый, чем в других странах мира, имеется в виду административный рынок. На обычном рынке есть ограничения, т. е. некоторые услуги и товары, например, Родина, в продажу не поступают. Они являются культурной ценностью и не продаются. Отечественный рынок торгует практически всем: нет феномена или объекта, который нельзя продать в нашей стране. У нас фантастический по объему, по степени демократичности рынок, а мы еще пытаемся его строить. Нам говорят, что нужно строить гражданское общество. С его точки зрения, у нас очень мощное, развитое гражданское общество, наследованное еще с советских времен, потому что, не будь гражданского общества при Советской вла-

сти, мы бы не выжили. Но это гражданское общество с государством соотносится ортогонально, они пересекаются только в уголовном кодексе. То, что мы называем коррупцией, блатом, связями системы и всем прочим, это и есть институт российского гражданского общества. Когда мы боремся с коррупцией, то это борьба с собственным обществом. Принять то, что у нас такое общество, мы не можем [2].

Мы также согласны, что за «действительность» в отечественной традиции выдается ее идеологический легитимный образ, а реальный образ легитимен лишь в дискурсах обыденной, повседневной реальности, в маргинальных дискурсах, в дискурсах фантастических, утопических, антиутопических, филологических.

Альтернативные общепринятым характеристики социальной реальности существуют и у других исследователей. Так, согласно теоретическим моделям С. Глазычева, не существует в России ни городов, ни деревень, а есть совокупность разного рода слобод – это поселки при производствах, разросшиеся до размеров мегаполисов. Критический дискурс основан на пессимистической оценке возможностей отечественной социальной и гуманитарной науки. Допускаются отдельные позитивные результаты, которые, однако, не общепризнаны и не имеют широкого распространения.

С нашей точки зрения, как это ни парадоксально, но положительное значение «ситуации постмодерна» заключается в повышении роли культурологического дискурса для методологии социального и гуманитарного познания. Если в экономической теории человек может быть представлен как «товар» (товар – рабочая сила), «социальный капитал», в политической теории – как политический фактор, то с точки зрения используемой нами теории человек – это культурно-историческое существо – «личность».

Точно также мы будем рассматривать общество и социальный процесс. Если с позиции «экономизма» общество есть функция производства, с точки зрения технократизма общество и общественный прогресс есть функция техники, например, информационных процессов, с точки зрения психоанализа человек и общественные движения являются продуктом витально-сексуальной либидозной энергии, то, с точки зрения реализуемой нами культурологической концепции, общество есть функция культуры.

В первую очередь это будет обозначать, что личность и общество мы будем рассматривать как продукт реализации и функционирования культуры – культурных норм, ценностей и пр. Основными потребностями и заботами человека также будут представлены культурные потребности, интересы и цели деятельности. Соответственно, все основные проблемы и противоречия общественной системы по имени «Россия» будут трактоваться как генетически и функционально уходящие своими корнями в культуру.

Генетически современная Россия восходит к тем трансформациям, которые произошли в ходе деконструкции (перестройки) СССР. Россия обрела свой новый статус в результате трансформации советского культурного пространства в постсоветское и трансформации двуполусного мирового сообщества в многополусное.

С точки зрения избранного нами культурологического подхода произошедшая деконструкция была закономерным процессом. Любая деконструкция есть результат некоторых противоречий: в рассматриваемом нами аспекте современная Россия возникла в результате разрешения основного культурно-цивилизационного противоречия СССР – противоречия между сложившейся формой культуры и ее цивилизационными формами реализации. Идеологически советская куль-

тура опиралась на идею прогресса, гуманизма, всестороннего и гармонического развития личности. Цивилизационно эта форма культуры была облечена в рамки закрытого общества, автократические формы его организации, технологические и организационные формы, жестко соответствующие централизованному индустриальному обществу.

Потребности экономико-технологического характера на стадии перехода к информационному обществу требовали иной социальной и культурной организации. Однако существующие формы политической и идеологической культуры в своих авторитарно-бюрократических формах тормозили диверсификационные процессы. Поскольку СССР входил в число ведущих мировых держав, то противоречие существующей формы культуры и потребностей цивилизационного развития не заставило себя ждать, так как педалировалось международными, глобальными тенденциями. Диверсификация социокультурного пространства по имени «СССР» произошла через его переструктурирование – распад прежней формы социокультурных связей и конструирование новых форм социокультурных общностей.

Итак, основное противоречие – культуры и цивилизации – разрешилось путем создания новых социокультурных общностей. То, что такое противоречие характерно для продвинутых социумов этого периода, хорошо продемонстрировано разными исследователями, например, это хорошо показано в произведениях А. Тоффлера, Ф. Фукуямы и др. [3]. Так, Ф. Фукуяма пишет: «В течение второй половины XX века в США – так же, как и в других экономически развитых странах – постепенно был осуществлен переход к тому, что получило название “информационное общество”, “век информации” или “постиндустриальная эра”». Футуролог Элвин Тоффлер дал этому переходу

название «Третья волна», полагая, что в конечном итоге она будет так же логична и последовательна, как и две предыдущие волны в человеческой истории: переход от охоты и собирательства к земледелию, и далее – переход от земледелия к промышленному производству.

Этот переход состоит из ряда связанных друг с другом элементов. В экономике производство как источник богатства все в большей степени заменяется сферой обслуживания. Типичный работник информационного общества занят не в сталелитейном цехе или на автомобильной фабрике, а в банке, в фирме программного обеспечения, в ресторане, университете или в агентстве социального обслуживания. Роль информации и интеллекта, воплощенных как в людях, так и во все более умных машинах, становится всеобъемлющей, а умственный труд все в большей степени заменяет труд физический. Производство глобализируется по мере того, как недорогие информационные технологии делают все более легким распространение информации через национальные границы, а средства быстрой связи – телевидение, радио, факс и электронная почта – размывают границы устойчиво существовавших в течение долгого времени культурных сообществ. Иерархии всех видов, и политические, и корпоративные, подвергаются давлению и начинают распадаться. Власть больших, негибких бюрократических образований, которые стремились посредством правил, предписаний и принуждения контролировать все и вся в пределах своей сферы влияния, была подорвана переходом к экономике, основанной на знании; это способствует росту самостоятельности индивида, обретаемой благодаря доступу к информации [4].

По мере эволюционного развития локальных цивилизаций происходят различные системно-структурные видоизменения устой-

чивых алгоритмов, при сохранении культурного ядра «матрицы». Так процесс всемирной глобализации связывает между собой локальные цивилизации все более тесными узами в культуре, информации, политике. Перед ними встает перспектива интеграции в мировое «информационное» сообщество. Развитие локальных обществ в современную эпоху обеспечивается равноценным многообразием алгоритмов «матрицы» цивилизации. При подобном рассмотрении динамики локальных цивилизаций попытки на практике развиваться, опираясь на «моnofактор», бесперспективны. К тому же, если он понимается как экономический фактор, то это понимание ограничивает в целом систему социокультурных, коммуникативно-информационных, технологических, ценностных, этнопсихологических, политико-правовых, этико-религиозных, эстетико-художественных социокодов.

В то же время, как это ни парадоксально, но при всех сложностях, которые переживает Россия, наступление информационного общества может облегчить процесс устроения российской цивилизации. Постиндустриальное общество в своем развитии использует культурное разнообразие. Оно может пользоваться сохранившимися элементами архаичных культур, включая всё многообразие, которое дают российская гетерогенность и многонациональность. Возможность соединения многообразия и тех неорганических накоплений, которые мы имеем, с информационными технологиями, механизмами, культурными установками дает России шанс на успешный выход из возникших сложностей. Информационная цивилизация порождает структуры диверсифицированного, сетевого общества [5], которые в определенных условиях могут быть полезными для модернизации российского социума. Кроме того, направление самих трансформа-

ций как для авторитарно-социалистических, так и для империалистических социумов хорошо спрогнозировано в «теориях конвергенции», в теориях так называемого «единого индустриального общества» [6] и др.

Но коснулось ли произошедшее российской культуры? Можем ли мы сказать, что «перестройка» и есть результат кризиса самой советской культуры. Многие могут возразить, и такова безоговорочно позиция А. А. Проханова [7], отстаивающего мысли о том, что СССР – это страна самой передовой культуры – образования, науки, искусства и пр.

Конечно, многое зависит от того, как понимать вообще культуру. Иногда приводят факты, противоречащие рассматриваемым нами, что, мол, в эпоху социального и политического кризиса может наблюдаться расцвет поэзии, музыки, театра и пр. видов искусства, его новаторских форм. Наша позиция заключается в другом. Мы считаем, в рамках рассматриваемого нами подхода и принятых идеализаций, что кризис коснулся оснований самого общественного строя – его образа жизни. А культура и есть та форма, которая задает и организует образ жизни людей. «Культура» при этом понимается как образ жизни, механизм адаптации членов этноса к внешней реальности и адаптации реальности к потребностям этноса.

Современная среда очень изменчива и подвижна, а генетические возможности приспособляемости человека почти исчерпаны. Поэтому для комфортного, благополучного существования человека необходимо тесное динамическое единство человека и окружающих условий существования. В связи с этим встаёт проблема образа жизни. Образ жизни человека – это вся совокупность способов жизнедеятельности, способов существования человека в рамках некоторых природно и социально лимитирующих факторов.

Качество жизни – это мера взаимодействия между социумом (этносом) и лёгкостью или затруднённой удовлетворения потребностей. Качество жизни чаще всего определяют по степени удовлетворения основных материальных потребностей людей. В более широком плане – качество жизни есть мера благополучного существования человека при данных условиях. При этом, человеку и человечеству свойственно в целом стремление к неограниченному росту потребностей. Качество жизни обеспечивается динамическим равновесием индивида со средой, совпадением жизненных стереотипов и возможностей их реализации. Нижний предел обеспечения потребностей тоже очевиден. Этим критерием является ухудшение здоровья и гибель индивида. Снижение качества жизни – это рост стрессирующих факторов и ухудшение показателей здоровья. Рост смертности, заболеваний, сокращение продолжительности жизни есть свидетельство того, что лимитирующие рамки среды очень сузились. При этом, кризис адаптационного механизма есть не частный показатель, а показатель кризиса этнической культуры социума. Он может быть частью сложного, системного кризиса в обществе. «Вызов» (А. Тойнби) всегда является результатом кризиса образа жизни. Он может иметь различную природу – внешнюю и внутреннюю, экономическую, экологическую, геополитическую, военную, политическую и др.

Сущность современного российского кризиса можно обозначить как антропологический кризис. Одно из главных его проявлений – это кризис семьи, повлиявший и на отрицательный прирост населения. Это не просто демографическое эхо войны или результат перехода к более высокому уровню жизни. С нашей точки зрения, это является кризисом образа жизни, приведшего к распаду семейных ценностей, росту

индивидуализма, эгоизма, потребительства. Пагубной причиной и показателем деградации образа жизни и деформации продуктивных жизненных ценностей является высокий уровень преступности. Высокий уровень преступности может послужить причиной того, что обычно законопослушные и придерживающиеся норм члены общества начинают испытывать недоверие к другим и потому менее охотно взаимодействуют с ними на самых различных уровнях.

Некоторые авторы, например В. Н. Орлов и О. И. Карпухин, еще в 1990 году писали об отчуждении культуры в условиях государственного социализма в СССР [8]. В конце 1989 года журнал «Социологические исследования» организовал в Ленинграде круглый стол редакции на тему «Отчуждение при социализме». Обсуждались экономические, социальные, политические, психологические аспекты проблемы. Особое внимание было уделено фактам проявления отчуждения в молодежной среде. Речь шла в традиционном ключе – от «отчуждения в сфере труда» к «отчуждению в сфере досуга», от анализа «массовидных» форм отчуждения к «личностному» их измерению. В. Н. Орлов и О. И. Карпухин считают, что культурологический аспект проблемы выпал из поля зрения ее участников.

В своей статье они предложили подход к проблеме не от отчуждения труда к отчуждению в культуре, а напротив, от «отчужденной» культуры к «отчужденному» труду. Тем самым был предложен нетрадиционный подход к ее решению, который предполагает строить анализ, исходя, прежде всего, из фактов культуры в контексте актуальной тогда темы «культура и перестройка». Ученые размышляли, как правило, об экономикополитических сторонах перестройки, а вот о ее культурных, нравственных и эстетических аспектах больше умалчивали.

Перевод проблемы «культура и перестройка» в ракурс «культура и отчуждение» в условиях государственного социализма в СССР как раз и есть характеристика состояния Вызова. Это нашло выражение в отчуждении культуры от труда: культура стала существовать как бы сама по себе и для себя, а работники материального производства постепенно стали относиться к культуре безразлично, как к чуждому, далеко не всегда понятному для них явлению. В 1920–30-е годы был создан барьер, созданный культурно-просветительскими учреждениями, которые превратили творческую деятельность в «культурно-просветительскую работу», призванную повышать уровень духовного «обслуживания» населения, т. е. заполнять досуг культурными поделками, называемыми результатами «народного творчества». Произошла дифференциация, точнее – «элитизация»: для одних по-прежнему были доступны театры, концерты, для других – клуб на долгие годы стал единственным «очагом культуры», если учесть, что он «культурно» обслуживал преимущественно тех, кто постоянно проживал в общежитиях, т. е. в анти-социальных и антикультурных условиях.

Отчуждение выразилось и в появлении и бурном развитии «альтернативной» культуры, существующей помимо и вне государственных и профсоюзных учреждений. Примером тому может служить рост авторской песни, студий, рок-ансамблей и т. п. Укрепление административно-командной, бюрократической системы привело в определенной степени к стагнации культуры, ее застою, увеличению произведений так называемого соц-, а может быть, «сюр»-реалистического искусства, предназначенного для воспроизводства механизмов тоталитарного этатизма. Понятно, что у населения со вкусами эрзацкультуры нет потребности в высоком

художественном дизайне бытовой техники, транспорта и пр. С другой стороны, недаром отечественные дизайнеры десятилетиями не имели стимула к разработке высокохудожественных качеств бытовой и пр. техники. Можно согласиться с Орловым и Карпухиным, что отчуждение культуры от человека выражается, прежде всего, в том, что она фактически перестала оказывать эффективное воздействие на духовное, нравственное развитие личности, а личность перестала испытывать потребность в культуре, в обладании ее ценностями. Как свидетельствуют данные отраслевой социологической службы Министерства культуры РСФСР, десятая часть взрослого населения краевых и областных центров полностью или почти полностью оказывалась вне сферы деятельности и влияния учреждений культуры и искусства и обходится без них [9].

Современный антропологический кризис есть в терминологии культурно-исторических типов очередной Вызов, не справившись с которым, социум по имени «Россия» исчезнет. Подчеркиваем, речь идет не просто о задачах экономической или технологической модернизации, как это иногда представляют некоторые авторы, сводя все к проблеме технологических инноваций [10].

Советский тоталитаризм и авторитаризм был политической, организационной и идеологической формой мобилизационной культуры, которая способствовала переходу России (СССР) на индустриальную стадию экономики. Однако, как и всякая мобилизационная форма, она может действовать лишь ограниченное время и не может являться формой «нормальной жизни». Нормализация может происходить за счет создания соответствующих культурно-институциональных норм и ценностей – соответствующих форм трудовой, правовой, нравственной, полити-

ческой, эстетической культуры. Не завершив этот процесс, Россия (СССР) оказалась втянутой в глобализационную трансформацию.

С начала 70-х до начала 90-х годов по Латинской Америке, Европе, Азии и по бывшему коммунистическому миру прокатилась волна возникновения новых демократических режимов. Она стала дальнейшей манифестацией либеральных эгоистических ценностей. Однако в таких странах, как Россия, «великий разрыв», с нашей точки зрения, сопряжен еще с рядом обстоятельств. К ним относится а) кризисность российского социума; б) крайняя неравномерность экономического развития регионов и отраслей, центра и периферии; в) низкое качество (уровень) социального капитала; г) значительные деформации социализации; д) высокий уровень социального неравенства и отчуждения; е) неравномерность условий существования – жизни и быта.

Современный тип организации российского социума и тип личности утратил способность к инновациям, пассионарным толчкам, революционным взрывам. Социальная энергия не имеет преимущественной реализации в область социальных, экономических, культурных самореализаций индивида. Ответ на Вызов, в очередной раз с 1960 года не найден. Попытка перестройки и ускорения 1985 года оказалась неудачной. Физическое вымирание доминирующего этноса на геополитическом пространстве России есть свидетельство отсутствия Выхода. Обращение к традиционным религиям пока лишь консервирует ситуацию, но не дает Ответа на Вызов.

Сложность положения России в том, что она сама находится с 1990 года в состоянии кризиса. Экономический и социальный уклад, сформировавшийся в течение 1990-х годов, совмещает в себе самые раз-

личные и, казалось бы, несовместимые «фрагменты» [11]: технологически передовой постиндустриализм и квазирынки, возродившуюся архаику и натуральный обмен, криминальную экономику, подневольный труд, индустриализацию, постиндустриализацию и деиндустриализацию. Такое экономическое и технологическое разнообразие создает ниши для социализации личности как в позитивном, так и в самом негативном направлении. В развитых странах 70 % прироста ВВП происходит за счет наукоемкого производства. Доля России на мировом рынке хайтека – около 1 %. Бюджет всей российской науки составляет 2 млрд дол., а в Китае – 28 млрд дол. Россия регистрирует в 10 раз меньше патентов, чем Япония, в 6 раз меньше патентов, чем США, в 2 раза меньше, чем маленькая Корея. Из этих немногих изобретений у нас внедряется только 0,5 %. Результативность науки вычисляется как сальдо экспорта-импорта технологий. У России этот показатель «-361», у США – «+24 844» [12]. Если к этому добавить, что в России в 2003 году исследованиями и разработками было занято 858 470 человек, а в США около 5 млн, то сложно думать о мировых приоритетах. Профессор В. И. Тарушкин отмечает: «Сегодня мировой рынок новых прорывных технологий и научной продукции – самый привлекательный и прибыльный. Ежегодный оборот на таком рынке составляет почти 3 трлн дол., что в несколько раз превышает оборот всех сырьевых ресурсов, включая нефть. И вот из такого “пирога” США получает 39 %, Япония – 30, Германия – 16, а доля России составляет лишь 0,3 %». И далее: «В ведущих странах доля науки, образования, прогрессивных и наукоемких технологий, т. е. составляющих научно-технического прогресса в валовом внутреннем продукте достигает 95 %, а в России не превышает 5–10 %» [13].

Мы хотели бы это прокомментировать так, что в технологически продвинутых странах гуманитарная составляющая прогресса, основанная собственно на достижениях познания и культуры – образования и науки – доминирует, а ведущими формами производства являются человекоцентричные, ориентированные на человека.

Одна из особенностей современного социального порядка России заключается в том, что социальный разрыв, возникающий под влиянием экономико-технологических изменений, обусловлен не внутренней, а внешней инновационной волной. Человеческий капитал современной России во многом не подготовлен для потребностей информационной цивилизации. Другими словами, по определенным причинам та форма культуры (и образа жизни), которая доминировала в стране, не соответствует передовым образцам культуры супериндустриального и информационного общества.

Элементарным примером является современная автомобилизация. С удовольствием пересаживаясь в «Тойоты» и «Фольксвагены», россияне, в лице своих топ-менеджеров, оказались элементарно не способными перенять зарубежный опыт упорядочивания дорожного движения и обеспечения нормальных парковок. Кроме того, процессы вестернизации, обуржуазивания ценностей и коммерциализации отношений обострили их переоценку небывало, фактически выявили несостоятельность мифов соборности, духовности, особой души. Общий низкий уровень социального капитала (читай «культуры») в стране обнаруживается то тут, то там в самых разных формах. Можно сказать, что уровень, характер и состояние культуры личности, востребованной видами и уровнем деятельности супериндустриального и информационного общества, остаются

ся нетипичными для российского общества. И напротив, типичными остаются неумение создать продукты высочайшего дизайнерского (читай культурного) уровня, например, в области автомобилестроения; безобразная производственная и технологическая культура, примерами чего могут быть Чернобыльская авария и авария на Саяно-Шушенской ГЭС, теплоходе «Булгария» и др.; низкая степень обыденной, повседневной культуры и др. Попытка заменить мораль законом оказывается никчемной, так как отсутствие нравственной подосновы права делает невозможным саморегуляцию социального капитала, а право все ситуации предусмотреть не в состоянии.

Тупиковый характер современного образа жизни (читай «культуры») и сопутствующей ему социализации показывает современная демографическая ситуация. Социологи и демографы давно уже говорят о депопуляции: чтобы страна не вымирала, каждая российская семья должна рожать 2,8 детей. А у нас этот показатель равен 1,8 (ср.: в Африке – 5 детей в среднем на женщину). При этом, только 6,6 % семей с тремя и более детьми, и если к ним добавить 28 % с двумя детьми, получается, что только одна треть российских семей выполняет репродуктивную функцию [14].

Балашов Л. Е. полагает, что болевая точка современной цивилизации и ее конфликта с культурой в том, что не удастся соединение двух важнейших факторов жизни: нормального воспроизводства населения и развития цивилизации. Мы уже говорили о конфликте культуры и цивилизации, который в условиях современной России проявляется в самых разных формах. Низкая рождаемость, вымирание в нашем случае являются результатом разрушения традиционной культуры и нецивилизованности. Под нецивилизованностью

мы понимаем низкий уровень культуры, потребной для постиндустриального общества, а также то, что современное российское общество в числе ведущих приоритетов имеет не семью и ребенка, а обогащение, наслаждение. И напротив, мы видим, что социумы типа современного индийского или китайского сохраняют как высокую рождаемость на основе культа семьи, так и потенциал прорыва в информационное общество. При этом, бесспорен такой факт, как ухудшение благосостояния российской семьи в результате рождения ребенка, труд родителей по-настоящему не оценен обществом [15]. Поэтому мы считаем, что можно говорить об антропологическом кризисе как современной цивилизации, так и России. Однако сказанное не означает, что проблема народонаселения не будет решена в России. Явно, что она будет решаться за счет миграции, как это делается в старой Европе. При этом очевидно изменение физического и культурного антропологического облика российского человека в ближайшем столетии (десятилетиях).

Сохранит ли Россия свою целостность при этом? Это, опять-таки, вопрос культурологический – вопрос о культурной идентичности населения на геополитическом пространстве по имени «Россия». Эта болевая точка отечественной культуры тесно связана с проблемами социализации и ассимиляции мигрантских общностей.

В современных условиях происходит прагматизация и коммерциализация системы образования – ориентация почти исключительно на подготовку специалистов-профессионалов. При этом упускается из виду то, что отечественное образование осуществляет не только профессиональную, но и гражданскую социализацию, в том числе отвечающую за российскую идентичность [16]. Для России понятие «образование» включает

традиционно единство школы, как таковой, фундаментальной науки, как неотъемлемой основы для подготовки специалистов, и гуманитарной культуры, как основы духовного единства народов, населяющих Россию.

Непонимание роли и значения гуманитарного образования и гуманитарной сферы – культуры – составляет важнейшую трагедию современного этапа. Многие представители российского общества, это касается в первую очередь элиты, не понимают, что развитие гражданского, нормального социума невозможно без развития гуманитарной сферы (читай культуры). Не религия, не политика, а весь комплекс гуманитарного знания в целом – человековедения – является средством создания той среды, которая и образует ценности цивилизационного феномена (читай «духовной культуры») по имени «Россия». Получить долговременные положительные результаты для страны можно лишь через формирование «нового» образа жизни, через развитие бытовой, производственной, профессиональной, политической и пр. культуры.

Основные прогностические модели с культурологической точки зрения таковы [17]:

Первая – это победа культурного консерватизма и попытка стабилизации страны на основе ее особого пути. Это продлевает существование на 50–100 лет.

Вторая модель – прямое подчинение глобализационным тенденциям и превращение в мировую культурную провинцию.

Третья – интеграция в мировое сообщество на равных правах через приоритетное развитие достижений информационной и отечественной культуры.

К сожалению, развитие пока идет в рамках первого и второго вариантов.

Таким образом, существуют различные варианты прогностических моделей для будущего России. Основной позитивный выход находится в рамках не сырьевой и даже не экономической, а в рамках культурологической модели не догоняющего, а альтернативного типа в условиях постиндустриальной цивилизации. Следует ориентироваться на модели социального управления, в которых нравственно-духовное измерение жизни людей и общества в целом стало бы приоритетным. Это невозможно сделать без повышения роли культуры, ибо именно она является способом смыслового, ценностного понимания действительности, качественной оценки и освоения гуманистических норм жизни, проявления сущностных сил личности, духовной энергии общества. Модель образа жизни на основе ценностей культуры представляет собой сферу социального конструирования и совершенствования современной социальной, политической и экономической реальности.

Литература

1. Кордонский С. Социальная реальность современной России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2004/05/11/kordon/>
2. Кордонский С. Социальная реальность современной России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2004/05/11/kordon/>
3. Бэлл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. – М., 1983; Bell D. The Social Framework of the Information Society. – Oxford, 1980; Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.; Masuda J. The Information Society as Post-Industrial Society. World Future Society. – 1981; Castells M. The Information Age:

- Economy, Society and Culture. – Vol. I–III. – Oxford: Blackwell Publishers, 1996–1998. Тоффлер О. Третья волна. – М.: Антология, 2002. – 453 с.; Фукуяма Ф. Великий разрыв / пер. с англ. под общ. ред. А. В. Александровой. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004 и др.
4. Фукуяма Ф. Великий разрыв ... С. 12–13.
 5. Kastels M. Information Age: Economy, Society and Culture. – Vol. I–III. – Oxford: Blackwell Publishers, 1996–1998.
 6. Теории конвергенции Р. Арона, Д. Гэлбрэйта и др.
 7. См. например: программа «Особое мнение» на радио «Эхо Москвы»: «...советская культура – это была культура большого стиля. Как только рухнула советская культура, мы живем в атмосфере абсолютного бескультурья, бессмыслицы, невежества, в отсутствии крупных идей культурных, философских и научных». – Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/669729-echo/>
 8. Орлов В. Н., Карпукhin О. И. Культура и отчуждение // Социологические исследования. – 1990. – № 8.
 9. Орлов и Карпукhin так комментируют эти результаты: «Эти данные свидетельствуют о том, что у подавляющего большинства опрошенных отсутствует потребность в культуре. И дело не только в низком качестве ряда концертов, спектаклей, выставок, в их нравственной и эстетической убогости. Дело еще и в том, что у большинства населения низкий уровень культурного, духовного развития» // Участие населения краевых и областных центров РСФСР в культурной жизни (некоторые итоги социологического исследования). – М., 1987. – С. 81.
 10. См.: Гриценко В. П. Кризис социального порядка в связи с технологической революцией и экономическим кризисом. Материалы круглого стола на тему «Взаимоотношение личности и общества в условиях социально-экономической нестабильности» // Общество и право. – 2009. – № 5(27).
 11. См.: Покровский Н. Е. Транзит российских ценностей: нереализованная альтернатива, анатомия, глобализация // Глобализация и постсоветское общество / ред. А. Согомонов и С. Кухтерин. – М.: Стони, 2001.
 12. Лесков С. Академия на медленном огне // Изв. – 2006. – 29 июня.
 13. Тарушкин В. И. Интеллектуальный потенциал России. Нужна национальная стратегия создания конкурентоспособной научной продукции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.center.ru/riaside/index.phtml?page=1&tbl=tb_88&id=992/
 14. См.: <http://vip.subscribe.ru/person/390>
 15. См.: Балашов Л. Е. Человечеству грозит гибель от депопуляции, если... (арабески мысли, отрывки из книг, рукописей). – М., 2009. – (Издание автора).
 16. См.: Садовничий В. А. Выступление ректора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова на Всероссийском совещании заведующих кафедрами гуманитарных и социально-экономических дисциплин. – М.: МГУ, 2003. – 20–21 нояб. – С. 9.
 17. Разлогов К. Э. Государственная политика в сфере культуры // Культура России: Информационно-аналитический сборник 2010 года. – М., 2010. – С. 36–37.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ ART STUDIES

УДК 304.2

Е. И. Лопатина

К ПРОБЛЕМЕ ВСТРЕЧНОГО ДВИЖЕНИЯ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ И АКАДЕМИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ

Проблема встречного движения массовой культуры и академической музыки как одной из основных направлений элитарной культуры является актуальной. Снимая проблему противостояния, элементы массовой культуры включаются в контекст элитарной и наоборот, обогащая и дополняя друг друга. В данной статье определяются некоторые векторы процесса их взаимодействия.

Ключевые слова: массовая культура, академическая музыка, новые средства коммуникации, информационные ресурсы, третье направление.

E. I. Lopatina

TO A PROBLEM OF COUNTER MOVEMENT OF MASS CULTURE AND ACADEMIC MUSIC IN MODERN CONDITIONS

Problem of counter movement of mass culture and academic music becomes critical now, as one of the basic directions of elite culture. Removing a problem of antagonism, the elements of mass culture are included in a context of elite culture and, on the contrary, thus, enriching and enhancing each other. In given clause the author defines some vectors of process of their interaction.

Keywords: mass culture, academic music, new means of communication, communication resources, third direction.

В последние десятилетия наблюдается тенденция массовизации всех видов культуры и искусства, которая связана, прежде всего, со сложным и многоплановым периодом конца XX – начала XXI веков, отмеченным многообразием, противоречивостью и неоднозначностью самой общественной жизни. Совершился переворот в сознании людей, произошла переоценка ценностей. То, что долгие годы было под запретом, стало общедоступным (многочисленные

литературные произведения, кинофильмы, научные труды, исторические факты). В настоящее время все более актуальной становится проблема встречного движения массовой культуры и академической музыки, как одной из основных направлений элитарной культуры. До настоящего времени проблема взаимодействия массовой культуры с творчеством академических музыкантов остается мало разработанной. В данной статье мы постарались определить некоторые векторы

процесса их взаимодействия. Прежде, чем перейти к анализу этого явления, обратимся к терминологии.

Массовая культура – термин, используемый в современных гуманитарных науках для обозначения специфической разновидности духовного производства, ориентированного на «среднего» потребителя и предполагающего возможность широкого тиражирования оригинального продукта. Одно из основных направлений современной массовой культуры – индустрия досуга, включающая в себя массовую художественную культуру (приключенческая, фантастическая и «бульварная» литература, аналогичные «развлекательные» жанры кино, карикатура и комиксы в изобразительном искусстве, рок- и поп-музыка, эстрадная хореография и сценография, всевозможные виды шоу-индустрии). Главными ориентирами шоу бизнеса стали зрелищность, яркость и навязчивость.

Элитарной или высокой культурой (от фр. *elite* – отборное, выбранное, лучшее) принято считать субкультуру избранных групп общества. Она характеризуется принципиальной закрытостью, духовным аристократизмом и ценностно-смысловой самодостаточностью. Апеллируя к избранному меньшинству своих субъектов, являющихся, как правило, одновременно ее творцами и адресатами, элитарная культура сознательно и последовательно противостоит культуре большинства, или массовой культуре в широком смысле (во всех ее исторических и типологических разновидностях – фольклору, официальной культуре того или иного сословия или класса, государства в целом, культурной индустрии технократического общества XX века и т. д.). Одним из направлений элитарной культуры является академическая музыка. Произведения А. Шнитке, Э. Денисова, Г. Уствольской, С. Губайдулиной – яркий пример искусства, пользующегося повышенным интересом в первую очередь у слушателей-профессионалов.

О некоем «противостоянии» массовой и элитарной культур среди музыкантов, искусствоведов, культурологов и философов ведутся неутихающие дискуссии. Большинство из них склоняются к мнению, что массовая музыкальная культура настолько заполонила все культурное пространство, что полностью вытеснила музыку академического направления.

Точка зрения о том, что единственным выходом из противостояния может служить раскол культуры и выделение из нее элитарного (аристократического) искусства, уходит своими корнями в теории А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, а позднее – О. Шпенглера, Х. Ортеги-и-Гассета. Анализ элитарного и массового сознания, их взаимодействие в современной художественной культуре и в теории постмодернизма освещены в трудах Р. Барта («Мифологии», «Система моды. Статьи по семиотике культуры», «Империя знаков», «Избранные работы. Семиотика. Поэтика»), М. Фуко («Слова и вещи», «Археология знания»), У. Эко («Открытое произведение»), Т. Адорно («Эстетическая теория») и других.

Бурное развитие средств массовой информации, активно начавшееся во второй половине XX века, повлекло за собой колоссальное распространение и потребление информации научной, политической, экономической и художественной – с помощью технических коммуникативных средств. Влияние технических средств на культуру и искусство неоднозначно. С одной стороны, благодаря новым средствам коммуникации, люди получили возможность изучать многовековое достояние мировой художественной культуры. Показательным в этом отношении является использование глобальной сети Интернет для расширения кругозора пользователей разных возрастов и профессий. Посетители интернет-сайтов имеют возможность «прогуливаться» по виртуальным музеям и выставкам, становиться читателями

виртуальных библиотек. На сегодняшний день Интернет – это универсальное средство массового распространения аудиопродукции и академической музыки в том числе.

Миллионам пользователей стали доступны созданные профессиональными композиторами собственные сайты, на которых размещаются произведения, биографическая информация и прочие сведения. Любой пользователь может даже пообщаться с композитором в режиме on-line. В последнее время в социальных сетях появилось множество так называемых социальных групп поклонников, проявляющих интерес к творчеству современных академических композиторов. Так, в модной, особенно среди молодежи, социальной сети «ВКонтакте» на протяжении нескольких лет существует множество различных групп. Например, группа «Валентин Сильвестров» посвящена творчеству самого известного украинского композитора, классика академической музыки XX века; отдельный сайт предназначен для пропаганды творчества Алемдара Караманова. Другой пример: «Новая музыка ВКонтакте» – крупнейшая база аудио-, видео-, фотоматериалов и перечень ссылок, посвященных современной академической музыке, или «Клуб любителей современной академической музыки» (КЛМН). В эти группы входят тысячи участников, которые имеют возможность сиюминутного обмена интересующей их информацией по определенному направлению. Ресурсы сети Интернет с каждым днем пополняются. С другой стороны, продукты массового художественного производства пытаются заменить подлинное искусство. Большая часть стандартной, порой примитивной поп-культуры пагубно влияет на сознание потребителя.

Открылись различные информационные ресурсы (появилось огромное количество различных газет, журналов, теле- и радиопередач), в общество хлынул поток

коммерческой продукции, порой весьма сомнительного качества: телевидение заполнили телесериалы, а на смену литературной классике пришли жанры детектива, так называемые женские романы, фэнтэзи и т. п. Основной чертой массовой культуры XX века стал процесс коммерциализации искусства и бурное развитие индустрии развлечений, которая и привела к возникновению феномена, названного Т. Адорно «культуриндустрией». «Кино и радио сами себя называют индустриями, и публикуемые цифры доходов их генеральных директоров устраняют всякое сомнение в общественной необходимости подобного рода готовых продуктов» [6, с. 187]. Сказанное Т. Адорно относится практически ко всем видам массовой культуры. Неотвратимая стандартизация, наступающая вследствие серийного производства продуктов «культуриндустрии», приносит в жертву все то, что отличало логику произведения искусства от логики промышленного производства. Тенденцию коммерциализации культуры отмечают в своих трудах К. Ясперс («Духовная ситуация времени»), О. Шпенглер («Закат Европы»), Ж. Бодрийар («Фантомы современности»), П. Сорокин («Человек. Цивилизация. Общество») и другие.

Общее состояние культуры не могло не сказаться на творчестве композиторов, развивающих академические традиции. Явление встречного движения массовой культуры и академической музыки приобрело как положительные, так и отрицательные стороны. В связи с этим музыковед Ю. Паисов пишет о новом поколении композиторов следующее: «Целеустремленные композиторские искания сменяются порой лихорадочными метаниями, отчаянными бросками из одной крайности в другую, а призванный быть руководящим для художника этический идеал, нравственный эталон вытесняется иногда прозрачным блеском моды или, чаще, конъюнктурой пока еще дикого рынка» [1, с. 124].

Современные композиторы продолжают вести активный поиск выхода из ситуации, которую М. Арановский назвал «парадоксом коммуникации» в музыке XX века. Предельно обострилась проблема взаимоотношения между композитором и слушателем, особенно молодым. Именно поиски новых форм контакта с аудиторией повлекли за собой процесс встречного движения академических жанров и массовой культуры. Развлекательные жанры – общедоступны для широкой аудитории, как правило, не требуют специального образования и понятны большинству слушателей. Так, композиторы Э. Артемьев, Г. Гладков, А. Журбин, А. Рыбников, принадлежащие к академическому направлению, обратились к сфере массовой культуры и в частности к рок-музыке – как эстетике ведущего молодежного музыкального движения 60–70-х годов прошлого века. Эти профессиональные музыканты пытались синтезировать в своих произведениях приемы «серьезной» классической и современной музыки с приемами музыки «легкой» и развлекательной. Появление в их творчестве новых театральных жанров, таких, как мюзикл и рок-опера, было связано, в первую очередь, с тесным сотрудничеством этих авторов с театром, кинематографом и мультипликацией.

Р. Щедрин, анализируя творчество не только названных, но и других композиторов, высказал мысль о появлении в музыкальной культуре так называемого «третьего направления» (к первому направлению он относил серьезную, элитарную музыку, ко второму – легкую, массовую). С точкой зрения композитора, корреспондируется и оценка ученого. Так, по мнению И. Земцовского: «Композитору третьего направления не нужна интонационная экзотика, он ищет выразительность, понятную большинству и стремится к слуховой чуткости особого рода – той, что рождается на пересечении целого ряда линий: бытового музицирования, классики и

эстрады разного толка, поэзии, кино и театра. Это направление характеризуется культивированием не «усредненных», но объединяющих музыкальных средств» [2, с. 15].

В. Конен предлагает несколько иную классификацию: первый пласт – народная музыка, второй пласт – профессиональная, а третий пласт – музыка, выходящая за рамки как народной, так и профессиональной. По словам В. Конен, именно третий пласт стал «олицетворением массового сознания нашего времени» [3, с. 16]. Проблемам взаимодействия двух видов музыки – массовой и академической – посвящено исследование А. Цукера «Жанрово-стилевые взаимодействия академической и массовой музыки. Возможности. Пути. Перспективы». Исследователь рассматривает эти нередко конфронтрующие между собой направления как две составные одной эстетико-художественной системы, показывая, что в наши дни сложные процессы синтеза, интеграции преобладают над процессами дезинтеграции, предлагая новые перспективы сотрудничества между многими сферами музыкального искусства – академическим, фольклорным, массовым и др.

По мнению В. Холоповой, «культура XX столетия, благодаря диффузии достижений всех континентов, социальных групп, активному включению технических возможностей образует хаотический плюрализм, в котором композитор делает выбор и новый синтез, тем самым стоит перед необходимостью создания тех или иных новаций. Так, родились новые виды «субмузыки» – с одной стороны, электронная, «конкретная», их синтез друг с другом и с музыкой натуральных звучностей, с другой стороны – джаз (синтез американских и европейских традиций), рок-музыка (включает рудименты джаза, эстрады, электронику). Та же социально-культурная тенденция вызвала к жизни новые жанры – рок-оперу, песенную оперу,

рок-балет, мюзикл и подобные гибриды, соединяющие элементы различных музыкальных «субкультур» [5, с. 86].

Один из лидеров современной отечественной музыки, композитор С. Слонимский пишет: «Нынешний разгул массовой культуры пагубно воздействует на сознание детей и подростков. Разрыв между высочайшим уровнем сегодняшней подлинной музыкальной культуры и массовой продукцией, тиражируемой средствами массовой информации, небывало огромен. И чем выше технический прогресс, тем ниже уровень музыкальных вкусов владельцев и продавцов этих технических средств, ниже уровень того музыкального товара, который они непрерывным повторением навязывают потребителям как якобы самый престижный, самый “крутой”. Удручает обвальное, направленно достигнутое падение вкусов, почти одичание немалого числа телезрителей, посетителей интернет-сайтов, на самый низкопробный вкус рассчитаны передачи самых главных телеканалов. В качестве шика – нецензурная брань, звучащая из уст телезвезд» [4, с. 136].

Не менее пессимистично выглядит концепция композитора В. Мартынова, в которой он говорит о «смерти музыки как пространства искусства», о времени, которое он сам назвал «концом времени композиторов». Проблема получила свое развитие в нескольких книгах В. Мартынова, в которых раскрывается очень продуманная, последовательная и цельная культурологическая, антропологическая, онтологическая концепция. Размышления на эту тему были начаты авторитетным мастером еще в «Истории богослужебного пения» (1994), затем продолжены в книгах «Культура, иконосфера и богослужебное пение Московской Руси» (2000), «Конец времени композиторов» (2002) и «Зона Opus posth, или Рождение новой реальности» (2005).

Однако молодые композиторы XXI века отказываются признавать за собой статус

призраков: заканчивая обучение в консерватории, они пишут партитуры и требуют к себе внимания исполнителей и слушателей. Так, в 2005 году была создана группа СоМа, которая стала одним из первых объединений композиторов, начавших свой творческий путь в постсоветский период. Участники группы, избрав для своего творчества курс на отрицание академических канонов, соприкоснулись с реалиями художественной среды, которые, с одной стороны, открывали новые возможности, а с другой – ставили перед глобальными вопросами предназначения и места современной музыки в российской культуре. В 2009 году при Союзе композиторов России, председателем которого является В. Казенин, было создано Молодежное отделение (МолОт). Это творческое сообщество не только композиторов, но и музыковедов из разных регионов России сразу начало активную деятельность. В московском отделении МолОта каждый месяц проводятся смотры новой музыки, проходят концерты. В 2010 году был выпущен первый компакт-диск с произведениями молодых авторов. Им дан шанс заново утвердить высочайший статус профессии композитора и создавать музыку XXI столетия.

Проанализировав современное состояние культуры и работы ряда исследователей, становится ясным, что со второй половины XX столетия наблюдаются попытки все большего сближения двух культур. Снимая проблему противостояния, элементы массовой культуры включаются в контекст элитарной и наоборот, таким образом, взаимообогащая и дополняя друг друга. Следует отметить, что данное явление имеет как положительные, так и отрицательные стороны в области взаимодействия массовой культуры и академического музыкального направления. С одной стороны, художественным продуктом встречного движения двух культур является рождение новых музыкальных жанров,

крупнее – появление «третьего направления», «третьего пласта», а развитие средств массовой информации в частности появление Глобальной сети Интернет открыло перед академическими композиторами массу новых возможностей. С другой стороны, многие

исследователи отмечают пагубное влияние массовой музыкальной культуры на сознание слушателей, на их музыкальный вкус. А появление новых технических средств лишило нас непосредственного контакта с композитором и исполнителем.

Литература

1. Аверьянова О. И. Русская музыка второй половины XX века. – М.: РОСМЭН, 2004. – 140 с.
2. Земцовский И. И. Путь и стиль // Советская музыка. – 1985. – № 11. – С. 15.
3. Конен В. Д. Третий пласт. Новые массовые жанры в музыке XX века. – М., 1994. – 160 с.
4. Слонимский С. М. Свободный диссонанс: очерки о русской музыке. – СПб., 2004. – 141 с.
5. Холопова В. Н. Музыка как вид искусства. – М., 1990. – 140 с.
6. Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика просвещения. – М., 1997. – 310 с.

УДК 784.4:78.072.2

Н. В. Леонова

ИЗ ИСТОРИИ ЗАПИСИ МУЗЫКАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА СИБИРСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Автор статьи, опираясь на публикации 2-й половины XX – начала XXI века, выделяет три периода в новой истории записи музыкального фольклора сибирских переселенцев и характеризует основные черты каждого из них.

Ключевые слова: музыкальный фольклор, этномузыкознание, полевые исследования.

N. V. Leonova

FROM THE HISTORY OF RECORDING OF THE SIBERIAN SETTLER'S MUSICAL FOLKLORE

In this article three stages of the Siberian musical folklore's recording are distinguish. The author considers all available publications of the second half of the 20th and early 21th centuries and defines the main features of this stages.

Keywords: musical folklor, ethnomusicology, fieldwork.

Первые небольшие собрания нотных записей русских народных песен сибирского бытования были опубликованы в конце XIX – начале XX веков в трудах М. Костюриной, В. Бартенева и Н. Протасова. Эти ма-

териалы автор настоящей статьи определил в качестве ранних источников, составивших предисторию сибирской музыкальной фольклористики, и посвятил им самостоятельную работу [1]. Собственно история

записи музыкального фольклора в Сибири невелика и занимает период от середины XX века до настоящего времени. В этой истории можно выделить несколько этапов-периодов. В процессе периодизации рассматривались следующие данные: состав собирателей, их квалификация, основной объект и цели полевого изучения, использование результатов в издательской и исследовательской деятельности.

Первый период охватывает 1940–1960-е годы. В эти годы запись музыкального фольклора велась двумя группами собирателей. Первую группу образовали местные, т. е. сибирские специалисты-энтузиасты, не имеющие фольклористической подготовки. Это – композиторы и хормейстеры, для которых фольклор не являлся объектом исследования, они обращались к народным песням в поиске материала, расширяющего и обогащающего возможности основной (композиторской или исполнительской) творческой деятельности.

Композитор, руководивший в разные годы несколькими исполнительскими коллективами, в том числе Сибирским народным хором, Андрей Порфирьевич Новиков, начиная с 1945 года, опубликовал в соавторстве с Л. Н. Кондыревым и В. С. Левашовым несколько сборников (песенников) сибирских народных песен [2]. Материал для них был собран в Новосибирской, Омской, Томской, Кемеровской областях и Алтайском крае [3]. Часть собранных материалов, в частности записи, выполненные от знаменитой омской песенницы, автора современных народных песен Аграфены Оленичевой, были опубликованы московским композитором А. П. Копосовым [4].

В 1960-е годы начали собирательскую работу в Сибири хормейстеры В. Г. Захарченко (в Новосибирской области) и К. М. Скопцов (в Красноярском крае). Сибирская история первого из них (ныне руководителя Государ-

ственного народного Кубанского казачьего хора) была недолгой [5]. Тем не менее, именно В. Г. Захарченко опубликовал первый в Сибири сборник по материалам одного русского старожильского села – «Песни села Балман» (Новосибирск, 1969), приняв участие в подготовке двух первых пластинок с записями народных исполнителей из Новосибирской области (фольклорные коллективы сел Балман и Бергуль). Позже, в 1983 году, в соавторстве с ведущим новосибирским фольклористом М. Н. Мельниковым он публикует один из самых авторитетных сборников сибирского свадебного фольклора [6].

К. М. Скопцов за несколько десятилетий собирательской работы объехал, вероятно, все районы Красноярского края. Записанные им песни зазвучали со сцены в исполнении профессиональных и самодеятельных артистов, использованы при подготовке радио- и телепередач, художественных фильмов. Красноярский собиратель подготовил более десятка сборников и песенников, первый из которых вышел в свет только в 1983 году [7].

Вторую группу собирателей сибирских песен отмеченного периода составили приезжие фольклористы, главным образом, из Москвы. В 1956 и 1957 годах Московская государственная консерватория и Государственный музыкально-педагогический институт имени Гнесиных при участии Союза композиторов СССР подготовили и провели две экспедиции в ряд районов Красноярского края. Собиратели работали несколькими отрядами, руководил и координировал их деятельность известный фольклорист, собиратель и издатель народных песен В. И. Харьков. Почти все участники экспедиции были в тот момент студентами, проходившими в «далекой Сибири» полевую фольклорную практику. Среди них немало будущих известных композиторов (В. Агафонников, Г. Комраков, П. Лондонов,

Б. Шнапер) и, что особенно примечательно, музыковедов-фольклористов (Б. Ефименкова, С. Кондратьева, С. Пушкина).

В течение довольно короткого периода времени после состоявшихся поездок был подготовлен солидный сборник в двух выпусках, в работе над которым приняли участие научные сотрудники кабинета народной музыки Московской консерватории К. Свитова, Н. Владыкина-Бачинская, отдельные студенты (в том числе – В. Щуров). Составителями сборника красноярских народных песен выступили руководитель экспедиционной работы В. И. Харьков и заведующая кабинетом народной музыки МГК А. В. Руднева [8]. Хотя в экспедиционной работе московских собирателей компромиссно соединились композиторское и музыкально-фольклористическое направления, тем не менее, подготовка экспедиции, осуществление ее и последующая работа с материалами определялись научными задачами.

Собирательскую работу в Сибири в качестве руководителей студенческой практики продолжили: С. Пушкина (1958, 1960, 1962 годы, Иркутская область) [9], В. И. Харьков (1959 год – Амурская область, при участии С. И. Пушкиной), Н. М. Савельева (1962 год – Иркутская область), В. Щуров (1962 год – Иркутская область, 1966 год – Алтайский край и Бурятия), И. К. Свиридова (1966 год – Бурятия, 1967 год – Алтайский край) [10]. В 1960-е годы началась многолетняя экспедиционная работа в Сибири ленинградского фольклориста А. М. Мехнецова, который наиболее тщательно обследовал территорию Томского Приобья [11].

Московские и ленинградские фольклористы избрали для своих экспедиционных поездок территории проживания *русских старожилов* Сибири, они стремились максимально полно охватить все поселения обследуемых региональных старожильческих очагов, не отказываясь при этом от записи фольклора

русских, украинских и белорусских новопоселенцев. В первые послевоенные десятилетия традиционная музыкальная культура сибирских переселенцев находилась еще в «живом» активном бытовании, в связи с чем трудно переоценить значение этих первых больших, квалифицированно собранных коллекций сибирского музыкального фольклора, сохранившихся в архивах московских и ленинградского (Санкт-Петербургского) музыкальных вузов.

В сибирских же городах основательно подготовленных фольклористов научного направления, последовательно занимавшихся народным музыкальным творчеством прошлого населения, его записью и изучением, не было. Интересы А. М. Айзенштадта, преподавателя Новосибирской консерватории, были связаны, главным образом, с традиционной музыкальной культурой коренных народов Сибири. В Томской области работу по записи русского фольклора проводил его студент Н. К. Пархоменко, но в научный оборот собранные им материалы будут введены только в 1980-е годы.

Отсутствие солидной научной подготовки проявилось в непростительно небрежном отношении собирателей к своим записям. К сожалению, значительная часть аудиоматериалов 1960-х годов, выполненных композиторами и хормейстерами, до наших дней не сохранилась (записи 1950-х годов в своей основной массе были слуховыми).

Второй период полевых исследований музыкального фольклора сибирских переселенцев включает 1970–1980-е годы. Состав собирателей этого периода значительно вырос количественно, структура собирательского корпуса существенно усложнилась. С одной стороны, получили дальнейшее развитие тенденции первого периода. Так, продолжили свою работу в регионе московские собиратели: Н. М. Савельева – в Бурятии, В. М. Щуров – в Алтайском крае, Омской об-

ласти; в Восточно- и Северно-Казахстанской областях он записывает фольклор русских старообрядцев [12]. Включился в собирательскую работу новый отряд хормейстеров народной специализации: О. А. Абрамова в Алтайском крае [13], Л. А. Екатеринушкина, В. И. Байтуганов [14] и О. А. Гурина [15] в Новосибирске, Е. Я. Аркин в Омске [16], Н. А. Шульпеков в Красноярске [17]. Запись фольклора осуществляют отдельные композиторы – новосибирец Ю. И. Шибанов и барнаульский автор В. Г. Пешняк [18].

Обращает на себя внимание тот факт, что публикация материалов осуществлялась, как правило, гораздо позже, за пределами выделенного собирательского периода, что свидетельствует об отсутствии интереса собирателей к данному виду деятельности и, вероятно, о серьезных требованиях центральных издательств к подготовке представляемых к публикации материалов. На местах, в большей части сибирских городов издание нотных сборников было достаточно сложным, не отлаженным делом. Практики музыкально-исполнительской деятельности не уделяли внимания также проблеме архивации собранных материалов, в большинстве случаев фонограммы составляли личную коллекцию собирателя.

С другой стороны, в 1970–1980-е годы в Сибири сформировались новые силы, включившиеся в процесс собирания фольклора. С середины 1970-х годов начинается регулярная собирательская работа в Новосибирской консерватории. В значительной степени это было связано с утверждением приоритетной для вуза комплексной научной темы «Музыкальная культура Сибири». На теоретико-композиторском факультете консерватории был составлен пятилетний план экспедиционной работы. Ежегодно в рамках полевой фольклорной практики студентов ТКФ должны были проводиться две экспедиции: одна,

малая, в районы Новосибирской области, другая, большая, за пределы области.

Первые две экспедиции состоялись в 1976 году – в Алтайский край (руководитель группы, композитор Ю. И. Шибанов) и в Маслянинский район Новосибирской области (руководитель, заведующая кабинетом музыкальной культуры Сибири Г. Г. Бычкова). В следующем году маршруты экспедиций пролегли в Тюменскую (руководитель Ю. И. Шибанов) и Доволенский и Кочковский районы Новосибирской области (руководитель Н. В. Леонова). Эти и многие ранее записанные под руководством А. М. Айзенштадта и В. Г. Захарченко материалы составили первоначальную основу фольклорного фонда консерватории, получившего впоследствии название Архив традиционной музыки, а в 1994 году получившего статус самостоятельного научного подразделения вуза [19]. В настоящее время АТМ является одним из самых крупных хранилищ записей традиционного фольклора в Сибири.

Многие студенты консерватории приобрели первый опыт работы с носителями фольклора в «малых» и «больших» экспедициях. Ряд студентов связали с фольклором сначала свою учебную научную, а затем и профессиональную деятельность и продолжили собирательскую работу самостоятельно. Это Н. С. Индан-Кутафина и Т. Ю. Мартынова (Новосибирск), Е. В. Тюрикова (Донецк), В. И. Бодрова-Мотузная (Барнаул), В. Ю. Багринцева (Омск). Все они в 1980-е годы включились в молодежное фольклорное движение, т. е. стали осваивать народную песню не только «теоретически», но и практически, как исполнители. Возглавил эту работу в Новосибирске выпускник консерватории, композитор, участник первых консерваторских фольклорных экспедиций В. В. Асанов.

Началась экспедиционная работа в другом музыкальном вузе Сибири – в Крас-

ноярском институте (ныне, академии) искусств (руководители студенческих групп В. В. Свисткова-Чайкина и И. Федоренко), в Иркутске активную собирательскую деятельность развила музыковед-фольклорист Л. А. Мухометшина.

Сибирские собиратели «новой волны» способствовали количественному росту собирательской деятельности, появлению новых фольклорных фондов и архивов, не всегда, к сожалению, хорошо обустроенных [20]. Существенно расширился локальный и этносоциальный состав фиксируемого материала. Полевое изучение фольклора происходит в районах проживания русских старожилов, алтайских казаков, курганских, алтайских и забайкальских старообрядцев, русских, украинских и белорусских новопоселенцев.

Уже отмечалось, что издание собранных материалов, как правило, отставало от полевой практики, поэтому в 1970–1980-е годы вышли в свет сборники, материалы которых были собраны в течение предшествующих десятилетий [21]. Собственно исследовательская работа, связанная с обобщением полевых материалов, концентрируется в музыкальных вузах, ни в одном научном подразделении сибирского региона специалистов в области музыкального фольклора сибирских переселенцев нет. В 1980-е годы защищаются первые кандидатские диссертации на сибирском материале. Это диссертации Н. К. Пархоменко [22] и А. М. Мехнецова [23].

Третий этап полевых исследований традиционной музыки сибирских переселенцев начался в 1990-е годы, когда в связи с неблагоприятными условиями финансирования собирательская деятельность утратила стабильность. Восстановление ее произошло к середине десятилетия благодаря появлению новых форм финансовой поддержки экспедиционной работы с помощью грантов РГНФ и других фондов, а также областных проектов,

ориентированных на проблемы сохранения и развития традиционной культуры.

Основные тенденции текущего периода таковы. Почти полностью ушли из Сибири музыковеды-фольклористы из Москвы и Санкт-Петербурга, что, несомненно, вызвано финансовыми проблемами, в конце 1990-х годов только В. В. Щуров продолжил экспедиционную работу на Алтае. Однако среди сибирских собирателей появляются новые имена, которые включают в поле изучения новые сибирские регионы: В. Ф. Похабов и Л. В. Фибих (Кемеровская область), Л. В. Демина (Тюменская область), В. Ю. Багринцева, И. Г. Чумаков, О. Г. Сидорская (Омская область), И. В. и О. В. Семеновы (Приморский край), Н. А. Урсегова и Е. И. Жимулева (Новосибирская область) и др.

Полевое изучение распространяется на ряд неславянских групп сибирских переселенцев, сибирскими этномузыкологами выполняются первые записи музыкального фольклора чувашей в Кемеровской, Новосибирской, Омской, Тюменской областях и Красноярском крае (М. А. Андреева, Н. В. Леонова, Е. И. Жимулева), немцев в Новосибирской, Томской областях и Алтайском крае (Н. М. Кондратьева, Ю. В. Маркарян), мордовских этносов эрзя и мокша в Кемеровской области, Алтайском и Красноярском краях (Н. В. Леонова, П. С. Шахов).

Сибирские авторы более оперативно стали публиковать экспедиционные материалы в местных, а иногда и в центральных издательствах [24]. Выходят в свет русский эпический, календарно-обрядовый, семейно-обрядовый и лирический тома 60-томной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», в которых обобщаются и систематизируются архивные и экспедиционные материалы разных регионов Сибири, записанные на протяжении длительного периода времени.

За последние полтора десятилетия ряд фольклористов, активных собирателей фольклора Сибири и Дальнего Востока, защитили кандидатские диссертации: Е. В. Тюрикова (1994), Н. В. Леонова (1996), Н. А. Урсегова (2000), Л. В. Демина (2001), В. Ф. Похабов (2004), И. В. Семенова (2006), Е. И. Жимулева (2008), О. В. Крахалева (2009). Это свидетельствует не только о накоплении

достаточного по объему материала для научного анализа, но также о росте квалификации сибирских специалистов и о повышении статуса научной деятельности у собирателей и «исполнителей» сибирского фольклора. Таким образом, частная история записи музыкального фольклора дает представление о процессе становления сибирской музыкальной фольклористики в целом.

Литература

1. Леонова Н. В. Ранние и современные источники в этномузыкологическом исследовании сибирских традиций // Народная культура Сибири: мат-лы XV науч. семинара-симпозиума Сибирского РВЦ по фольклору. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. – С. 20–23.
2. Песни Сибири / сост. Л. Кондырев и А. Новиков; ред. текста Е. Стюарт; ред. муз. В. Денбский. – Новосибирск, 1945. – 65 с.; Сибирские народные песни. Записаны композиторами Андреем Новиковым и Валентином Левашовым. – Новосибирск, 1957. – 174 с. (в 1963 году материалы последнего сборника были опубликованы в Москве в издательстве «Советский композитор», под ред. А. Копосова) и др.
3. Леонова Н. Фольклористическая деятельность Сибирского отделения Союза композиторов // Новосибирская область в контексте российской истории. – Новосибирск, 2001. – С. 231–233.
4. Двадцать песен Аграфены Оленичевой для русского народного хора / сост. и общ. ред. А. Копосова. – М., 1956. – 51 с.
5. Леонова Н. Состояние и перспективы изучения музыкального фольклора Новосибирской области // Страницы истории Новосибирской области: Люди, события, культура: Первая областная науч.-практ. конференция краеведов: Тезисы докладов и сообщений. – М., 1995. – Ч. I. – С. 60–62.
6. Леонова Н. В. Виктор Гаврилович Захарченко // Энциклопедия. – Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 2003. – С. 340.
7. Захарченко В. Г., Мельников М. Н. Свадьба Обско-Иртышского Междуречья: этнографические описания свадебных обрядов. Тексты и напевы песен / ред. Е. В. Гиппиус. – М., 1983. – 224 с.
8. Скопцов К. Народные песни Красноярья. – Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1983. – 120 с.
9. Русские народные песни Красноярского края. Вып. 1 / под общ. ред. С. В. Аксюка; сост. В. И. Харьков. – М., 1959. – 226 с.; Вып. 2. / сост. А. В. Руднева и В. И. Харьков. – М., 1962. – 243 с.
10. Собранные материалы удастся опубликовать только в 2000-е годы: Русские народные песни Иркутской области / сост. С. И. Пушкина. – М., 2002. – 129 с.; Русские народные песни и танцы Иркутской области / авт.-сост.: С. И. Пушкина, Т. Н. Гвоздева. – М., 2003. – Вып. 2. – 161 с.
11. Кабинет народной музыки / подготовка И. К. Свиридовой. – М., 1966. – С. 70, 74; Перечень экспедиционных и стационарных аудиозаписей основного фонда кабинета народной музыки Московской государственной консерватории / сост. С. В. Голубков. – М., 1999. – С. 5, 6, 18, 19, 30.
12. Материалы экспедиций в Томскую область будут опубликованы впоследствии в трех сборниках: Хороводные песни, записанные в Томской области / запись, нотация, сост., предисл. и примеч. А. Мехнецова. – Л.; М., 1973. – 76 с.; Свадебные песни Томского Приобья: Народные песни, записанные в Томской области / запись, сост., предисл., примеч. А. Мехнецова. – Л.; М., 1977. – 63 с.;

- Лирические песни Томского Приобья: Народные песни, записанные в Томской области / запись, нотация, сост., предисл., примеч. А. Мехнецова. – Л., 1986. – 96 с.
13. Перечень ... – С. 5, 6, 19, 44, 74. Основная часть записанных материалов до настоящего времени не опубликована. Исключение составляет сборник: Щуров В. М. Русские песни Алтая. Вып. 1: Песни Убинско-Ульбинской долины. – М., 2004. – 200 с.
 14. На рубеже 1990–2000-х годов О. А. Абрамова опубликует часть собранных ею песен в нескольких выпусках серии «Материалы фольклорных экспедиций»: Традиционная народная культура «поляков» и «каменщиков» Рудного Алтая / сост. О. А. Абрамова. – Барнаул, 1999. – 238 с. и др.
 15. Незначительная часть собранных материалов будет опубликована позже: Хрестоматия сибирской русской народной песни / сост. В. И. Байтуганов, Т. Ю. Мартынова. – Новосибирск, 2001. – 122 с.
 16. Свыше 20 песен опубликованы в сборнике «Ты взойди, солнце красное»: Репертуарный сборник для фольклорных ансамблей / Запись, нотация и составление Ольги Гуриной. – Новосибирск, 1998. – 55 с.
 17. Аркин Е. Я. Ты, березка моя: Народные песни Омской области. – Омск, 1987. – 176 с.; Аркин Е. Я. Со венком я хожу: Народные песни Омской области. – Омск, 1993. – 256 с.; Аркин Е. Я. Запевает казак песнь: Песни казачьих станиц Омской области. – Омск, 1999. – 144 с. Часть материалов опубликована на аудиокассетах и аудиодисках.
 18. Шульпеков Н. А. Песни сибирского воинства / запись, нотация, сост., предисл. и примеч. Н. А. Шульпекова. – Красноярск, 2001. – 240 с.; Расскажи ты, бабка...: Календарный обрядовый фольклор Красноярского края. – Красноярск, 2007. – 96 с. и др.
 19. Пешняк В. Русские народные песни Алтайского края. – Барнаул, 1980.
 20. Сыченко Г. Б., Леонова Н. В. Архив традиционной музыки Новосибирской консерватории: История, современное состояние, проблемы и перспективы // Народная культура Сибири: материалы VIII науч.-практ. семинара Сибирского РВЦ по фольклору. – Омск, 1999. – С. 37–41.
 21. Архивы вместе с собирателями нередко мигрируют из одной организации в другую: архив, собранный под руководством В. В. Асанова, переместился из Дома народного творчества в Областной центр русского фольклора и этнографии; фольклорный фонд Алтайского краевого центра фольклора и ремесел переместился в Государственный художественный музей Алтайского края в связи с открытием Отдела возрождения и реставрации русской традиционной культуры.
 22. К ранее отмеченным примерам следует добавить, к примеру, сборник Н. К. Пархоменко «Русские народные песни Томской области», опубликованный в Москве в 1985 году по материалам 1950–1960-х годов.
 23. Пархоменко Н. К. Русские народные песни Томской области: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – М., 1980. – 21 с.
 24. Мехнецов А. М. Народно-песенная культура русского старожильского населения Западной Сибири: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – Л., 1983. – 22 с.
 25. Качество опубликованных сборников зачастую оставляет желать лучшего, ни у авторов, ни у издателей нет должного опыта подобной работы. Тем не менее, можно назвать ряд интересных и хорошо подготовленных изданий: Традиционная свадьба: Свадебный обряд переселенцев Черниговской губернии в Приморье / сост. И. Семенова. – Владивосток, 1998. – 118 с.; Песни села Белое / сост., нотир. Е. В. Тюриковой. – Новосибирск, 1999. – 116 с.; В. Ф. Похабов. Культурное наследие русских Кузбасса (семейно-обрядовый фольклор северо-востока Кемеровской области) – М., 2000. – 264 с.; Семенова И. В. Семенов О. В. Карагод широкий: Календарно-обрядовые песни переселенцев Суражского, Новозыбковского, Стародубского уездов Черниговской губернии в Приморье. – Владивосток, 2003. – 125 с.; «Куды, доню, собираешься?..»: Свадебная обрядность украинских переселенцев Омского Прииртышья / сост. Т. М. Репина, О. Г. Сидорская. – Омск, 2007. – Вып. 2. – 186 с.

УДК 7

Б. Ф. Смирнов

**СЛУШАТЕЛИ СИМФОНИЧЕСКОГО КОНЦЕРТА
В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ
(ШТРИХИ К СОЦИОЛОГИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ)**

Статья посвящена актуальной проблеме слушательской аудитории симфонического концерта в контексте современной социокультурной среды России. Предпринята попытка дать обобщенную характеристику симфоническому концерту как социально-художественному явлению, а также наметить с социологических позиций некоторые психологические и культурно-образовательные черты слушателей концерта, во многом предопределяющих типологическую классификацию последних.

Ключевые слова: слушатели симфонического концерта, восприятие симфонического концерта, музыкальная культура публики, социокультурная среда, типология концертной аудитории.

B. F. Smirnov

**LISTENERS OF A SYMPHONY CONCERT
IN A MODERN SOCIAL AND CULTURAL RUSSIAN SPACE
(TOUCHES TO THE SOCIOLOGICAL PORTRAIT)**

The article is devoted to the actual problem of audience symphony concert in the context of contemporary social and cultural environment in Russia. An attempt was made to give a generalized description of a symphony concert as a social and artistic phenomenon, and identify with the positions of some of the psychological sociological, cultural and educational characteristics of the concert audience to predetermine the typological classification of the latter.

Keywords: symphonic concert audience, symphonic concert perception, musical culture of public, socio-cultural environment, typology of concert audience.

Симфонический концерт как художественное явление всегда занимал весьма скромную нишу в социокультурном пространстве России. Да что там в социокультурном, даже на сугубо музыкальной площадке такой концерт и сегодня – неординарное событие для абсолютного большинства городов России. В последние два десятилетия социально-экономические и гуманитарные реформы в стране, в принципе, привели образование (в том числе художественное), а также культуру (в том числе художественную) к резкому упадку, порой – к разложению. Однако если говорить об объекте нашего научного внимания – симфоническом концерте и его слушателях, то дело здесь, как ни странно, оказалось даже в выигрыше.

Речь идет о небывалом количественном росте симфонических оркестров в новой России, правда, в основном в г. Москве. Резкий всплеск дирижерско-симфонического исполнительства на рубеже XX–XXI столетий объясняется прежде всего новыми принципами финансирования оркестров (спонсорством). К сожалению, хорошему делу сопутствовали негативные тенденции: ряд крепких, порой замечательных государственных коллективов рассыпался, а некоторые, даже великие, дирижеры, как, например, Е. Ф. Светланов, оказались не у дел, более того – с трагическим жизненным финалом.

При всех серьезных потерях, бурная музыкально-оркестровая жизнь столицы не могла не оказывать существенного влияния

на социохудожественную ситуацию в России. Более частые гастроли симфонических коллективов, их заметный художественный резонанс в обществе, наконец, открытие телеканала «Культура» с почти ежедневными передачами симфонических концертов – все это вовлекало и вовлекает новых слушателей в водоворот художественной жизни страны, постепенно формируя некую обновленную социокультурную среду хотя бы в части музыкального искусства. При этом мы отдаем отчет в том, что речь идет об академическом – элитном – искусстве, на который никогда и нигде не было и не будет массового художественного спроса. Такое искусство находится на пике общественной пирамиды, привлекая немногочисленный особый тип людей (какой? – пока науке точно неизвестно!) своей духовной высотой и глубиной, масштабностью и таинственностью художественных идей. Так что же нужно делать работникам культуры и искусства, чтобы «вычислять» таких людей – потенциальных слушателей концертов? Что необходимо делать культурологам, социологам и музыковедам, чтобы концертные залы хотя бы в областных городах наполнялись до отказа? Несомненно, первый шаг – изучать реальную и потенциальную слушательскую аудиторию симфонических концертов. Именно данной актуальной проблеме и посвящена настоящая статья, естественно, всего лишь в порядке постановки вопроса.

Банальная истина: искусство функционирует в социальной среде, точнее – социокультурной. Методологический принцип системного анализа требует рассмотрения изучаемого объекта не изолированно от его среды, а наоборот, в ее контексте, в системе, элементом которой он является. Известный психолог Л. С. Выготский писал, что «искусство никогда не может быть объяснено до конца из малого круга личной жизни, но непременно требует объяснения из большого

круга жизни социальной» [1, с. 83]. Весьма категоричен в этом вопросе был А. В. Луначарский: «<...> Без изучения искусства как явления социального его никогда нельзя изучить вообще» (разрядка автора цитаты) [6, с. 202]. Так, игнорирование последнего звена в музыковедческой триаде «композитор – исполнитель – слушатель» неизбежно приводит к неполной характеристике предыдущего блока (у нас – «дирижер – оркестр»). В этом случае не представляется возможным и всесторонний охват механизма взаимодействия всех субъектов публичного симфонического концерта. Структурные звенья последнего подвластны изучению лишь в их диалектической взаимосвязи.

Итак, законы искусства нельзя рассматривать без учета особенностей его восприятия публикой. Известный музыковед С. С. Скребков в свое время с сожалением констатировал, что в теории музыкального искусства слушателю отводится место, не соответствующее «истинному значению слушательских интересов в общей системе понятий, составляющей теорию музыки» [8, с. 56]. Эти знаменитые слова были написаны полвека назад. Но и сегодня еще нередки случаи изучения музыки как художественного процесса в так называемом «чистом» виде, т. е. в некоем социальном вакууме. Несомненно, это порочная практика. Что касается дирижерско-исполнительского искусства в форме симфонического концерта, то и здесь необходимо выстраивать полную картину его социального функционирования в единстве и противоречии всех составляющих, включая систематическое воспроизводство и общественное потребление. Требуются комплексные исследования, которые бы охватывали в целом различные аспекты творческого взаимодействия дирижера, оркестра и публики.

Обозначенная выше проблема – всего лишь одна сторона «медали». Известный со-

циолог Л. Н. Коган отмечал, что существуют два возможных направления социологического исследования системы «искусство – публика», неразрывно связанных и взаимно дополняющих друг друга [3, с. 118–119]. Первое направление предполагает «движение» от слушателя к искусству, когда мнения и оценки публики используются для изучения и определения эстетической ценности того или иного художественного явления. Второе направление предполагает «движение» от искусства к слушателю, когда предварительное знание объективной ценности художественных произведений соотносится с их восприятием и субъективной оценкой публики. В этом случае исследование выявляет художественную меру, характер и особенности восприятия искусства аудиторией концертного зала, в конечном счете – музыкальную культуру слушателей. В первом случае объектом изучения является само искусство (у нас – дирижерско-симфоническое искусство), а во втором – слушательская аудитория (у нас – публика симфонического концерта). Социологическое исследование по формуле «от искусства к слушателю» выявляет прежде всего адекватность восприятия публикой симфонической музыки. В конечном счете речь идет об определении эффективности социального бытования дирижерско-симфонического искусства в соответствующей социокультурной среде. Остановимся хотя бы на некоторых важных моментах, прежде всего – особенностях социального функционирования и художественного потребления дирижерско-оркестрового искусства.

Исполнитель (дирижер – оркестр) и слушатель (зритель) – это единая социально-коммуникативная художественная система. Ее центральный элемент, который «цементирует» все блоки и звенья в единое системное целое, – музыка (симфоническая музыка). Следует признать ограниченный круг работ,

раскрывающих различные аспекты функционирования музыки в обществе. Это, конечно же, касается и симфонической музыки. И все же к настоящему времени музыкальная социология накопила определенный материал для того, чтобы решать хотя бы некоторые принципиальные вопросы в сфере социального функционирования дирижерско-симфонического искусства.

Художественные явления, как известно, социально детерминированы. Музыка, как и любой вид искусства, также социальна по своей природе и по своим функциям. Однако социальное начало музыки рассматривается в эстетике безотносительно к различным видам исполнительства. Но музыка – не абстрактно-статичное понятие. Она функционирует в разных конкретных процессуальных формах, мера социализации которых также весьма различна. Характерным примером этого является сольно-инструментальная и оркестрово-симфоническая музыка (достаточно сопоставить такие формы их бытования, как индивидуальное домашнее музицирование и публичный симфонический концерт с его социальным характером исполнительства). Даже большой количественный состав симфонического оркестра в этом вопросе имеет немаловажное значение. Он предопределяет не только необходимость большого концертного зала и потенциальную массовость слушательской аудитории, но, в принципе, накладывает свой отпечаток на масштабность репертуара и многообразие выразительных средств симфонической музыки (ее идейно-художественные возможности). Первое ведет к повышенной социализации симфонического концерта как одной из форм реальной «жизни» музыки. Второе – к усилению социальной значимости самой симфонической музыки.

Социолог Г. Л. Головинский отмечал, что взаимовлияние, взаимообусловленность музыкального искусства и общества про-

текает как бы в двух плоскостях. «С одной стороны, – писал он, – музыкальное искусство несет в себе отражение, постижение, объяснение социальных явлений, духовных тенденций общества, социальной психологии ... С другой стороны, музыка оказывает мощное и многообразное воздействие на жизнь общества ..., выполняя разнообразнейшие функции (“роли”) и удовлетворяя столь же разнообразные потребности ...» [2, с. 7]. Необходимо подчеркнуть: симфоническая музыка призвана удовлетворять преимущественно высшие художественные, шире – духовные потребности общества и в этом проявляется ее высшая социальная функция, художественно-нравственная сверхзадача, решаемая коллективом исполнителей. При этом мы абстрагируемся от реально неравной художественной ценности различных конкретных симфонических произведений и ориентируемся на общественно-признанный, художественно-значимый статус симфонической музыки вообще.

Главным носителем интеллектуализма в музыке является симфония – наиболее крупный, развернутый идейно-художественный жанр. В принципе, именно симфония адекватно воплощает в себе глобальные философские и социальные проблемы общества и поэтому неизбежно имеет более заметный общественный резонанс. Ярким примером этого служит известная история создания и исполнения Седьмой – «Ленинградской» – симфонии Д. Д. Шостаковича, ставшей нравственным символом жесточайшей борьбы и великой победы передового человечества на критическом рубеже исторического развития мировой цивилизации середины XX века.

Существуют ли критерии действительности симфонического концерта, его реальной социально-художественной, шире – социокультурной результативности? Такие критерии в общих чертах можно назвать: это, прежде всего, отношение к музыке современной

аудитории, это обратная связь аудитории с исполнителями. Отношение к музыке слушателей симфонического концерта – чрезвычайно важный, сложный и малоизученный вопрос. Все дело – в коллективности восприятия музыки. Здесь многое определяют коллективные эмоции (не всегда художественные) и доминирующие психологические установки. Речь идет о суммирующем переживании многих личностей, зачастую обуславливающее и единую, сплоченную форму эмоционально-художественной реакции зала. Особенность публичного концерта заключается именно в резком усилении эмоционального воздействия музыки на слушателей на основе их социально-психологического единения.

Коллективность восприятия особенно характерна для зрелищных видов искусств, к которым условно можно отнести и симфонический концерт. Последний, являясь самым «монументальным» и наиболее социализированным явлением музыкального искусства, требует для своего восприятия особое сообщество единомышленников. Сходный художественно-психологический склад и сплачивает различные категории людей в их отношении к искусству. Публика симфонического концерта – это определенная социально-психологическая общность людей, основой которой является стремление к удовлетворению художественной потребности в восприятии конкретного музыкального произведения в исполнении конкретного оркестра под управлением конкретного дирижера. Понятие «публика» предполагает самые различные формы и уровни объединения людей по интересам. Оно позволяет говорить о вполне состоявшемся, хотя и временном (на период концерта) своеобразном коллективе. Поскольку публика как коллектив – это относительно организованное, целостное образование, ей присуща определенная внутренняя структура и взаимосвязь составляющих ее элементов.

Особенность публики симфонического концерта не сводится лишь к ее социально-психологическому единению и, как следствие этого, усилению эффекта коллективности восприятия музыки. Музыковед Г. М. Коган отмечал, что настоящее исполнение предполагает сотворчество исполнителя и аудитории. Композитор Г. Я. Юдин писал, что, например, дирижер Натан Рахлин имел редчайший природный дар «вести» слушателей, превращать их, по сути, в соучастников музыкально-исполнительского процесса. Так что же лежит в основе такого бесценного дара? Какие компоненты дирижерско-оркестрового исполнительства играют здесь существенную роль? Ответ один – это артистизм дирижера, проявляющийся и в зрелищной стороне симфонического концерта. Однако публика симфонического концерта – не инертная, безвольная масса. Когда ее пытаются «вести», она начинает проявлять свой коллективный характер, эмоционально воздействуя на самого дирижера. Именно в таком психологическом феномене проявляется элемент своеобразного сотворчества дирижера и публики.

Мера воздействия публики симфонического концерта на дирижера и артистов оркестра, на их исполнение музыки зависит от целого ряда факторов. Главный из них – общий уровень культуры аудитории концертного зала. И хотя ее основная масса по данному показателю, как правило, относительно однородна (ряд исследований указывают, что в основном это интеллигенция, студенты), все же на периферии слушательской аудитории всегда отмечается пестрая, противоречивая картина, в той или иной степени влияющая на общую психологическую атмосферу в зале. Другой немаловажный фактор – это наличие у слушателей музыкального образования или самообразования, шире – опыта слушания академической музыки. Те из них, кто регулярно соприкасается с «серьез-

ной» музыкой, тем более оркестровой, обнаруживают наибольшую готовность к восприятию симфонического концерта во всей его целостности и полноте, что, конечно же, сказывается и на их эмоциональной реакции.

Эффективность взаимодействия, взаимовлияния, взаимопонимания артистов и слушателей симфонического концерта в конечном счете определяется совпадением социально-психологической «настройки» творчества и восприятия. Речь идет о совместимости социальной психологии двух заинтересованных друг в друге коллективов – оркестра и публики. Только настроенность дирижера, оркестра и слушателей в едином «психологическом ключе» создает неповторимую творческую атмосферу в концертном зале. Необходимо подчеркнуть, что психология и культура слушателей концерта – понятия взаимосвязанные. В основе же художественной культуры лежит культура восприятия.

Ш. Мюнш в свое время был вынужден признать, что один из важных факторов артистического успеха находится в руках публики. Он констатировал очевидное: отзывчивость публики способствует рождению творческой атмосферы. Видимо, знаменитому дирижеру приходилось слышать не только бурные аплодисменты, но и сталкиваться с непониманием, отчужденностью публики. Данная проблема характеризует, конечно, не только первую половину XX столетия. В той или иной мере она свойственна и современной концертно-исполнительской практике. Правда, Е. А. Мравинский утверждал, что не делит публику на «подготовленную» и «неподготовленную». За этими словами угадываются как раз понятия «отзывчивая» и «неотзывчивая» аудитория. Похоже, на концертах прославленного дирижера практически всегда была только подготовленная, отзывчивая, восприимчивая публика. Это действительно так, поскольку речь идет прежде всего

о чутких слушателях прекрасного концертного зала Ленинградской филармонии! Но Москва и Ленинград-Петербург – это, как говорится, еще не вся Россия; многое, что характерно для этих двух столиц, не соответствует, например, Самаре или Оренбургу.

Итак, общая и музыкальная культура публики симфонического концерта является одним из решающих факторов плодотворного, эффективного социального функционирования дирижерско-оркестрового искусства, наряду с музыкально-исполнительской культурой дирижера и оркестра. Культура – понятие социальное, музыкальная культура – социально-художественное. И та, и другая воспитывается и формируется в обществе – прежде всего в семье, в социальных институтах. Э. А. Серов, на основе своего десятилетнего опыта художественного руководителя и главного дирижера Ульяновского симфонического оркестра, утверждает, что с публикой необходимо постоянно и целенаправленно работать, не ожидая быстрых ощутимых результатов. Это верно, т. к. публикой (слушателями), по большому счету, можно называть лишь ту часть аудитории концертного зала, которая систематически воспринимает соответствующие произведения музыкального искусства.

Что же из себя представляет хотя бы в самых общих чертах слушательская аудитория симфонических концертов? К сожалению, масштабные специальные исследования на эту тему почти не проводятся. Существующие отдельные, разрозненные материалы по этой проблеме дают лишь поверхностное представление о структуре слушателей и динамике ее изменений. На основе немногочисленных региональных публикаций попробуем сделать набросок обобщенного социологического портрета слушателей симфонического концерта, характерного для российской «глубинки», т. е. музыкальной периферии.

Одна из первых заметных работ в данном направлении – исследование уральского социолога В. С. Цукермана, осуществленное в начале 70-х годов XX века и опубликованное под названием «Музыка и слушатель» [10]. В нем приводятся данные того времени о слушательской аудитории двух симфонических концертов в гг. Свердловске (Екатеринбурге) и Челябинске. Прежде всего, фиксируется социально-демографическая неоднородность публики этих концертов. Лидирующая часть слушателей – гуманитарная интеллигенция, студенты и учащиеся музыкальных учебных заведений; это люди преимущественно среднего возраста и молодежь. Характерно, что на концерте в Свердловске структура аудитории была более ровной. Объяснение такое: «Сказываются, вероятно, давно сложившиеся музыкальные традиции города ...» [10, с. 109]. С этим выводом нельзя не согласиться: к тому времени в Свердловске, в отличие от Челябинска, уже постоянно и стабильно концертировал свой филармонический симфонический оркестр, во главе которого стоял известный дирижер М. И. Паверман. Обращает на себя внимание еще одна деталь: около трех четвертей посетителей симфонических концертов в Свердловске и Челябинске тогда, в 70-е годы, являлись постоянными слушателями, чего не скажешь о наших днях.

Социологические данные, опубликованные В. С. Цукерманом, в основном подтверждаются результатами исследования, проведенного примерно в то же время в Челябинской области под руководством другого уральского социолога – Л. Н. Когана. Одно из авторских резюме: результаты опроса говорят, прежде всего, о том, что «на симфонические концерты стремятся люди, для которых музыка действительно стала духовной потребностью, у которых выработалась стабильная установка на серьезную музыку» [4, с. 103]. Таким образом, в обоих социоло-

гических исследованиях, осуществленных в 70-е годы XX столетия на Урале, основные социально-демографические параметры структуры слушательской аудитории симфонических концертов, в принципе, совпадают. Зато они далеко не во всем совпадают с более поздним аналогичным исследованием начала 90-х годов, проведенным группой ученых Челябинского государственного института искусства и культуры (ныне – академии) [7, с. 138, 140–141]. Главное отличие заключается в том, что посетители симфонических концертов в Челябинске значительно «постарели». Их преимущественный возраст достиг 40–50 лет! Только за два десятилетия аудитория таких концертов «потеряла» значительную часть молодежи. Налицо также заметное сокращение числа постоянных слушателей и возрастание «удельного веса» неподготовленной, а значит, непредсказуемой, скорее – пассивной, «неотзывчивой» публики в общей структуре посетителей симфонических концертов.

Итак, проблема оптимального формирования слушательской аудитории симфонических концертов за последние два десятилетия серьезно обострилась, по крайней мере – на периферии страны. Это подтверждается и наблюдениями, и фактами. По данным Челябинского государственного концертного объединения, среднестатистический показатель заполняемости зала на 1000 мест Областного театра оперы и балета им. М. И. Глинки, где время от времени проводятся гастрольные концерты Уральского (Екатеринбургского) государственного симфонического оркестра (главный дирижер Дмитрий Лисс), составляет всего около 65 %. А речь идет об областном центре с более чем миллионным населением! Все это говорит о том, что социально-экономические потрясения конца 80–90-х годов не прошли бесследно для сферы культуры и искусства.

Важнейшей задачей музыкальной социологии выдающийся музыковед и социолог А. Н. Сохор считал разработку учения о публике, слушательских группах, типах слушателей. Дело в том, что эффективность воздействия музыки на слушателей в значительной мере определяется ее целевым предназначением. Последнее же предполагает знание типологической структуры концертной аудитории. Разработка классификации слушательской аудитории включает в себя три этапа действий:

- анализ социально-демографической и общепсихологической структуры слушателей концертов, предполагающий их внемузыкальную характеристику;

- изучение обобщенной музыкальной характеристики слушательской аудитории, включающей в себя ценностно-ориентационный и музыкально-психологический аспекты;

- анализ типов художественного восприятия, предполагающий эстетико-психологический подход к исследованию поведенческих проявлений слушателей концертов.

Конечно, различие слушателей по одним признакам не исключает их единства по другим. Как отмечал А. Н. Сохор, в любой публике можно найти слушателей, сходных между собой по какому-либо одному из частных признаков. Более того, между «структурными срезами» одной и той же публики существует прямая или косвенная корреляция. В частности, знания слушателей в области музыки, их мотивы обращения к ней, ценностные ориентации и предпочтения во многом зависят от ряда социально-демографических признаков.

При разработке типологии слушательской аудитории важно определиться с критериями ее классификации. Так, немецкий культуролог и социолог музыки Т. Адорно считал возможным определение типов слушателей музыки по эмоциональному, чувственному критерию. А. Н. Сохор предлагал

дифференцировать слушателей по признаку качества музыкального восприятия. В. С. Цукерманом предложена типология слушательской аудитории по критерию «интонационного запаса», т. е. по степени владения музыкальным языком. Музыковед Ю. А. Кремлев в свое время выдвинул критерий ассоциативности восприятия музыки. В этом отношении он следовал за академиком Б. Г. Ананьевым, который определил, что зрительно-слуховые синестезии обусловлены в первую очередь типологическими особенностями человека.

Один из типов восприятия музыки по Кремлеву – тип рационального, «сухого» восприятия. Речь идет о тех слушателях – музыкантах-профессионалах, которые заняты преимущественно анализом ремесленной стороны исполняемой музыки. При этом нет места никаким ассоциациям. «Критерием оценки оказывается степень умения и оригинальности в организации этих звуков» [5, с. 37]. Другой тип восприятия связан с эмоционально-образной стороной музыки. Однако и при таком типе восприятия ассоциации могут не возникать. «В этих случаях, – писал он, – музыка волнует иногда очень сильно, но и очень смутно» [5, с. 37]. Третий тип восприятия обусловлен эмоциональным воздействием звуковых образов, сочетающихся с ассоциативными представлениями. «Для этого типа характерно стремление к конкретности, желание не только поддаться эмоциям музыки, но и понять ее содержание» [5, с. 37]. Возможен и четвертый тип восприятия музыки, «сочетающий эмоциональность и ассоциативность восприятия с чисто профессиональной оценкой сочинения» [5, с. 37]. Однако, отмечал Ю. А. Кремлев, истинные профессионалы в момент взволнованного, увлеченного восприятия музыки обычно забывают о своем ремесле...

В предложенной типологии слушательского восприятия музыки важно то, что в каждом случае различается формальное и содержательное ее восприятие. В то же время тот или иной тип восприятия музыки связывается со способностью слушателя к ассоциативному мышлению. Наличие или отсутствие последнего коррелирует с яркостью, некоей конкретностью или, наоборот, с неопределенностью, «смутностью» слуховых ощущений. Типология слушателей концертов разработана Ю. А. Кремлевым применительно к восприятию музыки вообще (без учета специфики восприятия программной и непрограммной музыки, инструментальной и симфонической музыки и т. д.). Тем не менее, сама идея учета потребности (или ее отсутствия) определенной категории слушателей в конкретизации воспринимаемой музыки, компенсируемая различного рода визуальными образами-ассоциациями, заслуживает серьезного внимания, особенно при разработке типологии слушателей симфонического концерта.

Как уже говорилось, А. Н. Сохор предлагал типологию слушательской аудитории по признаку качества музыкального восприятия. Это понятие гораздо шире, чем просто ассоциативность восприятия музыки. Речь идет об эмоциональном или рациональном восприятии, о сосредоточенном или рассеянном слушании, о глубоком, многослойном охвате, переживании, понимании и усвоении музыки или же о поверхностном, фрагментарном, усеченном ее восприятии. Сюда же входит и способность публики к адекватной оценке художественных ценностей. Характеристики качества слушательского восприятия музыки определяют музыкально-квалификационную структуру публики концертов. По этим признакам просматриваются, согласно Сохору, три основных типа слушателей: высокоразвитый

(«знаток», «эксперт»); среднеразвитый («дилетант»); низкоразвитый («профан») [9 с. 15].

Такой подход к решению изучаемой проблемы, как нам кажется, все же недостаточно адекватен попытке определения типологии слушательской аудитории симфонического концерта. Особенность полноценного восприятия последнего заключается в целостном, слухозрительном восприятии. Критерии классификации типов слушателей симфонического концерта надо определять, на наш взгляд, не только в сфере слуховой, но и в сфере визуальной. Желание слушателей еще и наблюдать за мануально-управляющими действиями дирижера, что ведет к обогащению и конкретизации музыкального восприятия, или, напротив, их неоправданное стремление отвлечься от маэстро, искусственно изолировать свою слуховую сферу от зрительной – в этом заключена серьезная проблема качества восприятия симфонического концерта, которая требует своего научного анализа и разрешения. Мы считаем, что выявляемые социально-типологические группы слушательской аудитории в принципе должны отражать весь спектр ее интеллектуальной, эмоциональной и художественной подготовленности к целостному, слухо-зрительному восприятию симфонического концерта. Несомненно и то, что в основе механизма произвольного формирования различных типологических групп слушателей симфонического концерта лежит их общая и музыкальная культура. Культура же слушателей во многом предопределяется их социально-демографической принадлежностью (возраст, уровень образования, социальное положение и т. д.).

Дальнейшее конкретно-социологическое изучение публики симфонического концерта не может быть успешным без пред-

варительной теоретической разработки этого вопроса, в том числе – обоснованной классификации типологических групп слушателей. Последняя необходима прежде всего по практическим соображениям. Дифференцированное составление программ симфонических концертов с учетом социально-демографических и культурно-образовательных особенностей предполагаемой аудитории, эффективное проведение концертов с учетом специфики восприятия симфонической музыки различными категориями слушателей, оптимальная организация этих концертов и продуктивная работа с потенциальной публикой – вот неполная сфера применения научных данных исследования слушательской аудитории. Эффективность воздействия музыки на слушателей во многом обусловлена ее целевым предназначением, прямо связанным с типологической классификацией концертной аудитории. Обеспечение максимального психолого-духовного единства публики организационными, социокультурными, художественно-прикладными и сугубо музыкальными средствами есть высшая социальная миссия и организаторов, и исполнителей симфонических концертов.

Дирижерско-оркестровое, симфоническое искусство функционирует в конкретной социокультурной среде, которая во многом предопределяет успех или неуспех публичного концерта. Познание механизма социального функционирования симфонического оркестра предполагает знание не только психологии коллективного творчества, но и изучение структуры, понимание психологии поведения слушательской аудитории. «Дирижер-оркестр» и «слушатель – зритель» представляют собой единую социально-коммуникативную художественную систему, центральным элементом которой является музыка. Симфонический концерт есть наиболее социализированная форма ее бытования.

Сама же симфоническая музыка демонстрирует свою повышенную социальную значимость.

Публика симфонического концерта – это социально-психологическая общность людей, основой которой является стремление к удовлетворению художественной потребности в восприятии конкретного музыкального произведения в конкретном исполнении. Эффективность взаимодействия, взаимовлияния, взаимопонимания артистов и слушателей концерта определяется совместимостью их социальной психологии. Понятие «психология» взаимосвязано с понятием «культура». Психологическая структура восприятия музыки во многом обусловлена культурой ее восприятия. Общая и музыкальная культура публики симфонических концертов – один из решающих факторов плодотворного функ-

ционирования дирижерско-оркестрового искусства, наряду с исполнительской культурой дирижера и оркестра.

Механизм непроизвольного формирования различных типологических групп слушательской аудитории симфонического концерта основан на ее общей и музыкальной культуре, которая во многом предопределяется социально-демографическими характеристиками. Выявляемые типологические группы слушателей в принципе должны отражать весь спектр их интеллектуальной, эмоциональной и художественной подготовленности к целостному, слухо-зрительному восприятию симфонического концерта. Эффективность воздействия музыки на слушателей во многом определяется ее целевым предназначением, связанным с типологической классификацией концертной аудитории.

Литература

1. Выготский Л. С. Психология искусства. – М.: Педагогика, 1987. – 345 с.
2. Головинский Г. Л. Что такое социология музыки и чем ей следовало бы заняться // Музыкальная жизнь. – 1988. – № 22. – С. 6–8.
3. Коган Л. Н. Искусство и мы. – М.: Молодая гвардия, 1970. – 270 с.
4. Коган Л. Н. Молодой рабочий и культура. – М.: Молодая гвардия, 1975. – 128 с.
5. Кремлев Ю. А. О месте музыки среди искусств. – М.: Музыка, 1966. – 64 с.
6. Луначарский А. В. В мире музыки: ст. и речи. – 2-е изд. – М.: Советский композитор, 1971. – 542 с.
7. Синецкая Т. М. Концерт как отражение художественных интересов населения города: (Социол. аспект) // Город и культура: коллектив. монография / Челяб. гос. ин-т искусства и культуры. – Челябинск, 1993. – С. 135–146.
8. Скребков С. С. Теория музыки и современный слушатель // Советская музыка. – 1961. – № 1. – С. 56–63.
9. Сохор А. Н. Композитор и публика в социалистическом обществе // Музыка в социалистическом обществе: сб. ст. / сост. А. А. Фарбштейн. – Л.: Музыка, 1975. – Вып. 2. – С. 5–20.
10. Цукерман В. С. Музыка и слушатель: Опыт социол. исслед. – М.: Музыка, 1972. – 206 с.

УДК 378

Т. А. Чекалина, Е. А. Казакина, О. В. Устимова

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ И КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В статье рассматривается одно из основных направлений повышения качества современного высшего образования – синергетический подход к формированию и оценке профессиональных компетенций студентов вузов. На этой основе описаны подходы к построению образовательного процесса в современной высшей школе.

Ключевые слова: формирование компетенций, синергетический подход, качество образования, профессиональные компетенции.

T. A. Chekalina, E. A. Kagakina, O. V. Ustimova

SINERGETIC BASES OF COMPETENCE FORMATION AND QUALITY OF EDUCATION: PROBLEM STATEMENT

In article one of the basic directions of improvement of quality of modern higher education – synergetic approach to formation and an estimation professional competence students of high schools is considered. On this basis approaches to construction of educational process at the modern higher school are described.

Keywords: formation competence, synergetical approach, quality of education, professional the competence.

Синергетические основания формирования компетенций мы рассматриваем применительно к процессу обучения студентов в вузе по следующим причинам. Во-первых, современное образование рассматривается как нелинейная, открытая система. В то же время процесс формирования компетенций представляет собой открытую, нелинейную систему.

«Традиционно под системой понимается некоторое относительно обособленное множество элементов, организованных определенным образом, причем обособленность системы обуславливается тем, что связи между ее элементами более значимы и выражены, чем все прочие связи» [2, с. 7].

Открытость системы предполагает постоянный обмен между нею, внешней средой и другими системами. Нелинейность, с точки зрения Е. Н. Княzewой и С. П. Курдюмова означает: а) многовариантность путей эволюции, б) наличие выбора из альтернативных путей и определенного темпа эволюции, в) необратимость эволюционных процессов, г) периодическое чередование различных стадий протеканий процессов (усиления и ослабления интенсивности процессов, стягивания к центру и растекания от него, эволюции и инволюции, интеграции и частичного распада) [3].

Традиционная педагогическая парадигма соответствует классической научной па-

радикале, отличительными чертами которой, по мнению большинства исследователей, являются детерминизм, линейность, полное исключение неопределенности. Характеристиками классического научного закона являются устойчивость, повторяемость и воспроизводимость.

С позиций современной науки, при исследовании систем любого порядка следует учитывать такие параметры, как время и случайность.

Как известно, в конце XIX – середине XX века классическая научная парадигма сменилась неклассической. Основными гуманитарными последствиями смены научной парадигмы были: признание субъективности познания посредством включения познающего субъекта в содержание и структуру знания; изменение объекта науки посредством включения в его содержание и структуру методов и средств его познания.

«Знание о знании, которое включает в себя интеграцию познающего в его знание, должно рассматриваться преподавателями в качестве базового принципа и как постоянной необходимостью.

Мы должны понять, что существуют биоантропологические условия (способности человеческого мозга ↔ рассудка), социокультурные условия (открытая культура, позволяющая вести диалог и обмениваться идеями) и ноологические условия (открытые теории), которые делают возможным «подлинное» вопрошание, т. е. постановку фундаментальных вопросов о мире, о человеке и о самом познании.

Нам надлежит понять, что в поисках истины самонаблюдение неотделимо от наблюдения, самокритика – от критики, процессы рефлексии неразрывно связаны с процессами соотношения наших мыслей с реальностью.

Мы должны учить тому, что поиски истины требуют нахождения и выработки метаточек зрения, которые открывают возможность для рефлексивной активности,

предполагающей интеграцию наблюдателя-мыслителя в наблюдение-концепцию и экологизацию наблюдения-концепции в его собственном ментальном и культурном контексте» [5, с. 34].

С 70-х годов XX века по настоящее время развивается постнеклассическая наука, сущность которой заключается в междисциплинарности проводимых научных исследований и развитии синергетического подхода.

Понятие «синергетика» – это зонтообразный термин для исследований таких процессов, как эволюция, коэволюция, самоорганизация, сложные системы, хаос, нелинейность, нестабильность, открытость, устойчивое развитие [3].

В чем значение каждой парадигмы для педагогического исследования и развития педагогического знания? Переход к неклассической парадигме привел к пониманию возможности субъект-субъектной организации воспитательно-образовательного процесса, реализации лично-ориентированного подхода в обучении и воспитании, гуманизации и гуманитаризации образования.

Изучение образования как открытой системы характеризует не только современную российскую, но и европейскую педагогическую науку. Так, польский ученый М. Янушевска-Варых в своей работе систематизирует направления исследований, проводимых в Республике Польша по различным аспектам готовности педагогики отвечать на экономические, социальные и другие вызовы современности [7].

Переход к постнеклассической парадигме в педагогике ставит перед исследователями задачи, как нам представляется, переоценки степени управляемости воспитательно-образовательного процесса.

Под управлением понимается процесс организации такого целенаправленного воздействия на объект, в результате которого этот объект переходит в требуемое (целевое) состояние [6].

Традиционный подход определяет управление системами независимо от того, насколько они сложно организованы, по схеме: внешнее воздействие – ожидаемый результат. Как справедливо отмечают в своих работах Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов, казалось бы, чем сильнее внешнее воздействие, тем более качественным должен быть результат. Однако, как показывает анализ практики образования, далеко не всегда это так. В российской системе образования сложилось противоречие между достаточно высоким качеством процессов, реализующихся, например, в высшем образовании, и качеством получаемых результатов, которое не устраивает ни обучающихся, ни преподавателей, ни работодателей, ни общество.

Роль синергетики в образовании двойка. Речь может идти о синергетическом подходе к образованию, синергетически обоснованных способах организации процесса обучения и воспитания, а также об образовании через синергетику, посредством включения в содержание соответствующих знаний. В первом случае синергетика выступает как метод образования, а во втором – как его содержание.

Из всего многообразия аспектов постнеклассической парадигмы в педагогике мы изучаем синергетические основания формирования компетенций студентов в связи с качеством образования. Как рабочее мы предлагаем следующее определение педагогической синергетики: это исследовательский подход к педагогическим системам, позволяющий рассматривать их как открытые, т. е. в единстве процессов организации и самоорганизации, управления и самоуправления, синхронизации и асинхронизации основных и обеспечивающих процессов в вузе.

Педагогам – исследователям и практикам, осуществляющим процесс обучения, для обеспечения качества образования необходимо учитывать структуру как самого процесса, так и составляющих его подпроцессов.

В классической науке под структурой понимают постоянный для данной системы способ взаимного расположения ее элементов.

Традиционно структура процесса обучения предполагает выделение в нем этапов, звеньев, компонентов, элементов. Т. е. процесс обучения рассматривается как достаточно жестко регламентированный, детерминированный, закономерный, поэтапный. Эти же характеристики применимы к отдельным его этапам, а также к содержанию, методам и результатам обучения. Общее видение процесса обучения заключается в том, что определенный набор содержания, методов и форм обеспечивает определенные, заранее заданные результаты обучения. Так как и содержание, и методы, и формы обучения являются научно обоснованными, то в закономерности получения с их помощью запланированных результатов нет оснований сомневаться.

Однако анализ практики показывает, что прямой закономерной связи между указанными компонентами в структуре процесса обучения нет. Не касаясь сложной научной проблемы законов и закономерностей в педагогике, остановимся на таком аспекте, как управление качеством образования по результатам.

На вопрос о качестве образования можно ответить, оценивая эффективность, с которой этот процесс служит различным оцениваемым (или пригодным к оцениваю) внешним выходам (результатам) обучения [1].

Что могут привнести нового в решение проблем управления качеством синергетические основания формирования компетенций студентов вуза? Во-первых, как мы уже говорили, компетенции – это также нелинейная открытая система. Она взаимодействует с такими педагогическими подсистемами, как «результаты обучения», «личностная готовность», «профессиональная готовность».

Во-вторых, профессиональные компетенции можно рассматривать как структуру.

С точки зрения синергетики, это структура нестационарная и сложная. Нестационарность означает, что профессиональные компетенции эволюционируют, способны к росту, усложнению и подвержены распаду. Сложность означает, что она построена из простых структур «разного возраста». Действительно, если в общей структуре профессиональной компетенции правомерно выявить определенные подструктуры (мотивационная, когнитивная, рефлексивно-оценочная, операциональная), то наиболее зрелой является когнитивная подструктура, а, вероятно, рефлексивно-оценочная является самой молодой.

С позиций синергетики, целостность системе профессиональной компетенции придает коэволюция, т. е. совместное развитие и взаимосогласование сложных структур. С тех же позиций, целое может развиваться быстрее составляющих его частей: «архитектурно, конфигурационно правильное объединение частей в целое (структур разной степени развитости, “разного возраста” в сложную структуру) создает возможность ускорения темпов эволюции как целого, так и входящих в него систем» [3, с. 186].

Какое значение имеет выше сказанное для оценки качества образования?

Во-первых, на уровне учебного предмета качество образования оценивается с помощью процедур измерения (контроль процесса обучения). Объектами измерения могут являться знания, умения, опыт студентов. Во-вторых, на уровне учебного модуля любого вида качество образования оценивается с помощью процедур мониторинга (контроль, оценка и коррекция процесса обучения). Объектами мониторинга являются способы деятельности студентов, общекультурные и профессиональные компетенции. В-третьих, на уровне целостного процесса обучения качество образования может оцениваться комплексно. Объектами комплексной

оценки являются компетентность студентов (как сложное личностно-профессиональное образование), их профессионально значимые качества, результаты их деятельности (проекты, реально выполненные работы), управленческие качества. Таким образом, объекты оценки качества образования на каждом из выделенных уровней одновременно являются целями каждого уровня.

Оценка качества формирования компетенций студентов выходит за рамки отдельного предмета, т. к. они по своей сути межпредметны. Кроме того, их совокупность является нелинейной системой: они по-разному взаимодействуют с внешней средой (социумом, профессиональной деятельностью и др.), они являются в разной степени зрелыми (наиболее развитым является когнитивный компонент компетенции студентов). Поэтому программа оценки результатов их формирования должна реализовываться для междисциплинарного блока учебных предметов (модуля). Вместе с тем компетенции студентов не могут выступать в качестве цели процесса обучения студентов в вузе.

Синергетика предлагает специфические методы обучения: самообразование, нелинейный диалог, пробуждающее обучение, обучение как адаптивная модификация, обучение как фазовый переход и др.

«С синергетической точки зрения процедура обучения, способ связи обучающего и обучаемого, учителя и ученика – это их взаимная циклическая детерминация и их взаимное конструирование, становление и развитие. Обучение – это не передача знаний как эстафетной палочки от одного человека к другому, но создание условий, при которых становятся возможными процессы порождения знаний самим обучающимся, его активное и продуктивное творчество. Это – нелинейная ситуация открытого диалога, прямой и обратной связи, солидаристического образовательного приключения, попадания – в результате

разрешения проблемных ситуаций – в один и тот же, самосогласованный, темпоритм. Последнее означает, что благодаря совместной активности в такого рода ситуации учитель и ученик начинают функционировать с одной скоростью, жить в одном темпе. Учитель не просто задает вопросы, на которые заранее знает ответ, хотя это и имеет место на начальных стадиях обучения. Он ставит проблемы так, чтобы начать совместное исследование,

чтобы ученик удивился тайнам бытия, понял неисчерпаемость познания мира и приобрел не столько “знаю что”, сколько “знаю как” (know how)» [4, с. 137].

Таким образом, проблема взаимоотношений синергетических оснований формирования компетенций и оценки качества образования может быть решена на нескольких уровнях, с учетом как результатов, так и педагогических технологий их достижения.

Литература

1. Crittenden B. Education for rational understanding. – Australian Council for Educational Research, 1981.
2. Беспалов В. Е., Сольников Л. В. Введение в функционалистику. – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991.
3. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. Синергетическое мировидение. – М.: КомКнига, 2005.
4. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. Человек, конструирующий себя и свое будущее. – М.: КомКнига, 2006.
5. Морен Э. Образование в будущем: семь неотложных задач // Синергетическая парадигма. Синергетика образования. – М.: Прогресс Традиция, 2007. – Раздел I.
6. Растринин Л. А., Эренштейн М. Х. Адаптивное обучение с моделью обучаемого. – Рига: Зинантне, 1988.
7. Янушевска-Варых М. Польские ученые о философских основах современной педагогики // Педагогика искусства. – 2009. – № 4.

УДК 37

Н. Э. Касаткина, Т. Н. Семенкова

ИССЛЕДОВАНИЕ ФАКТОРОВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ПОЗИЦИЮ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ К УКРЕПЛЕНИЮ И СОХРАНЕНИЮ ЗДОРОВЬЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ²

В статье речь идет о факторах, определяющих позицию преподавателей образовательных учреждений к формированию, укреплению и сохранению здоровья обучающихся, дано понятие профессиональное здоровье преподавателя. Выделены социально-экономические, производственные, экологические, социально-педагогические и психологические факторы.

Ключевые слова: факторы, профессиональная компетентность, профессиональное здоровье, уровень здоровья преподавателя.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Профессиональное самоопределение учащейся молодежи в условиях формирования, сохранения и укрепления ее здоровья», проект № 11-16-42005а/Т

N. E. Kasatkina, T. N. Semenkova

RESEARCH OF THE FACTORS DEFINING A POSITION OF THE TEACHER OF EDUCATIONAL INSTITUTION TO STRENGTHENING AND PRESERVATION OF HEALTH OF THE TRAINED

The article is about of the factors which determine the teachers positions of the educational institutions to the forming, strengthening and saving of the students health. There is given a notion of the professional health, allocated the socio-economic, production, ecological, pedagogical and psychological factors.

Keywords: factor, professional capacity, occupational health, teachers healthy level.

Готовность преподавателя к формированию, сохранению и укреплению здоровья субъектов образовательного процесса определяется совокупностью ряда факторов, важным из которых является состояние здоровья преподавателей, поскольку неблагополучие в сфере их здоровья может самым неблагоприятным образом сказаться и на здоровье обучающихся, и на качестве образования в целом. По мнению многих специалистов, в структуре негативных воздействий, оказываемых образовательным учреждением на обучающихся, «фактор преподавателя» составляет не менее 50 %, что позволяет утверждать о том, что «у нездорового преподавателя не может быть здоровых обучающихся!».

Под готовностью педагогов к оздоровительной деятельности следует понимать *профессиональное свойство, которое выражается в степени усвоения ими социального опыта в аспекте здоровьесбережения, направленного на сохранение собственного здоровья (личностная направленность) и здоровья обучающихся (профессиональная направленность)*.

Таким образом, оздоровительную деятельность преподавателя можно рассматривать в двух аспектах: первый – применение оздоровительных технологий с целью сохранения и укрепления собственного здоровья, ведение здорового образа жизни; второй – использование оздоровительных технологий

в педагогической практике с целью сохранения и укрепления здоровья обучающихся.

Следующим фактором является подготовленность педагога к здоровьесберегающей деятельности, преподаватель должен иметь представление о способах формирования и укрепления здоровья. Исследование Т. В. Сущенко свидетельствует о том, что 66,5 % педагогов и 62,2 % руководителей образовательных учреждений не называют здоровье в числе шести основных жизненных ценностей [1].

Личностные качества преподавателя, состояние его здоровья, профессиональная компетентность, умение использовать здоровьесберегающие педагогические технологии выдвигаются исследователями на первое место среди факторов, способных существенно влиять на состояние здоровья обучающихся, ослабляя или усугубляя социальное напряжение в обществе.

Здоровье преподавателя выступает в качестве абсолютной социальной ценности, поскольку характеризует не только состояние человека определенной профессиональной группы, но и является необходимым условием воспитания здорового поколения.

Профессиональное здоровье преподавателя определяется [2] как *способность организма сохранять и активизировать компенсаторные, защитные, регуляторные механизмы, обеспечивающие работоспо-*

способность, эффективность и развитие личности преподавателя в процессе его профессиональной деятельности. Здоровый педагог характеризуется высокой приспособляемостью к изменяющимся условиям жизни, психической уравновешенностью, необходимой работоспособностью, социальным оптимизмом.

На состояние здоровья современного преподавателя оказывают влияние социально-экономические, производственные, экологические, факторы и др. К особенностям данной профессии относят специфические условия работы (большое нервно-психическое напряжение, гиподинамия, повышенная нагрузка на зрительный, слуховой и голосовой аппараты, уровень контроля со стороны руководства, психологический климат в коллективе и др.), содержание труда, рабочие перегрузки, дефицит внимания и отсутствие эмоциональной разрядки, принудительный характер общения, большое количество контактов в течение рабочего дня и др.

При изучении факторов, влияющих на профессиональную деятельность преподавателей, большинство исследователей особое внимание уделяют временным параметрам деятельности и объему работы (сверхурочная работа, высокая продолжительность рабочего дня). Средняя величина рабочей недели преподавателя равна, по исследованию Л. Ф. Колесникова [3], 52 часам, что намного выше той, которая установлена по стране (40 часов). При этом имеет место очень низкая оплата труда, не обеспечивающая нормального уровня жизни.

Л. М. Митина [4] среди показателей профессионального здоровья преподавателя выделяет *педагогическую направленность* (мотивация, сотрудничество с обучающимся); *педагогическую компетентность* (коммуникативная, конфликтная) и *эмоциональную гибкость* (адекватность эмоциональных ре-

акций). Специфика содержания педагогического труда заключается в том, что основным «орудием труда» преподавателя являются его собственная личность, профессиональная зрелость, которые позволяют находить оптимальные решения в постоянно меняющейся производственной среде и от которых, в конечном счете, зависят результаты всей практической деятельности преподавателя.

Э. М. Казин подчеркивает положительное влияние на успешность деятельности и сохранение здоровья преподавателя профессиональной мотивации, определяющей рост профессионального мастерства (превалирование внутренней мотивации к педагогической деятельности над внешней), удовлетворенность профессией, которая основана на осознании верного выбора профессии, на соответствии собственных способностей требованиям профессии, результативности своего труда [5].

Можно выделить две категории преподавателей: *одни*, говоря о формировании здоровья, на первое место *выдвигают роль активного образа жизни*, *другие* относятся к здоровью как к явлению, не зависящему от усилий человека, и *отдают приоритет хорошему психологическому климату в коллективе, возможности отдыха* [6].

Установлено, что уровень здоровья педагогов достаточно низкий: почти две трети из них нуждаются в помощи психотерапевта; не менее востребованы врачи-специалисты: отоларинголог, невролог, кардиолог и другие.

Отмечается заметное снижение возрастного порога заболеваний аппарата кровообращения: с ишемической болезнью сердца встречаются преподаватели моложе 30 лет! Заболевания желудочно-кишечного тракта наблюдаются у 27 % из них (хронический гастрит, холецистит), 13,6 % страдают гинекологическими заболеваниями, 12 % – заболеваниями ЛОР-органов [7].

Клинические и психофизиологические наблюдения за состоянием здоровья выявляют наиболее распространенные симптомокомплексы, встречающиеся у преподавателей: раздражительность, вспыльчивость, легкая возбудимость, падение работоспособности, повышенная и быстрая умственная утомляемость, ослабление памяти, внимания, подавленное настроение, апатия, вялость, слезливость, бессонница, тревожные сновидения. Исследования свидетельствуют о том, что профессиональная деятельность преподавателя в условиях современного образования не способствует сохранению его здоровья.

Результаты самооценки состояния здоровья преподавателей, распространенность выработанной привычки находиться в «полуждоровом» состоянии и выходить в этом состоянии на работу, пассивность в обращении за медицинской помощью, низкая мотивация к ведению здорового образа жизни свидетельствуют о том, что реальный уровень здоровья преподавателей еще менее благополучен, чем это следует из данных медицинской статистики.

К особенностям труда педагога, способствующим психическому и физическому напряжению, а при наличии дополнительных неблагоприятных факторов и развитию болезней, относятся: отсутствие должного отдыха в выходные дни и в отпуске, низкий уровень заработной платы, невысокий социальный статус, невротизирующий характер работы. В сравнении с другими профессиональными группами преподаватели характеризуются не только высокой тревожностью и уровнем нейротизма, но и наибольшей частотой проявления неврастенических расстройств. Отчасти этот фон создается также некомпетентностью, осознанием неподготовленности к новым методам обучения и воспитания, неумением приспособиться к новым требованиям.

Среди факторов, способствующих развитию психоэмоционального напряжения педагогов, следует выделить количественные и качественные аспекты работы с обучающимися: их количество, частоту обслуживания, степень глубины контакта. Анализ социально-психологических отношений между преподавателями и обучающимися свидетельствует о том, что развитие любой критической ситуации, связанной либо с опекающей идеологией преподавателя, либо с апатией обучающихся и неблагоприятной атмосферой в образовательном учреждении, способствует тому, что уже после 5–7 лет работы в нем происходит профессионально-личностная деформация.

С другой стороны, данная профессия характеризуется высокой значимостью эмоциональных переживаний. Анализ особенностей социэкономических профессий указывает на необходимость определенных (оптимальных) эмоциональных отношений между профессионалами и «объектом» его труда. Мы в своем исследовании рассматриваем эмоциональную направленность как проекцию ценностной ориентации личности, как вектор ее развития в профессиональной деятельности и как фактор профессионального развития.

Для оптимальной профессиональной деятельности необходимым является достижение субъектом чувства удовлетворенности от процесса и результатов труда. Вместе с тем, удовлетворенность трудом рассматривается как комплексная характеристика, включающая материальное вознаграждение, престиж и социальный статус профессии, эмоциональное удовлетворение от содержания выполняемой работы. Наличие эмоционального отношения является одним из необходимых условий успешного воспитательно-образовательного процесса, приносящего удовлетворение и вызываю-

шего потребность в дальнейшей профессиональной деятельности.

Реагирование на возникшие трудности у молодых педагогов и педагогов со стажем различно, да и характер проблем у этих групп неодинаков. Если у педагогов со стажем наблюдается высокий фон депрессивных состояний (пониженное настроение, повышенная тревожность) и целый ряд соматических недомоганий (боли в сердце, головные боли, бессонница), то у молодых преподавателей чаще всего наблюдаются агрессивные реакции. Они в большей степени недовольны профессиональными ситуациями и, следовательно, испытывают такие состояния, как раздражительность и агрессия.

Факторы, вызывающие синдром выгорания, традиционно группируются в соответствии с двумя направлениями: *особенности профессиональной деятельности и индивидуальные характеристики самих профессионалов*. К числу последних исследователи чаще всего относят такие характеристики, как стрессоустойчивость, трудовая мотивация, стратегия поведения, особенности самооценки, локус контроля, коммуникативные качества, стили саморегуляции.

Выделяется ряд внешних и внутренних факторов-предпосылок, провоцирующих профессиональное выгорание:

- дестабилизирующая организация деятельности (основные ее признаки общеизвестны: нечеткая организация и планирование труда; недостаток оборудования; плохо структурированная и расплывчатая информация, наличие в ней «бюрократического шума» – мелких подробностей, противоречий; завышенные нормы контингента, с которым связана профессиональная деятельность педагога);

- повышенная ответственность за исполняемые функции;

- неблагоприятная психологическая атмосфера профессиональной деятельности,

которая определяется двумя основными обстоятельствами – конфликтностью по вертикали (в системе «руководитель – подчиненный») и по горизонтали (в системе «коллега – коллега»);

- психологически трудный контингент (наличие обучающихся с аномалиями характера, нервной системы и с задержкой психического развития) [8].

Методика диагностики уровня эмоционального выгорания, предложенная В. В. Бойко, позволяет получить подробную картину синдрома эмоционального выгорания личности, выявить ведущие симптомы выгорания, включающие три фазы его формирования: фазу «напряжения» (переживание психотравмирующих обстоятельств, неудовлетворенность собой, ощущение «загнанности в клетку», тревога и депрессия); фазу «резистенции» (неадекватное избирательное эмоциональное реагирование, эмоционально-нравственная дезориентация, расширение сферы экономии эмоций, редукция профессиональных обязанностей); и фазу «истощения» (эмоциональный дефицит и отстраненность, деперсонализация, психосоматические и психовегетативные нарушения).

Нами выявлено, что у 76,5 % педагогов сформированы те или иные симптомы профессионального выгорания (среди преподавателей высшей квалификационной категории 53 % «сгоревших», а 33,8 % работников образования находится в состоянии устойчивого стресса). Следует выделить социально-демографические характеристики педагогов (возраст, пол, семейное положение, уровень образования, отношения в коллективе, личностные особенности), а также другие факторы, определяющие зависимость между интенсивностью психоэмоционального выгорания и степенью их удовлетворенности условиями труда, заработной платой, харак-

тером отношений с непосредственным руководителем, отношениями в коллективе, особенностями физических, интеллектуальных, психоэмоциональных нагрузок [5].

Таким образом, представление о том, что профессия преподавателя «творческая и легкая», давно развеяно в среде педагогов, поскольку одним из главных стрессорных факторов, влияющих на его адаптационные процессы, является перегруженность, психическая и физическая напряженность труда.

Пути профилактики и коррекции состояния выгорания лежат в позитивном и ответственном отношении не только к своей профессии, но и к себе, собственной жизни. Приоритетным направлением в решении этой задачи должна стать актуализация восприятия преподавателями своего профессионального здоровья как важнейшей личностной ценности. Не менее значима работа, направленная на повышение стрессоустойчивости, самооценки, уровня самопринятия, снижение тревожности, самоагрессии и самодеструкции.

Нами выявлены 4 группы преподавателей с различной здоровьесберегающей стратегией самосохранения, адаптации и развития:

1-я группа – несформированная стратегия, характеризующаяся низкой активностью, направленная на сохранение и укрепление здоровья в условиях профессиональной деятельности;

2-я группа – стратегия самосохранения реализуется путем избегания неблагоприятных ситуаций. У преподавателей данной группы отмечается низкий уровень субъективного контроля за состоянием своего здоровья и межличностных отношений, но они склонны оценивать здоровье как ресурс, который необходимо беречь;

3-я группа – стратегия адаптации к условиям деятельности, учитывающая имеющиеся

возможности, характеризуется высоким уровнем субъективного контроля в отношении здоровья;

4-я группа – стратегия основана на потребности в личностном и профессиональном развитии, совершенствовании психологических и психофизиологических возможностей и здоровья. У преподавателей с данной стратегией отмечается высокий уровень интернальности, достижений, производственных и межличностных отношений; сформирована система знаний об особенностях профессии, влияющих на здоровье, собственных индивидуальных особенностях, ресурсах здоровья. Они способны противостоять синдрому эмоционального выгорания. К факторам, влияющим на формирование здоровьесберегающей стратегии, относятся: *побудительные; социально-экономические, содержательные, психологические.*

К качествам, помогающим специалисту избежать профессионального выгорания, относят:

- хорошее здоровье и сознательную целенаправленную заботу о своем физическом состоянии (постоянные занятия спортом, ведение здорового образа жизни);
- высокую самооценку и уверенность в себе, своих способностях и возможностях;
- опыт успешного преодоления профессионального стресса;
- способность конструктивно меняться в напряженных условиях;
- высокую мобильность;
- открытость;
- общительность;
- самостоятельность;
- способность формировать и поддерживать позитивные оптимистические установки и ценности в отношении как самого себя, так и других людей, жизни вообще.

Условия и специфика профессиональной деятельности преподавателя, для кото-

рой характерны сложность, многогранность, постоянные нервные и психоэмоциональные перегрузки, определяют необходимость своевременных мер психолого-медико-социальной профилактики и восстановления здоровья преподавателей. Кроме того, необходимо помнить, что коррекция и профилактика профессионального здоровья – это забота не только самих преподавателей, медицинских работников и психологов, но и социальных институтов, осуществляющих мероприятия по оптимизации санитарно-гигиенических и бытовых условий деятельности преподавателей.

Необходима такая организация труда и отдыха преподавателя, которая обеспечивает высокую его работоспособность на протяжении длительного времени, позволяет отодвинуть утомление и избежать переутомления. Актуальна также и индивидуальная работа: выдача заключений по состоянию здоровья преподавателей, разработка маршрута оздоровления и валеологических рекомендаций по коррекции выявленных нарушений.

Э. М. Казин [5] доказал, что сеансы психофизиологической регуляции показаны большинству лиц из числа преподавателей и обучающихся в целях профилактики нарушений функционального состояния, экстренной мобилизации психофизиологических функций, преодоления чрезмерно выраженных нервно-эмоциональных реакций, снижения явлений гиподинамии, регуляции нервно-психической и мотивационно-волевой активности, создания благоприятного эмоционально-чувственного фона, длительного и устойчивого поддержания высокого уровня работоспособности.

Очевидно, что здоровье преподавателей нуждается в восстановлении и укреплении посредством различных видов оздоровительных воздействий и в первую очередь – средствами физической культуры, поскольку

имеющийся уровень их двигательной активности явно недостаточен для поддержания нормального функционирования организма. Исследование показало, что формирование устойчивой *потребности личности в физической активности* – многолетняя и кропотливая работа, требующая разноплановой стратегии. В одном случае, чтобы подтолкнуть к активным действиям, требуется лишь обозначить проблемы со здоровьем и указать пути их решения; в другом – предоставить возможность эпизодически участвовать в спортивно-массовых мероприятиях; в третьем – следует развивать потребность в систематических занятиях, используя при этом различные мотивационные установки (улучшение телосложения, снижение темпов старения, продление творческого долголетия и т. д.). Лишь в процессе занятий физической культурой и спортом приходит понимание их целесообразности и необходимости, выработка привычки и устойчивой потребности, закрепление положительных эмоций, что в комплексе обеспечивает долголетие физической активности.

Когда речь идет о планировании физкультурно-оздоровительной работы с преподавателями, мы исходили из понимания о значительной разнице в их функциональном состоянии и уровне физической подготовленности. Если в одних случаях функции организма реализуются лишь более высоким, чем в норме, напряжением регуляторных систем, то в других – наблюдается выраженное снижение функциональных резервов и перенапряжение механизмов гомеостаза. Поэтому если в первом случае тактику коррекционной работы мы предполагали направить на *мобилизацию функциональных резервов*, то во втором – необходимо *восстановить функциональные резервы*.

Анализ многочисленных исследований по физическому воспитанию позволил пред-

положить, что усиление мотивации к здоровому образу жизни и физкультурно-оздоровительной активности преподавателей возможно при комплексном обеспечении соответствующими программами, включающими *организационное, диагностическое, образовательное, коррекционно-профилактическое и санитарно-гигиеническое направления*.

Обобщая вышеизложенные материалы, мы пришли к следующим выводам:

- *профессия преподавателя относится к профессиям группы риска* по таким факторам, как синдром эмоционального выгорания, стресс и профессиональная деформация, причем для деятельности преподавателя типичны все виды психологического стресса – эмоциональный, информационный, коммуникативный;

- *при определении социального статуса молодого специалиста*, характера и объема выполняемой им учебной нагрузки необходимо учитывать совокупность его индивидуально-типологических особенностей, и, по возможности, устранять действие эмоционального дистресса;

- *по отношению к преподавателям зрелого возраста* важно планировать проведение оздоровительных и социальных мероприятий, направленных на психологическую разгрузку, повышение адаптационного потенциала, создание оптимальных условий для формирования устойчивой здоровьесберегающей мотивации;

- *внутренними ресурсами, которые необходимы преподавателю* для того, чтобы сопротивляться негативному влиянию профессии на личность и сохранять психофизическое здоровье, можно назвать следующие: способность к целеполаганию, субъективное вероятностное прогнозирование, интернальность, позитивное мышление и др.;

- *профессиональная медико-биологическая и социально-психологическая*

консультация преподавателя, включающая комплексную оценку его функционального состояния, должна быть направлена на продление периода оптимальной трудоспособности и максимальное увеличение продолжительности жизни с учетом «критических периодов» индивидуального и профессионального развития, биологического возраста.

В соответствии с разработанным научно-методологическим аппаратом нами выделены следующие критерии оценки готовности преподавателя к реализации оздоровительной деятельности:

- *когнитивный* (система представлений о здоровье, здоровом образе жизни);

- *мотивационно-волевой* (сформированность мотивационно-волевой регуляции поведения);

- *инструментально-деятельностный* (сформированность полезных привычек, способов организации и практических навыков здорового образа жизни);

- *эмоциональный* (характер психоэмоционального самочувствия, стрессоустойчивость);

- *адаптивно-ресурсный* (величина функционального резерва, степень напряжения ведущих регуляторных механизмов).

Здоровьесозидающая воспитательная система осуществляется посредством постановки педагогическим коллективом воспитательных целей, направленных на сохранение и созидание здоровья учащихся, «вращения» валеологически компетентного педагогического коллектива, развития психологически комфортных отношений, возникающих между субъектами образовательного процесса, эффективного использования организационно-управленческих структур, материальной базы, научно-методического и финансового обеспечения здоровьесозидающей деятельности.

Литература

1. Сущенко Т. В. Здоровье как жизненная ценность руководителя образовательного учреждения: дис. ... канд. пед. наук. – М., 2002. – 142 с.
2. Безруких М. М. Региональные программы «Образование и здоровье» как вариант комплексного решения проблем здоровья школьников // Здоровье и образование: тез. Международ. конф. – СПб., 1999. – С. 33–34.
3. Колесников Л. Ф. Резервы эффективности педагогического труда: дис. ... д-ра пед. наук. – Новосибирск, 1985. – 263 с.
4. Митина Л. М. Психологическая диагностика коммуникативных способностей учителя: учеб. пособие для практических психологов. – Кемерово, 1996. – 124 с.
5. Казин Э. М. Теоретическая и организационная основа формирования здоровьесберегающей образовательной среды в регионе / Э. М. Казин, И. А. Свиридова, Т. Н. Семенова. – Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО, 2006. – Ч. 1. – 106 с.
6. Вашлаева Л. П. Формирование здоровьесберегающей стратегии педагога. – Кемерово: КРИПО, 2004. – 154 с.
7. Онищенко Г. Г. Санитарно-эпидемиологическое благополучие детей и подростков // Гигиена и санитария. – 2007. – № 4. – С. 53–61.
8. Бойко В. В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. – СПб.: Питер, 1999. – 105 с.

УДК 378

Е. А. Казакина, Е. И. Харлампенков, Т. А. Чекалина, О. В. Устимова

ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ КАК ЛОГИСТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

В работе авторы представляют процесс формирования компетенций студентов вузов с позиций его логистических оснований. Формирование компетенций студентов в процессе обучения в вузе рассматривается в русле складывающейся образовательной логистики. Этот процесс понимается как синергетический, что позволило обосновать принципы оценки и измерения компетенций.

Ключевые слова: логистика образования, синергетика, формирование компетенций, высшее образование.

E. A. Kagakina, E. I. Harlampenkov, T. A. Chekalina, O. V. Ustimova

FORMATION OF THE COMPETENCIES OF UNIVERSITY STUDENTS AS A LOGISTIC PROCESS

In work authors represent formation process competence of students of high schools from positions of its logistical bases. Formation competence of students in the course of training in high school is considered in the tideway of developing educational logistics. This process is understood as synergetic that has allowed to prove estimation and measurement principles competence.

Keywords: logistics of formation, synergetics, competence formation, higher education.

К настоящему времени в теории и практике профессионального образования имеются разработки, которые способствуют формированию компетенций студентов вузов. Среди наиболее значимых из них выделим следующие: для каждого направления подготовки студентов определены общекультурные и профессиональные компетенции, есть методические и технологические разработки в области формирования компетенций студентов вузов, в литературе представлена общая характеристика процесса обучения в вузе, обеспечивающего формирование компетенций студентов. На наш взгляд, недостаточно разработанным является такой аспект компетенций, как их измерение. В данной статье мы рассматриваем процесс формирования компетенций с точки зрения логистических оснований, в русле складывающейся в настоящее время образовательной логистики.

Кроме определения логистики как производственно-экономической теории и практики существует и близкая к гуманитарной трактовка. А. И. Семененко и В. И. Сергеев предлагают рассматривать логистику как определенное программное мышление, методологию сквозной организационно-аналитической оптимизации сложных целенаправленных, в том числе слабоструктурированных, систем, какими можно представить разного рода потоково-процессные виды деятельности [5].

Вероятно, именно обозначенный гуманитарный смысл рассматриваемого понятия вызвал к жизни многочисленные попытки применения логистической методологии во внеэкономических, преимущественно гуманитарных сферах общественной практики. Этот процесс те же А. И. Семененко и В. И. Сергеев даже обозначили специальным термином – «логистизация» разных форм деятельности [5].

В первом случае логистика рассматривается как «...синтез научных приемов, методов и средств познания, описания, организации и сквозного управления материальными, людскими и информационными потоками для достижения экстремума функций их целей» [1, с. 54–55].

В логистике производственных и торговых компаний рассматривается управление четырьмя потоками: материальным, сервисным, информационным и финансовым. Причем, если ранее информационный поток рассматривался как ассистирующий, то в последнее время он рассматривается как управляющий. Механистический подход по переносу разработок в области логистики торговых и производственных предприятий в область логистики образования будет не совсем правильным, хотя общие подходы в организации логистики в сферах образования и реальной экономики будут во многом тождественными. Траекторию процесса обучения задает учебный план направления подготовки. С учетом профилей подготовки в нем задаются субпотоковые информационные процессы, формирующие субтраектории подготовки компетентного специалиста.

Достаточно сложно найти в логистике, управляющей процессом образования, аналог материального потока, но в каком-то плане можно считать, что это система знаний, передаваемых обучающемуся, для формирования компетенций, ключевое звено этого потока – профессорско-преподавательский состав. Сервисный поток в процессе обучения – методическое обеспечение дисциплин, включающее обеспечение литературой, мультимедийным и лабораторным оборудованием, инфраструктура учебного заведения. Финансовый поток – финансовое обеспечение учебного процесса и функционирования учебного заведения.

Не претендуя на образовательную (педагогическую) логистику в целом, считаем

целесообразным в качестве объекта логистики массовой оценки формирования компетенций студентов вузов выделить сервисный поток, или поток сервиса. Он складывается из продуктов (деятельностей), обслуживающих процесс массовой оценки: научно- и инструктивно-методический (экзаменационные материалы и инструкции по проведению процедуры), издательский (тиражирование и комплектация соответствующих бланков), законотворческий (нормативно-правовое обеспечение), экономический (расчеты финансирования), информационно-аналитический (обработка результатов), правоохранный (обеспечение физической и информационной безопасности), консалтинговый («разруливание» нештатных ситуаций), повышение квалификации (обучение всех задействованных лиц) и даже топографический (организационно-территориальные схемы проведения оценочных процедур).

Организация образовательного процесса в современных условиях, направленного на формирование компетенций обучающегося, требует процессного подхода, реализация которого возможна на основе образовательной логистики. В общем виде, с учетом интерпретации, применительно к образовательному процессу, логистика – это управление учебным процессом, способствующим формированию компетенций обучаемого на основе синергии формируемых компетенций. По сути, в процессе обучения реализуется современная концепция организации производства «work flow», предусматривающая организацию выполнения и управления процессом обучения. «Work flow», реализуемый в управлении предприятием, включает три вида процессов: последовательный, процесс, управляемый правилами, и конечный автомат, в котором возможны переходы и возвраты в предыдущие состояния [6].

Система «work flow», как управляющая система, требует описания процессов обучения, затем их оптимизации и реализации в виде workflow-процедур, включая разработку траекторий обучения, контроль исполнения, выражающийся в системе текущего, промежуточного и итогового контроля формирования компетенций.

Компетентностно-ориентированный процесс обучения – синергетический процесс, т. к. синергия создает суммирующий эффект взаимодействия двух или более компетенций, формирующихся в процессе обучения таким образом, что их действие существенно превосходит эффект каждого отдельного компонента. Синергетический эффект в процессе обучения – возрастание эффективности деятельности в результате интеграции и системного эффекта, который реализуется на основе последовательности и взаимодополняемости осваиваемых студентом компетенций в условиях различных дисциплин. Реализация синергетического подхода в образовательном процессе подразумевает организацию и координацию трех процессов – это адекватное планирование учебного процесса, позволяющего формировать компетенции обучающегося; эффективный обмен знаниями и информацией в группе обучающихся, т. к. современные подходы нацеливают студентов работать в команде; и текущая координация работы в процессе формирования компетенций со стороны преподавателя. Реализация обучения, направленного на формирование компетенций, состоит в том, чтобы добиваться сверхаддитивного эффекта, который больше суммы слагаемых, т. е. $S > \sum_{i=1}^n S_i$. Происходит выигрыш в процессе обучения, основанном на синергетическом подходе. Очевидно, что для усиления синергетического эффекта требуется, чтобы векторы формируемых компетенций

были однонаправленными, а не противоположными.

Уровень синергетизма компетентностного потенциала обучающегося определяется с учетом формирующихся компетенций, как:

$$F_{ij} = \sum_{i=1}^n K_i \times S_{ij},$$

где K_i – вес i -го источника синергетизма формирующихся компетенций;

S_{ij} – коэффициент синергетизма формируемой компетенции.

Организация процесса обучения на основе логистического подхода предполагает, что учебный процесс имеет траекторию, предполагающую постоянное наращивание уровня компетенций обучающегося. Стоит внести разъяснение по поводу использования термина «обучающийся» в данной статье. Предыдущие стандарты ВПО или стандарты второго поколения, нацеливали высшие учебные заведения на то, что они должны были передать обучаемому определенный набор знаний, на основе которых формировался определенный уровень навыков и умений. Студент или «обучаемый» был подобен «губке», впитывая получаемую информацию. Процесс обучения строился на передаче знаний от преподавателя к студенту. На определенном этапе, в условиях «рационализма» экономики, такое «натаскивание» давало определенные позитивные результаты. Работа в условиях инновационной экономики предполагает нестандартность ситуаций, требующих соответствующего мышления, которое возможно сформировать на основе компетентностного подхода. Появившиеся как дань времени ФГОС ВПО третьего поколения нацеливают вузы на использование логистического подхода, связанного с управляемостью процессом обучения, обеспечивающего формирование компетенций. В этом случае большая

нагрузка ложится на студента, который переходит в разряд «обучающегося», способного к самообразованию, творческому осмыслению учебного материала, творческой работе.

Формирование компетенций у обучающегося можно представить и как скатывание снежного кома, в котором все компетенции перемешаны, и как формирование кластеров компетенций. Стандарт делит компетенции на группы, и если рассматривать компетенции одной группы, то их формирование можно представить в виде множества, напоминающего снежный ком. В данном случае уравнение компетенций, формируемых у студента, можно выразить как:

$$S = \prod_{i=1}^k S_i,$$

где k – количество компетенций, принадлежащих к одной группе, регламентируемой ФГОС;

S_i – компетенция, может рассматриваться как доля в общем уровне компетенций, применительно к определенной группе.

Уравнение, описывающее компетентность через мощность кластера компетенций, принадлежащих различным группам ФГОС с учетом устойчивости связей между его компонентами и синергией взаимодействия можно представить в следующем виде:

$$SkI = \sum_{i=0}^n \sum_{k=1}^m C_{pi} \cdot K_r \cdot K_k,$$

где S_{kl} – мощность кластера компетенций;

C_{pi} – доля влияния i -й компетенции, входящей в кластер;

K_r – коэффициент роста компетентности за счет формирования i -й компетенции, входящей в кластер;

K_k – коэффициент межгрупповой кооперации компетентностей в кластере;

n – число групп компетенций, входящих в кластер;

m – количество связей между группами в кластере компетенций.

При использовании данной формулы требуется уточнить, что Федеральный стандарт определяет наличие в блоках дисциплин компетенций, относящихся к разным группам, например в блоке специальных дисциплин могут быть и профессиональные и общекультурные компетенции, совокупность которых формирует общую компетенцию выпускника.

Логистику процесса обучения можно рассматривать как интегральный инструмент образовательного менеджмента, способствующего достижению стратегических, тактических или оперативных целей обучения по формированию компетентного специалиста, удовлетворяющего требованиям потребителей (предприятий, общества, государства), личностного и профессионального потенциала специалиста. Исходя из данного определения, стоит отметить, что стратегическая составляющая логистики в образовании отражена в требованиях ФГОС, тактические и оперативные цели организации обучения определены в учебных планах и рабочих программах изучаемых студентом дисциплин, т. е. в методической системе обучения.

Обучение можно рассматривать как иерархический процесс. Одним из принципов логистики также является принцип иерархии. Иерархия – это порядок подчинения нижестоящих элементов вышестоящим по строго определенным ступеням (иерархическая лестница) и переход от низшего уровня к высшему уровню. Ориентируясь на компетентностный подход, мы видим, что в процессе обучения вначале формируются «первичные» компетенции, позволяющие в дальнейшем формировать «вторичные» компетенции, более сложные. Иерархия есть тип структур-

ных отношений в сложных, многоуровневых логистических системах, характеризующихся упорядоченностью и организованностью взаимодействий между отдельными уровнями по вертикали, что прекрасно видно в структуре учебного плана, когда вначале студенты изучают общепрофессиональные дисциплины, а потом специальные дисциплины. Иерархические отношения имеют место во многих логистических системах, в том числе и образовательных, для которых характерна как структурная, так и функциональная дифференциация, т. е. способность к реализации определенного круга логистических функций.

В процессе обучения важно оценить уровень сформированности компетенций у обучающегося. В вузах активно используют модульно-рейтинговую систему оценок. Однако стоит отметить, что осваиваемое в ее условиях содержание в единстве с технологиями его освоения может войти как в активную часть баланса компетенций обучающегося, так и в пассивную часть. Например, студент изучает законы диалектики в курсе философии, но на момент обучения он не понимает практических аспектов их применения. В дальнейшем, например, изучая такую дисциплину, как «Исследование систем управления» в рамках направления «Менеджмент», студент понимает практическую применимость законов диалектики в управлении организацией. Целесообразно, на наш взгляд, ввести такое понятие, как «эксергия образовательного процесса». С точки зрения образовательного процесса, эксергия – показатель, характеризующий качество формируемых компетенций в рамках учебного процесса, активность их применимости и величину затрат на их формирование. В эксергетическом анализе используется «коэффициент качества процесса», который определяется как:

$$K_{ex} = \left| \frac{T_0}{T} \right|,$$

где T_0 – количество компетенций, сформированных у обучающихся в процессе изучения дисциплины;

T – количество компетенций, которые формируются у обучающегося в рамках изучения дисциплины.

Эксергию процесса обучения можно определить с использованием K_{ex} как:

$$ex = EK_{ex},$$

где E – «энергоемкость» дисциплины, которую можно определить как по количеству формируемых компетенций, так и по количеству зачетных единиц, выделяемых в учебном плане на дисциплину [3].

Опыт работы авторов в системе высшего профессионального образования показал, что логистика в образовании – комплексная, сбалансированная система, которая включает в себя все составные части и направления учебно-воспитательного процесса по организации эффективного формирования компетенций обучающегося.

Представленная в данной статье логистическая характеристика процесса формирования компетенций студентов в процессе их обучения в вузе может быть проиллюстрирована графически разработанной нами схемой модели социально-информационной компетенции студентов. Эта компетенция является одной из ключевых компетенций специалиста с высшим образованием. Теоретическое и методическое исследование формирования этой компетенции в процессе обучения студентов по специальности «Менеджмент организации» Кемеровского государственного университета культуры и искусств осуществлялось нами в течение 2007–2011 учебного года [2, 7].

Схема модели социально-информационной компетенции представлена нами на рис. 1.

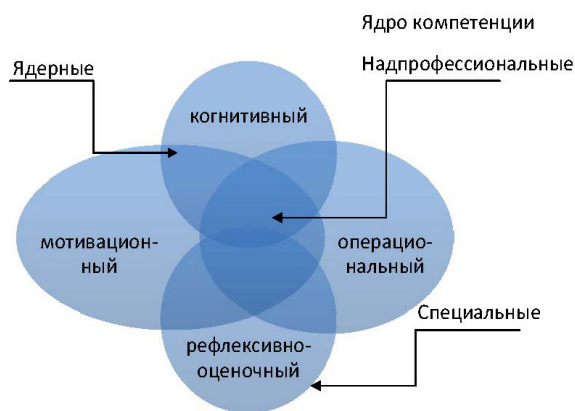

Рис. 1. Схема модели социально-информационной компетенции

В силу указанных причин, разработанная нами модель социально-информационной компетенции представлена в виде кругов Эйлера. На наш взгляд, именно такая структура наиболее полно отражает процессуальное содержание любой компетенции, в том числе и социально-информационной.

В центре нашей модели, там, где пересекаются все четыре компонента, находится ядро компетенции. На наш взгляд, именно в ядре находятся так называемые «надпрофессиональные компетенции». Надпрофессиональные компетенции – это универсальные знания, умения и навыки, качества и способности выпускника, обеспечивающие его конкурентоспособность и социальную адаптацию в условиях рынка труда. То есть эти компетенции свойственны любому специалисту независимо от сферы профессиональных интересов и отражают социально-культурное развитие личности. Они формируются как общенаучные на этапе общего образования и далее в процессе обучения в вузе формируются как полноценные надпрофессиональные. Области пересечения кругов содержат

ядерные компетенции, т. е. это такие компетенции, которые являются отличительными и специфичными для каждой специальности. Оставшиеся области кругов – это специальные компетенции, т. е. те, которые отражают специализацию подготовки студентов.

Обоснуем выбор данной структуры на примере социально-информационной компетенции. Что же является ядром в нашем случае? На наш взгляд, это то, что необходимо любому специалисту в информационном обществе. Надпрофессиональные компетенции – это умение работать с различными источниками информации, осуществлять поиск, систематизацию и обобщение информации; уметь критически оценивать информацию, распространяемую в Интернете, СМИ; уметь планировать, организовывать и оценивать свою деятельность; владеть навыками использования новых информационных технологий; владеть способами взаимодействия с окружающими; определять свое место и роль в окружающем мире.

Ядерные компетенции – это компетенции, которые характерны для укрупненных групп специальностей (направлений подготовки). Так, например, специальность «Менеджмент организации» относится к группе экономических специальностей, направление «Менеджмент» – также к группе «Экономика и управление». Мы считаем, что для того, чтобы быть грамотным специалистом в области управления, студенту необходимо уметь использовать современные информационные технологии принятия управленческого решения, уметь критически оценивать управленческую информацию, поступающую из внутренних и внешних источников, уметь представлять результаты своей деятельности окружающим,

Оставшаяся область компонентов отражает специализацию подготовки студентов. В нашем случае это специализация «Менеджмент социальной сферы», т. е. это такие

компетенции, которые необходимы менеджеру, работающему в учреждениях и организациях социальной сферы.

Как мы видим, модель социально-информационной компетенции включает в себя компоненты модели компетенции в целом. Создавая данную модель, мы также применили логистический подход. Он позволил нам упорядочить информационный поток, связанный с проблематикой формирования компетенций, представленный в педагогическом дискурсе. Так, в публикациях встречаются понятия «компетенции», «ключевые компетенции», «ядерные компетенции», «специальные компетенции» и др. Все они представлены не только применительно к обучению студентов вузов, но и к процессу отбора и оценки персонала в условиях реальной профессиональной деятельности на предприятии или в организации.

Как показал проведенный нами анализ, все указанные компетенции имеют самостоятельное значение, но, будучи взаимосвязанными синергетически, представляют собой достаточно сложную систему иерархий и пересечений. К надпрофессиональным компетенциям студентов и, соответственно, специалистов относятся: целеполагание, планирование, организация, оценка и контроль деятельности. Ядерные компетенции – это применяемые в рамках конкретной группы специальности надпрофессиональные компетенции. Они и называются ядерными, другими словами, сердцевинными (*core*), потому что прямо и непосредственно связаны с ядром в виде совокупности надпрофессиональных компетенций.

Так, если специальность «Менеджмент организации» или направление «Менеджмент» относится к группе «Экономика и управление», то ядерные компетенции студентов прописаны в государственном образовательном стандарте. Среди них общепрофессиональное (ядерное) значение имеют:

- способность учитывать последствия управленческих решений и действий с позиции социальной ответственности;
- способность находить организационно-управленческие решения и полностью нести за них ответственность;
- способность проектировать организационную структуру, осуществлять распределение полномочий и ответственности на основе их делегирования;
- готовность к разработке процедур и методов контроля;
- способность оценивать условия и последствия принимаемых организационно-управленческих решений;
- способность анализировать взаимосвязи между функциональными стратегиями компаний с целью подготовки сбалансированных управленческих решений.

Наконец, специальные компетенции отражают профиль или специализацию подготовки студентов. Так, например, если в рамках направления «Менеджмент» студенты осваивают профиль «Управление человеческими ресурсами», к разряду специальных относятся:

- владение современными технологиями управления персоналом;
- способность к анализу и проектированию межличностных, групповых и организационных коммуникаций;
- владение различными способами разрешения конфликтных ситуаций;
- способность эффективно организовывать групповую работу на основе знания процессов групповой динамики и принципов формирования команды;
- способность участвовать в разработке стратегии управления человеческими ресурсами организации, планировать и осуществлять мероприятия, направленные на ее реализацию.

Также в предлагаемой схеме присутствуют компоненты социально-информационной компетенции: когнитивный, мотивационный,

операциональный и рефлексивно-оценочный. Они имеют значение как в плане структурирования социально-информационной компетенции, так и в плане создания преподавателем методической системы обучения и проектирования процесса изучения дисциплины. Таким образом, понимание формирования компетенций студентов вузов как логистического процесса позволяет повысить степень управляемости этим процессом с учетом его нелинейности и синергетического эффекта.

Каковы педагогические методы реализации логистических оснований в целях формирования компетенций студентов вузов? Во-первых, это использование матрицы компетенций, в которой определенные госстандартом общекультурные и профессиональные компетенции распределены в соответствии с дисциплинами учебного плана. Матрица способствует учету компетенций (сколько и какие отобраны для каждой из дисциплин), координации содержания и технологий формирования этих компетенций преподавателями различных дисциплин. Также матрица может выступать в качестве информационной основы деятельности преподавателей по интеграции и реализации межпредметных связей и для разработки контрольно-измерительных материалов для оценки сформированности компетенций студентов как комплексных результатов процесса обучения.

Во-вторых, в качестве метода выступает моделирование. Модель, например представленная нами модель социально-информационной компетенции, позволяет преподавателю проектировать процесс изучения дисциплины с учетом системности, междисциплинарности, синергетичности процесса формирования компетенций студентов вузов. В плане продолжения представленных в данной работе положений мы будем исследовать возможности метода сфер в целях оценки компетенций студентов вузов.

Литература

1. Денисенко В. А. Основы образовательной логики. – Калининград: Изд-во КГУ, 2003.
2. Кагакина Е. А., Чекалина Т. А. К вопросу об оценке формирования компетенций студентов вузов // Вестник КемГУКИ. – 2011. – № 16. – С. 185–192.
3. Кочурова Л. И., Филимонова Е. А., Копеин В. В., Харлампенков Е. И. Инновационная модель и перестроение экономики на ее основе / Инновационное развитие экономики России: роль университетов: Третья междунар. конф. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2010.
4. Решетникова О. А. Логистика массовой оценки учебных достижений учащихся // Инновации в образовании. – 2011. – № 7. – С. 33–45.
5. Семененко А. И., Сергеев В. И. Логистика. Основа теории. – СПб.: Союз, 2001.
6. Харлампенков Е. И., Першина Е. Г. Логистика: учеб. пособие. – Кемерово, 2008.
7. Чекалина Т. А. Технологии формирования социально-информационной компетенции студентов вузов // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 4. – С. 90–94.

УДК 37

Т. М. Чурекова, И. В. Москаленко

**ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ
ОСОБЕННОСТЯМИ РАЗВИТИЯ МЛАДШЕГО ПОДРОСТКА
В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ**

В статье рассматривается характер влияния на процесс формирования нравственных ценностей знаковых возрастных изменений, происходящих в когнитивной, аффективной, рефлексивной и мотивационной сферах личности современного младшего подростка.

Ключевые слова: нравственные ценности, формирование нравственных ценностей, возрастные особенности младшего подростка в современном социуме.

T. M. Churekova, I. V. Moskalenko

**DEPENDENCE OF THE FORMATION OF MORAL VALUES
ON THE AGE-SPECIFIC CHARACTERISTICS OF THE JUNIOR TEENAGER
IN A CONTEMPORARY SOCIETY**

The article focuses on the type of the influence of the significant age-specific changes occurring in the cognitive, affective, reflexive and conative areas of the junior teenager's mind on the formation of moral values.

Keywords: moral values, formation of moral values, age-specific characteristics of the junior teenager in a contemporary society.

В изменившихся социально-экономических и политических условиях актуальность проблемы формирования нравственных ценностей учащихся приобретает особую зна-

чимость. Под формированием нравственных ценностей мы понимаем целостное взаимодействие педагогов и школьников, способствующее актуализации смыслов нрав-

ственных ценностей последних, которая находит свое выражение в их нравственном поведении.

Актуализация смыслов нравственных ценностей есть сложный и многоуровневый процесс перевода ценностей в категорию личностных, включающий предъявление нравственной ценности, вызов эмоционально-положительной реакции на нее у ребенка, осознание данной ценности на основе эмоциональной реакции, рефлексивное принятие нравственной ценности и ее выражение и закрепление в нравственном поведении.

Нравственную ценность в рамках нашей работы мы определяем как императив, отвечающий нравственным требованиям добра, определяющийся разумной альтруистической ориентацией в отношении к другому человеку, проявляющийся на добровольной основе независимо от ситуации и окружения и регулируемый нравственными чувствами стыда, совести.

Реальные изменения, связанные с возрастными особенностями и затрагивающие все сферы личности современного младшего подростка, оказывают существенное влияние на процесс формирования нравственных ценностей. Характер влияния возрастных особенностей субъектов на процесс формирования нравственных ценностей определяет «задачу-доминанту», значимую для определенного возраста.

Наиболее благоприятным для целенаправленного процесса формирования нравственных ценностей является младший подростковый возраст (11–13 лет), поскольку именно в этом возрасте начинается интенсивное осмысление себя и своих взаимоотношений с окружающими людьми, что позволяет выделить в качестве задачи-доминанты осмысление нравственных ценностей и актуализацию их смыслов. Поэтому сам процесс формирования нравственных ценностей

как актуализация смыслов этих ценностей в сознании учащихся берет свое начало в младшем подростковом возрасте.

Обусловленная младшим подростковом возрастом актуализация таких нравственных ценностей, как честность, справедливость, равноправие и т. п., а также одновременное стремление реализовывать данные ценности в коллективе непосредственно пересекаются с менталитетом русского человека и его традиционными, исторически сложившимися нравственными ценностями, что позволяет говорить о сензитивности младшего подросткового возраста к формированию нравственных национальных ценностей.

Особенности младшего подросткового возраста связываются с двумя переломными моментами этого возраста: психофизиологическим – половое созревание и все, что с ним связано, и социальным – конец детства, вступление в мир взрослых. Первый из этих моментов связан с внутренними гормональными и физиологическими изменениями, влекущими за собой изменения телесные, а также эмоционально-чувственные. Последние разворачиваются в подсознании и активно влияют на сферу сознательного.

Вступление в мир взрослых в современном социуме обусловлено также возникшей неустойчивостью в социальной, экономической и идеологической обстановке, дискредитацией многих нравственных ориентиров, сопровождающихся присвоением чуждых нашей культуре образцов поведения и ценностей и, как следствие, знаковыми изменениями в когнитивной, аффективной, рефлексивной и мотивационной сферах современного младшего подростка.

Когнитивная сфера. Когнитивное развитие оказывает влияние на содержание системы ценностей. Подростки с более высоким уровнем умственного развития, как правило, находятся на более высокой стадии нрав-

ственного развития, умея самостоятельно вырабатывать моральные оценки. У младших подростков есть внутреннее осознание добра и зла, но нет их соотносительности с категорией нравственности. Это свидетельствует, на наш взгляд, о наличии практического опыта в сфере нравственных ценностей и об одновременной недостаточности нравственных знаний у современного младшего подростка.

Аффективная сфера. Младший подростковый возраст является одним из ключевых этапов процесса становления эмоционально-волевой регуляции человека, что также позволяет осознанно воспринимать нравственные ценности. Переживания становятся глубже, появляются более стойкие чувства, эмоциональное отношение к ряду явлений жизни делается длительнее и устойчивее, значительно более широкий круг явлений социальной действительности небезразличен подростку и порождает у него различные эмоции, которые, в свою очередь, выступают в роли своеобразного проводника нравственных ценностей в сознание младшего подростка.

В этом аспекте важной составляющей в формировании нравственных ценностей в младшем подростковом возрасте является переживание «чувства удовольствия», как субъективное проживание личностного, индивидуально окрашенного и персонально обусловленного опытом жизни отношения. Именно благодаря этому чувству у ребенка будет формироваться положительное отношение к нравственной ценности, что, в свою очередь, будет способствовать ее закреплению и актуализации ее смысла в сознании.

В ходе нашего эксперимента младшим подросткам 5–6 классов предлагалось провести ранжирование определенных ценностей от 1 до 10, от которых «ты действительно будешь испытывать удовольствие» и дать им свое пояснение. Результаты проведенного эксперимента показали, что нравственные ценности поставили на первое место 30 %

от числа всех опрошенных детей. Оставшиеся 70 % выбрали иные категории в качестве доминирующих ценностей, от которых они испытывают удовольствие.

Как известно, центральным образованием в сфере чувств становится «чувство взрослости». Возникшее у подростка, оно проявляется как субъективное переживание готовности быть полноправным членом коллектива взрослых, выражающееся в стремлении к самостоятельности, желании показать свою «взрослость», добиваться, чтобы старшие уважали достоинство его личности, считались с его мнением. К ключевым признакам проявления «чувства взрослости» традиционно относятся следующие:

- а) равнение на качества «настоящего мужчины» («настоящей женщины»);
- б) социальная зрелость (возникает в условиях сотрудничества ребенка и взрослого);
- в) интеллектуальная взрослость (выражается в «стремлении знать и уметь по настоящему»).

Равнение на качества «настоящего» мужчины характеризуется доминированием традиционных мужских качеств: сила, воля, смелость, мужество, выносливость, верность дружбе и товариществу, т. е. мальчики-подростки в основном ориентируются на внешний облик и физические качества. Равнение на качества «настоящей» женщины характеризуется сочетанием высокой выраженности традиционно мужских и традиционно женских качеств. Девочки-подростки кроме внешних качеств (красота, модная одежда) выделяют и качества умственные (образованность, культурность).

С точки зрения Д. Б. Эльконина и Т. В. Драгуновой, «процесс выделения подростком образцов отражает факт усвоения им определенных морально-этических представлений и требований к поведению. Эти образцы ориентируют его поведение, деятельность и отношение. Следование им может заклю-

чаться в прямом подражании взрослым или в появлении элементов самовоспитания» [1].

С целью выявления образца для подражания у современного подростка, мы провели следующий опрос. Подросткам предлагалось письменно ответить на вопрос «На кого бы я мог равняться, быть похожим из тех людей, кого я знаю, видел или о ком слышал или читал?» На основании результатов опроса, мы установили, что 20 % опрошенных не имеют такого человека, 45 % в качестве образца для подражания назвали известных людей из актерской среды, шоу-бизнеса и спорта, 20 % – родителей и родственников, 10 % – друзей и 5 % – деятелей искусства. Приведенные результаты эксперимента говорят о том, что образец для подражания связывается у большинства подростков не с пониманием их героев как личностей, не с проникновением в их внутренний мир, а с принятием в качестве главных ценностей внешних атрибутов красивой жизни.

Это связано, с одной стороны, с особенностями восприятия людей младшими подростками. «В частности, всегда нужно помнить о том, что характер морально-этического влияния какого-либо человека часто напрямую зависит от его чисто внешних слагаемых: лица, фигуры, речи, одежды, речи, манер. Соответственно, аморальные свойства «героя» с привлекательной внешностью могут восприниматься как положительные, достойные подражания, тогда как высоко-нравственные черты не вызывающей симпатии личности легко отторгаются» [2].

С другой стороны, это обусловлено масштабным влиянием средств массовой информации на личность подростка. В современном социуме, в эпоху доминирования СМИ как основного источника, влияющего на сознание подрастающего поколения, когда главным оказываются внешние слагаемые человеческой личности в ущерб ее внутреннему содержанию, необходимость учитывать

такую особенность младшего подростка как поиск образцов для подражания становится действительно актуальной и важной при формировании нравственных ценностей.

В то же время 20 % школьников, не имеющих образца для подражания, занимают по этому поводу принципиальную позицию: они хотят оставаться самими собой и не желают кому-либо подражать. Прийти к такому выводу нам помог анализ написанных учениками сочинений на тему «Настоящий человек. Кто он?». На наш взгляд, эти моменты отражают реальность современного социума и связаны с ростом индивидуалистического начала у современных подростков, с одной стороны, и с отсутствием нравственных авторитетов – с другой.

Социальная зрелость младшего подростка развивается в условиях сотрудничества его со взрослым в разных видах деятельности. Любой взрослый может быть образцом для подражания в глазах подростка, но только в том случае, если взрослый сотрудничает с подростком, а последний занимает позицию его помощника. Этому способствует доверительный стиль общения, основанный на диалоге.

С целью выяснения влияния взрослых (в данном случае родителей) на развитие социальной зрелости и в этой связи на формирование нравственных ценностей младшего подростка, мы предложили родителям ответить на ряд вопросов. Анализируя данные ответы, мы установили, что совместную с детьми деятельность осуществляют около 80 % от числа опрошенных родителей. В качестве последней были названы уборка квартиры, приготовление пищи, рыбалка, поход по магазинам, работа на даче, выбор подарков близким и др.

Наши наблюдения показали, что такое сотрудничество помогает ребенку взрослеть, осознавая свои достоинства и возможности, что непосредственным образом влияет на

формирование таких нравственных ценностей, как ответственность, доверие, уважение и др. В то же время мы отметили недостаточную социальную зрелость детей младшего подросткового возраста (около 70 %), их беспомощность в отношениях со сверстниками, неспособность разрешать простейшие конфликты.

Интеллектуальная зрелость выражается в стремлении подростка что-то знать и уметь по-настоящему, что стимулирует развитие познавательной деятельности, содержание которой выходит за пределы школьной программы. Д. И. Фельдштейн отмечает повышение интеллекта у всей популяции современных детей. «Сравнительные исследования убеждают в том, что каждые пять лет «айкью» ребенка увеличивается примерно на один балл, свидетельствуя о необычайно быстрых темпах психологической эволюции». Ученый говорит о возникновении опасности «переноса акцента на интеллектуальное развитие ребенка в ущерб социальному, в том числе личностному развитию» [4].

Анализируя детские сочинения на тему «Мир взрослых. Какой он?», мы пришли к выводу, отражающему тенденции развития современного социума: младший подросток хочет чувствовать себя взрослым, но при этом не стремится в мир взрослых. У него формируется подспудное недоверие к миру взрослых. Ассоциативный ряд с «миром взрослых» выглядит следующим образом: темный, трудный, серый, тяжелый, скучный и т. п.

Аффективная сфера младшего подростка характеризуется появлением новой стадии эмоционального развития, т. е. общения со сверстниками. Осознание нравственных ценностей происходит в практике отношений как со взрослыми, так и со сверстниками. Отношения со сверстниками, основанные на равноправном общении, знаменуют новую межличностную стадию эмоциональ-

ного развития, которая получила название эмоциональной децентрации – способности отстраниться от собственных эмоциональных переживаний, воспринимая эмоциональное состояние другого человека. Данная способность может являться предпосылкой для возникновения осознанной нравственной ценности, поскольку нравственная ценность проявляется исключительно в направленности на другого человека. Появление эмоциональной децентрации способствует развитию потребности в друзьях. Место подростка в коллективе друзей определяется теми нравственными ценностями, которые становятся значимыми в данный период развития (уважение, равенство в отношениях, взаимовыручка, доверие и верность в дружбе, честность и др.).

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает такая нравственная ценность как требование «правды во всем», актуализирующаяся именно в этом возрасте. Мы видим непосредственную связь проявления этой возрастной особенности с высшей нравственной ценностью русского народа «стремление к правде» (где правда есть нравственные принципы, по которым живет народ). Усилия педагогов в этой связи должны быть направлены на актуализацию и дальнейшее формирование данной нравственной ценности с опорой на духовно-нравственное наследие нашего народа.

Помимо выявления значимых нравственных ценностей в среде младших подростков, мы считаем важным определить характер влияния сверстников на формирование нравственных ценностей. С этой целью подросткам было предложено написать сочинение на тему «Без друзей меня чуть-чуть, а с друзьями?», а также был разработан блок ситуаций, касающийся значимости и характера влияния сверстника в ситуации нравственного выбора.

Анализируя полученные данные, мы пришли к выводу, что влияние сверстников на формирование нравственных ценностей может носить двойственный характер. С одной стороны, общение детей, лишенное постоянного родительского надзора, позволяет им усваивать нравственные ценности, основанные на взаимном согласии и равноправном сотрудничестве. С другой стороны, в условиях бесконтрольности процесс усвоения нравственных ценностей может серьезно деформироваться, поскольку нравственные ценности сверстников разрушают более высокие ценности взрослых. Здесь, на наш взгляд, не последнюю роль играет такой феномен современной действительности, как Интернет, представляющий собой новое социокультурное пространство со своим особым способом общения, особым содержанием, со своими способами научения и внушения, которое не поддается контролю.

В целом Интернет представляет огромные возможности не только для получения информации, но и возможности для безграничной коммуникации. Для подростков это связано с желанием убежать от одиночества, обрести друга, поддержку, возможность быть самим собой в общении с посторонним человеком, но при этом происходит подмена реального общения виртуальным, в чем мы видим огромную опасность для современного подростка. В современном социуме опасность доминирования виртуального общения усугубляется, по нашему мнению, появлением социальной сети «ВКонтакте». Наблюдения за бесконтрольным общением детей «ВКонтакте» подтверждают мысль об их деструктивном влиянии на формирование нравственных ценностей.

Формирование рефлексивной сферы связано с фундаментальными изменениями в самосознании младшего подростка, что приводит к постепенному формированию своей Я-концепции. Становление Я-концепции свя-

зано со спецификой восприятия другого человека, который начинает занимать в жизни подростка совершенно особое место. И уже посредством восприятия и понимания другого подросток приходит к пониманию себя, что является предпосылкой для развития рефлексии.

Развивающаяся рефлексия, на наш взгляд, будет способствовать в дальнейшем осознанию перспективы своего жизненного пути в соответствии с выбранными ценностями. Мы согласны с О. В. Хухлаевой, которая утверждает, что «очень важно, чтобы подросток ясно осознавал многообразие исходов человеческой жизни, реализуемых в соответствии с тем или другим человеческим сценарием. Например, если главную ценность для меня представляет мое самоутверждение, стремление к высокому социальному статусу, то что я буду иметь, идя по этому пути, в 30, 40, 60, 70 лет?» [6]. В связи с этим педагогу необходимо направлять школьника к осознанию приоритетности именно нравственных ценностей перед всеми другими видами ценностей.

С развитием рефлексии ребенок начинает овладевать основами самооценки, которая является компонентом самосознания, включающим наряду со знаниями о себе оценку человеком своих физических характеристик, способностей, нравственных качеств и поступков. Уже школьник 4 класса не довольствуется только оценкой своего поведения, которую дают ему другие люди, а пытается самостоятельно оценить свои поступки.

Исследование самооценки позволяет проникнуть в характер такого личностного образования, как социальная ответственность, – за себя в общем деле, за это дело и за других людей, – свидетельствуя в итоге о степени принятия ценностей и идеалов общества. Мы считаем ответственность одной из важнейших нравственных ценностей и полагаем, что там, где нет ответственности, не мо-

жет быть нравственности. На наш взгляд, для современного русского человека отсутствие личной ответственности есть характерное и распространенное явление, обусловленное рядом причин, что отрицательным образом сказывается на состоянии нашего социума в целом.

Характерно, что наличие ответственности младшие подростки назвали в качестве главного отличительного признака «детского мира» от «мира взрослых». Это говорит об осознании младшим подростком важной роли ответственности в структуре «мира взрослых». Однако педагогу необходимо учитывать, что нежелание оказаться в мире взрослых, по нашим данным, связано у них именно со страхом принять эту ценность как лично-значимую, и выделить формирование ответственности как одно из приоритетных в своей деятельности.

Мотивационная сфера. Определяющее значение в формировании нравственных ценностей растущего человека имеют мотивы деятельности и поведения, в которых выражается характер его отношения к себе, другим людям, обществу, проявляется уровень самосознания и ответственности. В младшем подростковом возрасте мотивы становятся более устойчивыми и возникающими на основе сознательно поставленной цели и сознательно принятого намерения. Мотивационная сфера младшего подростка начинает характеризоваться не рядоположенностью мотивов, а их иерархической структурой, которая предполагает усвоение нравственных ценностей как доминирующих мотивов поведения. Во имя этих ценностей человек сможет преодолевать свои непосредственные побуждения, что определяет волевой характер его личности. В условиях правильного воспитания усвоенные ценности сами приобретают силу непосредственных побуждений, подчиняющих все другие потребности и стремления человека. Мотивы могут быть для ученика разными

по цели действий, но и в то же время похожие действия могут порождаться разными мотивами.

Опыт работы с младшими подростками, наблюдения за ними, а также анализ результатов констатирующего эксперимента позволяет нам говорить о значимости такого феномена в мотивационной сфере современного подростка, как «личность». Личность в глазах современного подростка – это человек, занимающий активную жизненную позицию, ориентированный на достижение успеха в социуме, обладающий интеллектуальными способностями и физическими достоинствами, умеющий отстаивать свои взгляды, самостоятельно принимать решения и нести за них ответственность. Также мы констатировали, что для современного подростка понятие личность носит ярко выраженный индивидуалистический характер, они хотят быть личностями, но не соотносят это понятие с нравственными ценностями, в то время как научные источники указывают на его этический характер. «Личность – это этический феномен. Она представляет собой содержание, центр и единство актов, интенционально направленных на другие личности» [5].

Важным является также такое мотивационное образование, которое получает интенсивное развитие в младшем подростковом возрасте, как идеал. Идеал наиболее близок миру ребенка, который мыслит не логическими категориями и разумом, а образами и сравнениями. Если какая-либо нравственная ценность не получает надлежащей опоры в конкретных наглядно-чувственных образах, то она не актуализируется в его сознании. Необходимо, на наш взгляд, чтобы на определенные нравственные ценности сформировывались свои наглядно-образные эталоны, на которые ребенку хотелось бы равняться. В этом случае идеал приобретает системный и многосторонний характер.

В ходе констатирующего эксперимента ученикам 5–6 классов было предложено ответить на вопросы «Есть ли у вас идеал?» и «Что вы под ним понимаете?». Анализ ответов респондентов позволил нам утверждать, что у младшего подростка представления об идеале сводятся к представлениям об образце для подражания и носят персонифицированный характер. В то же время характер возрастных особенностей делает этот период жизни благоприятным для закладывания основ формирования идеала, являющегося как раз тем стержнем, на который крепятся нравственные ценности. Формирование идеалов возможно лишь тогда, когда человек задумается о себе, переживает знания о себе, полученные в процессе размышления о себе. В этом случае идеал приобретает для подростка смысл и выступает общим смыслообразующим устремлением личности растущего человека.

Однако важно не только само наличие у человека идеала, но и его содержание. В этой связи уместно говорить о нравственном идеале. Под нравственным идеалом понимают представления о нравственном совершенстве, чаще всего выражающиеся в образе личности, воплотившей такие моральные качества, которые могут служить высшим моральным образцом. Выделенные нами нравственные национальные ценности соборности, стремления к правде, добротолубия и патриотизма как целостностная система, на наш взгляд, составляют содержание нравственного идеала русского человека.

Персонифицированным нравственным идеалом, соответствующим духовному наследию русского народа, является, на наш взгляд, соборная личность, вбирающая в себя вышеперечисленные ценности и несущая слияние двух противоположных начал: индивидуального и общественного. Данная антиномия индивидуального и общественного является характерной чертой национального ментали-

тета и поэтому может органично вплестаться в воспитательно-образовательный процесс формирования нравственных ценностей, с одной стороны, являясь залогом, фундаментом его успеха, с другой, играя роль ориентира в нравственном самосовершенствовании личности.

Среди возрастных особенностей младшего подростка особой практикой реализации и усвоения нравственных ценностей, пронизывающей все сферы личности младшего подростка, является общение, которое есть новая стадия эмоционального развития. Общение становится ведущей деятельностью в младшем подростковом возрасте. Только воспроизводя нравственные ценности в реальном общении, подростки усваивают их, и они становятся основой и мотивом их поступков.

Однако реальность современного социума такова, что современные дети утрачивают навыки межличностного общения, под которыми мы понимаем умение контактировать с окружающим миром и людьми, выступая в разных социальных ролях. Живое общение заменяется виртуальным. Слабо развитые социально-коммуникативные навыки, в свою очередь, затрудняют процесс формирования нравственных ценностей младших подростков, поскольку нравственная ценность предполагает направленность на Другого и отношение к нему. Неумение наладить контакт с другим человеком приводит к невозможности формирования самой нравственной ценности.

В младшем подростковом возрасте взаимоотношения с товарищами по классу представляют собой своеобразную структуру, которая характеризуется наличием связи между ребенком и товарищами, т. е. структуру, в которой ребенок хочет почувствовать себя частью целого. Потребность в коллективе и его значимость в жизни ребенка выдвигается в данном возрасте на первое место, и

поэтому мы считаем необходимым рассмотреть этот феномен как важную возрастную особенность, имеющую непосредственное влияние на формирование нравственных ценностей ребенка. К достижению детьми возраста младших подростков наблюдается противоречие между стремлением к самостоятельности в деятельности коллектива и неспособностью к ее реализации. В то же время подростки уже умеют сотрудничать между собой как под руководством учителя, так и без него.

В жизни современного ребенка существуют разные коллективы, неидентичные в своем влиянии на него. Мы, в первую очередь, подразумеваем школьный коллектив, который представляет собой богатство индивидуальностей, среду диалога и полилога и способствует оказанию помощи учащемуся в выработке своего смысла нравственных ценностей. Мы пришли к выводу, что формировать нравственные ценности необходимо одновременно с формированием самого коллектива как неотъемлемой составляющей ценностно-нравственной микросреды, имеющей решающее влияние на результативность данного процесса. Основным качеством школьного коллектива, по мнению В. А. Караковского, должна стать общинность: «...исконно русская идея, которой нам сейчас, в условиях рынка и конкуренции,

так не хватает. Если эту идею не заложить в сознание и чувства детей, то вряд ли мы получим поколение, обладающее чертами гуманизма, социальной ответственности, сострадания, взаимопомощи» [3].

На наш взгляд, формирование современного детского коллектива должно строиться на соборном начале как духовном единении личностей, устремленных к высшим нравственным ценностям. В идее соборности находит выражение органическое слияние общего и единичного. Современная трактовка соборности в отношении школьного коллектива охватывает весь уклад его жизни, комплекс нравственных ценностей внутри коллектива, посредством чего осознается и закрепляется чувство общности и единения на основе личностной ответственности.

Таким образом, в современной ситуации исторически значимых изменений общества четко проявляются реальные изменения во всех сферах младшего подростка, влияющие на успешность процесса формирования нравственных ценностей. Мы проследили характер влияния возрастных особенностей современного младшего подростка на формирование нравственных ценностей. Знание обусловленности формирования нравственных ценностей возрастными особенностями учащихся способствует эффективности и результативности данного процесса.

Литература

1. Возрастные и индивидуальные особенности младших подростков / под ред. Д. Б. Эльконина, Т. В. Драгуновой. – М., 1967. – С. 352.
2. Зосимовский А. В. Нравственное воспитание и учитель в условиях социальных перемен / Педагогика. – 1998. – № 7. – С. 75.
3. Караковский В. А., Новикова Л. И., Селиванова Н. Л. Воспитание? Воспитание ... Воспитание! Теория и практика школьных воспитательных систем. – М., 1996. – С. 36.
4. Фельдштейн Д. И. Приоритетные направления психолого-педагогических исследований в условиях значимых изменений ребёнка и ситуации его развития // Бюллетень ВАК. – № 4. – 2010. – С. 28.
5. Философский энциклопедический словарь / под общ. ред. Е. Ф. Губского. – М., 2006. – С. 244.
6. Хухлаева О. В. Психология подростка. – М., 2005. – С. 101.

УДК 378

Р. Ф. Лопатина

ПРОВЕДЕНИЕ КОНКУРСОВ МОЛОДЕЖНЫХ ПРОЕКТОВ В ВУЗЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ КАК ОДИН ИЗ СТИМУЛОВ РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

В статье рассматриваются теоретические основы молодежного предпринимательства, его развитие в изменяющихся процессах модернизации социально-культурного типа. На примере Кемеровского государственного университета культуры и искусств анализируется опыт проведения конкурсов молодежных проектов как один из стимулов развития молодежного предпринимательства в студенческой среде.

Ключевые слова: социально-культурный тип модернизации, студенчество, студенческая среда, предпринимательство, молодежное предпринимательство, социально-культурные основы предпринимательской деятельности.

R. F. Lopatina

HOLDING OF CONTESTS OF YOUTH PROJECTS IN HIGH SCHOOL OF CULTURE AND ARTS AS A STIMULUS FOR DEVELOPMENT OF YOUTH BUSINESS IN THE STUDENT'S ENVIRONMENT

The article examines theoretical bases of youth business, its development in the changing processes of modernization of social cultural type. Experience of holding of contests of youth projects as one of stimulus in the development of youth business in the student's environment is analyzed on an example of Kemerovo state university of culture and arts.

Keywords: social cultural type of modernization, students, the student's environment, business, youth business, social cultural bases of business activity.

На современном этапе развития России, характерной чертой которого являются серьезные перемены, проведение конкурсов молодежных проектов в вузе культуры и искусств становится одним из важных стимулов развития молодежного предпринимательства в студенческой среде. Сегодня страна стоит перед глобальным вызовом – нарастающим технологическим отставанием от развитых стран, недостаточным развитием обрабатывающих отраслей экономики, низким уровнем производительности и культуры труда. Появилась потребность в новом политическом мышлении, в основе которого лежат такие ценности, как сильное государство, социальная и духовная консолидация

общества, партнерство власти и бизнеса, научно-технологический прогресс, инновации, развитие социально-культурных основ предпринимательской деятельности.

В настоящее время государство вводит новые аспекты в проводимую модернизацию, среди которых важное место занимает модернизация социально-культурного типа. Она «предусматривает, что государство продолжает проводить политику модернизации, но уже через диалог с гражданским обществом и достижение национального согласия по ключевым вопросам развития страны. Расширение и укрепление субъекта модернизации обусловлено существенным повышением роли человеческого фактора в разнообразных

процессах общественного развития. Современная модернизация невозможна без человека, гражданина, ответственной, креативной и успешной личности, мотивированной на качественный труд, творчество, непрерывное духовное, профессиональное, социальное и культурное развитие. В контексте социокультурной модернизации государство и институты гражданского общества определяют политику модернизации и создают необходимые условия для активного участия большинства граждан в ее реализации, в развитии страны, общественной жизни, совершенствовании окружающего мира» [2].

Качество и интенсивность инновационных процессов, эффективность применения власти, использования денег, информации и научного знания определяются деятельностью человека, которая должна быть всецело направлена, с одной стороны, на качественное и непрерывное улучшение технологий, экономических и социальных отношений, с другой стороны, основана на способности гражданина к саморазвитию, самосовершенствованию, на его готовности поддерживать других в их личностном развитии, потребности в сотрудничестве с людьми для достижения общих целей, принятии идей общественного блага, прогресса, лучшего будущего [2].

Именно эти качества и свойства личности необходимо формировать в студенческой среде посредством развития молодежного предпринимательства. Сегодня молодежное предпринимательство является одним из приоритетных направлений развития малого бизнеса в России. Создание благоприятных условий, стимулирующих молодежь заниматься предпринимательской деятельностью, рассматривается главным приоритетом в различных программах общегосударственного и регионального уровня, объединенных едиными целями и задачами, организационно-правовыми отношениями, законодательно-

нормативной базой и действующих на основании единых методических и функциональных подходов. Обращение особого внимания на молодежь связано с тем, что она обладает таким уровнем мобильности, интеллектуальной активности и здоровья, который является отличным от других страт населения. Это позволяет минимизировать издержки и потери, связанные с решением проблем социализации молодых людей и интеграции их в единое экономическое, политическое и социокультурное пространство.

Возрастные рамки, позволяющие относить людей к молодежи, различаются в зависимости от конкретной страны. Как правило, низшая возрастная граница молодежи – 14–16 лет, высшая – 28–35 лет. Время учебы в вузе совпадает со средним периодом юности или первым периодом зрелости, который отличается сложностью становления личностных черт – процесс, проанализированный в работах таких ученых, как Б. Г. Ананьев, И. С. Кон, В. Т. Лисовский и др. Молодежь – это особая социально-возрастная группа, отличающаяся возрастными рамками и своим статусом в обществе: переход от детства и юности к социальной ответственности. Некоторыми учеными молодежь понимается как совокупность молодых людей, которым общество предоставляет возможность социального становления, обеспечивая их льготами, но ограничивая в возможности активного участия в определенных сферах жизни социума [7].

Характерной чертой культурного и нравственного развития молодежи является усиление сознательных мотивов поведения, среди которых целеустремленность, решительность, настойчивость, самостоятельность, инициатива, умение владеть собой, повышение интереса к моральным проблемам (цели, образу жизни, долгу, любви, верности и др.).

На наш взгляд, нравственность должна лежать в основе предпринимательской деятельности. Такую позицию мы обозначаем сознательно в связи с тем, что распространенные трактовки предпринимательства сводят его сущность к одной функции – извлечение прибыли. «Делание денег» любым способом – в том числе с помощью спекуляций, взяточничества, даже криминальным путем – именуется часто предпринимательством. Понятно, что в этом случае предприниматель и мошенник – понятия близкие, практически синонимы. Вместе с тем, В. И. Даль определил предпринимательство как готовность «затевать, решаться исполнить какое-либо новое дело, приступать к свершению чего-либо

значительного». Близкое к этому определение дано и в одной из первых работ по современному предпринимательству в России, где сказано: «Бизнес – делание денег из денег, но... обязательно посредством полезной производительной деятельности – изготовлением продукта или оказания услуги». В общем-то «бизнес» – слово иностранное. По-русски же «бизнес» – это «дело» в смысле: «предпринимательство», а «бизнесмен» – «предприниматель» [6].

Анализируя определение данного понятия в различных словарях, следует отметить их идентичность. В табл. 1 нами приведены отдельные трактовки данного понятия с целью его использования в данной статье.

Таблица 1

Определение понятия «предпринимательство»

Понятие	Определение понятия в источнике	Источник
Предпринимательство, бизнес	- самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом и/или нематериальными активами, продажи товаров	ru.wikipedia.org
Предпринимательство	- инициативная самостоятельная деятельность граждан, направленная на получение прибыли или личного дохода, осуществляемая от своего имени	www.vocable.ru»Большой бухгалтерский словарь
Предпринимательство, бизнес	- инициативная самостоятельная, осуществляемая от своего имени, на свой риск, под свою имущественную ответственность деятельность граждан, физических и юридических лиц, направленная на систематическое получение дохода	Яндекс. Словари»Экономический словарь, 2007
Предпринимательство	- представляет собой различные формы не запрещенной законом негос. хозяйственной активности во всех отраслях нар. хоз-ва (производственная деятельность, коммерческое посредничество, торгово-закупочная, инновационная	voluntary.ru»Российская социологическая энциклопедия

Окончание таблицы 1

Понятие	Определение понятия в источнике	Источник
Предпринимательство, англ. business, enterprise	- антрепренерство. А. Предпринимательская деятельность, дело, приносящее доход или другую материальную выгоду. Б. Деловая практика или политика компании или отдельного предпринимателя	dic. academic.ru Словарь бизнес терминов, 2001
Предпринимательство, англ. business, enterprise	- дело, антрепренерство. А. Предпринимательская деятельность, дело, приносящее доход или другую материальную выгоду. Б. Деловая практика или политика компании или отдельного предпринимателя	www.businessvoc.ru
Предпринимательство	- инициативная самостоятельная, осуществляемая от своего имени, на свой риск, под свою имущественную ответственность деятельность граждан, физических и юридических лиц, направленная на систематическое получение дохода, прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг	Лозовский Л. Ш., Райзберг Б. А. Словарь-справочник предпринимателя. – М.: Ось-89, 1997. – С. 167
Предпринимательство, бизнес	- инициативная самостоятельная, осуществляемая от своего имени, на свой риск, под свою имущественную ответственность деятельность граждан, физических и юридических лиц, направленная на систематическое получение дохода, прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг. Предпринимательство преследует также цель повышения имиджа, статуса предпринимателя (бизнесмена)	Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. – 3-е изд. – М.: ИНФРА-М, 2002. – С. 300
Предпринимательство	- инициативная самостоятельная деятельность граждан, направленная на получение прибыли или личного дохода, осуществляемая от своего имени, под свою имущественную ответственность или от имени и под юридическую ответственность юридического лица	Большой экономический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. – 5-е изд. – М.: Институт новой экономики, 2002. – С. 761
Социальное предпринимательство	- предпринимательская деятельность, нацеленная на смягчение или решение социальных проблем, характеризующаяся следующими основными признаками: социальное воздействие (англ. social impact)... Молодежное социальное предпринимательство получает все большее распространение как метод вовлечения молодых людей в решение социальных проблем	ru.wikipedia.org

В нашем исследовании мы будем исходить из определений данных в источниках [9] и [13].

Следует подчеркнуть, что актуализация проблематики молодежного предпринимательства происходит в силу того, что оно в настоящее время присутствует как потенциальная, но еще не полностью доступная возможность улучшения социально-экономического и социально-культурного положения молодежи. В статье «Предпринимательство в России» отмечается, что «в России становление и развитие предпринимательства имеет свои особенности, важнейшей из которых является то, что предпринимательство пока недостаточно развитое явление» [8]. Вместе с тем, включение в предпринимательскую деятельность является для молодого поколения одним из путей решения проблемы трудовой занятости, которая особенно обострилась в регионах страны в кризисный период развития экономики. Молодежное предпринимательство способствует укреплению материального положения молодых людей, а также их профессиональной и личностной самореализации.

Важность решения проблем развития молодежного предпринимательства осознается во многих регионах, в том числе и в Кемеровской области, как в одном из индустриальных регионов Российской Федерации. Свидетельством злободневности темы молодежного предпринимательства и его государственной поддержки является наличие региональных и муниципальных нормативно-правовых актов и разного рода программ, прямо или косвенно касающихся молодежного предпринимательства в Кузбассе. В настоящее время в Кемеровском государственном университете культуры и искусств организована систематическая работа, направленная на развитие проектной деятельности и молодежного предпринимательства в студенческой среде. Студенческая среда представляет собой огромный потенциал творческой интеллек-

туальной энергии, где наиболее четко просматривается креативность, энергичность, социальная активность молодых людей.

Анализ ситуации в студенческом движении, а также анализ результатов социологических исследований определяют актуальность разработки концептуальных подходов к развитию студенческой социальной инициативы, самостоятельности и социального творчества.

В ходе реализации данного направления предполагается осуществить:

- вовлечение учащейся молодежи в предпринимательскую деятельность с целью создания молодежных малых предприятий;
- оказание консультационных и информационных услуг по вопросам поддержки молодежных инновационных проектов;
- организацию и проведение выставок, конкурсов, конференций по направлению молодежного инновационного предпринимательства.

Основная черта современной реальности профессионального образования – резкое повышение требований самой социальной жизни к необходимости полного раскрытия творческого потенциала будущего специалиста, повышению личной ответственности за социальную реализацию собственного предназначения и признания, а также за решения конкретных проблем.

Социальное развитие личности будущего специалиста немыслимо вне коллективной самоорганизации в студенческой среде и проведения мероприятий воспитательного характера. «Воспитание как процесс, обеспечивающий конструктивное личностное развитие граждан и их успешную социализацию, является одним из важнейших условий формирования инновационного уклада жизни и в конечном итоге модернизации страны. Главный субъект модернизации – человек, которому интересно жить, трудиться, творить в России, который испытывает страсть к новому, заново открывает и переоткрыва-

ет мир в себе и непрерывно расширяет свои личностные границы в различных формах деятельности, в том числе экономической и научно-технологической. Целенаправленный процесс социально-педагогической поддержки становления такого человека мы и называем современным воспитанием» [2].

Планируемые нами результаты реализации данного направления воспитательной работы характеризуются:

- формированием мотивации к самостоятельной и инновационной деятельности, обучением основным принципам построения профессиональной карьеры и привитием навыков поведения на рынке труда;
- формированием социальной и коммуникативной компетенции студентов;
- формированием конкурентноспособного специалиста с мотивацией на создание и развитие собственного дела;
- созданием условий для творческой и профессиональной самореализации и привлечением внимания студенческой аудитории к возможности открытия и ведения бизнеса, а также приобретением молодежью навыков проведения переговоров, принятия управленческих решений, навыков грамотного оформления бизнес-идей, бизнес-планов;
- интеграцией учебной и внеучебной деятельности, обеспечением возможности студентам презентовать свои учебные работы в качестве самостоятельного проекта с дальнейшей трансформацией их в бизнес-проекты.

Для достижения данных результатов в 1 семестре 2011–2012 учебного года был реализован масштабный проект – «Конкурс студенческих проектов и творческих инициатив». В рамках конкурса в течение 2 месяцев студенты разрабатывали свои проекты в сфере молодежного предпринимательства, творчества, спорта, гражданско-патриотического воспитания. Данная форма представляется наиболее оптимальной: на 1 этапе студенты работают самостоятельно, на 2 этапе – оцен-

ка и помощь профессионалов. По итогам конкурса была организована презентация и защита перед экспертным советом 13-ти отобранных для очного участия проектов. В экспертный совет вошли приглашенные гости – представители администрации г. Кемерово, Кузбасского регионального ресурсного центра, ХК «СДС», Кемеровского областного отделения общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России». Экспертный совет возглавила ректор КемГУКИ Е. Л. Кудрина. Таким образом, студенты, представляющие свои проекты, смогли получить профессиональную оценку своих достижений, консультативную помощь в дальнейшем оформлении и развитии своих идей, а также реальную поддержку по реализации проектов.

На конкурс было заявлено пять проектов предпринимательской направленности. Все они получили высокую оценку экспертов. Три проекта разработаны в качестве проектных идей, два из них представляют собой создание сувенирной продукции целевого назначения – для музея-заповедника Томская Писаница, один проект – создание первого сериала в г. Кемерово.

Также на конкурс были представлены два уже частично реализованных проекта. Один проект направлен на формирование бренда г. Кемерово и Кемеровской области посредством сувенирной продукции – открытие. Один проект связан с созданием авторских украшений и уже имеет международный статус.

В результате три проектные идеи были оценены, состоялось их обсуждение, а руководителям двух готовых проектов было предложено зарегистрироваться в качестве индивидуальных предпринимателей, им была предложена помощь с арендой офисного помещения. Кроме того, автор проекта «Формирование бренда г. Кемерово и Кемеровской области» стала победителем областного конкурса «Ты – предприниматель», конкурса

«Про-движение» в рамках областного форума «Старт. Кузбасс-2011», а также осуществила предварительную договоренность по созданию серии открыток для администрации г. Томска. Таким образом, студенты не только осваивали азы проектной деятельности, но и учились фандрейзингу (привлечению дополнительных средств и ресурсов), практика которого еще нова для России [4].

Проект создания авторских украшений получил развитие в рамках работы площадки «Амбиция» в рамках областного форума «Старт. Кузбасс-2011», а также в совместном проекте с творческой студией во Франкфурте «Iris Noire» – фотосессии авторских украшений.

Таким образом, опыт проведения в Кемеровском государственном университете культуры и искусств подобных мероприятий может быть использован другими вузами в

рамках воспитательной и социальной работы со студентами с целью поддержки и развития молодежных инициатив, направленных на позитивные социальные изменения и задающих перспективы социально-экономического развития территорий. В настоящее время остро стоит вопрос о необходимости кардинальной смены не только факторов экономического роста, но более широко – механизма экономического развития, перехода на инновационный социально-ориентированный путь развития, как отмечается в Основных параметрах прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020–2030 годов [5]. Задача вузов – содействовать решению поставленных задач посредством подготовки креативных, компетентных, способных, грамотных специалистов, продолжающих обучение в течение всей жизни.

Литература

1. Большой экономический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. – 5-е изд. – М.: Институт новой экономики, 2002. – С. 761.
2. Данилюк А. Я., Кондаков А. М. Развитие человеческого потенциала средствами воспитания и социализации в условиях модернизации России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vestnik.edu.ru>obrp01311.html>
3. Лозовский Л. Ш., Райзберг Б. А. Словарь-справочник предпринимателя. – М.: Ось-89, 1997. – С. 167.
4. Мак-Илрой Э. Культура и бизнес. Путеводитель по фандрайзингу: пер. с англ. – М.: Изд. дом «Классика-XXI», 2010. – 160 с.
5. Механизмы управления организациями социально-культурной сферы в трансформируемой экономике России / М. С. Мотышина [и др.]; под ред. М. С. Мотышиной. – СПб.: СПбГУП, 2010. – 224 с.
6. Мораль современных предпринимателей России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://market-pages.ru>upravlenieperson/6.html>
7. Определение «молодежь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org>Молодежь>
8. Предпринимательство в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://modern-econ.ru...rossii...predprinimatelstvo.html>
9. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. – 3-е изд. – М.: ИНФРА-М, 2002. – С. 300.
10. Яндекс. Словари»Экономический словарь, 2007.
11. dic.academic.ru»Словарь бизнес терминов. – 2001.
12. voluntary.ru»Российская социологическая энциклопедия.
13. ru.wikipedia.org
14. www.vocable.ru»Большой бухгалтерский словарь.
15. www.businessvoc.ru

УДК 659.43:39:377

*Л. Б. Хазиев***ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ PR-ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ
ТОЛЕРАНТНОГО СОЗНАНИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ**

В статье рассматриваются этнокультурные PR-технологии, которые определены как «специальные средства и приемы, используемые в образовательном процессе в целях воспитания в человеке уважения к другим национальным культурам». На основе их применения автором изложена «Программа по формированию толерантности в поликультурной среде».

Ключевые слова: этнокультурный PR, толерантность, Медведев, национально-культурные центры, профилактика экстремизма.

*L. B. Khaziyev***ETHNOCULTURAL PR-TECHNOLOGIES AS A MEANS OF EDUCATING
TOLERANCE IN A MULTICULTURAL ENVIRONMENT**

The article deals with ethno-cultural PR-technologies, which are defined as «special tools and techniques used in the educational process for educating respect for a person other national cultures». On the basis of their application by the author proposes «The program of educating tolerance in a multicultural environment».

Keywords: ethno-cultural PR, tolerance, Medvedev, national-cultural centers, preventing extremism.

Одиннадцатого февраля 2011 г. президент России Д. А. Медведев провел очередное заседание президиума Госсовета по национальной политике. «Российская нация должна состоять из самобытных народов», – заявил президент. На повестке стоял вопрос о мерах по укреплению национального согласия. «Российская газета» опубликовала ряд конкретных мер по разрешению межнациональных противоречий, обсуждавшихся на заседании. В частности, президентом было озвучено, что воспитывать терпимость и уважение к людям других национальностей необходимо уже со школы. В связи с этим Министерству образования и науки поручено в сжатые сроки проанализировать содержание учебников и незамедлительно «внедрять современные практики воспитания в духе толерантности». Д. А. Медведев также под-

черкнул, что сегодня необходимо закрыть доступ в учебные заведения лиц, исповедующих нетерпимость к людям других национальностей. «Есть люди абсолютно непригодные для того, чтобы учить других, во всяком случае, на профессиональной основе, – заметил президент. – В частности, это люди, которые уже были замечены в разжигании межнациональной розни, а тем более судимы за разжигание межнациональной розни». В ближайшее время президент внесет в Госдуму соответствующий законопроект.

Телевидению, электронным и печатным СМИ было предложено внести свою лепту в укрепление дружбы народов и национального согласия. Минкомсвязи поручено направлять государственные гранты «на создание медийной продукции, способствующей гармонизации межэтнических и межкон-

фессиональных отношений» [1]. По словам президента, в деле воспитания толерантности должны быть задействованы и артисты, в частности, лидер страны наказал им чаще гастролировать внутри страны с целью расширения культурного обмена между регионами и придать этому процессу «большую осмысленность». Президент также высказал ряд предложений относительно кадровой политики. По его мнению, по всей стране необходимо пересмотреть кадровую политику. Негласные ограничения по нацпризнаку при формировании органов власти в некоторых регионах Д. А. Медведев назвал «аморальными» и потребовал это зло искоренить. Глава государства предложил также не допускать к госслужбе лиц, судимых за экстремизм. Президент предложил активнее подключать к решению проблемы религиозные организации – создать в регионах рабочие группы из представителей разных конфессий, которые займутся урегулированием межнациональных конфликтов. Д. А. Медведев призвал ученых, предпринимателей, представителей духовенства, не молчать, а открыто высказывать свою позицию по проблеме сохранения межнационального согласия в России.

Как мы видим, российское правительство решило всерьез пересмотреть национальную политику страны. Следует также учесть тот факт, что меры, предлагаемые президентом конкретны, например, предложения именитым театрам и другим, значимым для российского общества учреждениям культуры и искусств, гастролировать не только по зарубежным странам, а больше ездить по городам России, в частности, по Северному Кавказу. Другие предложения по оптимизации национальной политики в стране также интересны, например, создание специальных ведомств в каждом регионе, которые смогли бы отвечать за улаживание межнациональных конфлик-

тов, только как будут работать эти службы, пока неизвестно.

Мы предполагаем, что для реализации национальных программ в воспитании толерантного отношения среди народов России, этнокультурные PR-технологии могут стать отличным подспорьем в этом деле. Этнокультурные PR-технологии нами определены как «специальные средства и приемы, используемые в образовательном процессе в целях воспитания в человеке уважения к другим национальным культурам». Конечной целью такого вида PR является вовлечение человека в социально-культурную деятельность и развитие личности на основе этнических ценностей народов региона. Этнокультурный PR можно также определить как разновидность этнонаправленных технологий социально-культурной деятельности, которые составляют основу возрождения национальных культурных традиций, фольклора, декоративно-прикладного искусства, народных промыслов и ремесел. Являясь инструментами и приемами, используемым в образовательном процессе, они могут по праву считаться одними из видов технологий образовательного процесса. Этнокультурный PR выступает как способ актуализации национальной культуры и языка, сочетает в себе и педагогические, и гуманистические функции.

В настоящей статье предлагается проект программы «По формированию толерантности в поликультурной среде средствами этнокультурных PR-технологий».

Обоснование необходимости разработки программы

Сложные социально-политические условия современной российской действительности, в том числе образовательной среды с ее внутренним и внешним пространством, актуализировали проблему воспитания толерантности, все более остро требующую прак-

тического решения. Воспитание толерантности – общее дело многих государственных и общественных институтов. Из дня в день с экранов телевизора каждый из нас может наблюдать проявление жестокости между людьми на национальной почве.

Учреждения культуры и национальные центры, по мнению авторов программы, должны стать первоочередными «воспитателями» взаимного уважения между нациями. Предлагаемые на сегодняшний день методы воспитания толерантности носят больше образовательный характер, который представлен в виде лекций, бесед, открытых уроков. Все эти методы действенны, однако в настоящее время необходимо также использование более совершенных инструментов в этом деле – решение поставленных задач с помощью этнокультурных PR-технологий. PR-технологии, являясь мощным средством формирования общественного сознания, могут быть использованы как действенный инструмент в возрождении национальных языков и традиций, а также в воспитании толерантного отношения к другим культурам. Такой вид PR может быть назван этнокультурным. Реализация PR-действий в организациях культуры – это наиболее «продвинутое» формы донесения информации до людей. Более того, работа по воспитанию толерантности поможет организациям культуры привлечь дополнительное внимание общественности и органов власти к своей работе, создать информационный повод для СМИ. Все это приведет к увеличению посещаемости и бесплатным публикациям в изданиях и т. д.

В настоящей программе приводится краткий план мероприятий на год, который необходим для ее реализации. Все действия, предлагаемые здесь по большей части уни-

версальны, поэтому они успешно могут применяться в работе других учреждений: школ, детских садов и т. д.

В основе программы находятся следующие концептуальные идеи:

- понятие «толерантность» обосновывается как одно из важнейших направлений гуманистического воспитания, как основа новой социальной идеологии, включающей понятия «личность», «семья», «гражданственность», «активная жизненная позиция», «общество»;

- необходимо развитие понятия «толерантность» как средство глобального человеческого мышления и мировоззрения, направленного на предупреждение конфликтов, экстремизма, насилия.

Цель воспитания толерантности – воспитание в подрастающем поколении потребности и готовности к конструктивному взаимодействию с людьми и группами людей независимо от их национальной, социальной, религиозной принадлежности, взглядов, мировоззрения, стилей мышления и поведения.

Достижение данной цели возможно при решении **конкретных задач**:

- 1) формирование негативного отношения к насилию и агрессии в любой форме с помощью медиа и других передовых средств коммуникации;

- 2) формирование уважения и признания к себе и к людям, к их культуре;

- 3) формирование представлений о себе как уникальной, самоценной, неповторимой личности;

- 4) профилактика терроризма, экстремизма и агрессии.

Программа ориентирована на всех посетителей учреждений культуры или НКЦ (национально-культурные центры), однако воспитательная часть в большей степени направлена на детей и подростков.

Таблица 1

**Программа мероприятий учреждения культуры
в воспитании толерантности
средствами этнокультурных PR-технологий на год**

Задачи	Мероприятия	PR-действия	Сроки
Организация этнокультурной PR-деятельности учреждения (НКЦ)	- Создание специализированного PR-отдела, либо PR-направления, занимающегося работой по воспитанию толерантности среди населения		
Формирование негативного отношения к насилию и агрессии в любой форме. Профилактика терроризма, экстремизма и агрессии среди посетителей учреждений культуры и НКЦ	- Организация семинаров, конференций, круглых столов, диспутов, лекториев, игровых программ и иных мероприятий, направленных на обсуждение актуальных вопросов состояния межкультурных отношений и продвижения идеалов толерантности и взаимоуважения	- Анонсы пресс-релизов по поводу проведения мероприятий посредством СМИ. - Написание статей по итогам проведения мероприятий с целью дальнейшего привлечения внимания и установления обратной связи	Ежемесячно
Формирование представлений о себе как уникальной, самоценной, неповторимой личности	- Проведение конкурсных программ среди детей и подростков с целью развития их творческого потенциала	- Работа со СМИ в распространении информации о предстоящем конкурсе. Возможно, также проведение конкурса совместно с изданиями на страницах их газет и т. д. - Написание статей по итогам проведения мероприятий с целью дальнейшего привлечения внимания и установления обратной связи	Раз в полгода
Установление связей с органами власти и «религиозными группами пропаганды мира»³	- Совместное проведение мероприятий с органами власти и «религиозными группами пропаганды мира» (далее «группы»)	- Освещение совместных мероприятий с целью привлечения внимания общественности к работе этих организаций. - Формирование положительного имиджа «групп» посредством публикаций в СМИ	Раз в три месяца
Работа в районах	- Расширение географии этнокультурной деятельности с помощью проведения выездных мероприятий в районы	- Освещение выездных мероприятий в СМИ	Раз в полгода

³ Предложение о создании «религиозных групп пропаганды мира» в регионах были предложены президентом Дмитрием Медведевым 11 февраля 2010 года на заседании президиума Госсовета по национальной политике в Уфе.

Окончание таблицы 1

Задачи	Мероприятия	PR-действия	Сроки
Знакомство населения с традициями и обычаями национальных культур	- Организация и проведение выставок, конкурса «Кухни народов мира», презентации национальных костюмов и т. д.	- Освещение предстоящих мероприятий. - Написание статей по итогам проведения мероприятий. - Налаживание профессиональных связей с национальными центрами	Раз в полгода
Формирование уважения и признания к себе, людям и их культуре	- Проведение фестивалей национальных культур. - Проведение национальными центрами и организациями культуры специализированных акций по пропаганде национальной культуры и языка среди представителей других культур. Например, акция «Мин татарча сойлэшэм» [2, 158]	- Освещение предстоящих мероприятий. - Написание статей по итогам проведения мероприятий. - Налаживание профессиональных связей с национальными центрами	Раз в полгода
Создание творческих лабораторий	- Создание собственных студий на базе учреждения культуры, целью которых является создание фильмов и мультфильмов, способствующих в воспитании толерантности. - Проведение творческих конкурсов на лучший фильм, мультфильм среди детей и подростков	- Публикации анонсов пресс-релизов, а также написание статей по итогам конкурса. - Трансляция лучших работ на телевидении	Раз в полгода
Интернет-лаборатории по воспитанию терпимости	- Организация Интернет-лаборатории по воспитанию терпимости среди студентов	- Организация работы лаборатории. На специальных занятиях преподавателем предлагается поиск информации, носящей антитолерантный характер в сети Интернет (в статьях, блогах и социальных сетях). Аудитории вместе предлагается сформулировать способы борьбы с такими проявлениями. - Формирование на таких занятиях идейной копилки «борьбы с нетерпимостью» с постоянным ее пополнением	Раз в месяц
Консультационные мероприятия	- Организация круглых столов для социальных педагогов, организаторов внеучебной работы по актуальным вопросам воспитания толерантности в современной системе образования с привлечением представителей органов власти, сотрудников групп и других участников воспитания толерантности в обществе	- Приглашение участников, спикеров для проведения круглых столов. - Подготовка раздаточного материала. - Связь со СМИ	Раз в месяц

Как мы видим, программа мероприятий по воспитанию толерантности средствами этнокультурных PR-технологий отвечает всем требованиям, предложенным президиумом Госсовета по национальной политике в Уфе. Они современны и реалистичны, гибки и адекватны. Из всего этого можно сделать ряд выводов:

Создание специализированного PR-отдела, включающего в себя работу по воспитанию толерантности среди населения, сегодня становится не ноу-хау, а необходимостью. Стоит, к сожалению, признать, что в настоящее время не каждое учреждение или НКЦ способно создать целый отдел. Ведь это действительно требует дополнительных затрат для организации. PR-отдел может существовать только в крупных этнокультурных организациях, в небольших и

небогатых учреждениях достаточно развить PR-направление.

Установление постоянной взаимосвязи организаций культуры с «рабочими группами из представителей разных конфессий по урегулированию конфликтов на национальной почве» поможет обеим сторонам вести работу по формированию толерантности более эффективно. А на первоначальном этапе они смогли бы стать хорошими партнерами в своих начинаниях.

Предложенные меры, изложенные в программе, предполагают постоянное использование современных технологий: мультимедиа, Интернет и другие инновационные ресурсы. Все это поможет привлечь больше молодежи и постоянно шагать в ногу со временем в реализации национальной политики страны.

Литература

1. Иду на Вы // Российская газета – Неделя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2011/02/17/gossovet.html>
2. Хазиев Л. Б. Этнокультурный PR как разновидность педагогических технологий социально-культурной деятельности // Омский научный вестник. – 2010. – № 3(88). – С. 156–159.

УДК 378

И. В. Резанович, Р. А. Литвак

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ ВУЗА

В статье рассматриваются педагогические возможности осуществления профессиональной социализации студентов вуза в процессе социокультурной деятельности, которая охватывает основные сферы профессионального становления личности: деятельность, общение, самосознание.

Ключевые слова: социализация, профессиональная социализация, профессиональная социализация студентов, социокультурная деятельность.

I. V. Rezanovich, R. A. Litvak

SOCIO-CULTURAL ACTIVITIES AS A MEANS OF PROFESSIONAL SOCIALIZATION OF UNIVERSITY STUDENTS

The article reviews the educational opportunities of professional socialization of university students in the process of socio-cultural activities, which covers the main areas of professional growth: activity, communication, self-awareness.

Keywords: socialization, professional socialization, professional socialization of students, socio-cultural activities.

Социализация студентов занимает важное место среди педагогических проблем, являясь одной из наиболее острых, во многом определяющей перспективы развития высшей школы, так как становление личности студента в период радикальных перемен в жизни общества требует новой парадигмы образования, обновления содержания обучения и воспитания, развития инновационных технологий социализации.

В самом общем виде под социализацией понимается та часть процесса становления личности, в ходе которой формируются наиболее распространенные, устойчивые черты личности, проявляющиеся в социально-организованной деятельности, которая регулируется ролевой структурой общества [1, с. 191].

Период студенчества – это то время, когда идет процесс активного становления индивида как члена общества. Человек знакомится со своей будущей профессией и различными специализациями внутри нее, приобретает определенные профессиональные навыки, учится взаимодействовать и вести коммуникацию с широким кругом лиц различной статусной направленности. Это можно назвать профессиональной социализацией студентов.

Специфика профессиональной социализации молодежи, как отмечает Н. А. Перинская, состоит в пограничном состоянии индивида между первичной и вторичной стадиями социализации, что непременно приводит к противоречию между первоначально освоенными в семье, школе социальными практиками и новой профессиональной средой [4].

Необходимо отметить, что вопросы личностной (первичной стадии) социализации достаточно полно разработаны в философской, психологической и педагогической литературе: изучены и описаны механизмы, условия и факторы первичной социализации,

на основании которых построены теоретические модели, служащие ориентиром для институтов образования. При этом довольно слабо разработанными остаются вопросы профессиональной (вторичной стадии) социализации как частной модели социализации студентов.

На сегодняшнее состояние проблемы профессиональной социализации определяющее влияние оказали исследования А. В. Мудрик, Е. П. Белинской, О. А. Тихомандрицкой, И. А. Зимней, И. Л. Галяминой, А. И. Ковалевой, В. А. Сластенина, Т. Д. Марцинковской и др. На основании изучения их трудов можно сделать вывод о том, что профессиональная социализация, происходящая в вузе, предполагает включение студента в систему профессиональных отношений, что является одной из составляющих исследуемой социализации. При этом студент (будущий специалист), первично социализированный человек со сложившейся системой взглядов, норм и ценностей. В этой связи обуславливается необходимость изменения личности через формирование установок-представлений-отношений к профессиональной деятельности, что является еще одной (личностной) составляющей профессиональной социализации.

Необходимо отметить, что профессиональная социализация выполняет несколько функций: расширение и углубление делового общения, содействие адаптации личности в коллективе, развитие профессионального самосознания, активизацию деятельности по расширению профессиональных связей с внешним миром, обогащение социально-профессиональной установки личностного Я в качестве этапа становления своей социальной принадлежности [2].

Для обеспечения профессиональной социализации студентов в процессе социокультурной деятельности необходимо создать

педагогическую ситуацию, которая состоит из трех компонентов:

- первая – готовность студентов к сотрудничеству с профессиональным сообществом;
- вторая – готовность сообщества к профессиональной социализации студентов;
- третья – технологии профессиональной социализации студентов.

В условиях вуза профессиональное сообщество может быть представлено несколькими составляющими: учебная группа, как сообщество будущих специалистов, все группы (с 1 по 5 курс) специальности, социальные партнеры вуза, реальные предприятия и профессиональные сообщества (ассоциации, союзы и т. п.). Взаимодействие с каждой из составляющих профессионального сообщества является воспитывающей педагогической ситуацией, следовательно, расширение предмета взаимодействия является важнейшим фактором социализации студентов. Обеспечить это может социокультурная деятельность студентов, которая по своему содержанию может быть чрезвычайно разнообразной.

Педагогическую направленность социокультурной деятельности для повышения уровня профессиональной социализации студентов обеспечит четкое планирование этой деятельности в зависимости от основных процессов социализации: адаптация, интеграция, саморазвитие и самореализация. При этом философы и педагоги обычно выделяют три сферы, в которых осуществляется профессиональное становление личности: деятельность, общение, самосознание. Каждую из этих сфер необходимо рассмотреть отдельно. *Первая сфера* – деятельность. На протяжении всего процесса социализации человек имеет дело с расширением «каталога» деятельности [3, с. 188], т. е. освоением новых и новых видов деятельности. При этом происходят еще три чрезвычайно важных процесса. Во-первых,

это ориентировка в системе связей, присутствующих в каждом виде деятельности и между ее различными видами. Продукт такой ориентации можно назвать личностным выбором деятельности. Как следствие этого возникает второй процесс – центрирование вокруг главного, выбранного, сосредоточение на нем и соподчинения ему всех остальных деятельностей. Наконец, третий процесс – это освоение личностью в ходе реализации деятельности новых ролей и осмысление их значимости.

Вторая сфера – общение. Рассматривается в контексте социализации со стороны его расширения и углубления, что само собой разумеется, коль скоро общение неразрывно связано с деятельностью. Расширение общения можно понимать как умножение контактов человека с другими людьми, специфику этих контактов на каждом возрастном рубеже. Что же касается углубления общения, это, прежде всего, переход от монологического общения к диалогическому, децентрация, т. е. умение ориентироваться на партнера, более точное его восприятие.

Наконец, *третья сфера* профессиональной социализации – развитие самосознания студентов. В самом общем виде можно сказать, что процесс социализации означает становление в человеке образа своего Я [3]. К сожалению, именно в этой сфере анализа особенно много противоречивых позиций, т. к. есть несколько различных подходов к структуре «Я». Наиболее распространенная схема включает в «Я» три компонента: познавательный (знание себя), эмоциональный (оценка себя), поведенческий (отношение к себе).

Следовательно, содержательная сторона процесса социализации должна иметь как можно больше видов творческой деятельности во внеурочное время, расширение и углубление контактов студентов, взаимодействие с профессиональным сообществом.

Интеграции основных процессов социализации и трех сфер деятельности может придать профессиональной социализации студентов определенную структуру и системность. Опишем предлагаемый вариант.

1 курс – начало студенческой жизни, безусловно, является этапом адаптации первокурсников к учебному процессу, студенческому сообществу, группе. На данном этапе предполагается активное привлечение студентов к посещению всех проводимых в вузе мероприятий. В этом случае «деятельность» (первая сфера социализации) студентов можно представить в виде их присутствия на вузовских и факультетских мероприятиях, например, на «Посвящении в студенты», на концертах «День матери», «День учителя», капустнике «Скоро первая сессия» и др.; участия в занятиях факультативов, секций и кружков, работающих в вузе. «Общение» (вторая сфера социализации) расширяется за счет установления социальных контактов со студентами из других групп и курсов. Кроме того, особо активные студенты привлекаются к участию в мероприятиях, чему способствуют такие творческие мероприятия первокурсников как «Ало! Мы ищем таланты» и «Осенний марафон». Творческая атмосфера подготовки к концертам, приглашение на репетиции однокурсников создают условия для непосредственных коммуникаций между студентами и взаимодействия со студентами старших курсов и студентами-кураторами. «Самосознание» (третья сфера социализации) повышается за счет работы в двух направлениях: знакомство с избранной профессией и профилактикой вредных привычек. Первое направление реализуется посредством участия студента в промышленном туризме (посещении предприятий и знакомство с представителями профессии). Второе направление обеспечивается «неделями профилактики», различного вектора действия: про-

тивоалкогольного – акция «Жив и здоров», противотабачного – акция «Что мы курим?», противоинфекционного – акция «СПИД не спит» и др. Считаем целесообразными и проведение спортивно-оздоровительных мероприятий: «Неделя здоровья» (диспансеризация студентов), «Неделя лыжника», «Неделя водных соревнований» и т. п.

2 курс обучения в вузе можно назвать этапом интеграции, на котором предполагается не только посещение, но и активное участие студентов в мероприятиях вуза. В этом случае сфера социализации – «деятельность» может быть представлена разработкой сценариев праздников, исполнением ролей персонажей в театрализованных постановках или демонстрацией своих способностей, например, в конкурсной программе о влюбленных и для влюбленных «Любовь – это...», в театрализованном концерте «Чудеса в сугробе» и т. д. Кроме того, мы предполагаем активное привлечение студентов к занятиям на секциях, факультативах и в кружках по интересам. «Общение», как сфера социализации, может быть активизировано с помощью назначения студентов ответственными за организацию спортивно-оздоровительных мероприятий, например, «Спартакиада», «Первенство по футболу», «Первенство по волейболу», «Первенство по лыжным гонкам», «Самая спортивная» (комната в общежитии) и др. Кроме того, интересным может быть опыт проведения «вечеров» (поэзии, музыки, живописи) и политических дебатов, на которых студенты могут обсудить как предложенные темы студсоветом, так и любые по собственному желанию. Особую роль в расширении общения играет студенческое самоуправление, выполняющая задачи которого студенты расширяют круг личностных и деловых коммуникаций. «Самосознание», как третья сфера социализации студентов, может повышаться с помощью активного наблюдения в процессе про-

фессиональных экскурсий, практикумов или встреч с представителями профессии, а также дискуссий и диспутов, позволяющих студентам вести обсуждение проблем и тенденций развития отрасли, избранной профессии или интересующего предприятия (учреждения).

3 курс обучения в вузе мы связываем с этапом саморазвития, предполагающим активное освоение основ будущей профессии и приобретение (или развитие) профессионально-важных качеств личности. На этом этапе студенты не только посещают и участвуют в мероприятиях, но и должны привлекаться к их организации и проведению. В этой связи сфера социализации студентов – «деятельность» – представлена разработкой, организацией и участием студентов в праздничных, юбилейных или тематических мероприятиях, например, праздники «День учителя», «День профессии», «Церемония вручения премии “Самый лучший педагог”», а также продолжением занятий в секциях, кружках по интересам и способностям как внутри вуза, так и за его пределами. Следующая сфера – «общение» – реализуется с помощью привлечения студентов к организации и проведению просветительских мероприятий, таких, как: экскурсии («Мой город», «Наш вуз», «Памятники природы нашего края»), профориентационные беседы («День открытых дверей», «День абитуриента»), встречи со школьниками и др. Сфера «самосознание» реализуется в процессе привлечения студентов к работе с социальными партнерами вуза, а также к волонтерскому движению.

Необходимо отметить, что на старших курсах обучения студентов могут использоваться формы социокультурной деятельности, которые использовались и на младших. Это обстоятельство позволяет закрепить полученные ранее результаты или перевести его на более высокий уровень.

4 курс обучения в вузе совпадает с двумя этапами социализации: саморазвитие и самореализация, что обуславливает направленность социокультурной деятельности как на дальнейшее саморазвитие студентов, так и на создание условий, способствующих самореализации студентов. На этом этапе сфера «деятельность» представлена продолжением занятий студентов в секциях и кружках, организацией и участием в общевузовских мероприятиях, например, в танцевальном марафоне «Татьянин день, или день студента», «Мир, в котором я живу» и др. Сфера «общение» реализуется с помощью организации процесса обмена информацией и адресного взаимодействия между участниками социокультурного процесса регионального, федерального и международного уровня; с помощью участия в научно-практических конференциях и круглых столах, проводимых профессиональными ассоциациями, союзами или сообществами. Сфера «самосознание» расширяется за счет применения педагогического коучинга, представляющего собой индивидуальные беседы преподавателей, практиков, руководителей предприятий (учреждений) и студентов; кроме того, предполагается политическая активность молодежи, что может выражаться в участии как в молодежных движениях (например, «Молодая гвардия»), так и членстве в какой-либо партии. Гражданская активность студентов может проявляться в организации и проведении праздничных мероприятий, посвященных празднованию «Дня Победы в Великой Отечественной войне», «Дня Конституции Российской Федерации», «Дня народного единства».

5 курс соответствует периоду окончания вуза и в процессе профессиональной социализации является этапом самореализации. Безусловно, на 5 курсе студенты более активно стараются взаимодействовать с будущими работодателями, поэтому основная активность их направлена на выбор будущего места

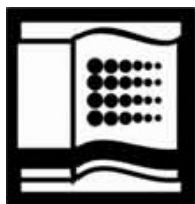
работы. В этой связи сфера «*деятельность*» представлена активным участием студентов в различных мероприятиях («Ярмарка профессий», «День службы занятости», «День предприятия»), в профессиональных выставках, помогающих определить имидж предприятий и их профиль. Кроме того, возрастает наставническая позиция студентов внутри вуза, как правило, пятикурсники готовят ряд важных мероприятий: торжественную линейку, посвященную началу учебного года «Вновь открываются сердца» и «Посвящение в студенты» (для первокурсников). Сфера «*общение*» разворачивается посредством организации и проведении акций, конкурсов, концертов, фестивалей, выставок и иных мероприятий социокультурной направленности.

Особенностями общения на этом этапе является общение между студентами разных вузов как одного города, так и других городов России. Сфера «*самосознание*» расширяется за счет активного взаимодействия с представителями будущей профессии, прохождения длительной преддипломной практики. Все эти переживания могут быть отражены в тематическом выпускном вечере, который мы предлагаем назвать «Долгий путь к профессии».

Таким образом, учет основных этапов социализации и трех сфер профессионального становления при организации социокультурной деятельности студентов обеспечит более высокий уровень профессиональной социализации выпускников вузов.

Литература

1. Ковалева А. И., Луков В. А. Социология молодежи: теорет. вопр. – М.: Социум, 1999.
2. Красноперова А. Г. Профессионально-трудова социализация в образовательном процессе комплекса [Электронный ресурс] // Фундаментальные исследования. – 2008. – № 2. – С. 77–79. – Режим доступа: http://www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=7780670 (дата обращения: 20.11.2011).
3. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975.
4. Перинская Н. А. Социальная идентичность как результат профессиональной социализации // Социол. сб. / Ин-т молодежи. – М.: Социум, 1998. – Вып. 4. – С. 36–40.

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ DOCUMENTARY INFORMATION

УДК 004

П. Казыми

ИНФОРМАЦИОННАЯ ИНЖЕНЕРИЯ В БИБЛИОТЕЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья содержит описание деятельности современной библиотеки, которая, с позиций информационной инженерии, может быть описана набором из десяти характеристик: 1) теория информации; 2) классификация информации; 3) информационная среда и информационное пространство; 4) информационное моделирование; 5) информационное обслуживание; 6) информационный рынок; 7) информационные ресурсы; 8) информационно-поисковые системы; 9) информационные угрозы и войны; 10) информационная безопасность и информационная защита.

Ключевые слова: библиотечная деятельность, информационная инженерия, информационное обслуживание, информационный рынок, информационные угрозы, информационное моделирование.

P. Kazyumi

INFORMATION ENGINEERING IN LIBRARY ACTIVITIES

This article's content is about modern library activities, which from information engineering positions can be specified in a set of 10 characters: 1. Information Theory; 2. Classification of Information; 3. Information/Environment and Space; 4. Information Modeling; 5. Information Service. 6. Information Market; 7. Information Resources; 8. Information Storage and Retrieval Systems; 9. Information Threats and Wars; 10. Information Security and Protection.

Keywords: library activities, information engineering, information service, information market, information threats, information modeling.

Отечественные и зарубежные библиотековеды понятия «классическая библиотека» и «современная библиотека» употребляют в различных смысловых значениях. И это существенные различия. Возникновение классических библиотек, их структура и назначение понятны специалистам отрасли. В процессе глобальной информатизации формируются так называемые «современные библиотеки». Они обеспечивают сбор, обра-

ботку, систематизацию, защиту, распространение информации и доступ к информационным ресурсам, превращаются в учреждения, требующие от персонала владения сложными информационно-инженерными навыками.

Концепция информационной инженерии в XX веке неоднократно обсуждалась в профессиональной печати, привлекала внимание специалистов различных сфер деятельности. Тем не менее, и сегодня мы не имеем

комплексного академического исследования проблемы и однозначного определения базового понятия.

Некоторые специалисты информационной инженерии понимают ее как сферу информационных технологий и коммуникационных систем. Другие специалисты рассматривают информационную инженерию как подход к разработке информационных систем и их проектированию. В Китайской Народной Республике в Университете Ци Дзиан можно получить бакалаврскую степень по специальности «Информационная инженерия». Знакомство с программой обучения дает основания полагать, что и здесь речь идет об инженерии информационно-коммуникационных средств, и приоритет отдается освоению информационно-технологических средств.

Мы понимаем информационную инженерию в более широком смысле.

Прежде, чем дать определение этого понятия, имеет смысл обратиться к богатому научно-теоретическому наследию профессора А. А. Халафова [1], основоположника библиотековедения в Азербайджане. В своих научных монографиях ученый, рассматривая вопросы «философия библиотеки», «библиотека и коммуникации», утверждает, что в античные времена люди, создавая библиотеки, сформировали весьма сложные инженерные сооружения. Социальное назначение библиотек: собирание, систематизация, защита, использование продуктов человеческого разума и, как следствие, выявление и моделирование информационных потребностей пользователей – соответствует пяти базовым принципам «современной инженерии».

Слово инженер – арабского происхождения: «мухандис» означает «знающий геометрию». В этом значении оно употребляется во всех мусульманских странах. На латыни слово «инженер» означает «способность, изобретательность». В древние вре-

мена инженером называли человека, который управлял военными машинами. В XVI веке в Голландии начали называть инженерами тех, кто занимался строительством мостов и дорог. С XVIII века это понятие начинает использоваться в России.

В XX веке инженерия начала быстро дифференцироваться. Сейчас инженером называется человек, который имеет высокую квалификацию и исполняет конкретные (не только технические) обязанности в разных сферах деятельности. Основные 5 принципов, положенные в основу инженерной деятельности:

1. Определение цели.
2. Разработка информации о материалах (или о продуктах) для достижения цели.
3. Разработка информации о средствах для достижения цели.
4. Моделирование и прототипизация для достижения цели.
5. Руководство и контроль над процессами для достижения цели [2].

Эти классические принципы с древних времен реализовывались в деятельности библиотек. В современном информационном обществе они получили более яркое воплощение.

На наш взгляд, информационную инженерию следует понимать как комплекс взаимосвязанных компонентов:

1. Теория информации.
2. Классификация информации.
3. Информационная среда и информационное пространство.
4. Информационное моделирование.
5. Информационное обслуживание.
6. Информационный рынок (платные и бесплатные службы).
7. Информационные ресурсы.
8. Информационно-поисковые системы.
9. Информационные угрозы и войны.
10. Информационная безопасность и информационная защита.

Тогда появляется возможность системного осмысления информационной деятельности библиотек, реализуемой на базе современных технологических средств. Рассмотрим теоретические предпосылки такого взгляда на библиотечную деятельность.

1. Теория информации из математической превратилась в социальную

Среди исследователей информационной теории наше внимание привлекает книга «Введение в теорию информации», опубликованная в 1980 г. В. Д. Колесником и Г. Ш. Полтыревым [3]. Исследователи считают, что проблема теории информации впервые стала самостоятельным исследовательским объектом в работах американского математика-инженера Клода Шеннона (1948 г.). Созданная Шенноном математическая теория информации, в основе которой лежала математическая теорема, сыграла важную роль в развитии кибернетики в 1960–70-х годах.

Большая заслуга в развитии теоретической концепции информации принадлежит российскому ученому И. И. Юзвину, создателю великолепной научной теории, названной им информациологией. Теория информации в контексте информационной инженерии нашла свое отражение в опубликованной в 2000 году книге И. И. Юзвина «Основы информациологии» [4].

2. Классификацией информации люди занимались с древних времен

Многие признанные ученые пытались разработать собственные классификации, сгруппировать объекты по областям, создать логическую систему понятий и таким образом познать мироздание, логику существования и т. д. Документальные источники фиксируют сотни таких примеров, характерных для 2000-летней истории человечества. Эволюция классификационных теорий протекала в различных направлениях: от прикладных тезаурусов до теоретически обо-

снованных классификаторов фундаментальных наук и, наоборот, от классификаторов фундаментальных наук до детальных тезаурусов. Несмотря на это, в разработанных классификационных системах проблема научно-логического обоснования остается актуальной темой обсуждения и сегодня.

Так, в 1980-х годах широко использовавшаяся в библиотеках Азербайджана, как и во всем Советском Союзе, Библиотечно-библиографическая классификация являлась формой выражения советской идеологии. Основные разделы классификации для научных библиотек были закодированы на русской кириллице, а вариант для массовых библиотек был чрезмерно политизирован.

С начала XXI века в библиотеках независимых государств, образованных на территории бывшего СССР, получили распространение общепризнанные в мировой библиотечной практике классификации (например, УДК). В этом процессе большую роль сыграли ЮНЕСКО и международные организации библиотек.

3. Информационная среда и информационное пространство имеют глобальный характер

Сегодня, по всей видимости, отсутствуют территории и государства, оставшиеся вне глобальных информационных процессов. Северная Корея для защиты от воздействий информационных потоков изолировала себя от мира. Украина и Грузия, напротив, подвергли бесконтрольному воздействию свое информационное пространство. Практика показывает, что нельзя дистанцироваться от глобальных информационных процессов, а необходимо активно в них участвовать.

Специалисты, отводящие особую роль средствам массовой информации в формировании информационной среды, отмечают, что если пресса воздействует на информационную среду в конкретное время, то накапливая и систематизируя сообщения СМИ, библио-

теки могут обладать более длительной силой воздействия. С этой точки зрения информационная инженерия должна исследовать и оценивать масштабы «информационного голода», изучать информационную среду и факторы воздействия информации на потребителей.

4. Моделированием информации люди занимаются достаточно давно

С этой целью важно определить элементы информации, актуальные для информационного обеспечения специалистов и других категорий пользователей информации. Мы сталкиваемся со сложными информационными моделями в средневековой восточной поэзии, в европейской философской школе, в энциклопедических изданиях. Библиографическое описание и библиографические услуги являются совершенными моделями, давно и успешно применяемыми в деятельности библиотеки. С. Крамер в своем исследовании «История начинается в Шумере» [5] выявляет самый древний каталог библиотечного назначения со специфическими поисковыми признаками, ориентированными на читательские потребности того времени. Таким образом, во многих направлениях библиотечной деятельности востребовано информационное моделирование. Для превращения неопределенного спроса в определенный (четко сформулированный) запрос требуется создать сложную модель информации. Библиотечная статистика играет важную роль в создании социально-психологических моделей читателей, выявлении спроса, прогнозировании читательских потребностей и т. д.

5. Библиотеки являются самыми древними учреждениями информационного обслуживания

Библиотека как социальный институт возникла в ответ на растущие культурные запросы общества и до сих пор является едва ли не единственным информационным учреждением, отвечающим требованиям универ-

сальности и достоверности. Во все времена библиотеки, выполняя свое информационное предназначение, находились под опекой государства, служили прогрессивному развитию общества и выполняли гуманистическую, просветительскую функцию. Некоторые специалисты утверждают, что библиотека должна обслуживать своих пользователей, не акцентируя внимания на содержании распространяемой информации. Мы считаем, что библиотечный сервис должен быть открытым и доступным для всех членов общества. Но это исключает пропаганду библиотекой ложной, антигуманной информации, распространение дезинформации.

В деятельности каждой библиотеки должны учитываться приоритетные интересы государства, национальные интересы и мировые ценности. А это требует высокой квалификации библиотечных специалистов, превращения их в информационных инженеров. Информационный сервис в контексте информационной инженерии должен быть достоверным, бескорыстным и доступным. А. Рустамов, автор учебника «Информатика» [6], широко освещает роль «инженерии знаний» в современном информационном обслуживании, подчеркивает значимость сотрудничества информационного специалиста с отраслевым экспертом. Методика инженерии знаний может применяться и в моделировании информации.

6. Товарный характер информации ярко проявил себя в XX веке

Сегодня коммерческая цена информации является одним из важных факторов, определяющих ее «ценность». Исследователь Т. Алиев в книге «Экономика информации», опубликованной в 2000 г., содержательно характеризует данную проблему [7]. Но т. к. основные положения и выводы строятся автором на примере нормативно-технических документов, информационный рынок в его работе получил лишь фрагментарное от-

ражение. Другим источником, являющимся логическим продолжением названной темы, является книга «Политические технологии, ПР и реклама» Т. Е. Гринберга, опубликованная в 2009 г. [8]. Она отражает технологию рекламной работы, ПР, характеризует рынок социально-политической информации, раскрывается значимость этого рынка.

Опыт последних лет свидетельствует, что Дэн Браун, завоевавший мировую читательскую известность в течение года, имеет большие тиражи своих книг, чем Ф. М. Достоевский, который признан многие годы. Очевидно, если на информационном рынке будут действовать активные игроки, рыночные механизмы сработают, социальная информация, формирующая подлинные ценности, превратится в полноправного участника рынка. Но, несмотря на это, цена информации является условной, субъективной, переменчивой во времени и пространстве. Но оставаясь верным базовым положениям информатиологии, необходимо констатировать: информация бесценна, играет важнейшую роль в создании, формировании, развитии и защите общества.

7. Информационные ресурсы специалистов называют ноосферой

Большая часть информационного контента собирается, систематизируется и сохраняется в фондах библиотек. При этом основное внимание специалисты уделяют ресурсам научно-технической информации, специальным видам документов. Примером может служить книга А. М. Рустомова и М. Е. Мамедова, опубликованная в 2010 г. [9]. Дополнение этой картины ресурсами социальной информации позволит сформировать более широкую панораму информосферы.

8. Информационно-поисковые системы до применения современных сложных технологических средств прошли большой исторический путь развития

С. Крамер в своей вышеупомянутой книге [5] указывает на то, что еще в эпоху античной шумерской культуры в фондах библиотек составлялись первые каталоги. Сформированные в последнее время библиотечные электронные поисковые системы отличаются от классических карточных и печатных каталогов и картотек возможностями быстрого и многоаспектного поиска, практичностью, некоторыми другими параметрами. Но традиционные каталоги, будучи первичным источником электронной системы информационного поиска, сохранили свое значение.

9. Информационные угрозы в условиях противодействия превращаются в информационную борьбу

В этой борьбе рождается информационное оружие. Исследователи дают определение информационному оружию как технологии, воздействующей на системы информации, ее носители и ментальность противника. Превращение информационной борьбы в информационную войну в последнее столетие становится распространенным явлением.

Информационные угрозы имели место во все времена. Но сила воздействия этих угроз сегодня кратно возросла. Процессы переработки информации, защиты от дезинформации, ложной и манипулятивной информации присущи как классическим, так и современным библиотекам. Современный библиотекарь располагает сведениями о геополитических, геоэкономических и геокультурологических процессах и активно участвует в формировании информационного фонда. В этой связи библиотекарям как информационным инженерам необходимо избегать информационных воздействий и становиться элементами информационного противоборства.

В современных библиотечно-информационных процессах библиотекари выступают как группа «антидиверсантов». Осущест-

вляя сбор, обработку, защиту информации, библиотекари могут и должны получать консультации у специалистов соответствующих отраслей знания, что дает возможность избежать разного рода дезинформации.

10. Информационная безопасность и защита информации порождают друг друга

В разные времена для обеспечения информационной безопасности употреблялись разные методы.

В III–V веках христианские сектанты, чтобы защитить Христово «Евангелие», прятали его, а в XIII веке французский ученый Р. Бекон употреблял семь видов криптографического письма [2].

В VII веке первые аяты Корана тысячами Хафизов Корана выучивались наизусть, чтобы сохранить их и передать грядущим поколениям.

Сегодня информационная безопасность в более широком значении понимается как национальная безопасность, безопасность государства. Некоторые авторы информационную безопасность ограничивают рамками программного обеспечения и безопасности электронных ресурсов. Это одна сторона дела. С другой стороны, правовое обеспечение информационной безопасности и ее защита является не менее важным фактором. Пословица «Что защищаем, тем и обладаем» с каждым днем становится все более актуальной.

Таким образом, освоение библиотековедением XXI века концепции информационной инженерии обеспечит возможность ее применения в практике библиотек. Изучение

источников информации, разработка моделей информационной службы и поисковых систем, защита от информационных угроз и атак – эти направления деятельности способствуют приданию более широкого значения современному понятию «библиотека». Все компоненты информационной инженерии реализуются в деятельности библиотеки. Полагаем, что существует потребность в широком исследовании этих компонентов [10].

Обобщив сказанное, можно дать следующее определение понятию, вынесенному в заголовок статьи: **«информационная инженерия»** является комплексом деятельности по созданию разных информационных процессов, моделированию методов применения и проектированию с целью реализации информационного обслуживания» [2].

В условиях возрастания роли экономических факторов в жизни общества, формирования информационного рынка комплекс проблем изучения информационного спроса и рыночного предложения, организации информационного сервиса, защиты от информационных угроз и воздействий приобретает особую актуальность. Их осмысление в контексте «информационной инженерии» обеспечивает системность и концептуальность вырабатываемых теоретических, методических и организационных решений.

Внедрение концепции информационной инженерии в процесс обучения библиотечному менеджменту студентов и практикующих специалистов обеспечит актуализацию и модернизацию образовательного процесса в контексте глобальной информатизации современного общества.

Литература

1. Халафов А. А. Введение в библиотековедение. – Баку: Изд-во Бакинского гос. ун-та, 2003. – 350 с.
2. Казыми П. Ф. Информационная инженерия. – Баку: Изд-во Бакинского гос. ун-та, 2011. – 230 с.
3. Колесник В. Д., Полтырев Г. Ш. Введение в теорию информации. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. – 180 с.
4. Юзвизин И. И. Основы информатиологии. – М.: Высшая школа, 2000. – 517 с.

5. Крамер С. История начинается в Шумере. – Баку: Изд-во Бакинского гос. ун-та, 2009. – 230 с.
6. Рустамов А. Информатика. – Баку: Изд-во Бакинского гос. ун-та, 2000. – 400 с.
7. Алиев Т. Экономика информации. – Баку: Наука, 2000. – 310 с.
8. Гринберг Т. Э. Политические технологии. PR и реклама. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 317 с.
9. Рустамов А. М., Мамедов М. Е. Носители документальной информации. – Баку: Изд-во Бакинского гос. ун-та, 2010. – 300 с.
10. Халафов А. А., Курбанов А. Компьютеризация библиотечной работы. – Баку: Изд-во Бакинского гос. ун-та, 2007. – 260 с.

УДК 027:021.2

Л. Н. Рябцева

ВЛИЯНИЕ ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОДГОТОВКИ ГРАЖДАН К ЖИЗНИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ БИБЛИОТЕКИ КАК СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА

Характеризуется библиотека как социальный институт. На основе анализа существующих определений предлагается новое определение образовательной функции библиотеки. Показывается влияние изменений в сфере информационно-коммуникационных технологий и системе образования на образовательную функцию библиотеки. Выявляется роль информационной подготовки граждан в условиях библиотеки, как важнейший фактор, существенно обогащающий и расширяющий образовательную функцию библиотеки.

Ключевые слова: библиотека, социальный институт, образовательная функция библиотеки, информационно-коммуникационные технологии, образование, информационная подготовка, информационная культура личности.

L. N. Ryabtseva

INFLUENCE OF PURPOSEFUL INFORMATION EDUCATION OF CITIZENS TO LIFE IN AN INFORMATION SOCIETY ON IMPLEMENTATION OF EDUCATIONAL FUNCTION OF LIBRARY AS A SOCIAL INSTITUTION

Library is characterised as a social institution. A new definition of educational function of library is offered on the basis of the analysis of existing definitions. Influence of changes in sphere of information and communication technologies and an education system of educational function of library is shown. It is revealed the role of citizens' information education in the conditions of library, as the major factor essentially improving an educational function of library.

Keywords: library, social institution, educational function of library, information and communication technologies, education, information education, personal information culture.

Цель данной статьи – определение влияния информационной подготовки граждан в условиях библиотеки на развитие и дополнение образовательной функции библиотеки как социального института в современном информационном обществе.

Понятие «социальный институт» является одним из базовых понятий социологии [7; 21]. Системное определение социального института приводит А. А. Давыдов: «Социальный институт – это иерархическая гетерогенная, распределенная социальная подсистема, созданная людьми для удовлетворения общей потребности, которая функционирует на основе принципов и законов с помощью социологических алгоритмов» [7, с. 73].

По мнению Д. Фоскетта, библиотека как социальный институт аккумулирует, хранит, обрабатывает и передает для использования документально фиксированные знания, при этом образуя связи с рядоположенными социальными институтами. Создание обществом социальных институтов, занимающихся в основном аккумуляцией, сохранением и распространением документально-фиксированного знания, – это создание социальной памяти человечества, наподобие генофонда живых организмов, и стремление сделать этот запас публично доступным [27].

Как подчеркивает В. Р. Фирсов, изучение любого социального института, в том числе и библиотеки, включает два взаимосвязанных аспекта. Первый – историческая изменчивость, т. к. каждый исторический период выдвигает различные цели. Второй – внутренняя неизменная сущность, которая позволяет социальному институту выполнить четко определенную роль в обществе, независимо от конкретного исторического периода [цит. по 5, с. 37–38].

Одной из важнейших функций современной библиотеки является образовательная.

Рассмотрение образовательной функции библиотеки как социального института предполагает анализ существующих определений, выявление родственных, пересекающихся понятий. Кроме того, требуется выявление тех факторов, под воздействием которых изменилось понимание сущности образовательной функции современной библиотеки.

К сожалению, развернутые, логически полные определения образовательной функции библиотек в специальной литературе практически отсутствуют.

В работе В. И. Терешина сущность образовательной функции библиотеки сводится к выдаче читателям учебной литературы: «...образовательная функция библиотеки... реализуется путем отбора и предоставления читателям учебной литературы... В учебном заведении она выполняет вспомогательную функцию организации учебного процесса; вне учебного заведения – основную: ею пользуются читатели, получившие определенное общее или профессиональное образование, непрерывно продолжающие это образование расширять, обогащать. Читатели, не поступившие в высшие или средние учебные заведения, стремятся овладеть конкретной профессией на основе самообразования. Библиотека для них становится источником знаний» [26].

Более широко образовательная функция библиотеки трактуется в работе В. В. Скворцова. По его мнению, «образовательная функция библиотеки – это совокупность видов деятельности библиотеки, направленная на информационное обеспечение духовного воспроизводства общества. Указанный процесс в библиотеке осуществляется не на уровне большой группы, массы, а, как правило, на индивидуальном уровне. В современном обществе библиотекам принадлежит возрастающе важная роль в реализации задач образования и самообразования. Так как об-

разовательные процессы имеют в своей основе демонстрацию и усвоение демонстрируемых знаний, вполне понятно, что библиотеки как основные хранилища и источники накопленной человечеством информации выступают в качестве неотъемлемого составного звена всей системы просвещения, образования и самообразования. Эффективная реализация образовательных процессов немыслима без использования библиотеки как их информационной основы. Наиболее полно образовательная функция выполняется учебными библиотеками» [24, с. 173].

В. Б. Антипова вводит понятие «образовательная функция школьной библиотеки». По ее мнению, «образовательная функция школьной библиотеки есть ее специфическая деятельность в системе взаимоотношений внутришкольного образовательного пространства, направленная на развитие и саморазвитие личности учащихся путем вооружения их системой знаний о книге, информации и информационных ресурсах, формирования совокупности умений и навыков поиска, оценивания и использования информации для эффективной учебной деятельности, удовлетворения познавательных и эстетических потребностей и непрерывного совершенствования» [1, с. 32–37].

Признание учебных библиотек и их фундаментальной роли в учебном процессе нашло отражение, как отмечает В. В. Скворцов, в концепции «библиотеки-колледжа», возникшей несколько десятилетий тому назад. Согласно этой концепции, «библиотека учебного заведения – главное учебное подразделение, на основе которого должна строиться вся учебная работа. Разумеется, эта концепция вовсе не умаляет значения преподавателя. Она акцентирует внимание на таком важном факторе образования XX века, как информационный фактор. Наиболее близки к выполнению данной функции детские,

юношеские, публичные (массовые) и другие библиотеки» [24, с. 173].

Как следует из приведенной цитаты, В. В. Скворцов связывает образовательную функцию с типом библиотеки, утверждая, что кроме учебных библиотек, наиболее полно реализующих образовательную функцию, ее выполнять могут также и детские, юношеские, публичные (массовые) и другие библиотеки. При этом реализация образовательной функции библиотеки понимается, прежде всего, за счет предоставления информационных ресурсов для системы просвещения, образования и самообразования.

По мнению С. Симонис-Рупер, рассматривающей проблему реализации образовательной функции публичной библиотеки, «поддержка образования подразумевает пропаганду и поощрение использования фондов и услуг публичных библиотек; руководство поиском, отбором и использованием материалов; содействие в развитии навыков чтения и самообразования; обучение инструкторов и учителей умению пользоваться библиотекой и ее фондами; предоставление информации об образовании тем, кто занят в системе образования» [23].

Таким образом, понимание библиотеки как хранилища информации и знаний, нашло отражение в такой трактовке образовательной функции библиотеки, согласно которой библиотека лишь предоставляет информационные ресурсы для развития системы образования и самообразования. В концентрированной форме эта идея получила отражение в обобщающем труде – «Российское библиотековедение»: «По всеобщему признанию, утвердившемуся еще в XIX веке, библиотека является не только инструментом неофициального образования, но и одним из самых эффективных средств непрерывного образования и самообразования. Всеобщая миссия библиотек заключается в том, что они обеспечивают компенсацию разрыва в знаниях лю-

дей, постоянно подпитывая их информацией о новейших достижениях науки, техники, культуры. Именно потому и принято считать библиотеки главной базой непрерывного образования и самообразования, которые должны длиться всю жизнь» [24, с. 173–174].

Однако в последние годы заметно стремление исследователей при трактовке образовательной функции библиотеки выйти за рамки «ресурсного подхода», отводящего библиотеке роль пассивного участника образовательного процесса, ограниченную лишь предоставлением библиотекой информационных ресурсов для системы образования. Это наглядно проявляется в дискуссиях по соотношению образовательной и просветительской функции библиотек.

Просветительство, как толкуют практически все словари, это распространение знаний, просвещение. В свою очередь, просвещение – это распространение знаний, образования. Просвещение – синоним образования [3].

Результатом смысловой близости понятий «просвещение» и «образование» является и смысловое пересечение при трактовке образовательной и просветительской функций библиотеки в библиотековедческой литературе.

Так, например, Н. Е. Добрынина, анализируя просветительскую функцию библиотеки отмечает, что на фоне расширяющихся информационных возможностей просветительская функция даже национальных библиотек вырисовывается гораздо отчетливее, становится весомее и нужнее. Сравнивая сущность понятий «информационная» и «просветительская» функций, автор отмечает, что объектом просветительской функции является личность с ее свободными, ничем не ограниченными интересами, и если информационная функция направлена на удовлетворение читательских потребностей, то просветительская нацелена на их пробужде-

ние и формирование [8, с. 14], что особенно важно для библиотек, работающих с детьми, у которых читательские потребности или еще не сформированы, или не осознаны.

По мнению Н. В. Жадько, просветительская функция проявляется в образовательной деятельности библиотеки как учреждения. Виды, формы и методы этой деятельности меняются в зависимости от изменения потребностей различных групп общества и требований времени [9].

О пересечении просветительской и образовательной функции пишет Т. В. Майстрович: «Образовательная функция публичной библиотеки реализуется в возможности помочь читателю углубить и расширить постигаемую им программу той или иной ступени обучения или собственную программу самообразования. Осуществление этой функции связано также с задачей непрерывного образования и, следовательно, пересекается с реализацией функции просветительской. Таким образом, образовательную функцию можно разделить на два направления – поддержка образовательного процесса, протекающего на стороне (при этом библиотека не может проявлять самостоятельность), и поддержка самообразования, где библиотеке должна принадлежать активная роль» [15, с. 42].

Проблема соотношения образовательной и просветительской функции рассматривается в статье Н. В. Бубекиной. С ее точки зрения, образовательная функция является более узким понятием и входит в состав просветительской функции: «Поскольку просвещение – это распространение знаний и образования, то просветительская функция включает в себя и образовательную функцию, но в той степени, в какой библиотека способствует обучению и воспитанию [4, с. 30].

В рассуждениях данного автора для нас принципиально важным является выделение в качестве самостоятельного направления такого вида деятельности библиотеки, как

информационное обучение: «Библиотека... также занимается обучением пользователей основам информационной культуры, культуре чтения» [4, с. 35].

Рассмотрение проблем информационного обучения в библиотеке позволяет вычленил то новое, чем наполняется образовательная функция в деятельности современных библиотек. Важнейшими факторами, которые обусловили эту новизну, являются, с нашей точки зрения, изменение информационной среды и развитие информационно-коммуникационных технологий, вызванное вхождением человечества в информационное общество, и неразрывно связанные с этим изменения в системе образования.

В качестве мощного катализатора перемен в современном мире, как известно, выступают информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), характеризующиеся беспрецедентными в истории техники темпами роста и развития. Процессы информатизации в сочетании с осознанием информации и знаний как важнейшего ресурса человеческой цивилизации обусловили переход к информационному обществу и обществу знаний. Развитие в условиях стремительных перемен, становления информационного общества и общества знаний, доминирования информационно-коммуникационных технологий, со всей неотвратимостью потребовали кардинальных изменений в системе образования и, прежде всего, преодоления противоречия между традиционным «поддерживающим» образованием, рассчитанным на относительную стабильность общества и постепенность протекания социальных процессов, и все более динамично и сложно развивающимся современным миром [6].

Как утверждает Е. М. Зуева, «современное образование призвано формировать и развивать новые поколения россиян – думающих, инициативных, творческих, способных принимать правильные решения в условиях

ускоряющегося темпа жизни и динамично меняющихся обстоятельств. Для этого образовательным учреждениям приходится решать сложнейшие задачи, связанные с обновлением содержания образования, совершенствованием методики учебно-воспитательной работы и т. д. Стремление к высокому качеству образования влечет за собой создание новых, адекватных требованиям информационного общества, которые нуждаются в ином, более высоком, уровне информационно-библиотечной поддержки своей деятельности» [11].

Свидетельством существенных изменений в системе образования, влияющих на деятельность библиотек, являются материалы международной научно-практической конференции, общее название которой «Библиотеки и образования».

Организаторами конференции, которая проводилась в период с 2005 по 2008 гг., являлись ГПНТБ России и Международный университет бизнеса и новых технологий (МУБиНТ), широко известный как инновационный вуз с мощной корпоративной информационно-компьютерной системой.

Материалы конференции дают представление о роли библиотек в современном образовании, что наглядно видно в названиях секций: «Информационно-библиотечное обеспечение образования», «Управление знаниями на региональном и корпоративном уровне: проблемы методологии, теории и практики», «Образование и современный социум», «Информационное обеспечение науки», «Информатизация школьных библиотек».

Особо следует отметить работу в рамках конференции секции «Формирование информационной культуры», в ходе которой рассматривались проблемы уровней информационной культуры личности и «инструменты» их измерения, анализировалось влияние информационной культуры на качество

образования, характеризовались информационные технологии для формирования информационной культуры личности.

Как подчеркивал один из организаторов этой конференции, В. В. Юдин, «интеграция образовательной и библиотечной сфер является ключевой для конференции “Библиотеки и образование” и ее ведущей секции “Информационно-библиотечное обеспечение образования”. Наблюдается динамика рассмотрения данной темы: от библиотечного обеспечения образования – к информационно-библиотечной сетевой поддержке учебного процесса, далее – к информационно-библиотечным сервисам для людей в процессе самообразования» [29, с. 45].

Библиотеку концептуально можно рассматриваться как информационно-образовательное пространство, построенное на принципах концентрации и интеграции знаний и образовательных технологий, характеризующуюся распределенностью, трансформируемостью, мобильностью. Особенно актуален этот тезис к вузовским библиотекам [20].

Свидетельством интеграции образовательной и библиотечной сфер является развитие электронного обучения. В условиях электронного обучения библиотека обеспечивает доступ к электронным информационным ресурсам, как созданным в недрах данного образовательного учреждения, так и за его пределами, включая возможности Интернет. Однако использование преимуществ электронного обучения (интерактивность, запоминаемость, гибкость в использовании, доступность), о которых пишут многие исследователи [13] возможно лишь при условии, что обучаемые обладают должным уровнем информационной подготовки.

Как справедливо отмечает Ю. В. Соколова, «в связи с внедрением электронного обучения вузовская библиотека должна не только сохранить качество и полноту традиционных функций и направлений деятельно-

сти, но предложить студентам и преподавателям комплекс новых сервисов и услуг для качественного информационного обеспечения, и в частности – поддержку электронного обучения. Для этого используется компьютерные залы, в которых происходит большая часть образовательного процесса: поиск и изучение учебных и дополнительных материалов, общение с преподавателем посредством информационно-образовательной среды или электронной почты, выполнение учебных и практических заданий, самопроверочных и контрольных тестов, офиснотехнических работ по набору текстов и оформлению своих работ» [25].

В состав наиболее важных, с точки зрения пользователя информационных продуктов и услуг, предоставляемых библиотекой в электронной образовательной среде, входят:

- информационное обслуживание онлайн, позволяющее преодолеть географическую удаленность обучаемых [2];
- доступ к электронным учебным материалам, включая электронные учебно-методические комплексы (УМК) через Интернет [25];
- развитие электронных каталогов [19], характеризующихся расширенными поисковыми и сервисными возможностями, разнообразием семантики поиска, высоким уровнем интеграции информационных ресурсов, становящихся элементом метазнаниевых технологий. По мнению О. В. Эйнасто, «структурированное представление знаниевых ресурсов в электронных каталогах, реализующих связь с полными текстами, интеграция библиографических и полнотекстовых информационных ресурсов на информационных порталах позволяют создавать активную информационно-образовательную среду. Такая среда выступает основой для реализации как дистанционного образования, так и других образовательных технологий» [28];
- электронная доставка документа [18].

Особые виды обслуживания в современной электронной образовательной среде библиотеки предоставляют преподавателям (учителям): подборки имеющихся на рынке и в Интернете тематических электронных ресурсов и баз данных, открытые периодические занятия или мини-лекции по имеющимся подписным ресурсам, профильным электронным библиотекам для кафедр, новостные рассылки, анонсы издаваемых книг по профилю дисциплин кафедры и т. д. [25].

Все новые виды информационного сервиса современных библиотек не возможны без должной информационной подготовки пользователей, включая как тех, кто учит, так и тех, кто учится. Как подчеркивает Е. М. Зуева, «целый ряд библиотечных задач, решение которых обязательно для успешного вхождения российского образования в мировое информационное пространство, остается вне поля зрения. В их числе ... обучение всех участников образовательного процесса основам информационной грамотности на уровне, позволяющем не только комфортно существовать в информационном обществе, но и быть готовым учиться в течение всей последующей жизни [11].

Изменения в деятельности библиотек, порожденные развитием информационно-коммуникационных технологий, привели к тому, что без учета уровня готовности пользователей к работе в современной информационно-образовательной среде, библиотекам стало не возможно, как отмечает О. Д. Опарина, создавать модели информационного обслуживания, учитывающие социокультурную динамику.

Как справедливо отмечает И. А. Макареца, «одним из препятствий доступа к информации является низкая информационная грамотность, или культура пользователей» [16, с. 12]. С этим трудно не согласиться, поскольку даже самые богатые традиционные и электронные информационные ресур-

сы, накопленные библиотекой, могут быть не востребованы, если пользователь не обучен навыкам их поиска и обработки. Кроме того, «нехватка компьютерной и информационной грамотности приводит к отставанию от современных требований обучения, неуверенности и психологическому дискомфорту, социальной неадекватности» [20].

Уровень информационной подготовки, как показывает анализ публикаций, все чаще стал рассматриваться в качестве важнейшего фактора, влияющего на различные технологические процессы. Так, например, в современной теории библиотечного менеджмента, важнейшей составной частью которого является менеджмент фонда, уровень информационной грамотности пользователей считается таким же важным фактором, как информационные потребности пользователей, качественные параметры информационных ресурсов библиотеки, от которых зависит проектирование «дружественного» библиотечного пространства и его конфигурации. При этом, как подчеркивает Р. Каллен, «эффективность работы библиотеки оценивается с точки зрения реализации пользовательских ожиданий, технологий предоставления информации, а уровень информационной грамотности пользователей, т. е. готовности к работе в новой информационно-образовательной среде, становится ключевым параметром для принятия управленческих решений» [14].

Таким образом, справедливым является вывод, приведенный в монографии «Российское библиотековедение»: «Одно из важнейших направлений деятельности библиотеки как социокультурного центра – распространение и повышение информационной (или библиотечно-библиографической и информационной) культуры, которая, наряду с компьютерной грамотностью, все более становится одним из важнейших условий функционирования человека как полноценного члена современного и будущего общества» [24, с. 175].

Развитию образовательной функции библиотеки как социального института, призванного обеспечивать обучение основам информационной культуры личности, в нашей стране способствовало внедрение в деятельность публичных библиотек «Модельного стандарта деятельности публичной библиотеки». Впервые в отечественной библиотечной практике в этом нормативном документе формирование информационных потребностей и информационной культуры своих читателей и всего местного населения выделено в качестве самостоятельного направления библиотечной деятельности и сопровождается перечнем конкретных мероприятий, проведение которых является обязательным [17].

Этот тезис практически полностью повторяется в «Модельном стандарте деятельности специальной библиотеки для слепых субъекта РФ» (2010 г.), а также в проектах «Модельного стандарта деятельности детской библиотеки» и «Модельного стандарта деятельности юношеской библиотеки».

Следует подчеркнуть, что задача формирования информационных потребностей и информационной культуры читателей и населения, безусловно, является весьма актуальной и для других типов библиотек (школьных, средних специальных учебных заведений, вузовских и др.). Она относится к разряду крупномасштабных, общегосударственных задач, рассматриваемых в контексте вхождения России в информационное общество. Об этом также свидетельствует введение в школьные библиотеки России новой должности – «педагог-библиотекарь», о чем сообщил в своем выступлении на VI съезде Всероссийского педагогического собрания председатель правительства России В. В. Путин [22].

Комментируя введение новой должности «педагога-библиотекаря», президент Русской школьной библиотечной ассоциации

Т. Д. Жукова подчеркнула роль информационного обучения в деятельности школьных библиотекарей. Отвечая на вопрос в интервью журналу «Библиотека в школе» о сущности новой должности она сказала: «... если ты библиотекарь-педагог, то в чем твоя педагогическая сущность? Об этом мы говорили в свое время после парламентских слушаний с заместителем министра образования и науки И. И. Калиной. В ходе часовой беседы им был задан вопрос о педагогической составляющей деятельности библиотекаря. И мы смогли доказать: педагогическая роль – в формировании информационной культуры личности. И когда мы это правильно сформулировали и показали, что возрастающая роль школьных библиотек – в формировании информационной грамотности всех участников образовательного процесса, что это общемировая тенденция, он моментально отреагировал: “Тогда это все оформляйте”» [10, с. 14].

Тенденция обогащения, расширения образовательной функции библиотеки за счет организации целенаправленной информационной подготовки граждан прослеживается и при анализе опыта работы зарубежных библиотек, в частности при анализе концепции «обучающей библиотеки», получившей отражение в подготовленном ИФЛА сборнике статей под редакцией одного из основателей секции информационной грамотности ИФЛА профессора Х. Лау [12].

Так, Ф. Блин, директор по делам библиотек и органов научной информации при Министерстве образования (г. Париж, Франция), характеризуя концепцию «обучающей библиотеки», отмечает, что разработка методических материалов и вспомогательных средств, таких как учебные пособия или тематические веб-сайты, способствовала значительному повышению квалификации в области информационной грамотности не только пользователей, на которых они были рассчи-

таны (в основном, студентов), но и профессионального сообщества в целом. Благодаря этому творческому процессу библиотекари получили возможность переосмыслить свою профессию, проанализировать свою миссию в свете происходящих в сообществе изменений и задуматься о новых методах работы, соответствующих этим изменениям. Библиотекари обязаны разрабатывать новые педагогические ресурсы и предлагать новые методы преподавания информационной грамотности [12].

Эстела Моралес Кампос, исследователь при Университетском центре по библиотековедению и директор Латиноамериканского исследовательского центра по латиноамериканским исследованиям (г. Мехико, Мексика) утверждает: «...библиотекарь становится членом политематической команды, которая в рамках образовательных программ должна стимулировать студентов к участию в процессах знаний и в строительстве жизни на локальном и мировом уровне, в строительстве общества, в котором дивиденды от развития будут доходить до каждого» [12, с. 144–145].

Как отмечает американский специалист Э. К. Оусу-Анса, «библиотекари всегда обучают, находясь ли за кафедрой обслуживания или в учебной аудитории; они должны принять свою обучающую роль и активно заниматься этой деятельностью не от случая к случаю, а постоянно – так же неотъемлемо в своей профессии, как неотъемлемо само присутствие библиотеки в университете» [цит. по: 20, с. 24].

В целом, проведенный анализ публикаций свидетельствует, что на развитие библиотеки как социального института влияют два взаимосвязанных фактора: во-первых, историческая изменчивость, обусловленная тем, что каждый исторический период выдвигает различные цели, во-вторых, внутренняя неизменная сущность, которая позволяет библиотеке как социальному институту выполнять

четко определенную роль в обществе, независимо от конкретного исторического периода. Это утверждение является справедливым и применительно к функциям библиотек, включая образовательную. Диалектическое единство и борьба противоположностей «изменчивости» и «стабильности» наблюдается при рассмотрении и анализе функции библиотек, включая образовательную. В результате проведенного исследования удалось выявить компоненты образовательной функции библиотеки, отражающие как фактор «стабильности» (предоставление информационных ресурсов для образования и самообразования, а также информационное просветительство), так и фактор «изменчивости» (целенаправленное информационное обучение в условиях библиотеки).

На развитие образовательной функции библиотеки существенное влияние оказывают два фактора: изменение информационной среды и развитие ИКТ, а также изменения в системе образования. В результате этих изменений библиотеки осуществляют онлайн-информационное обслуживание, обеспечивают доступ к различным видам электронных информационных ресурсов (научных, учебных и др.); ведут электронные каталоги, реализуют электронную доставку документов, реализуют избирательное распространение информации на основе тематических электронных ресурсов и баз данных и профильных электронных библиотек, ведут новостные рассылки и др. Следствием этих изменений явилось переосмысление роли информационной подготовки пользователей и роли информационного обучения, реализуемого в библиотеке.

Как следует из анализа публикаций и опыта работы библиотек, все виды информационного сервиса современных библиотек, базирующихся на ИКТ, практически не возможны без соответствующей информацион-

ной подготовки пользователей, включая как педагогов, так и обучаемых. Отсутствие информационной грамотности, низкий уровень информационной культуры пользователей признан одним из барьеров, существенно затрудняющих доступ к информации. Кроме того, доказано, что низкий уровень информационной культуры при решении образовательных задач и задач самообразования, приводит к неуверенности и психологическому дискомфорту обучаемых.

Модельные стандарты библиотек, появившиеся в последние годы, как средство регламентации деятельности отечественных библиотек различных типов, зафиксировали в качестве самостоятельного направления развитие информационной культуры пользователей. Для его реализации библиотеки используют традиционные формы информационного просветительства: специальные уроки, семинары и тренинги, библиотечные уроки, экскурсии по библиотеке и много другое.

Информационная подготовка пользователей и информационное обучение оказывает существенное влияние на технологию работы библиотеки в целом, включая создание моделей информационного обслуживания различных категорий пользователей, управление формированием электронных ресурсов и созданием электронных библиотек. При этом уровень информационной подготовки пользователей признается в настоящее время таким же важным фактором, как информационные потребности пользователей и качественные параметры информационных ресурсов библиотеки.

Как показал анализ, ведение информационной подготовки граждан в библиотеке существенным образом повлияло на переосмысление профессии библиотекаря, составной частью которой стало информационное обучение граждан, преподавание информационной грамотности и основ информацион-

ной культуры личности. При этом библиотекарь стал рассматриваться как полноправный участник образовательного процесса.

Проведенный анализ дает основание предложить следующее определение образовательной функции библиотеки в качестве рабочего. Образовательная функция – это совокупность видов деятельности библиотеки, включая предоставление информационных ресурсов (как традиционных, так и электронных) для системы образования и самообразования, организацию информационного просветительства (тематические экскурсии, выставки, пропаганда информационных продуктов и услуг библиотеки), целенаправленное обучение граждан основам информационной культуры личности (информационной грамотности) за счет внедрения самостоятельного курса по информационной подготовке граждан.

Предлагаемое определение отражает существенное расширение образовательной функции библиотеки. Традиционный ресурсный (предоставление информационных ресурсов для системы образования и самообразования) и информационно-просветительский (тематические экскурсии, выставки, пропаганда информационных продуктов и услуг библиотеки) подходы к трактовке образовательной функции библиотеки дополняется за счет целенаправленного обучения граждан основам информационной культуры личности (информационной грамотности) в условиях библиотеки. Однако выявленная в результате анализа отечественного и зарубежного опыта библиотек тенденция целенаправленной информационной подготовки граждан в библиотеках в ходе изучения специальных учебных дисциплин свидетельствует о необходимости совершенствования профессиональной подготовки библиотекарей, призванных вести такую информационную подготовку, осуществлять информационное обучение.

Литература

1. Антипова В. Б. Образовательная функция школьной библиотеки: теоретическое обоснование // Библиотековедение. – 2006. – № 1. – С. 32–37.
2. Ардовская Р. В. О преимуществах вузовской цифровой библиотеки // Библиотека и учебное заведение – партнеры в достижении целей образования [Электронный ресурс] / МУБИНТ. – Ярославль, 2005. – CD-ROM.
3. Большой энциклопедический словарь – 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/245506>.
4. Бубекина Н. В. Размышления об образовательной функции библиотек // Библиотековедение. – 2000. – № 5. – С. 29–36.
5. Ванеев А. Н. Библиотековедение в России XX века: учеб. пособие. – СПб.: Профессия. – 248 с.
6. Гендина Н. И. Вклад библиотек в информационную подготовку граждан. Анализ деятельности образовательных учреждений и библиотек России по информационной подготовке граждан // Библиотековедение: научно-практический журнал. – 2011. – № 5. – С. 38–45.
7. Давыдов А. А. Системная социология. – М.: КомКнига, 2006. – 192 с.
8. Добрынина Н. Е. Просветительская функция национальной библиотеки: день сегодняшний // Библиотековедение. – 1995. – № 6. – С. 14–18.
9. Жадько Н. В. Статус и функции библиотеки // НТБ. – 1994. – № 3. – С. 3–12.
10. Жукова Т. Д. О должности, о сущности, о кадрах // Библиотека в школе. – 2011. – № 14. – С. 14–18.
11. Зуева Е. М. Информационно-библиотечное обеспечение образовательных учреждений на муниципальном уровне // Информационные ресурсы и сервисы открытого образования: сб. мат-лов 3-й Междунар. науч.-практ. конф. «Библиотеки и образование» (Кострома, 24–27 апреля 2007 г.) / МУБИНТ; ГПНТБ России. – Ярославль: МУБиНТ, 2007. – 221 с.
12. Информационная грамотность: международные перспективы / под ред. Х. Лау. – М.: МЦБС, 2010. – 240 с.
13. Кабанова Л. В. Информационно-коммуникационные технологии в образовательном процессе // Информационные ресурсы и сервисы открытого образования: сбор. мат-лов 3-й Междунар. науч.-практ. конф. «Библиотеки и образование» (Кострома, 24–27 апреля 2007 г.) / МУБИНТ; ГПНТБ России. – Ярославль: МУБиНТ, 2007. – 221 с.
14. Каллен Р. Бенчмаркинг (оценка уровня деятельности): обзор и контекст: пер. с англ. // Новости Рос. ком. ИФЛА. – 2003. – № 46. – С. 46–53.
15. Майстрович Т. В. Компьютерные технологии в библиотеках как инновация // Инновации в библиотеках: сб. статей. – М.: Пашков дом, 2010. – С. 40–46.
16. Макарецва И. А. Библиотеки в образовании: традиции и современность Библиотеки в обществе, построенном на знаниях: сб. мат-лов 2-й Междунар. науч.-практ. конф. «Библиотеки и образование» (Вологда, 24–27 апреля 2006 г.) / МУБИНТ; ГПНТБ России. – Ярославль: МУБиНТ, 2006. – С. 9–14.
17. Модельный стандарт деятельности публичной библиотеки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rba.ru/programm/mod_stand.html
18. Нохрина В. А. Доступ к научным зарубежным информационным ресурсам по АПК // Информационные ресурсы и сервисы открытого образования: сб. мат-лов 3-й Междунар. науч.-практ. конф. «Библиотеки и образование» (Кострома, 24–27 апреля 2007 г.) / МУБИНТ; ГПНТБ России. – Ярославль: МУБиНТ, 2007. – С. 145–148.
19. Опарина О. Д. Сравнительный анализ функциональности электронных каталогов университетских библиотек России, Европы и США // Библиотековедение. – 2008. – № 4. – С. 52–58.

20. Опарина О. Д. Социокультурная динамика университетской библиотеки / [науч. ред. О. Н. Богатырева]. – Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2010. – 180 с.
21. Парсонс Толкотт (1902–1979) // Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова; РАН; Институт социально-политических исследований. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998. – С. 370–371.
22. «Педагог-библиотекарь» – новая должность в российских школах [Электронный ресурс] // Русская школьная библиотечная ассоциация: информационный портал школьных библиотек России. – Режим доступа: http://www.rusla.ru/rsba/news/index.php?ELEMENT_ID=3708
23. Симонис-Рупер С. Публичные библиотеки и взрослые учащиеся: ситуация в Нидерландах // Библиотекведение и библиография за рубежом: сб. – М., 1994. – Вып. 137. – С. 77–84.
24. Скворцов В. В. Концепция библиотеки в современном российском библиотековедении // Российское библиотековедение: XX век. Направления развития, проблемы и итоги. Опыт монографического исследования / сост. Ю. М. Мелентьева. – М.: ФАИР-ПРЕСС: Пашков дом, 2003. – С. 159–178.
25. Соколова Ю. В. Требования практики к образовательным программам подготовки специалистов информационно-библиотечной сферы // Библиотеки и образование: управление изменениями и социальное партнерство: сб. мат-лов 4-й Междунар. науч.-практ. конф. «Библиотеки и образование» (Ярославль, 25–28 апреля 2008 г.) / МУБИНТ; ГПНТБ России. – Ярославль: МУБИНТ, 2008. – С. 97–103.
26. Терешин В. И. Библиотека – образовательное учреждение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://libconfs.narod.ru/2001/1s/s1_p34.html
27. Фоскетт Д. Дж. Пути коммуникации: книги и библиотеки в информационном веке // Междунар. форум по информации. – 2005. – Т. 30, № 1. – С. 3–8.
28. Эйнасто О. В. Опыт мониторинга качества услуг библиотеки Тартуского университета // Университетские библиотеки в изменяющемся мире образования, науки и культуры: мат-лы 2-й Междунар. науч.-практ. конф. – СПб., 2007. – С. 49–53.
29. Юдин В. В. Интеграция образовательных и информационных сервисов // Библиотеки и образование: управление изменениями и социальное партнерство: сборник мат-лов 4-й Междунар. науч.-практ. конф. «Библиотеки и образование» (Ярославль, 25–28 апреля 2008 г.) / МУБИНТ; ГПНТБ России. – Ярославль: МУБИНТ, 2008. – С. 44–47.

УДК 004

А. И. Васильева

САЙТЫ ОБЛАСТНЫХ (КРАЕВЫХ) УНИВЕРСАЛЬНЫХ НАУЧНЫХ БИБЛИОТЕК: ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (2005–2011 гг.)

Научная статья посвящена исследованию позиционирования областных (краевых) универсальных научных библиотек в Интернете. Отражены результаты содержательного анализа сайтов подобных библиотек, проводимого в 2005, 2009, 2011 годах. Представлены тенденции развития функциональных характеристик сайтов областных (краевых) универсальных научных библиотек, а также направления изменения ориентиров в формировании их контента.

Ключевые слова: анализ, информатизация, контент, областная (краевая) универсальная научная библиотека, рубрика, сайт, сервис.

A. I. Vasilyeva

SITES OF REGIONAL UNIVERSAL SCIENTIFIC LIBRARIES: CHRONOLOGICAL ASPECT (2005–2011)

The scientific article is devoted research positioning of regional universal scientific libraries in the Internet. Results of the substantial analysis of sites the similar libraries, spent in 2005, 2009, 2011 are reflected. There are tendencies of development functional characteristics of sites regional universal scientific libraries, and also directions change of reference points in formation their content.

Keywords: the analysis, information, content, regional universal scientific library, heading, site, service.

Последние годы ушедшего тысячелетия характеризовались сменой представлений о трансформации индустриального общества в постиндустриальное, новыми концепциями построения информационного общества. В нем информация становится одним из основных экономических ресурсов и структурирующим социальным фактором, под воздействием которого меняются формы экономической деятельности и социальные взаимоотношения. Сохранение, развитие и рациональное использование этого стратегического ресурса имеют огромное значение для любого общества и государства.

Отличительной чертой сегодняшнего этапа развития общества является то, что информация существует как в традиционной печатной, так и в электронной форме. Информатизация, конвергенция информационно-коммуникационных технологий и мультимедиа, переход к применению современных информационных систем обеспечивают принципиально новый уровень получения и обобщения знаний, их распространения и использования.

Современные библиотеки активно используют сетевые информационные технологии для решения большого спектра задач, связанных с образовательной, профессиональной, досуговой и иной деятельностью. Общеизвестно, что наиболее эффективно информационно-библиотечное обслуживание для нужд науки, культуры и образования сегодня достигается посредством создания

и функционирования сайтов. Для любой библиотеки как учреждения, собирающего и хранящего произведения печати и письменности для общественного пользования в условиях роста информационных потребностей, становится объективной необходимостью обеспечения различных средств доступа к нужной информации [2].

Особенно остро эта проблема ставится в условиях функционирования научных библиотек, деятельность которых направлена на удовлетворение информационных потребностей читателей, связанных с научно-исследовательской работой, расширением профессиональных знаний и повышением квалификации лиц с высшим образованием во всех сферах общественной и производственной деятельности [1].

В 2009 и 2011 годах в рамках научного исследования был проведен сравнительный анализ сайтов областных (краевых) универсальных научных библиотек (ОУНБ). Полученные в ходе анализа данные сравнивались с результатами подобного исследования 2005 года [5]. *Цель данного исследования* – провести сравнительный анализ сайтов областных (краевых) универсальных научных библиотек и отразить хронологический аспект мониторинга данных сайтов (2005–2011 гг.).

В качестве *объекта* исследования выступают сайты, *предметом* являются сайты областных (краевых) научных библиотек.

Исследование состояло из трех этапов:

1. Отбор интернет-ресурсов ОУНБ.
2. Анализ функциональных характеристик сайтов ОУНБ.
3. Анализ структуры контента сайтов ОУНБ.

Первый этап исследования – отбор интернет-ресурсов ОУНБ

В сети Интернета сайты ОУНБ регистрируются с 1998 года. В статье 65 Конституции Российской Федерации на 23 сентября 2011 года представлен полный перечень субъектов РФ, который состоит из 83-х наименований. Таким образом, в России функционирует 83 областных (краевых) универсальных научных библиотеки. В настоящее время на информационно-справочном портале «Library.ru» [3] в разделе «Центральные универсальные библиотеки краев,

областей, автономных округов, Москвы и Санкт-Петербурга» представлена 61 ссылка на сайты ОУНБ. От общего количества ОУНБ субъектов РФ это составляет 73,5 % (2005 год – 50 %; 2009 – 69 %). Данные представлены на рисунке 1. Это свидетельствует о том, что за последних 6 лет количество позиционируемых в Интернете ОУНБ увеличилось почти в полтора раза. Причиной этому, в первую очередь, является активное внедрением сетевых технологий в библиотечную сферу деятельности, а также качественное изменение средств удовлетворения информационных потребностей самими пользователями, которые все чаще используют для этого ресурсы Интернета.

Для исследования было отобрано 30 сайтов ОУНБ.

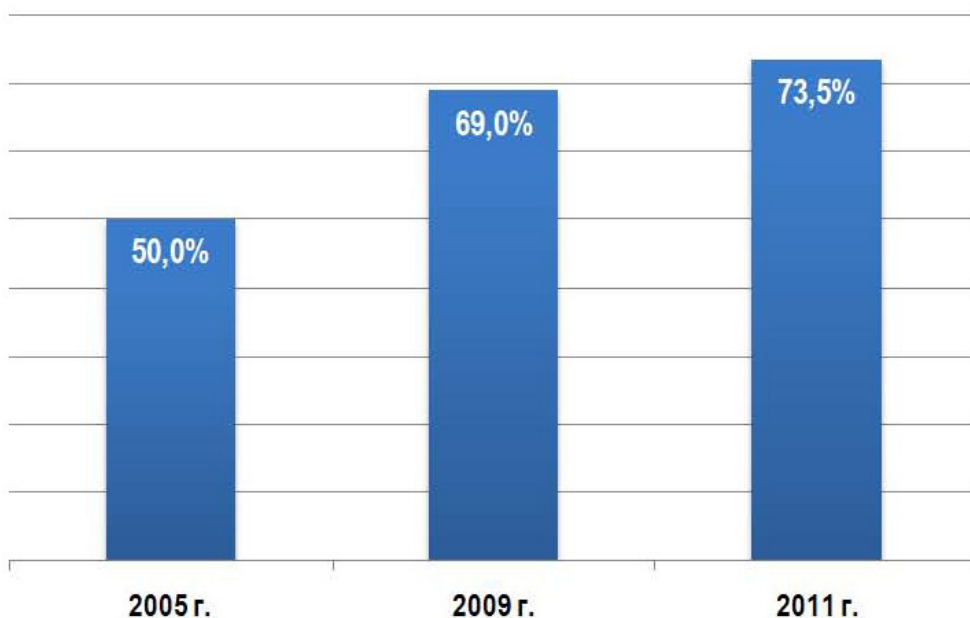

Рис. 1. Позиционирование ОУНБ в Интернете

Второй этап – анализ функциональных характеристик сайтов ОУНБ

Объектом данного анализа стали виды и уровни предоставляемых пользователю сервисов. Рассмотрим характеристики сайтов

учреждений, независимо от их принадлежности к предметной области.

1. *Счетчик посещений* содержали в 2005 году 25 % сайтов, в 2009 году нами не было выделено ни одного подобного сер-

виса. В 2011 году на сайтах ОУНБ показатель наличия счетчика посещений составил 63,3 %. Все представленные счетчики посещений в 2011 году являются особым модулем рейтинга пользователей «mail.ru рейтинг». Такой высокий процент наличия подобного модуля, относительно 2005 и 2009 года, объясняется тем, что данный модуль легко интегрируется в структуру сайта за счет использования автоматизированных систем управления контентом (например, Joomla), широко распространенных в сайтостроении в настоящее время. Размещение рейтингового модуля способствует повышению престижности сайта и имиджа самого информационно-библиотечного учреждения.

2. *Обратная связь (форумы, гостевые книги)* – реализация данной функции в 2011 году осталась практически неизменной относительно 2005 и 2009 гг. и составляет 43,3 %. Обеспечение взаимодействия с пользователем всегда было значимым показателем функциональных характеристик сайтов любых учреждений, но реализация данного сервиса является достаточно сложной программной и технической задачей, и поэтому далеко не все сайты ОУНБ им располагают. На сегодняшний момент гостевые книги активно вытесняются форумами, т. к. последние более интерактивны и имеют расширенные функциональные возможности. Использование автоматизированных систем управления контентом для создания сайтов ОУНБ значительно упростило их внедрение в структуру сайта.

3. *Многоязычная версия сайта* – в условиях глобализации данная характеристика имеет огромное значение для международного информационного обмена. Однако данный сервис всегда имел достаточно низкий показатель наличия из-за трудоемкости и сложности реализации. В 2005 году среди сайтов ОУНБ многоязычной версией располагало

10 %, в 2009 – 7 %. В 2011 году, относительно 2009 года, данный показатель увеличился более чем в 2 раза и составляет 16,7 %. Это свидетельствует о том, что библиотеки стараются расширять круг своих пользователей и увеличивать эффективность реализации своих функций через сайт.

4. *Карта сайта* – это модель структуры сайта, целиком размещенная на одной странице. Подобный сервис в 2005 году не предоставлял ни один сайт, в 2009 году произошло значительное увеличение – 20 %. В 2011 году уже 66,7 % сайтов ОУНБ имеют карту сайта, которая значительно упрощает навигацию пользователя по ресурсу. Такой значительный рост показателя наличия карты сайта – за 6 лет с 0 % до 66,7 % – можно также объяснить использованием автоматизированных систем управления контентом, которые позволяют использовать данный модуль автоматически, без лишних временных и интеллектуальных затрат.

Далее рассмотрим функциональные характеристики, присущие сайтам учреждений информационно-библиотечной сферы.

5. *Электронный каталог* – содержит библиографические записи всех видов документов, включая статьи, изданные на русском и других языках на традиционных и электронных носителях и в различные хронологические периоды.

Доступ к электронному каталогу библиотеки, несомненно, самый важный показатель качества исполнения сайта, необходимости и важности его функционирования. Несмотря на то, что это очень сложный по исполнению модуль, им в 2009 году располагали 77 % сайтов ОУНБ и 82 % в 2005 году соответственно. В 2011 году данный показатель составил уже 96,7 % (29 из 30 проанализированных сайтов).

6. *Электронная доставка документов* – это программно-технологический комплекс, преобразующий информационный поток

с вектором «библиографическая запись – текст документа» для обеспечения удаленного доступа к документальным фондам [6]. Данный сервис также обеспечивает полноценную работу библиотеки посредством позиционирования ее в Интернете. Процент сайтов ОУНБ, располагающих данным сервисом, с 2005 года к 2011 увеличился почти вдвое (18 % в 2005; 26 % в 2009; 46,7 % в 2011 гг.).

7. Библиограф on-line – эта одна из функций, которая обеспечивает обратную связь с пользователем, но в специфичном для библиотек аспекте. Было решено выделить ее

отдельно и отметить то, что данная услуга не предоставлялась в 2005 году, в 2009 году присутствовала на 10 % проанализированных сайтах ОУНБ, а в 2011 на 33,3 % ресурсов.

8. Продление on-line – подобный сервис позволяет продлить срок использования взятой в библиотеке на абонементе книги, не приходя в саму библиотеку. Данная функция не предоставлялась в 2005 году, в 2009 данный сервис представлялся на 13,3 % проанализированных сайтах. В 2011 году данный показатель составил 23,3 %.

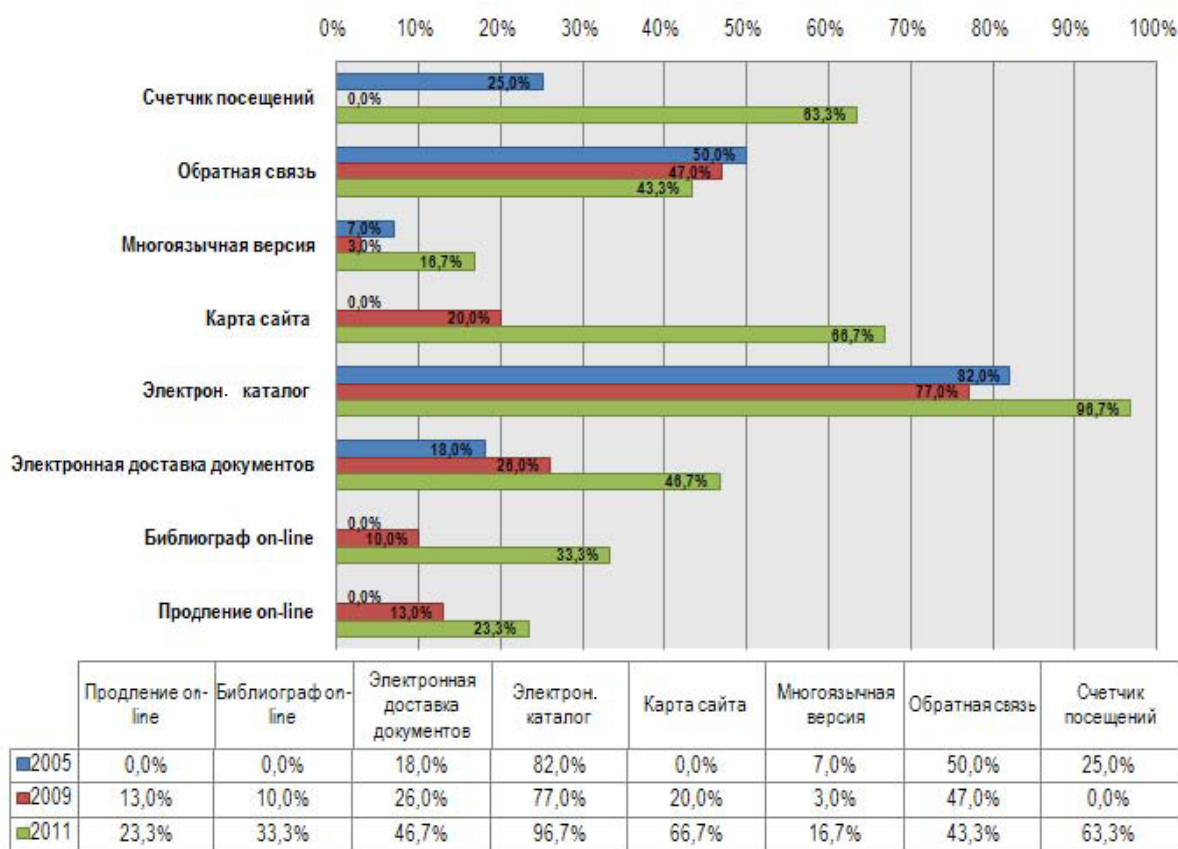

Рис. 2. Анализ функциональных характеристик сайтов ОУНБ

На диаграмме, представленной на рисунке 2, явно видно, что в целом картина существенно изменилась, относительно тех

функциональных характеристик, которые были выделены при анализе сайтов в 2005 и 2009 годах. В настоящее время, как и в

2009 году, на сайтах ОУНБ доступно вдвое больше сервисных услуг, относительно 2005 года.

За счет разнообразия виртуального взаимодействия с пользователем и изменения общей картины функционального развития, сайты ОУНБ принимают все большую значимость. Это говорит о необходимости создания собственных интернет-ресурсов тех библиотек, которые не имеют собственного официального сайта.

Третий этап – анализ структуры контента сайтов ОУНБ

При проведении данного этапа исследования в 2005 году было выделено 83 рубрики контента сайтов ОУНБ. В 2009 году этот показатель составил 53 рубрики, а в 2011 – 59. Это в первую очередь свидетельствует о том, что с течением времени и увеличением опыта эксплуатации сайтов ОУНБ достигнут бо-

лее высокий уровень формализации процессов разработки их контента, что, бесспорно, является положительным показателем.

Также об этом свидетельствует конструирование контента относительно уровней вложения. В рамках исследования 2005 года количество уровней вложения на сайтах ОУНБ варьировалось от двух до пяти, и преимущественно (64 %) это были сайты с трехуровневой системой контента. В 2009 году все сайты ОУНБ представлены двумя и тремя уровнями вложения, с явным преимуществом (77 %) двухуровневой организации контента. В 2011 году распределение сайтов по уровням вложения изменилось – вернулась четырехуровневая структура, а количество сайтов с двумя и тремя уровнями вложения стало одинаковым (рис. 3).

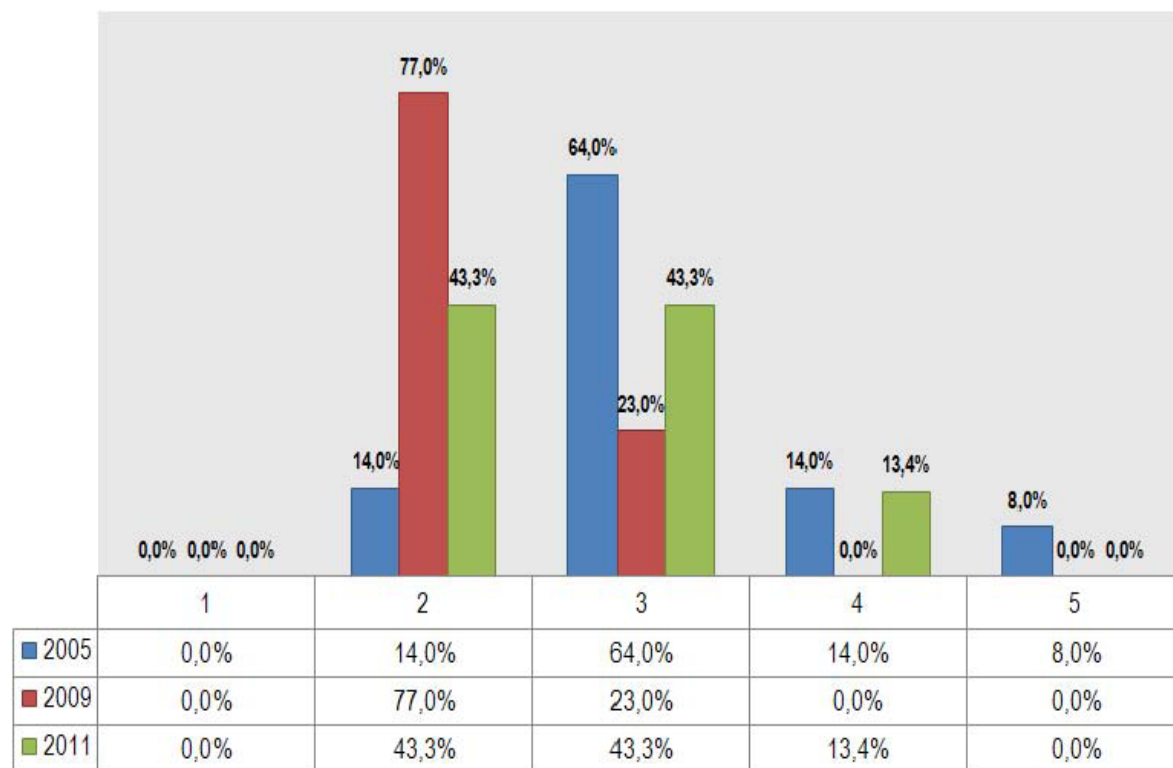

Рис. 3. Характеристика сайтов ОУНБ по уровням вложения

Важнейшим ориентиром при организации контента сайта библиотеки являются ее основные функции как информационного, культурного и образовательного учреждения. Информация, содействующая реализации этих функций, должна составить информационное ядро контента любого библиотечного сайта. При этом вид библиотеки, безусловно, может накладывать определенный отпечаток на наполнение контента сайта. Поэтому необходимо охарактеризовать основные функции ОУНБ, представленные Н. С. Карташовым [4]:

- *Информационная функция* – совокупность видов деятельности по информационному обеспечению материального и духовного воспроизводства.

- *Культурная функция* – совокупность видов работы библиотеки, направленная на свободное духовное развитие читателей, приобщение к ценностям отечественной и мировой культуры, создание условий для культурной деятельности.

- *Образовательная функция* – совокупность видов деятельности библиотеки, направленная на информационное обеспечение духовного воспроизводства общества, которое включает социализацию членов общества, их образование и самообразование, воспитание и самовоспитание.

- *Функция региональной библиотечной политики* – библиотеки являются центрами оказания научно-методической помощи библиотекам региона, создания основ для обеспечения региональных координации и кооперации.

- *Функция региональной памяти* – сбор, хранение и распространение документов, вышедших в регионе и документов о регионе.

Распределение всех выявленных рубрик и подрубрик сайтов в группы в зависимости от выполняемых областной библиотечной функций показало, что сайты ОУНБ

ориентированы на решение всех ее функций. Это относится и к общим (информационной, культурной, образовательной) функциям, присущим библиотекам любого типа, и к специфической краеведческой (региональной библиотечной политики, региональной памяти) функции, характерной именно для ОУНБ.

Дополнительно была выделена *организационная функция*. Причиной выявления стало наличие категории рубрик, представляющих официальную рабочую информацию о библиотеке. Нельзя забывать о том, что являясь полифункциональным учреждением библиотека в рамках своей деятельности может допускать не только сочетание, но и пересечение некоторых функций. Данная особенность без сомнения отражается в информационном наполнении библиотечного сайта.

Распределение рубрик контента сайтов ОУНБ в соответствии с ее функциями представлены в таблице.

Таблица

**Отражение функций ОУНБ
в структуре контента сайта**

Функция ОУНБ	Наименование рубрики
Информационная	Библиотека в СМИ, Библиотека сегодня, Видеотека, Издания, Информация, История, КATALOGи и картотеки, Книгообмен, Комплектование, Конкурсы, Медиатека, Наши достижения, Новости, Новые поступления, О библиотеке, Отзывы о библиотеке, Официальные документы, Периодические издания, Полезные ссылки, Полнотекстовые документы, Правовой центр, Проекты, Ресурсы, Структура, Услуги, Фонд, Читателям, Электронные услуги, Электронные ресурсы, Электронный каталог, Библиограф on-line

Окончание таблицы

Функция ОУНБ	Наименование рубрики
Культурная	Архив мероприятий, Афиша, Виртуальные выставки, Литературная гостиная, Мероприятия, Пресса о культуре, Клубы, Мы и общество
Образовательная	Образовательные ресурсы, Повышение квалификации, Семинары и конференции, Полезные ссылки, Электронные ресурсы
Функция региональной библиотечной политики	Библиотекам, Библиотеки региона, Коллегам, Методическая помощь, Модельные библиотеки, Региональный центр чтения
Функция региональной памяти	Библиотека в цифрах, Календарь знаменательных дат, Краеведение, Краеведческий вестник, О крае (О регионе), Фотоальбом
Организационная	Контакты, Партнеры, Правила пользования, Путеводитель, Режим работы, Схема проезда, Как записаться, Гостевая книга (форум), Карта сайта, Электронная доставка документов, Продление on-line

Процентное соотношение позиционируемых информационных аспектов в структуре контента сайтов и выполняемых ОУНБ функций представлено на рис. 4.

Проведенное исследование структуры сайтов показало, что отражение специализированных функций ОУНБ, как и в 2005 году, одинаково. Однако количество рубрик в рамках отражения данных функций уменьшилось. Общие функции ОУНБ также в полном составе представлены на сайтах. Процентное соотношение рубрик, отражающих культурную и образовательную функции

между собой осталось практически одинаковым. Однако их общее число уменьшилось по сравнению с 2005 и 2009 годами.

Отражения информационной функции в интернет-ресурсах ОУНБ значительно изменилось. Реализация информационной функции обеспечивается почти половиной рубрик, представленных на сайтах ОУНБ. Это объясняется тем, что с течением времени количество информации значительно увеличивается и, соответственно, система информационного обмена значительно усложняется.

Количество рубрик, нацеленных на реализацию организационной функции снизилось почти в 2 раза.

Мониторинг сайтов ОУНБ, проводимый в 2005, 2009 и 2011 годах, подтверждает, что характерной чертой информационно-библиотечной сферы, как одной из наиболее актуальных в современном информационном обществе, является стремление к постоянному совершенствованию и адаптации к современным социально-экономическим условиям.

Последнее пятилетие показало, что качество сайтостроения значительно повысилось. Появились формализованные технологии моделирования и создания интернет-ресурсов, что благоприятно сказалось на официальных сайтах ОУНБ. Большая часть недостатков, выявленных на страницах ресурсов в 2005 и 2009 годах, на сегодняшний день устранено.

Таким образом, имеет смысл сделать следующие выводы:

1. Количество сайтов ОУНБ постоянно увеличивается.
2. Активное внедрение в технологии сайтостроения систем автоматизированного управления контентом содействует развитию специфичных библиотечных сервисов наряду с повсеместно реализуемыми.
3. С течением времени количество рубрик, представленных на сайтах ОУНБ, зна-

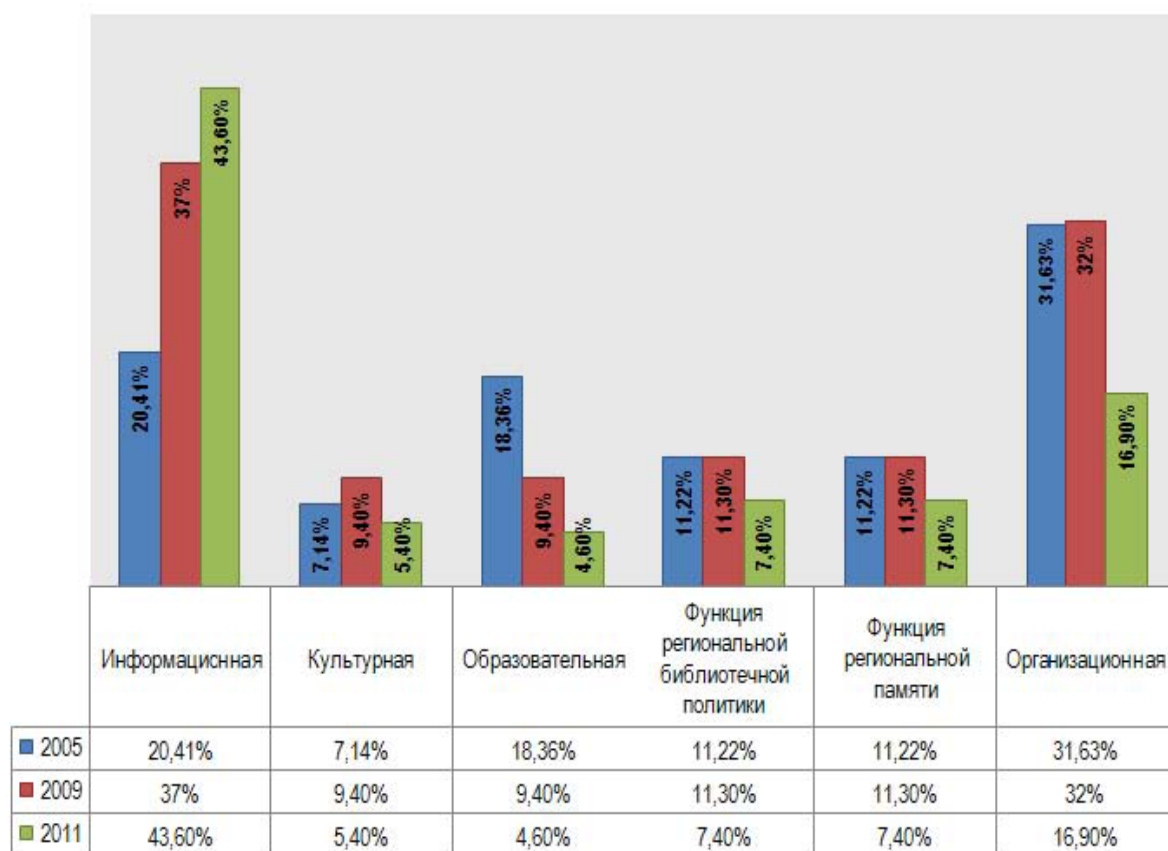

Рис. 4. Количественная характеристика рубрик и подрубрик сайтов ОУНБ в функциональном аспекте

чительно сократилось, но при этом структура контента усложнилась.

4. Постепенная модернизация контента сайтов ОУНБ нацелена на реализацию информационной функции в первую очередь, остальные функции библиотеки при отражении на сайте носят второстепенный характер.

Эти особенности в условиях информационных и социокультурных преобразований

с течением времени всегда будут откладывать отпечаток на работу информационно-библиотечных учреждений и соответственно их позиционирование в Интернете. Этим объясняется необходимость регулярного мониторинга подобных сайтов в хронологическом разрезе, с целью оценки и сравнения происходящих в данной области изменений.

Литература

1. Алдохина О. И., Кузьмина Э. В. Интернет-ресурсы региона в сфере культуры и искусства как отражение информационной культуры специалистов // Парадигмы XXI века: Информационное общество, информационное мировоззрение, информационная культура: мат-лы Междунар. науч. конф., г. Краснодар, 16–18 сент. 2002 г. – Краснодар, 2002. – С. 221–223.

2. Булычева О. С., Новиков В. Д. Информационные ресурсы и пользователи Научной электронной библиотеки [Электронный ресурс] // Электронные библиотеки. – 2002. – № 1. – Режим доступа: <http://www.elbib.ru/index.phtml?page=elbib/rus/journal/2002/part1/BN> (дата обращения: 05.10.2011).
3. Информационно-справочный портал Library.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.library.ru> (дата обращения 03.10.2011).
4. Карташов Н. С., Скворцов В. В. Общее библиотековедение: учебник: в 2 ч. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та культуры, 1997. – Ч. 2. – С. 7–14.
5. Колкова Н. И., Алдохина О. И., Скипор И. Л. Позиционирование библиотек в сети Интернета: результаты анализа контента сайтов // Информационные недра Кузбасса: тр. IV Всерос. науч.-практ. конф., г. Кемерово, 3–4 февраля 2005 г. – Кемерово: ИНТ, 2005. – С. 240–242.
6. Лаврик О. Л., Глухов В. А. Электронная доставка документов [Электронный ресурс]: электронный учебник / ГПНТБ СО РАН; ИНИОН РАН. – Режим доступа: <http://www.spsl.nsc.ru/lisa/index.htm> (дата обращения: 09.03.2011).

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

УДК 1(091)(4/9)

В. И. Красиков

РУССКАЯ ЭМИГРАНТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В 1920–40-х гг.: АДОПЦИЯ В СООБЩЕСТВО ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ⁴

Статья посвящена исследованию феномена адаптации части русских философов-эмигрантов в европейские философские сообщества. Автор выделяет две разные возрастные группы, имевшие разные стратегии взаимодействия со своим инокультурным контентом.

Ключевые слова: русская эмигрантская философия, адаптация, Бердяев, Шестов, Кожев, Койре, Гурвич.

V. I. Krasikov

RUSSIAN EMIGRANT PHILOSOPHY IN 1920–40S: ADOPTION INTO THE COMMUNITY OF WESTERN EUROPEAN INTELLECTUALS

The article researches the phenomenon of adoption of Russian émigré philosophers into Western European philosophical communities. The author identifies two different age groups that had different strategies of interaction with their alien cultural content.

Keywords: Russian émigré philosophy, adoption, Berdyaev, Kojév, Koyre, Gurvich.

Философия в своих наиболее развитых рефлексивно-концептуальных проявлениях стремится и, в большинстве случаев, достигает космополитического, общечеловеческого уровня. Это предстает в виде перехода некоторых национальных систем мысли в интернациональное качество единой (одной) мировой философии. В умозрительную цепочку, возникающую в головах историков философии, выстраиваются «блоки», прежде «национальной», но затем ставшей «интернациональной»: древневосточной, античной,

европейской (французской, английской, немецкой) мысли.

Отечественная философия молода и незрела, имела лишь чуть более столетия развития на академическо-институциональной основе (прерываемого постоянными погромами со стороны реакционного режима) до того, как она была уничтожена окончательно в своем прежнем качестве – теперь уже революционными радикалами, впервые в истории России захватившими государственную власть. Большинство более или менее

⁴ Статья подготовлена при финансовой поддержке и в рамках выполнения научно-исследовательского проекта № 2.1.3/4245, Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы» 2009–2011 гг. Министерства образования и науки РФ, Федерального агентства по образованию.

значительных мыслителей были высланы за границу, что позволило добиться – заметим: эксклюзивно вообще в мировой истории – некоторых, довольно внушительных результатов.

→ Сохранились, сплотились, сумели творчески самореализоваться и в зарубежье люди, создавшие интеллектуальный проект «русской религиозной философии» в первых десятилетиях XX в. Однако само время их пребывания в пространстве интеллектуального внимания здесь лимитировалось биологическим сроком их жизни, ибо людские ресурсы консервативной и ресентиментной в своей основе эмиграции были мизерны для появления новой самобытной поросли мыслителей-учеников. От России, истинно живительной своей почвы и мощного потенциала дальнейшего возможного развития, они были безнадежно отрезаны до 90-х гг. Когда состоялось посмертное их возвращение – сама Россия стала уже совсем иной.

→ Мыслители следующего поколения смогли – в почти обязательном противостоянии авторитетам (людям «серебряного века») – создать две новые самобытные интеллектуальные группы (евразийцев и неопатристики), предложившие качественно иные стратегии развития русской социальной и богословской мысли.

Само по себе это уже позволяет говорить о феномене самостоятельной русской эмигрантской философии – отделенной как от советской марксистской философии, так и от окружающей ее западноевропейской. Подобная сознательная отделенность и даже противопоставление вряд ли способствовали ее подъему – до искомых высших образцов философского творчества общечеловеческого уровня.

Однако оказались среди наших мыслителей, особенно нового поколения, люди, которые поставили себе целью профессиональную самореализацию на новой родине –

в среде западных интеллектуалов. Тем более, что у них перед глазами стоял поучительный пример успешной адаптации двух «стариков»: Н. Бердяева и Л. Шестова. Последние обладали двумя ценнейшими для адаптации качествами: а) прекрасно знали европейские языки и обладали талантом коммуникации (результат привилегированного воспитания); б) были индивидуалистически и космополитически настроены.

Бердяев вообще стал самым известным из русских философов, которые себя позиционировали именно как «русские». Славу ему принесло небольшое произведение, в котором он, предвзято последующие тренды экзистенциалистской критики, писал о конце «дневной и рационалистической» истории Нового времени и переходе к современной, которую и назвал «новым средневековьем». Это эпоха, когда с мира был сорван обманчивый покров благоустроенности, когда «обнажаются первореальности», а вопрос об отношении к Богу становится вопросом судьбы человечества. Наступает варваризация, кризис индивидуализма, господство масс и вырождение культуры, крайняя поляризация сил, выступающих за и против Бога, что обуславливает неопределенность будущего. «Новое средневековье» стало интеллектуальным бестселлером, было переведено на десятки языков. В «Самопознании» он сокрушался, что известен широким кругам западных интеллектуалов именно через «Средневековье», другие же идеи, которые он полагал самыми важными в своем творчестве, не вызывали особого интереса. То же самое, возведенное еще в большую степень непонимания и отсутствия интереса, можно отнести к русским религиозным философам, не владевшим в столь свободной манере языками и настроенным религиозно-холистически (Булгаков, Франк, Вышеславцев, Зеньковский и др.)

Люди принимают лишь то, что они сами хотят и на что настроены. 20–30 годы во Франции – эпоха «странного свечения» (термин Г. Марселя), исчезновения старой природы и наступления нового, своего рода «сумерки» – когда начиналось движение интеллектуалов к новой персоналистической метафизике, к обновленному католическому спиритуализму. Бердяев, как страстный приверженец личностного начала, творчества и свободы, стал своим в высших интеллектуальных кругах французской философии и литературы, организованных в таких общественных институтах, как «Союз в защиту истины», знаменитые декады в Понтины и журнал «Эспри». «Независимые, гибкие и творческие умы», верующие и неверующие, рационалисты и мистики, представители разных профессий и конфессий встречались на этих собраниях и лекциях, обсуждали выступления, новые интересные книги и значительные события [1, с. 112]. Э. Мунье, Г. Марсель, М. Мерло-Понти интенсивно и охотно общались с Бердяевым, признавали его влияние и сделали его одним из брендов своего движения «персонализма» или «религиозного экзистенциализма».

Тоже самое происходит и с Шестовым. В 20–30-е годы он пишет свои главные произведения, посвященные ключевым героям западной духовной традиции – тем, в ком он видел близкий себе дух высшего экзистенциального напряжения, внутренней борьбы, бунта против любой метафизики или теологии, утверждающей успокоительно закономерное устройство бытия: библейский Иов, Плотин, Паскаль, Лютер, Кьеркегор. Эти труды приносят ему европейскую известность. Он также входит в само средоточие европейского философского мейнстрима – завязывает переписку и личное знакомство с Гуссерлем, Хайдеггером, Бубером и Карлом Бартом. Шестовские идеи, богоборческие и

индивидуалистско-анархистские, оказываются созвучны нарождающемуся атеистическому экзистенциализму, а их автору присваивается эмблема одного из его главных предтеч.

Как мы видим, Бердяев и Шестов, оставаясь в статусе «русских мыслителей» и продолжая активно участвовать в интеллектуальной жизни эмиграции, смогли, вместе с тем, войти и в элиту европейской философии, став здесь важными компонентами ее социальных сетей.

К этой же «группе адаптации» принадлежат и другие отечественные мыслители, почти на поколение моложе «классиков», достигшие также впечатляющих успехов, но реализовавшие себя в статусе уже западных философов «русского происхождения». Тем не менее, в отличие от других, еще более молодых ученых, коих родители увезли из России младенцами и которые реально выросли и профессионально социализировались уже на чужбине (Раппорт, Пригожин и др.), эти эмигрировали хотя и молодыми людьми, но уже успевшими впитать «русскость». Они выбрали стратегию «глубинного погружения» в новую культурно-интеллектуальную среду и возможно полной с ней самоидентификации. Молодой возраст существенно облегчил преодоление культурно-языкового барьера, однако главную роль сыграли настойчивость и целеустремленность – к иному, нежели замкнутый парцеллярный мир эмиграции. Нельзя сказать, что они избегали или чурались общения с соотечественниками, однако их приоритетом стали именно европейские дела, ценности и интересы. И они тоже стали первоклассными европейскими мыслителями – именно для европейцев, сохранившими вместе с тем и некоторые родимые пятна «русскости».

Самый яркий из них – Александр Владимирович Кожевников (1902–1968), ставший знаменитым как Alexandre Kojève, уехавший

из России восемнадцатилетним. Мальчик был из высокообразованной семьи, достаточно сказать, что он был племянником знаменитого Кандинского. Стартовые условия были блестящими, как и индивидуальные способности (полиглот). В 1921–1927 он проходит философские штудии, причем смолodu войдя в европейский философский мейнстрим, имея наставником не кого иного, как Карла Ясперса. И, что весьма характерно – защищает диссертацию по русской религиозной философии: о единстве божественной и человеческой природы Христа в интерпретации Владимира Соловьева. Другой русский эмигрант, его тезка, постарше на 10 лет, А. Койре, познакомил его с гегельянством, которое-то и стало впоследствии для Кожева пропуском в высший свет европейской философии. Всю жизнь он отличался радикализмом, причем какого-то биполярного, можно сказать ницшеанского свойства, импонируя и левым, и правым – главное чтобы это было против серости, филистерства и нудной размеренности бытия. Этим он напоминает и Бердяева, и, особенно, Шестова. Однако, в отличие от них, он моложе на два поколения, для него немецкий академизм уже не сакральный образец высшего внешнего духа. Более того, он выворачивает гегельянство на русский, экзистенциальный манер и завоевывает для «русской идеи» интеллектуальный Париж, контрабандой привнося на ниву французского картезианского дискурса разрушительные семена русского контр-просвещения. Вместо героев XIX века – молодых мечтательных провинциалов, приезжающих завоевывать Париж, после лекций Кожева французская литература заселяется новыми героями – людьми «ничто», лиминального опыта, неотвированной негативности.

Ставшими впоследствии легендарными его лекции по философии Гегеля в парижской Практической школе высших исследований

именно в 1933–1939 годы собирают всю литературно-философскую элиту Франции: Андре Бретон, Раймон Арон, Морис Мерло-Понти, Жан Лакан, Жорж Батай, Роже Гароди, Пьер Клоссовски, Жан Валь и др.

Софист и диалектик, демонстрирующий искрящийся и играющий философский стиль, одаренный магнетической способностью убеждать – так характеризовали лекции Кожева его восхищенные слушатели, будущие столпы французской феноменологии, сюрреализма, феминизма и постмодернизма. Можно говорить о *русском шлейфе* в его идеологии. Своими размышлениями о конце истории он продолжает традиции русской историософии, в частности, апокалиптическую традицию в русской литературе рубежа веков (Мережковский, Нилус, Соловьев, Федоров). В некотором смысле его мысли весьма созвучны предчувствиям этих мыслителей о скором приходе нового типа человека – «грядущего хама».

Александр Владимирович Койранский, как и Кожевников, сокративший свою фамилию до Койре (1892–1964), оказался за границей еще в более юном возрасте (с 16 лет), благодаря состоятельности семьи. Прекрасно владеет основными европейскими языками, получает раннюю высокочлассную, что очень важно, философскую инициацию в Германии (1908–1912) и Франции (1912–1914): слушает лекции Гуссерля, Гильберта и Бергсона. После пятилетнего участия в военных компаниях и в Европе, и в России, оседает во Франции, где становится своим в академической сфере. Как и Кожев, он становится известным посредством своей преподавательской деятельности – лекциям в той же Практической школе высших исследований, только на десятилетие раньше Кожева, и то знаменитое поколение будущих экзистенциалистов, сюрреалистов, тем более постмодернистов, еще пребывало более в своих

подростковых проблемах. Круги же католического персонализма, в которых вращался Бердяев и сциентистская, агностическая среда, составлявшая окружение Койре были принципиально не сообщающимися сосудами. Тем более, несоизмеримыми были интересы его как историка философии и науки – с религиозными темами философствования большей части эмиграции. Хотя он и не избегал чтения лекций в русских организациях, публикаций в русских журналах – исследований по И. Киреевскому, Герцену, Чаадаеву, гегельянству в России – все же его основные интересы и контакты были связаны скорее с социальными сетями французских философов (Э. Жильсон, Г. Башляр), с которыми его связывала впоследствии многолетняя дружба. Идеи Койре оказали прямое влияние на формирование постпозитивистского дискурса «исторической школы» в философии науки, прежде всего на концептуализацию таких понятий в методологии Куна, как «парадигма», «нормальная наука», «научная революция» [3].

Наконец, третий характерный фигурант поколения молодых российских обществоведов, которому также удалась полная адопция в круги западноевропейских интеллектуалов, – *Георгий Давыдович Гурвич (1894–1965)*. Он тоже обладал привилегированным происхождением (семья директора банка). Это позволило получить блестящее образование, летние углубленные занятия в Германии, где он усиленно знакомился с работами неокантианцев, особенно модных в те годы сре-

ди молодых обеспеченных интеллектуалов. Обучаясь в Петроградском университете, он познакомился, а затем подружился с философом С. Гессеном. Эмигрировав в 1920 году сначала в Берлин, затем Прагу, он, в конечном счете, оказался в 1925 году во Франции. Хотя он всегда участвовал в жизни русской эмиграции, однако, как Кожев и Койре, глубоко вошел в академическую жизнь Франции. С 1927 г. Ж. Гурвич начинает преподавать в Сорбонне. В этом знаменитом университете он по приглашению Л. Брюнсвика читал открытый курс лекций «Современные тенденции в немецкой философии». Потом, в 30-е годы преподавал и философию, и социологию в ряде городов Франции.

Оставался всю жизнь социалистом либерального толка (что у нас называлось меньшевизмом). Отсюда его интересы в социологии: социальное право, легитимность и автономия частных социальных групп. Вместе с Э. Морено, Э. Мейо, К. Левиным его рассматривают как одного из основателей теории малых групп. В своих социологических построениях Жорж тяготел к весьма абстрактным философским построениям (признак не только немецкого, но и русского стиля философствования), хотя по иронии самозачарованности мышления, он называл свое учение «диалектическим гиперэмпиризмом». И влияние Гурвича более всего сказалось на философам: концепции диалектики, развитой Ж. П. Сартром («Критика диалектического разума»), и на концепции генетического структурализма Л. Гольдмана [2, гл. 13].

Литература

1. Визгин В. П. Николай Бердяев и Габриэль Марсель: к феномену встречи // Вопросы философии. – 2010. – № 3, март. – С. 110–118.
2. История социологии в Западной Европе и США / отв. ред.: акад. РАН Г. В. Осипов. – М.: Изд-во НОРМА, Изд. группа НОРМА-ИНФРА-М, 2001. – 576 с.
3. Руткевич А. М. Немецкая философия во Франции: Койре о Гегеле [Электронный ресурс] / Институт философии РАН. Философские ресурсы. Системные требования: Adobe Acrobat Reader. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/hp/hp8/1.pdf> (дата обращения: 04.07.2011).

УДК 1

*В. С. Невелева, Е. Г. Милыева***АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ БРЕНДА**

В статье обосновывается актуальность философско-антропологического осмысления бренда как социокультурного феномена. Выделены основные этапы эволюции феномена и понятия «бренд». Обосновывается тезис о том, что бренд – один из важных инструментов для преодоления кризиса идентичности современного человека.

Ключевые слова: бренд, повседневность, индивидуальное бытие человека, идентичность, потребление, товар, массовая культура.

*V. S. Neveleva, E. G. Milyaeva***THE ANTROPOLOGICAL SENSE OF BRAND**

The urgency of philosophic-anthropological conceptualization of the brand as a socio-cultural phenomenon is proved in the article. The main evolution stages of the phenomenon and the concept «brand» are separated here. It's justified that brand is one of the important methods for the identity crisis negotiation of modern man.

Keywords: brand, routine, individual human being, identity, consumption, commodity, mass culture.

Проблема человека всегда была одной из центральных в философских размышлениях, но в начале XXI века она звучала по-новому. В условиях, когда, с одной стороны, стоит глобальный вопрос о существовании человеческой цивилизации, с другой, особенности повседневного бытия человека побуждают вновь искать ответ на вопрос «кто я?».

Развитие западноевропейской цивилизации привело к тому, что к началу XXI века повседневная жизнь человека обусловлена городским образом жизни, стремительным научно-техническим прогрессом, нарастающей экспансией информационных технологий, а вместе с ними и массовой культуры во все сферы человеческой жизни. На первый взгляд, такая жизнь столь многообразна, что каждый может найти себе в ней место. Своеобразный культ постоянных и необратимых социальных изменений, который, с одной стороны, делает жизнь человека все более

многоаспектной, заменяя верховенство практик материального потребления практиками самореализации, с другой, создает у человека ощущение нестабильности, хаотичности и непредсказуемости развития. Такая разнообразность хоть и интересна, но опасна, она не дает человеку чувства стабильности, не дает возможности осознания своей нормальной идентичности [5]. Многие исследователи отмечают, что современный человек вынужден искать причины этой нестабильности своего бытия, искать средства, которые помогут сделать его жизнь более спокойной, предсказуемой и стабильной, в то же время предоставив возможности для перспективы роста и развития личности. Эти обстоятельства определяют актуальность философско-антропологического аспекта исследования реальной жизни современного человека.

В подобном исследовании важен феномен кризисной идентичности, исследован-

ный американским психологом Р. Д. Лифтоном и названный им «*protean self*» [9]. Сущность этого феномена заключается в том, что в современном человеке одновременно существует несколько *я*, вплоть до противоположных друг другу, но каждое из которых постоянно готово вступить в действие. Протеевское *я* формируется, опираясь на вещи, созданные людьми, и на мнения людей. По мнению российского философа Г. Л. Тульчинского, занимающегося проблемами современной массовой культуры, именно так современный человек и существует в этой культуре, ценностями которой являются ценности комфортной и удобной жизни, основанные на принципе глубокой маркетизации всех общественных отношений (не только экономических, но и культурных в целом, включая научный поиск и художественное творчество). Если ранее, с глубокой древности и до Нового времени, формирование человека осуществлялось на основе идеалов и духовных ценностей западноевропейской культуры, то на сегодняшний день массовую культуру отличает «брендовый» способ организации ценностно-смыслового ее содержания, порождения и трансляции ее артефактов [6].

Именно поэтому одним из наиболее интересных феноменов современной культуры, сформированной на основе процессов потребления и обмена информацией, является бренд. Осмысление бренда как феномена бытия человека современного общества представляется важной исследовательской задачей в контексте философско-антропологического познания. Это обусловлено тем, что современное общество потребления и сопровождающая его массовая культура – исторически определенный этап развития западноевропейской цивилизации, не самый совершенный, но объективно необходимый. Следует

отметить, что именно современная массовая культура, насыщая чувственно-предметный уровень повседневного бытия человека, не дает ему покоя в потребленческих практиках, ставит перед невозможностью обретения «дома», что и побуждает к «преодолению границ», актуализирует духовные практики. Их суть и смысл определены С. С. Хоружим: «Духовная практика – это фундаментальный антропологический феномен, который заключается, кратко говоря, в том, что человек реализует в нем некоторое свое имманентное, ему присущее устремление к инобытию. Человек не соглашается с собой таким, каким он дан себе, со своей наличной данностью. И не соглашается он в самом фундаментальном главном смысле, в каком это возможно. Он не соглашается не с какими-то косметическими деталями своего устройства, даже не с какими-то деталями своего внутреннего мира. Он не соглашается с самим способом бытия, в котором человеку выпало существовать и в которое, как выражались экзистенциалисты, человек “заброшен” или “вброшен”» [7].

Термин *бренд* все активнее используется в практике российского бизнеса, в отечественных СМИ. Исследователи отмечают своеобразную экспансию этого термина, который еще в 1996 году упоминался в российских СМИ всего несколько раз. Любопытная динамика исследовательского интереса видна по статистике защищенных диссертационных исследований. По данным Всероссийской государственной библиотеки, в период с 2003 по 2010 год было защищено 62 диссертации, в темах и названиях которых использованы термины *бренд* или *брендинг*, причем основная часть из них была защищена после 2008 года по экономическим специальностям. По социогуманитарным исследованиям сложилась следующая картина – защищенных дис-

сертаций с указанным термином в названиях всего 10, из них: по психологии – 2, филологии – 2, культурологии – 1, социологии – 3, политологии – 2, но и они, скорее, посвящены некоторым вопросам прикладного характера.

Традиционно бренд воспринимается как маркетинговый ход в продвижении товара, но данный феномен гораздо сложнее и выходит за утилитарные рамки бизнеса. Многие маркетологи отказывают в значимости независимым социально-гуманитарным исследованиям бренда, но до сих пор прикладные исследования в сфере маркетинга не смогли в полной мере объяснить сущность этого явления, и на данный момент нет общепринятого определения бренда, и тем более не раскрыты особенности взаимодействия сторон в отношении «человек – бренд».

История становления бренда как феномена и изменения содержания понятия *бренд* должна быть соотнесена с историей становления западноевропейского капиталистического общества. В этом случае возможно выделить три характерных исторических этапа: 1) доиндустриальный; 2) индустриальный (XVI – середина XX в.); 3) **постиндустриальный** (конец XX – начало XXI в.). Несомненно, в каждый означенный период описываемый феномен отражает специфику отношений между производителем и потребителем.

Понятие «бренд» является языковой калькой с английского и переводится в качестве существительного «клеймо», «марка» или глагола «клеить». Первоначально то, что на сегодняшний день называют брендом, возникло в значении «клеймо», «тавро» в начале Средних веков во времена расцвета деятельности цеховых ремесленников. В этот период описываемый феномен, назовем его «пра-бренд», являлся гарантом качества продукта, неким проводником между производителем и потребителем и указывал

на персонализированные качества товара. В доиндустриальном обществе «пра-бренд» был символической формой закрепления отношения тождества производителя с его товаром. «Пра-бренд» символизировал некоего безликого производителя, а конкретного ремесленника, в товаре которого овеществлялись уникальные личностные характеристики мастера (мастерство, надежность, ответственность за произведенный товар). В результате между производителем и товаром, а затем – между производителем и потребителем формировалась устойчивая эмоциональная связь (связь на уровне личностно-окрашенного отношения, конкретно, индивидуально опосредованного товаром), образно говоря, получался товар с «человеческим лицом».

Следующий этап – развитие индустриального производства (от европейских мануфактур XVI в. до корпорации середины XX в.). При массовом производстве товаров личность производителя уже не играет существенной роли. Согласно концепции К. Маркса, в этот период товар, а не человек, становится главным действующим лицом на рынке, человек ценен не сам по себе, а в зависимости от того, каким товаром он владеет. Но при этом люди оказываются в ситуации установления собственной идентичности посредством социально значимых ориентиров (власти, славы, богатства), которые овеществляются в товарах. В то же время впервые у человека появляется возможность обретения идентичности, если в своем выборе в процессе потребления он опирается на индивидуальный идеальный образ качественного товара, образ, возникающий под влиянием социокультурных координат западноевропейского общества этого периода. Именно в этот период, в середине XX века, в рекламных маркетинговых исследованиях и возникает термин «бренд», понимаемый как специфический

инструмент продвижения товара на рынке (D. Aaker, D. Ogilvy, J. Traut и др.).

Но массовое производство, конвейерные технологии не могут удовлетворить человека в его потребности в эмоциональной связи с производителем и ощущении уникальности и единичности приобретаемой материальной или духовной ценности. Осознавая этот факт, производители постепенно начинают все больше учитывать особенности жизненного стиля потребителей, разнообразие содержания их жизни, в которой есть место не только стандартному, но и оригинальности, не только обыденности, но и возвышенному.

Третий этап эволюции феномена «бренд» соотносится с изменением повседневной человеческой жизни, с изменением потребительских практик и актуализации самовыражения, с превращением повседневной жизни обычного человека в такое искусство владения вещами, когда задача вещей не символизировать социальный статус, а передавать на своем языке индивидуальные вкусы, пристрастия, некую воображаемую биографию человека.

С момента своего возникновения термин *бренд* менял значение. Один из наиболее известных российских исследователей проблем бренда И. В. Крылов предложил такую ретроспекцию этих значений по мере возникновения в теории брендинга: образ марки в сознании покупателя (1956); механизм дифференциации товаров (1960); средство индивидуализации (1985); добавочная стоимость товара (1986); правовой инструмент (1987); идентификация товара покупателем (1991); идентификация компании-производителя (1992); система поддержания идентичности товара (1992); сущность, развивающаяся во времени, – от марки как концепции производителя до воспринятых покупателем функциональных и эмоциональных элементов товара (1996) [2, с. 91].

В настоящее время существует множество определений и характеристика бренда. Приведем несколько наиболее интересных для нашего исследования:

«Бренд – это больше, чем реклама или маркетинг. Это все, что приходит в голову человеку относительно продукта, когда он видит его логотип или слышит название» (классик американского брендинга David F. D'Alessandro, из книги «Brand Warfare: 10 Rules for Building the Killer Brand») [8].

«Бренд – это последовательный набор функциональных, эмоциональных, психологических и социальных обещаний целевому потребителю, которые являются для него уникальными и значимыми и наилучшим образом отвечают его потребностям» (наиболее авторитетный брендмейкер Валентин Перция, из книги «Анатомия бренда») [4].

«Бренд – это образ товара или услуги в индивидуальном сознании, определяющий покупательский выбор в конкретной товарной категории и ценовой группе» (И. В. Крылов) [3].

Во всех трех случаях бренд определяется в контексте отношения потребления, о человеке – участнике этого отношения речь ведется как о потребителе.

В дефиниции, предложенной Ю. А. Запесоцким в его диссертационном исследовании по культурологии «Символическая сущность бренда в современной культуре» бренд определяется как «целенаправленно созданный виртуально-информационный объект, фиксирующий сущностные признаки и свойства субъекта коммуникации» [1].

Для философско-антропологического исследования данная дефиниция представляет интерес, поскольку характеризует бренд через сущностные признаки и свойства человека как субъекта коммуникации.

В процессе коммуникации «бренд – человек» не просто анонсируется название

или предполагаемая выгода, в ней можно выявить много, что характеризует человека: его ценностные приоритеты, потребности, стремления.

У человека существует глубинная потребность в самоидентификации. Однако хрупкое осознание *я* нуждается в поддержке, поэтому люди окружают себя вещами, которые наполняют смыслом. Несомненно, бренд помогает человеку решить основную смысловую дилемму: как проявить свою индивидуальность, при этом оставаясь частью человеческого сообщества? Использование брендов, благодаря их особенностям, позволяет человеку выражать свое *я*, индивидуальные особенности личности. Таким образом, становится возможным вести речь о бренде как средстве самоидентификации,

с одной стороны, и средстве манифестации своей уникальности, с другой стороны.

Бренд, как обладающий символической природой устойчивый конструкт, заключающий в себе набор смыслов, может быть рассмотрен как своеобразный ценностный ориентир, регулятор в процессе осуществления человеком потребленческих практик, как материальных, так и духовных. В сознании человека формируется идеализированный образ товара или услуги, обладающих наибольшей ценностью для индивида. В процессе совершения выбора в существующем богатстве товаров и услуг человек при посредстве бренда легко устанавливает тождество своих идеальных представлений с наличествующей действительностью.

Литература

1. Запесоцкий Ю. А. Символическая сущность бренда в современной культуре: автореф. дис. ... канд. культурологии. – СПб.: СПбГУКИ, 2009. – 24 с.
2. Крылов И. В. Маркетинг. Социология маркетинговых коммуникаций. – М.: Центр, 1998. – 192 с.
3. Крылов И. В. Брэндинг в России быстро взрослеет // Рекламные идеи – Yes! – 2002. – № 4.
4. Перция В., Мамлеева Л. Анатомия бренда. – М.: Вершина, 2007. – 288 с.
5. Труфанова Е. О. Человек в лабиринте идентичностей // Вopr. философии. – 2010. – № 2. – С. 13–22.
6. Тульчинский Г. Л. Культура в шоке // Нева. – 2007. – № 2. – С. 128–149.
7. Хоружий С. С. Духовная и культурная традиции России в их конфликтном взаимодействии [Электронный ресурс] // Публичные лекции на Полит.Ру. – Полит.Ру, 1999–2011. Режим доступа: // <http://www.polit.ru/lectures/2004/09/28/horuzhiy.html> (дата обращения: 15.02.2011)
8. D'Alessandro David F. Brand Warfare: 10 Rules for Building the Killer Brand / David F. D'Alessandro. – N. Y.: McGraw-Hill, 2001. – 204 p.
9. Lifton R. J. The Protean Self. Human Resilience in an Age of Fragmentation. – N. Y.: Basic Books, 1993. – 272 p.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ SOCIO-CULTURAL ACTIVITIES

УДК 316

М. А. Ариарский

ВЫСШАЯ ШКОЛА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО ОБЩЕКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Статья раскрывает роль и место высшей школы в обеспечении общекультурного развития студентов. Иллюстрируя специфику культуры второго десятилетия XXI века, автор обосновывает механизм ее постижения, показывает пути и средства вовлечения формирующейся личности в мир культуры и социально-культурного творчества.

Особое место занимает раскрытие процесса инкультурации индивида и особой значимости формирования креативных качеств будущего специалиста как активного носителя культуры.

Ключевые слова: культура, культурная сфера, инкультурация, креативность.

M. A. Ariarsky

HIGHER EDUCATION AS A SOCIAL INSTITUTE OF ADVANCED GENERAL CULTURAL PERSONALITY DEVELOPMENT

The article highlights the role and place of higher education in providing the general cultural development of students. By illustrating the specific features of culture of the second decade of the 21st century, the author proves the mechanism of its perception, shows the ways and means of involving a shaping individual in the world of culture and social and cultural creativity.

The article focuses on description of the process of enculturation of individual and special significance of forming the creative skills of a future specialist as an active culture bearer.

Keywords: culture, cultural sphere, enculturation, creativity.

Определяя роль и место России в современном мире и выявляя объективные возможности модернизации страны на ближайшие десятилетия, политологи, социологи, экономисты, футурологи, отечественные и зарубежные мыслители практически едины во мнении, что решающим условием ее успешного развития выступает не огромная территория, не богатство недр, не экспортирование нефтегазовых ресурсов, а человеческий фактор, отраженный в уровне образованности населения, в духовном богатстве

общества, в верности лучшим национально-культурным традициям населяющих ее народов, аккумулированным в культуре. Именно культура доказала свою способность быть стержневой основой социального прогресса, ведущей силой общественного развития, локомотивом внедрения достижений науки и техники креативно-информационной эпохи, обеспечения более высокого качества жизни.

В России культура всегда занимала особое место и играла исключительную роль в жизни людей. Однако конкретная эконо-

мическая, политическая, социальная ситуация активно сказывалась на типе культуры и специфике ее функционирования.

Способность умело управлять культурными процессами продемонстрировало сталинское руководство страной, сумевшее коммунистическими мифами, материальными и социальными поощрениями превратить многих писателей, артистов и иных популярных людей в активных пропагандистов политизированной культуры. Иезуитская манипуляция культурой проявилась даже в 1937 году, когда репрессии против миллионов россиян прикрывались помпезными торжествами в честь А. С. Пушкина, финансовыми вливаниями в творческие союзы, государственной поддержкой системы образования, эстетическим всеобучем детей, принятием Конституции, провозглашавшей общедоступность ценностей культуры.

Сегодня в стране формируется новый тип культуры, существенно отличающейся от советского периода отечественной истории. Эта культура свободна от идеологического диктата и теоретических догм так называемого научного коммунизма. Она не исключает, как советская культура, ценности российского зарубежья (от И. Бунина и В. Набокова до Э. Неизвестного и других бывших граждан России, оказавшихся в США, Германии, Израиле, Швейцарии или иных странах мира); не отгораживается «железным занавесом» от мирового сообщества и его культуры; строится на принципах свободы, гласности и восприятия личности как высшей ценности общества. Вместе с тем, современная культура, в условиях, когда общество еще не сформулировало научно обоснованные цели своего развития, испытывает естественные трудности с четким определением траектории своего движения и не может в полной мере рассматриваться как исторически развивающаяся целостность.

Для современной высшей школы принципиально важно содействовать становлению нового типа культуры, отвечающего требованиям креативно-информационной эпохи и модернизации России в соответствии с критериями научно-технического прогресса, широкой демократии и высокоэффективного управления государством и его регионами. В первую очередь, ей необходимо раскрыть гуманистическую картину мира посредством достижения синергетического эффекта разных областей гуманитарного знания о достижениях современной цивилизации, основанных на взаимодействии человека и общества.

Не менее важно для оценки современного типа культуры научно осмыслить последствия изменений образа жизни людей в условиях развития телевидения, широкого внедрения электронных носителей информации и активного вхождения Интернета в жизнь каждого человека.

Выявление сути, природы и специфики культуры второго десятилетия XXI века — одна из кардинальных задач культурологии и всей отечественной науки, но еще более актуальной задачей представляется научное обоснование методологии и методики обеспечения процесса развития культуры общества и каждого его члена, формирования культурной компетентности личности, ее способности ориентироваться в пространстве культуры, жить принципами культуры, определять критериями культуры свое место в окружающей действительности, пути и средства личного саморазвития.

Культура объективно утвердила себя как генератор прогресса и локомотив общественного развития, по праву стала ведущей силой общества. Исключительную роль приобретает креативность населения, его способность, опираясь на общекультурное развитие и профессиональное мастерство, творчески решать назревающие проблемы во всех сферах деятельности.

Превращение Соединенных Штатов Америки в ведущую супердержаву мира, в первую очередь, стало результатом сложившихся традиций активности ее первооткрывателей, без проявления коих они не могли бы выжить на новых землях, и ставшей более чем за двести лет нормой бытия всеобъемлющей конкуренции, которая весьма далека от принципов гуманизма, но объективно играет существенную роль в утверждении культуры инициативной позиции каждого американца. Активность воспринимается в США как неотъемлемое качество личности и условие его социальной успешности. Все это детерминировало бесспорные достижения страны в эффективности менеджмента и применении высоких технологий, однако главным при этом стало формирование менталитета нации, адекватного требованиям креативно-информационного общества XXI века.

Совершенно иная ситуация сложилась в современной России, где сказывается сохранившееся влияние крепостного права, когда основная масса населения была лишена права распоряжаться не только судьбами Отечества, но и своей биографией. Не менее тяжелые последствия воспитания, основанного на низведении людей до роли винтика, включенного в единую, управляемую сверху, машину, оставил нам и Советский Союз, где каждый человек был ориентирован на то, что его активность правомерна лишь в границах претворения в жизнь решений партии и правительства. Обладая социальной защищенностью на уровне минимального прожиточного уровня, советский гражданин был максимально отдален от естественного права планировать и организовывать свою жизнь. И это объективно привело к социальной пассивности. Парадокс России начала третьего тысячелетия проявляется в том, что, обладая великими традициями духовности и достаточно высоким по мировым стандартам уровнем культуры и образования, она испытывает жесточайший дефицит менеджеров всех

уровней и не может в полную меру реализовывать свои естественные ресурсы. Этим правомерно объяснить и то, что не только Германия или Япония, но даже бывшие союзники в Центральной Европе, не обладающие такими природными богатствами как мы, менее болезненно осуществили перестройку общественных отношений и существенно обгоняют нас в темпах экономического развития и повышения качества жизни населения.

Определяя условия эффективного включения страны в информационную цивилизацию и усиления ее роли как одной из ведущих держав мирового сообщества, нельзя не видеть особой значимости преодоления ошибок системы воспитания и необходимости сконцентрировать внимание общества на развитии социальной активности всех групп населения, на формировании креативности нации, на стимулировании творческих потенций каждого россиянина. Решение этой задачи требует политической воли законодательной и исполнительной власти, целенаправленных действий институтов гражданского общества, коренного обновления методологии и методики воспитательного воздействия системы образования. Особое место в этом процессе должны занять культура и социально-культурная деятельность, сама природа которой предполагает непреложную активность ее участников.

Моделью человека XXI века должна стать креативная личность, однако ее появление нельзя ограничивать влиянием естественной среды. Обладание креативными качествами может быть лишь результатом последовательного, педагогически выверенного воздействия на сознание и чувства индивида, поэтапного приобщения его к миру творчества и реализации своих интеллектуальных, организационных, коммуникативных и эмоциональных потенций. А это, в свою очередь, диктует необходимость научно осмыслить методику этого процесса, привести ее в соответствие с закономерностями развития лич-

ности и спецификой содержания и характера обучения и воспитания в современной высшей школе.

Сверхзадача любого вуза ныне проявляется в вовлечении человека в мир культуры. Содержание этого процесса в основе своей составляют самые разнообразные формы культурной деятельности, а методика осуществления строится на педагогике сотворчества, на принципах педагогической культурологии.

Определяя специфику постижения ценностей культуры, Ханс Георг Гадамер указывал на принципиальное отличие этого процесса от процесса усвоения знаний в области естественных наук. В физике, химии, биологии происходит приращение знания; в культуре – непреложно вовлечение в мир ее ценностей. Законы математики можно выучить, явление культуры необходимо пережить.

Вступление человечества в информационное общество XXI века ставит перед вузами сложнейшую проблему подготовки индивида к жизни в поликультурном мире, где личность, сохраняя идентификацию с определенной культурой, вырабатывает в себе способность усваивать общечеловеческие ценности, пользоваться возможностями мировых информационных систем, общаться с представителями разных культур.

Переход к антропогенной цивилизации предопределяет необходимость познать живую природу, и в первую очередь человека, проникнуть в тайны творческих способностей личности, независимо от ее социальных или профессиональных функций. От человека умелого, владеющего технологией производства, современное общество переходит к человеку творящему.

В определенных ситуациях поведение и деятельность человека обуславливается нормами права, религиозным верованием, уставами общественных организаций, правилами внутреннего распорядка трудовых коллективов, воинских частей или учебных

заведений. Культура же носит всепроникающий характер и детерминирует поведение индивида во всех сферах жизнедеятельности – от сферы производственно-экономических и общественно-политических отношений до форм самовыражения личности на новогоднем балу, в туристической поездке, на пляже или в интимном супружеском общении. Готовность человека соответствовать требованиям культуры в каждом конкретном виде социальной или семейной жизни предопределяется всей системой его обучения и воспитания, всей жизненной практикой, в процессе которой индивид закрепляет культурологические знания и преобразует их в убеждения, нормы, принципы поведения. А методология и методика решения этой задачи разрабатывается и реализуется педагогической культурологией.

Основу информационного общества составляет производство знаний и информации, гуманистически ориентированные высокие технологии, создание планетарной взаимозависимой глобальной экономики, перспективно-долгосрочное планирование, децентрализация экономики и политики, опирающаяся на демократию, самообеспечение и самозанятость. Однако его ведущей базой должна стать личность человека, что соответственно требует от высшей школы разработки и реализации эффективных методик формирования у людей креативного мышления и способности креативного творчества.

Конкретизируя роль современного вуза в общественном развитии личности, в первую очередь, целесообразно видеть ее:

– в обосновании технологии гармонизации отношений человека с природой, осуществления такой системы ноосферного, экологического, а по существу гуманистического образования и воспитания, которая утвердит новую систему ценностей, основанную на гуманистической парадигме экологической культуры, способной сохранить биосферу и ее главное составляющее – самого человека;

– в раскрытии механизма погружения человека в социально-культурную среду через освоение системы научных знаний и ценностей литературы и искусства;

– во внедрении эффективных методик формирования способности человека в процесс непрерывного образования постигнуть высокие технологии современного производства и информационного обеспечения социального прогресса, познать себя, утвердить себя, реализовать свои творческие потенции.

Модернизация и особенно ее вершина, проявляющаяся в озарении нового и вдохновении при его внедрении, требуют талантливых, креативных исполнителей. Но, как точно заметил М. Б. Пиотровский на заседании Президиума Госсовета, Президиума Совета по науке и президиума Совета по культуре при Президенте Российской Федерации, проходившем в подмосковной Истре в апреле 2011 года: «Для того чтобы таланты родились, необходима почва. Для того чтобы они выжили, нужна среда. Для того чтобы от талантов был толк, необходим соответствующий уровень культуры общества».

Понятие «культурная среда» достаточно емкое и сложное. Идеальная культурная среда – например, Санкт-Петербург, где человек находится в окружении бесчисленных шедевров мировой культуры, может пройтись по набережным Невы, увидеть разводку мостов, побывать на сотнях спектаклей, концертов, представлений, праздников, экскурсий, зайти в «Дом книги» или подняться в белую ночь на колоннаду Исаакиевского собора.

Ресурсная база культурной среды – фактор чрезвычайно важный. Трудно переоценить значимость возможности любоваться шедеврами человеческого гения, собранными в Эрмитаже, Царском Селе, Павловске или Петергофе, побывать на спектакле в Мариинском театре, концерте в филармонии им. Д. Д. Шостаковича или Академической капелле, постоянно находиться в окружении людей, унаследовавших замечательные

традиции многонационального, многоконфессионального, открытого к добру Санкт-Петербурга. Однако, сам факт проживания в городе на Неве еще не свидетельствует о культуре человека.

Культурная среда – это личная библиотека, телевизор, Интернет, электронные носители музыкальной, изобразительной и иной художественной информации; интерьер квартиры или комнаты, но, главным образом, это окружающие человека люди, которые несут определенную культурную информацию и порождают соответствующий стиль и уровень духовной жизни.

Наиболее эффективно воздействие культурной среды проявляется в студенческие годы. Между тем, многочисленные опросы, осуществленные нами за последние тридцать лет, подтверждают, что значительная масса студентов за период обучения не побывали ни на одном оперном или балетном спектакле, не посетили ни одного концерта симфонической музыки. Если бы посещение Эрмитажа и Русского музея не входило в программу обучения курса «Культурологии», который читается не только в гуманитарных, но и в технических вузах, то, скорее всего, и эти музеи, так же как опера, балет, музыкальная классика, не вошли в круг интересов многих молодых людей.

Учитывая это обстоятельство, есть все основания утверждать, что культурная среда – не только и не столько объективная база, позволяющая извлекать духовные ценности. В гораздо большей мере это то, что интериоризовано, освоено человеком, что влияет на его облик, порождает в нем высокие нравственно-эстетические чувства.

Опыт российского образования свидетельствует, что культурную среду студентов надо последовательно и целенаправленно формировать, и решать эту актуальную задачу необходимо не менее ответственно, чем строить собственно образовательный процесс.

Можно спорить о достоинствах и недостатках организации и содержания обучения в школах, гимназиях и университетах Западной Европы или США. Но нельзя не отметить, что, например, в Америке жизнь школьника или студента заполнена искусством и спортом. В большинстве школ и в любом университете имеются свои стадионы и театрально-концертные залы. В каждом американском вузе есть представляющая его на различных соревнованиях баскетбольная команда, симфонический оркестр, функционируют десятки спортивных секций и клубов по интересам. Подобная картина характерна и для учебных заведений Великобритании, Германии, Франции, Швейцарии, Австрии, Финляндии, Японии.

У понятия «культурная среда» имеется немало толкований: от совокупности учреждений культуры как ресурсной базы этой среды до креативно-интеллектуального наполнения дружеского общения. Вместе с тем, существует проблема, которой, к сожалению, не уделяется должное внимание – мало окружить себя атрибутами культуры, нужно уметь ими эффективно пользоваться.

Прекрасно, когда у вас имеется большая библиотека, но гораздо важнее, что вы ежедневно прочитываете не менее 100–200 страниц беллетристики или журналистики. Сегодня практически у всех есть телевизор, но далеко не каждый избирательно относится к содержанию программ. Почти у любого молодого человека или девушки имеются диски с аудио- или видеозаписями. Но одно дело, когда на них представлены высокая поэзия в гениальном исполнении В. И. Качалова, М. И. Бабановой, А. С. Демидовой или музыкальная классика, и совсем другое, если сомнительные остроты Евгения Петросяна или программы «Comedy Club». Через Интернет можно скачать ценную научную или политическую информацию, а можно – порнографию... Немаловажно, насколько посетитель

музея способен осмыслить суть его экспозиции, зритель театра – оценить художественные достоинства спектакля, а читатель – отличить творения классиков от «женских романов» или непритязательных детективов.

Одна из узловых и наиболее сложных задач высшей школы связана с формированием у студентов системы ценностных ориентаций.

Специфика общечеловеческих, национальных, региональных или иных ценностей культуры проявляется в том, что они интегрируют в себе не только необходимое, но и желаемое, не только нормы, но и идеалы, которыми живет данное общество. Ценности культуры нельзя навязать силой. Добро, любовь или дружеские отношения могут быть результатом только свободного, активного, интериоризированного, личностно осмысленного выбора. Эти ценности нельзя заставить принять или отвергнуть, они должны быть восприняты сердцем, а это предопределяет необходимость сделать стержнем вовлечения человека в мир ценностей культуры методику воздействия на его эмоциональную сферу. Сверхзадача любого вуза проявляется в том, чтобы превратить ценности культуры из «вещи в себе» в «вещь для нас», реализовать созидающий потенциал культуры, сделать его доступным каждому человеку.

Придавая желаемую направленность духовным устремлениям индивида, высшая школа ориентирует его на сформированные веками идеалы, интегрирующие в себе представления о человеческом совершенстве. Весь процесс становления личности и вовлечения ее в мир культуры предполагает постоянное и последовательное стремление к идеалу, однако достичь абсолютного совершенства никому не дано, ибо, потеряв перспективу, общество остановилось бы в своем развитии. Учитывая это, педагогическая культурология, обеспечивая реальные процессы социализации, социализации, инкультурации и самореализации личности, концентрируется

на нормативных образцах, отражающих сложившиеся в обществе эталоны, на которые равняются и которым стремятся подражать.

Каждая культура, каждая эпоха вырабатывает свои идеалы, свои эталоны, свои нормативные образцы. В истории человечества закрепились образы героев Эллады, скандинавских викингов, славянских дружинников, английских джентльменов, японских самураев, американских деловых людей. Наиболее полно нравственные эталоны общества находили свое выражение в литературе. Миллионы и миллионы людей стремились подражать героям Гомера, М. Сервантеса, В. Гюго, Д. Лондона, Д. Голсуорси, Л. Фейхтвангера, А. Сент-Экзюпери. Самый глубокий след в жизни ряда поколений оставили созданные Л. Н. Толстым образы Андрея Болконского и Пьера Безухова. Их характеры существенно разнятся между собой, но у них, равно как и у иных героев мировой литературы, есть немало общих черт – таких как трудолюбие, благородство, высокое чувство чести, активная доброта, деловитость, предприимчивость, скромность и т. д., – которые объединяют лучших представителей разных эпох и культур.

Попытки создать обобщенный нормативный образец личности как творения культуры и ее творца мы находим в Библии, в Коране, в других энциклопедиях человеческого гения, и это позволяет видеть конкретные ориентиры развития личности, формирования в ней наиболее ценных для культуры нравственно-эстетических качеств. При этом на каждом этапе исторического развития сохраняется значимость многих общечеловеческих черт, которые веками передаются из поколения в поколение, и в то же время появляются новые аспекты актуальной культуры, которые отражают требования данного времени. К примеру, в начале XXI века в нормативный образец человека, усвоившего принципы современной культуры и культурной деятельности, входят понятия «экологическая без-

опасность», «компьютерная грамотность» и многое другое, что обеспечивает переход к торжеству креативно-информационного общества.

Совокупность приемов и способов вовлечения человека в мир культуры, отраженных в педагогической культурологии, в последние годы обогатилась оригинальной методикой опоры на духовно-нравственные образцы, аккумулированные в персонифицированных символах культуры. В исследованиях А. С. Запесоцкого и А. П. Маркова в частности, убедительно показано, что в условиях принятия человеком идеала, влечение к совершенству становится не только внешней целью воспитания, но и внутренним свойством личности, основой духовно мотивированных действий. Действует идентификационный механизм, когда человек равняет себя на избранный идеал, стремится ему подражать в поведении, в деятельности, в отношениях с окружающими. Референтный образ выступает эталоном саморазвития, и чем он духовно богаче, тем эффективнее его культуросоздающее воздействие.

Счастье России в том, что в XVIII веке ее путь освещал гений М. В. Ломоносова, что на грани XIX и XX веков у нее был Л. Н. Толстой, что в страшные годы гражданской войны и белые, и красные, и зеленые преклонялись перед нравственным авторитетом В. Г. Короленко, а в период сталинского террора И. П. Павлов и П. Л. Капица находили в себе силы противостоять диктатору.

В годы перестройки и на первом этапе строительства новой российской государственности нас объединяли такие духовные титаны, как А. Д. Сахаров, Д. С. Лихачев, А. И. Солженицын. Потеряв их, мы осиротели, потому что на ответственной стадии выхода из кризиса и определения оптимальных путей дальнейшего развития страны оказались без признанных подвижников культуры, которые способны вести за собой, открывая новые, порой парадоксальные, но

единственно верные пути прогресса. В современной России немало ярких ученых и деятелей культуры, но эпоха «фабрика звезд», когда любая смазливая посредственность после нескольких выступлений по центральному телевидению может считать себя звездой, существенно девальвировало это понятие. У нас много искусственно сфабрикованных «звезд», которые уверовали, что им суждено купаться в лучах славы, но ныне практически нет бесспорно признанных лидеров, которые олицетворяют общество, на которых оно может равняться и за которым может следовать. Хочется верить, что история движется вперед, что она породит и успешных менеджеров, и первопроходцев в сфере культуры. Однако сегодня их дефицит очевиден.

Мировой финансовый кризис 2008–2009 годов нанес существенный ущерб экономике и социальной жизни, он заставил еще

и еще раз вернуться к проблеме эффективности реализации, заложенного в обществе созидательного потенциала. В первую очередь, это относится к культуре, которая интегрирует в себе конструктивные силы социума, стимулирует творчество личности, представляет собой оправдавший себя показатель качества жизни людей, их способность видеть прекрасное и жить по законам красоты. Выход из кризиса предполагает и качественно новый этап функционирования учебных заведений высшего образования, которые, опираясь на рожденные креативно-информационной эпохой новые технологии вовлечения студентов в мир культуры и социально-культурного творчества, могут внести весомый вклад в гуманизацию общественных отношений, в усиление роли культуры во всех сферах жизнедеятельности, в формирование столь необходимой сегодня креативной личности.

Литература

1. Гадамер Х. Г. Истина и метод. – М., 1988. – С. 39–58.

Мир СКД и СКД в мире

Интервью

с доктором педагогических наук, профессором кафедры Социально-культурной деятельности Алтайской государственной академии культуры и искусств

Светланой Борисовной Брижатовой

SCA World and SCA in the World

Interview

with Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Social and Cultural Activities of Altai State Academy of Culture and Arts

Svetlana Borisovna Brizhatova

1. Светлана Борисовна, сейчас проходит итоговая государственная аттестация студентов заочной формы обучения по специ-

альности «Социально-культурная деятельность», включающая защиту дипломных работ. Какие темы и направления научно-

исследовательской работы студентов являются наиболее актуальными?

- Наиболее актуальными направлениями являются темы, направленные на изучение форм, методов и средств совершенствования деятельности учреждений культуры в новых социально-экономических условиях. Следующим важным направлением является социально-культурная инноватика на муниципальном, региональном и федеральном уровнях. Не утрачивает актуальности проблематика разработки и реализации программ социально-культурного развития.

2. В последнее время во многих публикациях говорится о таком уровне профессиональной деятельности, как исследовательский. Более того, говорится даже об исследовательском типе социализации личности. В какой мере, на ваш взгляд, исследовательской является профессиональная социально-культурная деятельность.

- Исследовательский подход занимает все большее место в социально-культурной деятельности. Не только описания, но и исследования в социально-культурной деятельности требуют такие аспекты, как изучение традиционной культуры, культурные потребности и интересы различных групп населения. В современных условиях важно исследовать и различные стороны качества предоставляемых в сфере культуры услуг и управление этим процессом.

3. В связи с этим какие возможности для подготовки профессионалов в области социально-культурной деятельности содержатся в Государственных образовательных стандартах третьего поколения?

- Необходимо учитывать, что наша сфера социальная, культурная развивается в рыночных условиях. Таким образом, специалисты социально-культурной сферы должны учитывать особенности российских рыночных отношений. Несомненно, будут востребова-

ны специалисты информационных технологий, руководители, педагоги художественно-творческой деятельности, специалисты в области управления социально-культурной сферы, специалисты по работе с различными категориями населения (дети, молодежь, пожилые).

4. Какими компетенциями должен обладать бакалавр социально-культурной деятельности для того, чтобы не просто адаптироваться в учреждении культуры, но и быть способным к социокультурному проектированию работы этих учреждений?

- Знать методологию проектирования и программирования, уметь на практике разработать и внедрить социально-значимые проекты.

5. В связи с этим какие темы научно-исследовательской работы кафедры и соответственно студенческих работ наиболее востребованы практикой?

- Формирование региональной культуры, политики, культурной среды, сохранение и возрождение народно-художественного творчества, межэтнические отношения, развитие регионального туризма, формирование корпоративной культуры, исследование разнообразных социально-культурных технологий – культуроохраняемых, культуротворческих, этнонаправленных, информационно-просветительских и др.

6. Какое место в настоящее время занимает менеджмент социально-культурной деятельности. Какими управленческими компетенциями должен обладать выпускник вуза по направлению «Социально-культурная деятельность»?

- Это очень важное для социально-культурной деятельности направление, что находит отражение в государственной политике, приоритетах которой должна соответствовать социокультурная составляющая. Я считаю, что следует развивать ресурсную базу

этой составляющей. Естественно, надо использовать все ценное из зарубежного опыта, прежде всего из европейских моделей, но и учитывать особенности России (менталитет, традиции). Это и есть «отправная точка» менеджмента социально-культурной деятельности.

Что касается управленческих компетенций, то краеугольным камнем их формирования являются знания, умения и навыки. В ФГОС третьего поколения уже определены общекультурные и профессиональные компетенции для направления подготовки студентов «социально-культурная деятельность». Но я считаю, что в процессе обучения студентов в рамках этого направления в первую очередь следует думать о духовной составляющей компетентности специалиста в области социально-культурной деятельности.

7. Читателям будет интересно узнать, каковы перспективы развития социально-культурной деятельности в мире, Российской Федерации и в Сибири?

- Несомненно социально-культурная деятельность будет развиваться, выходить на новые, более высокие уровни своего развития, так как любое общество, государство, отрасль – это сложная система включения базовых ее элементов в систему, которая переживает определенные трудности в своем развитии, на которую влияют как объективные, так и субъективные факторы. От стабилизации объективных факторов напрямую зависит стабилизация развития социально-культурной деятельности, как и отрасли культуры в целом. Для развития которой необходимо (и давно) достойное государственное финансирование, подъем престижа профессии работника культуры, образования и науки. Естественно развиваться социально-культурная деятельность в Сибири и в России в целом будет не так активно, как на Западе,

по той простой причине, что разные объемы финансирования сложились еще в системе меценатства и спонсорства: не проработаны законодательно-правовая база по государственной поддержке культуры, чиновники не заинтересованы в поддержке культуры и искусства, устарели формы, методы и стили руководства (кабинетное руководство), часто чиновник от культуры не знает истинное состояние дел в сфере культуры, – данные вопросы обсуждались на многих международных, межрегиональных конференциях и симпозиумах. Но, к большому сожалению, отрасль культуры, социально-культурная деятельность, находятся в кризисном состоянии, так как для России характерно устойчивое кризисное развитие.

8. Расскажите, пожалуйста, об интересном опыте социально-культурной деятельности.

- В учреждениях социально-культурной сферы России накоплен опыт социально-культурной деятельности на различных уровнях: федеральном, региональном и муниципальном. В последнее время формы и методы реализации социально-культурной деятельности совершенствуются. Она осуществляется в национально-культурных центрах, центрах традиционной культуры, объединениях народно-художественного творчества. Развивается культурно-досуговая деятельность в дошкольных учреждениях посредством организации занятий, игр, использования элементов обрядовой и праздничной культуры. Особо обращаю внимание на преемственность социально-культурной деятельности на дошкольном и школьном этапах образования. Методике использования фольклора в дошкольных образовательных учреждениях посвящены разработки педагогов и ученых Алтайской государственной академии культуры и искусств.

В практике социально-культурной деятельности складываются новые направления. Во-первых, социально-культурная деятельность неформальных объединений, включая волонтерское движение, благотворительность, студенческие и другие молодежные объединения, например, движение «Поиск». Во-вторых, я бы обратила внимание на развитие услуг на дому в рамках социально-культурной деятельности. В-третьих, наметилась тенденция взаимодействия классических

университетов культуры и искусств. Также нельзя не отметить развитие методических центров по народному творчеству и досугу, в частности, такие направления их работы, как народное художественное творчество, методическое обеспечение социально-культурной деятельности и подготовка и переподготовка кадров для социально-культурной сферы. Особо отмечаю достижения в этой сфере всех регионов Сибирского федерального округа.

УДК 316

Г. Л. Рукша, Е. Л. Кудрина

МЕГАПОЛИС КАК СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

В статье рассматриваются современные урбанизационные процессы, связанные со становлением мегаполисов; исследуется специфика культурного пространства мегаполисов: социокультурная гетерогенность, диалогичность городского пространства, интенция на инновацию, преобладание интеллектуального характера духовной жизни в больших городах.

Ключевые слова: урбанизация, урбанизационные процессы, этапы урбанизационного процесса, культурное пространство мегаполисов, социокультурная гетерогенность, диалогичность городского пространства, интенция на инновацию.

G. L. Ruksha, E. L. Kudrina

MEGAPOLIS AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON

This article reviews current urbanization processes associated with the development of cities; the research is on specific cultural area of a megapolis: socio-cultural heterogeneity, dialogic urban space, intention to innovation, and predominance of intellectual nature of spiritual life in big cities.

Keywords: urbanization, urbanization processes, stages of urbanization processes, megapolitan cultural space, socio-cultural heterogeneity, dialogic urban space, intention to innovation.

Урбанизация стала одной из основных черт современной исторической эпохи. Она охватывает страны с различным строем и уровнем развития, определяя их экономический и культурный потенциал.

Активная деятельность человека по созданию городов формирует урбанизированную среду и новый тип городской социальной жизни. Город создает внутри себя и вокруг особую инфраструктуру, которая включает

в себя подструктуры, реализующие и обеспечивающие ее существование и развитие.

Урбанизация активно воздействует на все социальные сферы, выступая в роли средства преобразования жизни. Преобразованию подвергается географическое пространство и духовная сфера общества. Сложившиеся формы общения, взаимодействия людей оказывают глубокое влияние на горожан.

Ю. Ц. Тыхеева рассматривает урбанизационный процесс как «проявление определенного этапа территориальной организации общества, основными признаками которого выступают:

- преобладание центростремительной тенденции в размещении производства и расселении людей, что приводит к концентрации экономической и социальной жизни в крупных городах-агломерациях;

- наличие двух форм поселения (города и деревни) при явном преобладании города;

- существование социально-территориальных различий, то есть неоднородности условий жизнедеятельности в системе расселения» [7].

Кроме того, автор выделяет три основных этапа урбанизационного процесса:

- на первом этапе, наиболее продолжительном, этапе урбанизации, условно называемом «городской революцией», существует множество разнообразных городских поселений. Несмотря на отдаленность друг от друга, внешнее различие, расположенность на разных континентах, их объединяет одно: тесная связь городов с аграрным окружением;

- второй этап – самостоятельное развитие городов, опирающееся на внутренние, собственно городские, процессы. Внутри городов происходит накопление технико-технологического потенциала. Город развивается как центр ремесленной деятельности, тесно связанный с обменно-торговой деятельностью, и, вместе с тем, он оказывает преобразующее влияние на округу, вызывая новые социокультурные процессы. Городское и при-

городное пространства наполняются новыми смыслами, вырабатывается новый социальный и культурный исторический текст;

- третий этап – безудержный рост городов. Большинство населения планеты живет в городах. Города приобретают гигантские размеры, становятся мегаполисами.

Среди основных тенденций современного урбанизационного процесса социологи выделяют:

- рост доли городского населения: 73 % от общей численности населения – городские жители, 27 % – сельские жители;

- концентрация городских жителей в крупных городах и мегагородах.

Становление современного мегаполиса как специфического типа социальной и культурной общности обусловлено общими тенденциями формирования и развития городов.

Первые города появились около пяти тысяч лет назад. Социально-исторической предпосылкой их возникновения являлся общий кризис, дестабилизация родовых отношений, вызванные многими причинами: демографическим ростом деревни, междуусобными войнами, различного рода миграциями – всем, что вынуждало людей уходить из общины.

Города представляли собой предметно-территориальную форму интеграции новых хозяйственных, социальных и коммуникативных структур. Формирование города фактически означало создание новых форм социального общежития и нового образа жизни, где приходилось считаться с иногородними нравами и нормами. Человек постоянно должен был к чему-то приспосабливаться, что-то изменять, создавать, развивать. У городского сообщества и горожанина возникла инновационная способность и инновационная интенция – умение и стремление создавать новое: «Город выплавил новый тип общества – западную цивилизацию. Цивилизация – результат урбанизации. Города – точки пространства цивилизации» [5].

Фундаментальным для становления цивилизации феноменом городской жизни стало появление письменности, которая зародилась в городах и была связана с культурной гетерогенностью населения (степенью различия членов некоторой совокупности между собой). Возникновение письменности радикально изменило коммуникативное пространство древних городов, а затем и всего общества.

Значительной была и цивилизационная роль храмов. С них начиналось строительство поселений, которые в немалой степени, благодаря им, становились городскими. Храмы являлись центром идеолого-мировоззренческого пространства городов и местом концентрации «специалистов» – людей, специализирующихся в каких-либо отраслях знаний.

Масштабное разворачивание урбанизации в мировом пространстве с начала XIX столетия сопровождалось успешным ростом больших и крупных городов. Со второй половины XX века начал происходить беспрецедентный рост городов-гигантов. Эта тенденция отражала новый уровень, характер и состояние городского общества, которое становилось все более личностно-ориентированным, образованным, культурным, творческим и научно-интеллектуальным.

Из разнородной и количественно значительной категории крупнейших городов в самостоятельную группу выделяются мегаполисы (метагорода, города-гиганты, метрополитенские ареалы и т. д.).

Термин «мегаполис» (большой город) был впервые предложен французским исследователем Жаном Готтманном, который в 1961 году опубликовал книгу об урбанизированном регионе США, разместившемся на обширной территории от Бостона до Вашингтона и названном им «Мегалополисом».

В эту категорию первоначально входили города-миллионеры с населением от 1 до

2 млн человек. По мере разрастания городов в городские агломерации показатели-критерии, в соответствии с которыми город приобретал статус мегаполиса, увеличивались до 4, 8, 10 и более млн человек.

В 90-е годы XX века в справочниках ООН регулярно публиковались данные о городских агломерациях с населением более 8 и 10 млн жителей.

С 1950 по 1980 год количество городов-миллионеров в мире возросло почти в три раза – с 78 до 222. Современными учеными выдвигались прогнозы о том, что к 2010 году число мегаполисов достигнет 511, а к 2025 году их будет уже – 639.

Мегаполисы характеризуются концентрацией промышленности, деловой и интеллектуальной активности, транспорта, информационно-коммуникативных связей, управленческих функций, важных исторических и культурных ценностей и отличаются не только территориальной, экономической и политической развитостью, но и специфическим типом городского культурного пространства, определяющего менталитет, систему ценностей и образ жизни горожан и имеющего особые механизмы своего формирования и развития.

Культурное пространство мегаполисов имеет свою специфику. В современной философской литературе под термином «культурное пространство» принято понимать систему «результативных оснований человеческой деятельности и ее знаково-символического содержания, воплощенного в многообразных продуктах культурной практики человека» [1, с. 12].

Для понимания феномена культурного пространства важным является соотношение таких философских категорий, как культура, пространство и время. Если бытие культуры во времени представлено через систему «прошлое-настоящее-будущее», которая раскрывает смысл культурной преемственности, то пространственное представление культу-

ры характеризует уровень и степень взаимопроникновения разных культур. С этой точки зрения культура представляет собой некую систему, образованную множеством взаимодействующих друг с другом пространств культур.

По мнению А. Г. Букина, важнейшей чертой культурного пространства является неоднородность его составляющих – плюралистичность множества интересов, видов бытия, идей, взглядов, социальных институтов, не сводимых к чему-то единому и существующих независимо друг от друга, «наличие диалога пространств и культур, их объединения или пересечения в субъектах культуры» [1, с. 12].

Пространство культуры объединяет в себе материальное, физическое (ландшафт, климат, территорию поселения и т. д.) и символическое (язык, нормы, обычаи, ритуалы и т. д.) начала и выступает регулятором их взаимодействия.

Воплощенное в объектах особой деятельностью человека культурное пространство (или пространство культуры) – есть продукт сознания, мысли (человек мысленно ограничивает сферу своего бытия).

Пространство выступает одним из начальных базисов жизни. Именно пространственные представления создают мировоззрение, на основе которого возникает общая картина мира. Культурное пространство воздействует на человека через систему элементов. Представление о мире формируется у человека под воздействием окружающей его действительности. Посредством пространственных форм восприятия он осваивает и преобразует мир.

Культурное пространство раскрывает ценностно-нормативную систему культуры, воспроизводит глубинные культурные смыслы. Человек наполняет культурное пространство духовным содержанием. В свою очередь, культурное пространство воздействует на человека через внешние знаки (ар-

хитектуру, интерьер, костюм, этикет и т. д.), через изменение ритма жизни, через конструирование телесного облика человека.

Наиболее ярко культурное пространство воплощается в городском ландшафте. Создаваемое человеком городское культурное пространство обретает самостоятельное существование и развитие, рождает идеалы-каноны, влияет на поведение человека, регламентирует его внешний вид, представления и суждения об окружающем мире, создает индивидуальность, которая наделена основными характеристиками данной культуры.

Георг Зиммель рассматривает городское пространство как место соединения разнородных духовных элементов (взглядов, ценностей, смыслов), как совокупность «точек вращения»: горожанин «вращается в разных кругах», соприкасаясь с различными социокультурными мирами. Точка пространства – место локализации отношений по поводу обмена взглядами, центр кристаллизации новых социальных связей, возникающих вне-территориально [4, с. 1–12].

«Основаниями различия двух видов “мест” (территориальных и пространственных) являются:

- чувственная близость – интеллектуальная позиция и дистанция. Пространство – интеллектуальная сфера жизни, место возникновения и существования социальных различий;

- индивидуально-психическое – духовно – символическое. Пространство – семантическая сфера жизни: место существования взглядов, значений, смыслов, объективированных в знаках и символах;

- социальная статика (структура) – социокультурная динамика и мобильность. Пространство – место социокультурных инноваций» [4, с. 1–12].

Культурное пространство мегаполисов характеризуется рядом признаков, наиболее значимыми из которых являются следующие: *социокультурная гетерогенность, диалогич-*

ность городского пространства, интенция на инновацию, преобладание интеллектуального характера духовной жизни в больших городах.

1. Социокультурная гетерогенность

Социокультурное пространство мегагородов характеризуется предельной степенью социокультурной гетерогенности, социокультурной динамики, социокультурной сегрегации (отделения) и, как следствие, стохастическим, вероятностным характером городских изменений.

Условием совместного проживания в городах изначально являлся процесс коммуникации, необходимость выработки интересубъективных значений и смыслов как основы социокультурной интеграции. Интересубъективность мы употребляем здесь как особую общность между познающими субъектами, как условие взаимодействия и передачи знания (или – значимости опыта познания) одного для другого.

2. Диалогичность городского пространства

Город-гигант явлен человеку как субъект диалога. Интенция диалога – то есть способность к диалогу, готовность к нему – характеризует природу горожанина. Через диалог идет соединение качественно различных субъектов и феноменов, вырабатывается понимание «иного», возникают общие смыслы, нормы, ценности и конвенции.

Культурное пространство города выступает ареной взаимодействия множества различных субкультур. Это позволяет сохранять передаваемые из прошлого в настоящее и из настоящего в будущее ценности, нормы, образцы поведения, которые наилучшим образом способствуют воспроизводству городского образа жизни. Вместе с тем, внутри городской культуры возникают новые элементы, которые обогащают содержание культурного пространства города и обеспечивают непрерывное обновление присущего ему образа жизни.

Субъекты диалога в городе образуют сложную, постоянно изменяющуюся структуру. Возможным представляется условно выделить три основные группы: **городские сообщества** – объединения людей на основе общности проблем и образа жизни; **городские субкультуры** – особенности сознания и поведения различных молодежных объединений; **архитектонические образования городской среды** – предметно-территориальные комплексы, обладающие собственным смысловым содержанием, оформленным в особом текстовом материале.

3. Интенция на инновацию

Город изначально был ориентирован не на потребление и воспроизводство имеющегося вещества и информации, а на их переработку, создание принципиально нового продукта. Инновационность – и сущностная черта, и способ существования мегаполиса как социальной системы.

4. Преобладание интеллектуального характера духовной жизни в больших городах

По мнению Г. Зиммеля, познавательная способность человека основана на восприятии различий. Разницы между переживаемыми впечатлениями и непосредственно предшествующими. Устойчивые впечатления требуют меньшей затраты сознания, чем резкие границы в пределах одного моментального впечатления. Большой город создает именно такие психологические условия своим быстрым темпом и многообразием хозяйственной, профессиональной и общественной жизни. Глубокий контраст, который существует между жизнью большого города и жизнью маленького города или деревни, заключается в «количестве сознания», необходимого для восприятия разницы впечатлений. «Это и делает понятным преобладание интеллектуального характера духовной жизни в больших городах, сравнительно

с малыми городами, где больше требуется проявлений души и отношений, основанных на чувстве» [4, с. 1–12].

Развитие интеллектуального досуга в городах зависит также от наличия и эффективности систем коммуникации и ко-

ординации различных субъектов сферы культурно-досуговой деятельности как институциональных (государственных, коммерческих и ряда общественных структур), так и самоорганизованных досуговых объединений.

Литература

1. Бабаева А. В. Человек в городском культурном пространстве // Философия XX века: школы и концепции. – СПб.: Санкт-Петерб. филос. общество, 2001. – С. 27.
2. Букин А. Г. Культурное пространство и пространство культур (региональный аспект): автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. – Чита, 2006. – С. 12.
3. Галич З. Н. Глобализация и мегаполизация: новые пути перемен и переходов // Город в процессах исторических переходов: теоретические аспекты и социокультурные характеристики / отв. ред. Э. В. Сайко. – М.: Наука, 2001. – С. 291–292.
4. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. – 2002. – № 3. – С. 1–12.
5. Сайко Э. В. Город как среда и субстанция – субъект, образующий индивида // Мир психологии. – 1995. – № 4.
6. Социология города: учеб. пособие. – М.: Новый учебник, 2004. – С. 108.
7. Тыхеева Ю. Ц. Человек в городском пространстве (философско-антропологические основания урбологии): дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13. – СПб., 2003. – 335 с.

УДК 373. 22

В. Д. Пономарев

ИГРОВАЯ КУЛЬТУРА ПРАЗДНИКА: ОТ ФЕНОМЕНА К ПРОФЕССИИ

В статье раскрывается сущность феномена игры в праздничной культуре. Ключевым понятием профессиональной культуры специалиста является «игровая культура», которая определяет «понятийное поле» компетенций в области режиссуры театрализованных представлений и праздников. Игровая технология обосновывается как специализированная технология, обеспечивающая реализацию природы «человека играющего» в пространстве праздничных форм культуры.

Ключевые слова: игровая культура, компетенции специалиста, праздничная культура, игровая технология.

V. D. Ponomarev

PLAY CULTURE OF HOLIDAY: FROM THE PHENOMENON TO PROFESSION

The article reveals the essence of the play phenomenon in holiday culture. The key concept of specialist's professional culture is "play culture" which defines the "conceptual field" of competencies in the sphere of directing theatrical performances and celebrations. Play technology is established as a specialized technology providing realization of nature of a "playing individual" in space of holiday forms of culture.

Keywords: play culture, specialist's competencies, holiday culture, play technology.

Если обратиться к будущему системы высшего профессионального образования в сфере культуры и искусства в РФ, то ее концепция развития видится в определении – **«культура, основанная на знаниях»**. Такое определение в полной мере выражает **компетентностное измерение** этой образовательной концепции, что, в свою очередь, наглядно демонстрируют макеты образовательных стандартов третьего поколения.

Главные требования стандартов третьего поколения – это компетенции специалиста. Компетенция – способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области. В нашем случае – в области режиссуры театрализованных представлений и праздников. Соответствующие профессиональные компетенции специалиста в свою очередь выступают в качестве необходимой базы становления *профессиональной культуры* личности, которая соединяет высокую степень профессионального мастерства с общей культурой человека.

Какие же знания, умения и личностные качества определяют сегодня «понятийное поле» профессиональных компетенций специалиста в области режиссуры театрализованных представлений и праздников?

К уже сложившимся, устоявшимся, так сказать «непререкаемым» компетенциям можно отнести:

1. **Комплекс личностно-профессиональных качеств специалиста**, а именно – развитая способность к чувственному восприятию мира, образному мышлению, ярко выраженная творческая фантазия, творческие способности в том или ином жанре искусства.

2. **Профессиональные качества специалиста**, а именно –

а) знание истории и теории классической драматургии и мастерства актера, знание характерных черт театрализации как твор-

ческого метода в режиссуре массовых форм театральных искусства, игровой технологии праздничных форм культуры;

б) умение реализовать свой художественный замысел, как при написании драматургической основы (сценария), так и в процессе создания различных театрализованных или праздничных форм;

в) владение практическими навыками режиссуры и исполнительского мастерства актера, способами применения разнообразных средств художественной выразительности в процессе создания различных театрализованных или праздничных форм; владение приемами творческого монтажа документального и художественного материала, различных форм и жанров искусства, в целостную композиционно завершенную массовую форму театрального искусства; владение методами режиссерского анализа художественных произведений и произведений искусства.

С 80-х годов прошлого столетия существенно меняется соотношение творческих, инновационных и традиционных компонентов в стратегиях профессиональной деятельности. Это вызвано наступлением высокотехнологических, мировоззренческих и культурных алгоритмов, инноваций и динамизма. На первом плане культурного пространства появляются информационные технологии и медийное измерение искусства и культуры, концептуальное искусство, «творческие индустрии», основанные на прямом использовании традиционных ресурсов культуры.

Следовательно, при становлении профессиональной культуры специалиста – режиссера важно понять, на какой *профессиональный образ* человека оно нацелено. Профессиональный образ – это не только представление о форме и содержании профессиональной деятельности специалиста, необходимой степени его компетентности, а целостное видение образа жизни специалиста, связанного с дру-

гими формами и видами жизнедеятельности человека. Профессиональный образ специалиста утверждает ценность самой профессии и профессиональной деятельности, формирует профессионально-технологическую базу для развития «творческих индустрий» и нового качества социокультурной среды. Здесь необходимым и обязательным компонентом профессиональной деятельности является потребность в специалистах, способных создавать принципиально новые алгоритмы и технологии постановочной деятельности.

Технологический менталитет является важнейшим и во многом центральным компонентом современной цивилизации, необходимый для ее функционирования и развития «творческих индустрий».

К разряду существенных признаков понятия «технология» профессиональной деятельности могут быть отнесены:

1) целенаправленное *разграничение процесса деятельности на отдельные этапы и последовательно сменяющие друг друга операции*;

2) неперенным условием достижения искомых результатов деятельности становится *фиксирование способов выполнения каждой фазы и операции*;

3) соответственно, оптимальным условием достижения эффективности деятельности является *специализация деятельности в конкретных фазах процесса*;

4) специализация деятельности и вместе с этим *интеграция разнородных в прошлом видов деятельности в систему внутренне связанных процедур и операций*;

5) интегративность процесса профессиональной деятельности создает объективные условия для развития и использования *различных направлений научного знания*.

Следовательно, алгоритм соответствующей профессиональной технологии определяют следующие составляющие – цель и организованность (упорядоченность), по-

этапность действий, однозначность выполняемых процедур, существование предварительного знания о процессе, подлежащем технологизации, наличие пространственно-временного интервала, в котором реализуется конкретная профессиональная технология.

Существенной особенностью творческой технологии, в отличие от производственной, является следующее: преобладающая роль субъекта (человека, специалиста, режиссера) открывает возможность для многообразия (вариативности) проявлений (модификаций) одной и той же постановочной технологии. В постановочных технологиях однозначность должна проявляться лишь в общих требованиях к процессу, которые не лишают специалиста действовать творчески. Этим определяется *культуротворческая сущность игровой технологии праздничных форм культуры*.

Важнейшим понятием игровой технологии является «игровая культура», которая отражает объективные и субъективные параметры праздничных форм культуры.

Объективно – это игровая сфера праздника и формы празднично-игровой деятельности, игровые сообщества и празднично-игровые ландшафты, символическая сфера праздничной игры (праздничные атрибуты, знаки и т. д.).

Субъективно игровая культура раскрывается в игровой мотивации и игровом мироощущении человека, умениях и способностях игрового (творческого) поведения личности в условиях праздника, а также – профессиональной культуре специалистов.

В прикладном, практическом значении игровая культура праздника – это творческая, проектная деятельность специалиста по созданию игровых ситуаций и форм праздника на основе игровой технологии. Именно освоенные знания, полученные умения и сформированные навыки в области игровой технологии служат показателем профессиональной

компетентности специалиста и обеспечивают качество его профессиональной деятельности.

Теория и практика формирования игровой культуры специалиста, включает в себя: игрологию (область научного знания о феномене «игра»), методологию игровой культуры, аксиологию игровой культуры, пространство и время игровой деятельности, проектирование игровых сообществ, игровую технологию.

В социально-педагогической практике досуга праздник обретает статус социокультурного института, в условиях которого осуществляется включение человека в мир игровой культуры во всей ее полифункциональности: ценностном и эстетическом проявлениях, эмоционально-чувственном и интеллектуальном, социально-психологическом и педагогическом аспектах, разнообразных и вариативных формах празднично-игровой деятельности.

Употребляемый нами термин «праздничная игра» понимается в самом широком социокультурном контексте: праздник, представление, торжественная церемония, обрядовая игра, народное гуляние, ярмарка, семейно-бытовые формы праздника – все это суть составляющие праздничной культуры, где объединяющим началом выступает их игровая природа, – «человек играет тогда, когда он празднует бытие» [1, с. 400].

Основанием такого широкого толкования и понимания «праздничной игры» служит семантическая обусловленность праздничных форм с понятиями – «свободное время», «время отдыха», «время радости и веселья», «время особого торжественного настроя, пиршества», «время исполнения определенных ритуалов, отражающих историко-культурную память», «время исполнения религиозных культов» и т. д., – где ритуалы, шествия, обрядовые церемонии, сопровождаемые танцами, играми и хоровым пением создают неповто-

римую атмосферу, возвышенное и свободное мироощущение, а психологический «климат» праздничной игры как бы колеблется между торжественно-церемониальным и спонтанно-игровым настроением.

Театрализованная игра в профессиональной практике праздничных форм культуры уже неоднократно рассматривалась в качестве эффективного социально-педагогического и художественно-эстетического метода (Д. М. Генкин), организуя как художественно содержание праздничных форм культуры, так и творческую инициативу, деятельность участников. Художественно-образная система как выражение празднично-игрового мироощущения, духовно-эстетического, ценностного, эмоционально-чувственного начал находит свое выражение в семиосфере праздника (О. Л. Орлов).

Как празднично-игровая деятельность, театрализованная игра может выступать для одних участников праздника в качестве непосредственного активного занятия, а для других в форме праздничного зрелища. В этом случае театрализованная игра выполняет функцию социально-психологического резонатора (А. А. Конович), усиливающего и преобразующего переживания «человека играющего» в необходимый и адекватный эмоционально-праздничный настрой. А организационно-технологические принципы (Е. В. Руденский) обеспечивают функционирование всей празднично-игровой системы общения – принцип состязательности, принцип ритуализации, принцип зрелищности, принцип маскировки поведения. Вместе с тем для социально-педагогической теории и практики праздничной игры остается открытым вопрос преобразования эмоционально-чувственного состояния человека в факт его непосредственной игровой деятельности, т. е. вопрос адекватной социально-педагогической методики перехода «человека обыденного» в «человека играющего», человека празднующего.

Игровую технологию в этом случае необходимо рассматривать как *специализированную технологию* постановочной практики специалиста – режиссера театрализованных представлений и праздников.

Игровая технология – это система проективной (или проектной) целенаправленной деятельности по выявлению культурных, социально-психологических, педагогических и др. закономерностей, принципов с целью определения, выработки, конструирования и использования в режиссерской практике эффективных игровых моделей праздничного общения.

В целом стратегия профессиональной деятельности специалиста связана с последовательной и поэтапной реализацией положений, принципов, способов, приемов в определенной технологической системе, объединяющих природу «человека играющего» и праздничную культуру.

Методологический уровень. Методологический уровень игровой технологии по своим структурно-смысловым компонентам формирует «пространство» игрового знания. Это научные идеи и представления о *должном* в игровой культуре.

Простраивание специалистом собственной профессиональной деятельности возможно только на основе глубокой рефлексии, специалист должен *уметь* осуществлять ретро- и перспективную рефлексии собственной профессиональной деятельности. Однако *способность* специалиста простраивать (анализировать и проектировать) профессиональную деятельность, осуществлять рефлексии будет определяться условием овладения методологией, т. е. теорией профессиональной деятельности.

Такой теорией профессиональной деятельности в социально-педагогической практике празднично-игровой культуры, по нашему мнению, выступает *игрология*. Игрология, как теория игровой культуры, является для специалиста источником формирования

соответствующего *понятия* об игре, знания о пространственно-временной структуре игровой деятельности.

Организационно-функциональный уровень игровой технологии решает задачи проектирования и разработки составляющих игровой деятельности и игрового взаимодействия участников праздника.

Деятельностный уровень игровой технологии решает задачи обеспечения условий творчества «человека играющего» в праздничных формах культуры.

Игровые формы праздника, протекающие по своим законам – *искусственные* образования, которые проектируются, конструируются и моделируются специалистами; именно *референтная группа* игры (или референты игрового общения), как специальная группа участников, владеющих игровым знанием, обладающих коммуникативно-организующими навыками, является «транзитом» игровой культуры в праздничных формах.

Освоенные знания, полученные умения и сформированные личностные качества служат показателем профессиональной компетентности специалиста и обеспечивают качество его профессиональной деятельности:

1. Концептуальная компетентность, преодолевающая «методологические разрывы» в системе профессионального знания и игрологии, предполагающая понимание теоретических основ профессиональной постановочной деятельности.

2. Технологическая компетентность – умения и способности в области игровой технологии.

3. Личностная игровая культура специалиста – операциональные умения и способности в игровой сфере деятельности.

В современном технологически развитом обществе профессиональные знания умения и навыки – явления неустойчивые, быстро утрачивают актуальность своего содержания

и стабильное соответствие реальным процессам и явлениям в профессиональной сфере. Мобильность профессионального мышления и деятельности, преодоление стереотипов выступают здесь критериями эффективности профессиональной деятельности и, соответственно – профессиональным требованием к компетенции специалиста. Следовательно, профессиональная компетентность включает:

4. Креативность – способности специалиста к стратегическому мышлению в изменяющихся условиях профессиональной деятельности, предвидение перспектив и способность к инновационным решениям.

Профессиональная деятельность специалиста основывается на соответствующей технологической модели – игровой технологии, которая и составляет обеспечение его профессионально-практической деятельности, а связанные с ней *знания, умения и личностные качества* обозначаются как его *профессиональная компетенция*.

Игровая технология как структурная модель профессиональной деятельности специалиста определяет содержательные стороны творческого процесса, а именно – структуру, способы и этапы проектирования и постановки конкретных игровых моделей праздника.

Литература

1. Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня: пер. с нидерл. / общ. ред. и послесл. Г. М. Тавризян – М.: Изд. группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. – 464 с.

УДК 316

Л. И. Рудич

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ИННОВАЦИОННОЙ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ

В статье рассматривается социально-культурная деятельность как предпринимательская деятельность. Продукты, услуги, изделия социально-культурной деятельности и современного художественного творчества анализируются автором в качестве товаров. Обосновываются проблемы и пути развития предпринимательства в сфере социально-культурной деятельности.

Ключевые слова: социально-культурная деятельность, предпринимательство, автор-распространитель-государство-потребитель.

L. I. Rudich

ECONOMIC NATURE OF INNOVATION AND BUSINESS ACTIVITY IN SOCIO-CULTURAL SPHERE

The article deals with socio-cultural activities as business activities. Products, services, products of socio-cultural activities and modern art are analyzed by the author as of the goods. Problems and development of entrepreneurship in the sphere of social and cultural activities are defined.

Keywords: socio-cultural activities, entrepreneurship, author-distributor-state-consumer.

Среди многих проблем социально-культурной деятельности и современного народного художественного творчества проблемы с позиции предпринимательства едва ли не самые неизученные и сложные. В настоящее время это направление становится весьма актуальным. Немаловажное значение имеет определение места и роли предпринимательской деятельности в социально-культурной сфере как фактора социально-экономического развития территории, особенно на селе.

Это обусловлено как дальнейшим развитием, так и социальными проблемами, решаемыми государством в настоящее время, такими как удовлетворение растущих потребностей личности в самореализации, занятость части населения, особенно в районных и сельских поселениях, экономическими проблемами малых городов и сельских поселений, сложностями в развитии предпринимательской деятельности малого бизнеса в регионах.

Непосредственно предпринимательство в сфере культуры рассматривается в работах Т. Абанкиной, Т. Веселиной, Л. Рудич и Е. Утина, Е. А. Левшиной, А. Я. Рубинштейна, Г. Л. Тульчинского [4, 7, 8, 9, 10, 12]. Все они отражают отдельные аспекты предпринимательства в области культуры и искусства.

Данные свидетельствуют, что по мере развития рыночных отношений в экономике страны, предпринимательство все больше проникает в сферу культуры. Создаются частные культурно-развлекательные учреждения, в том числе структуры шоу-бизнеса, ночные клубы, частные культурные центры, частные музеи и так далее. Некоторые муниципальные органы власти передают подведомственные им учреждения культуры в долгосрочную аренду. В перспективе есть вероятность расширения приватизации некоторых из них. В силу этого готовность к предпринимательской деятельности работников учреждений культуры приобретает особое значение.

Кроме того, есть мнение, что сфера культуры, социально-культурная деятельность в настоящее время одна из наименее занятых ниш бизнеса. Это дает основание работникам учреждений СКД более основательно подготовиться к освоению инноватики и предпринимательства в данной сфере.

Важнейшая примета времени, на которую мы должны обратить внимание, – консолидация различных ведомств в единое семантико-философское поле, получившее название социально-культурная сфера. Социокультурная политика, социокультурные акции, социокультурные программы и так далее занимают все больше жизненного и экономического пространства. При этом **на первом месте стоит не просто культура, а социум**, т. е. достаточно четко определены государственные интересы – социальная направленность любого вида деятельности, в том числе и в сфере культуры [8].

В то же время сегодня понятно, что государство не в состоянии 100 % обеспечить обществу бесплатные услуги культуры экономически. Вступивший в силу с 1 января 2006 года 131 Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» реализован во всех региональных субъектах РФ. В результате этого нередко существование стало для значительной части учреждений культуры весьма сложным, и прежде всего, по причине неготовности менеджмента социально-культурной сферы к развитию инновационного подхода и предпринимательской деятельности. Дальнейшее развитие возможностей и свободы дал учреждениям социально-культурной сферы принятый «Закон об автономных учреждениях» и его детализация – Федеральный закон от 08.05.2010 № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреж-

дений», реализация которых осуществляется в настоящее время [1, 2, 3]. Принятые законодательные документы однозначно ставят перед учреждениями социально-культурной сферы развитие инновационного менеджмента и предпринимательства.

С экономической точки зрения рынок культуры и искусств состоит из художников, создателей творческих услуг, продуктов и изделий (далее – художников), потребителей и посредников, или распространителей.

1. Художникам, как творцам, свойственны в комплексе сложные мотивации: в основе художественного творчества, любви к прекрасному, стремлению к самовыражению, материальному благополучию и славе, потребности в уверенности в себе и прочие внутренние импульсы. Они испытывают сильное искушение быть услышанными и увиденными. Сегодня и в России с более общей точки зрения, можно сказать, что художники и все представители СКД в не меньшей мере стремятся получить за свой труд и моральное, и финансовое вознаграждение.

2. Потребители и разного рода меценаты выступают в роли спонсоров художника. Потребитель, спонсор, меценат поддерживают художника, отдавая ему свои деньги, время, эмоции и любовь. Более того вдохновенное приобщение к творческому производству является творческим актом, который обогащает и потребителя, и само произведение. В частности, произведения искусства подталкивают потребителя к тому, чтобы он переосмыслил или заново перепроверил свои мысли и чувства, а его спрос на произведения искусства обеспечивает рынок финансами.

3. Распространители устанавливают контакт между производителем и потребителем, вне зависимости от того, какой продукт поступает на рынок – туалетное мыло, буханка хлеба или соната Бетховена. Возникающая в результате взаимосвязь спроса

и предложения стимулирует творческий порыв и помогает распространению его плодов. Ни производители, ни потребители услуг и продуктов СКД не могут существовать друг без друга так же, как распространители не получают свою прибыль без удовлетворения нужд художников и потребителей [7].

Однако здесь следует отметить, что значительное число *учреждений СКД* создают условия для осуществления всех трех аспектов рынка культуры и искусства. Так в клубном учреждении создаются художественные произведения, прежде всего продукты народного художественного творчества (хореографическое, песенное, театральное, декоративно-прикладное искусство и т. д.). В этом случае они выступают производителями художественного продукта и им также свойственны все характеристики художников, приведенные Т. Коуэном (6). Клубное учреждение предназначено для потребителей и не может существовать без потребителей и меценатов (спонсоров), иначе это уже будет что-то другое, а не учреждение культурно-досуговой деятельности. Удовлетворение их потребностей стимулирует творческий порыв художников и помогает распространению их продуктов. Кроме того, учреждения СКД в значительной степени выступают распространителями, посредниками между художниками, потребителями и обществом в целом.

Так, все чаще учреждения СКД сталкиваются с тем, что участники самодеятельных художественных коллективов претендуют на финансовое вознаграждение, а отдельные стремятся сделать свое творчество доходным. Из этого следует важность предпринимательства в СКД как одного из способов получения дохода.

В Интернете была размещена статья Катинки Ван Дитрих [5], которая на основе проведенных исследований убедительно доказывает, что культура не является лишь

«нахлебником» экономики страны и считает такое утверждение несостоятельным. Прежде всего, К. Дитрих на примере оперного театра в Германии показала, что 26,2 % субсидий прямо или косвенно возвращаются к государству, и эти субсидии оказывают воздействие на экономику и граждан территории. Опосредованно государство (т. е. город, прилегающие общины и провинция), кроме того, получило: плату за проезд в автобусах и трамваях в театр, которые являются государственными или частными и платят налоги; плату за парковку автомобилей; налоги от предприятий, клиентами которых являются работники и посетители театра; сам театр как потребитель продуктов и услуг, необходимых ему для функционирования; персонал этого театра также платит подоходный налог в размере 14 %, они покупают товары. Было установлено, что оперный театр потратил в пользу различных предприятий с учетом всех составляющих 179 % от государственных субсидий, объем которых составлял 35,6 миллионов франков.

К. Дитрих считает, что значительное оживление экономики благодаря искусству – это следствие, а не причина. Причиной же является глубокая потребность человека активно или пассивно соучаствовать в различных видах искусства, творчества, т. е. самому заниматься творчеством или посещать музеи, театры, концерты, кино и т. д., или же приобретать видеофильмы, компакт-диски, книги и картины.

Способность к творчеству – как форма человеческого капитала – лежит в основе культурных индустрий. Рост производительности в искусстве или в иных сферах деятельности, главным образом, связан со способностью человека к творчеству, с «исполнительским мастерством» ученого, инженера или изобретателя. Американская индустрия развлечений дала такие блестящие примеры повышения роста производитель-

ности, по сравнению с которыми бледнеют достижения компьютерных фирм и инженерных компаний [7].

По имеющимся данным современный опыт показывает, что различные виды культурно-досуговой деятельности во всем мире занимают значительное место в экономике домохозяйств, частного предпринимательства, самореализации личности, а иногда просто в ситуации выживания. Так, известна в России судьба мастеров-иконописцев из Палеха, оставшихся без спроса на свою продукцию (икон) в 20–30-е годы. По рекомендации М. Горького, они стали изготавливать лаковые миниатюры с отражением сказочных, бытовых сюжетов. Именно эти изделия не только позволили Палеху выжить, но и принесли ему славу мирового центра лаковой миниатюры [12].

Основным субъектом предпринимательской активности выступает предприниматель. Однако предприниматель, не единственный субъект, в любом случае он вынужден взаимодействовать с потребителем, как основным его контрагентом и *государством*, которое в различных ситуациях может выступить в качестве помощника или противника, а также с институтами гражданского общества. И потребитель, и государство, и институты гражданского общества также относятся к категории субъектов предпринимательской активности, как и *наемный работник*, и партнеры по бизнесу (если производство не носит изолированного от общественных связей характера).

Во взаимоотношениях специалиста (творческого работника) СКД как предпринимателя и потребителей его продукции, предприниматель относится к категории активного субъекта, а потребителям свойственна, прежде всего, пассивная роль. При анализе сторон этих взаимоотношений *потребитель выполняет роль индикатора предпринимательского процесса*, поэтому все то, что со-

ставляет предмет деятельности предпринимателя, имеет право на реализацию только в случае позитивной (положительной) *экспертной оценки потребителя*. Такая оценка осуществляется потребителем и выступает как готовность последнего приобрести тот или иной товар. *Предприниматель, (а творческий специалист более всего) при планировании и организации своей деятельности никоим образом не может игнорировать настроения, желания, ожидания, оценки потребителя*. У него в условиях рыночной системы отношений нет иного пути воздействия на потребителя, кроме как действовать в унисон с его интересами. Естественно и сам предприниматель может формировать спрос потребителя, создавать новые покупательские потребности. К этому как раз и сводится положение о двух способах организации предпринимательской активности: на основе выявленного интереса потребителя или на основе «навязывания» ему услуг, продуктов и изделий культуры и искусства как товара. Таким образом, *целью предпринимателя в любой сфере, выступает необходимость «завоевать» потребителя, создавать круг собственных потребителей* [14].

Основными средствами воздействия предпринимателя на потребителя выступают такие факторы, как: новизна товара и его соответствие интересу потребителя; качество; цена, доступность товара; степень универсальности товара; внешний вид и «упаковка» (для СКД это особые формы преподнесения услуги); позитивные отличительные характеристики услуги, продукта и изделия как товара от товаров других производителей и возможность потребителя ознакомиться с такими отличиями; возможность воспользоваться услугами послепродажного сервиса (если речь идет о продуктах и изделиях длительного пользования, например изделия ДПИ и НП); соответствие общепринятым или государственным стандартам; престижность и привлекательность рекламы товара

и т. д. Все указанные определения в полной мере касаются непосредственно предпринимательства в СКД [9].

После анализа многообразия понятий и определений приведем следующее, по нашему мнению, наиболее полное, определение предпринимательства в СКД. ***Предпринимательство – вид рискованной профессиональной деятельности, которая представляет собой, с одной стороны, инициативную, самостоятельную деятельность специалистов и их объединений, направленную на достижение лучшего хозяйственного результата и получение прибыли, с другой – служит удовлетворению социокультурных потребностей человека и решению социальных проблем общества.***

Таким образом, предприниматель СКД – это самоорганизованный человек, или группа людей-единомышленников, обладающих интуицией и энергией созидания, способностью быть новаторами; патриотами и меценатами, приверженными принципам социальной ответственности.

Предпринимательство в СКД – это особая самоорганизующаяся форма экономической активности, позволяющая эффективно соединять факторы производства услуг, продуктов и изделий, обеспечивать развитие экономики СКД с использованием достижений науки и практики, направленная на решение экономических, социальных, культурологических, педагогических и художественно-эстетических задач общества, опирающаяся на конкурентные преимущества.

Отличительной особенностью предпринимательской деятельности в СКД, например, в области ДПИР и НП, является низкий предпринимательский доход, а то и убыток. Это связано с часто проявляющимся отложенным спросом на изделия, которые со временем могут приобретать более высокую цену, как раритет, как историческая ценность и т. п. Аналогичная ситуация может прояв-

ляться в музыкальном, хореографическом, театральном творчестве и т. д.

Если в материальной сфере в настоящее время важнейшей чертой новой парадигмы управления признается концепция предприятия как социальной системы, то в социально-культурной сфере этот подход существовал всегда. Художник или мастер всегда ориентируется на социальную предназначенность услуги, продукта или изделия, будь создано оно для себя или для продажи.

Еще Адам Смит доказал, что рыночная экономика создает богатства не за счет организованности плана, а в результате действия феномена «невидимой руки», самоорганизующей действия всех и каждого [12]. Мы уже имеем примеры такой деятельности в среде художников Кузбасса. Особенно это заметно в среде молодых творческих личностей, выпускников КемГУКИ: Максим Лахно, Алексей Сторожук, Ольга Юшкова и др. Например, выпускница КемГУКИ Елена Кулемзина, художник в области лаковой миниатюры, иконописи и графического дизайна, сегодня использует самые современные технологии создания творческой продукции, сохраняя при этом традиционное российское искусство лаковой миниатюры. Используя ПК и сканер, она тиражирует свои произведения, создает коллажи, формирует базу данных собственных изделий. Включившись в Интернет, она выставляет свои изделия для широкого потребителя – пользователя Интернет. Ранее не имея такой возможности, она могла выставлять свои изделия только на выставках, преимущественно в Кемеровской области, что было даже на уровне Сибирского региона для молодого художника проблематично из-за финансовых и иных ограничений.

К числу проблем предпринимательства и формирования рынка услуг, продуктов и изделий СКД следует отнести:

- слабое информационное отображение рынка в виде маркетинговых исследований,

отсутствие банков данных услуг, продуктов и изделий и специалистов их производящих, даже на региональном и муниципальном уровнях;

- отсутствие экономического анализа двухсторонних и многосторонних отношений в цепочке «мастер-художник (производитель) – потребитель», изучение их устойчивости на основе зависимости «цена – конкурентоспособность»;

- слабо сформированное экономическое регулирование рыночных отношений по созданию и распространению услуг, продуктов и изделий культуры на различных уровнях.

Несмотря на это, мы полагаем, что перспективы развития предпринимательства СКД весьма благоприятны. Основными факторами, на наш взгляд, являются:

- неизбежность перехода значительной части учреждений культуры муниципального уровня в новую правовую форму – автономных учреждений, что заставит их искать дополнительные источники дохода;

- приход бизнеса в сферу культуры как пока еще свободной ниши на рынке социально-культурных услуг, рост конкуренции;

- смена в учреждениях культуры поколений менеджмента и специалистов отличающихся меньшей степенью зависимости от бюджетного финансирования и способных определять и использовать многоканальные источники финансирования;

- с ростом уровня доходов населения появляется больше возможностей удовлетворять эстетические и духовные потребности, в том числе посредством приобретения услуг, продуктов и изделий учреждений СКД.

Предпринимательство и инновации – путь эффективной работы, который достаточно труден, но и очень привлекателен, если в начале пути хорошо подготовиться, объединиться для выработки стратегии.

Литература

1. Федеральный закон от 08.05.2010. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений».
2. 131 Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».
3. Федеральный закон от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (с изменениями от 18 октября 2007 года; 22, 23 июля 2008 года; 2 августа, 27 декабря 2009 года; 5 июля 2010 года; 1 июля 2011 года).
4. Абанкина Т. В. Оптимизация сети: Технологии управления и модели финансирования организаций культуры в свете реформ // Справочник руководителя учреждения культуры. – 2006. – № 2. – С. 8–16.
5. Дитрих Ван Веринг. Экономическое значение культуры и искусства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://usersmark-itt.ruwww.i-art. udm.ru/katinka.htm>
6. Коуэн Т. Похвала коммерческой культуре [Электронный ресурс]: Tyler Cowen. In **Praise of Commercial Culture**.
7. Левшина Е. А. Культурные индустрии: новые грани культурного процесса // Справочник руководителя учреждения культуры. – 2005. – № 8 (август). – С. 44–49.
8. Рудич Л. И. Организационно-экономические аспекты регионального развития декоративно-прикладного искусства, народных промыслов и ремесел: монография / под науч. ред. Е. Л. Кудриной. – Кемерово, 2008. – 162 с.
9. Тульчинский Г. Л. Технология менеджмента в сфере культуры. – СПб.: СПбГАК, 2003. – 192 с.
10. Утин Е. В., Веселина Т. А., Рудич Л. И. Предпринимательская деятельность в социально-культурной сфере: учеб.-метод. пособие для слушателей системы дополнительного профессионального образования кадров социально-культурной сфер. – Кемерово: КемГУКИ, 2006. – 96 с.
11. Хангельдиева И. Г. Культура и предпринимательство в современной России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: interrun.ru/prepfpk.html
12. Экономика культуры / отв. ред. А. Я. Рубинштейн. – М.: Слово, 2006.

УДК 316

Н. С. Коргожа

**ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВЫХ ТРАДИЦИЙ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ**

В статье представлены основные характеристики культурно-досуговой деятельности в России Петровской эпохи, по таким ее направлениям, как образование, музейное дело, профессиональная подготовка, государственная культурная политика, народное художественное творчество, библиотечная деятельность и др.

Ключевые слова: социокультурные учреждения, развитие сферы культуры, досуг.

N. S. Korgozha

**FORMATION OF CULTURAL AND LEISURE TRADITIONS
OF THE RUSSIAN SOCIETY IN PETER'S AGE**

The article presents the main characteristics of cultural and leisure activities in Russia in Peter's time, in such areas as education, museum science, professional training, state cultural policy, folk art, library, etc.

Keywords: socio-cultural institutions, development of culture, leisure.

В начале XVIII века в социально-культурной сфере всех слоев российского общества произошли радикальные перемены, связанные с петровскими преобразованиями, главной целью которых было создание сильной европейской державы. По обилию новых явлений в культурной жизни России первая четверть XVIII века не имеет аналогов в отечественной истории. В эпоху Петра I начала формироваться новая государственная культурная политика, направленная на усиление ее светских начал и активное проникновение западноевропейских элементов культуры. Большое влияние на развитие социально-культурной сферы России в первой половине XVIII века оказали идеи западноевропейского Просвещения, стремление России стать равноправной страной с другими европейскими государствами, светский характер ценностных ориентаций в обществе, культурное расслоение российского общества.

Рассмотрим основные черты европеизации социально-культурной сферы: формирование государственной культурной политики, создание системы новых социально-культурных учреждений, регламентированный характер социально-культурной деятельности, появление ассамблей, распространение европейской мифологической системы мышления, развитие новых форм и видов досуговых занятий, формирование нового праздничного календаря, углубление сословного характера культурно-досуговой деятельности.

В Петровскую эпоху была создана система социокультурных учреждений, основная задача которых состояла в приобщении к культурным ценностям различных категорий населения: светские учебные заведения, научные библиотеки, общедоступные театры, музеи, выставочные залы, типографии гражданской печати.

При Петре I создавалась система государственных светских школ, дававших практические знания, основанная на принципах государственности, сочетания профессиона-

лизма с энциклопедичностью, преобладания в учебных планах математики, навигационных и морских наук. В 1701 году в Москве по указу Петра I была открыта школа математических и навигацких наук для подготовки специалистов военного и морского дела. В школу принимались подростки в возрасте от 12 до 17 лет всех сословий, кроме детей крепостных крестьян. Школа имела три ступени обучения: российская школа, арифметическая школа, специальные классы, в которых большое внимание уделялось практическим занятиям. Для обучения детей дворян, государственных служащих, зажиточных мещан в возрасте от 10 до 15 лет по указу Петра I в 1714 году были созданы во многих губерниях России цифирные школы – начальные государственные учебные заведения. Обучали в этих школах чтению, письму, арифметике, геометрии, и учеба считалась одним из видов обязательной государственной службы.

В первой четверти XVIII века появляются школы специального профессионального обучения, в которых готовили инженеров, мореходов, кораблестроителей, гидрографов, медиков, переводчиков, канцелярских служащих. В 1707 году была открыта медицинская школа при московском военном госпитале, в 1711 году – инженерная школа, в 1721 году – школа для канцелярских служащих, при уральских заводах возникли горнозаводские училища, для подготовки духовенства открывались епархиальные школы. В сельской местности сохранялись школы грамотности, в которых обучали детей крестьян, в дворянских семьях было распространено домашнее обучение.

Создание государственной системы образования потребовало издания множества учебников, справочников, наглядных пособий, художественной литературы. В 1708 году церковнославянский шрифт был заменен более легким для чтения гражданским шрифтом, проведенная реформа алфавита, безусловно, способствовала повышению уровня грамотности населения. Как писал позже

М. В. Ломоносов, «при Петре Великом не одни бояре и боярыни, но и буквы сбросили с себя широкие шубы и нарядились в летние одежды».

До реформ Петра I музейные собрания формировались в храмах и монастырях, где хранились предметы изобразительного и декоративно-прикладного творчества, а также в резиденциях богатых князей и бояр, существовавших в форме сокровищниц. В Петровскую эпоху составление художественных коллекций стало широко внедряться в быт высших слоев общества, когда началось планомерное приобретение произведений изобразительного искусства в Западной Европе. Первая публичная картинная галерея была открыта в 1719 году в Кунсткамере. Известным коллекционером петровской эпохи был А. Д. Меншиков, в живописное собрание которого входило не менее 143 картин, изображавших пейзажи, натюрморты, батальные сцены, библейские сюжеты и портреты членов царской семьи и западноевропейских монархов [1, с. 215].

Первым музеем естественнонаучного профиля в России была Кунсткамера, открытая в 1719 году в Кикиных палатах близ Смольного Дворца. В состав экспозиций Кунсткамеры вошли Натур-кабинет, где хранились анатомические диковины, рыбы, скелеты, Кунст-кабинет и Минц-кабинет. Эти коллекции пользовались большим успехом у посетителей, однако их круг был ограничен.

В 1718 Петр I издал указ о проведении ассамблей – общественных собраний в дворянских домах, которые способствовали публичному проведению досуга, внедрению европейской модели общения, усвоению хороших манер, раскрепощению русских женщин. Термин «ассамблея» в переводе с французского означает «общее собрание какой-либо организации», «бал, общественное собрание в эпоху Петра I». В первой половине XVIII века ассамблеи проводились во многих европейских странах, идею организации ассамблей Петр I привез из Франции, где

он в 1717 году познакомился с устройством парижских общественных собраний.

Петровские ассамблеи были летними и зимними, и на них приглашались: «дворяне, гражданские чиновники, офицеры, почетные купцы, известные художники, мастеровые и корабельные плотники, и все они со своими женами и детьми» [3, с. 108]. Ассамблеи проходили в светских беседах, обсуждении последних новостей, играх, танцах, обязательной частью ассамблей была трапеза.

В 1712 году Петербург становится столицей Российской империи, в которой разместились Императорский двор, Сенат, Синод, Петровские коллегии, Адмиралтейство и Иностранные коллегии. Петербург быстро приобрел черты столицы могущественной державы, украшенной величественными правительственными зданиями, роскошными дворцами русской знати, богатыми храмами, просторными площадями и широкими улицами.

Нововведений в быту привилегированных слоев населения было так много, что потребовалось специальное пособие, в котором описывались правила хорошего тона. В 1717 году вышло в свет пособие «Юности честное зеркало, или Показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов», в котором содержались советы о том, как вести себя в обществе, в церкви, дома, какими должны быть отношения между родителями и детьми, как принимать гостей, какими добродетелями должны обладать молодой человек и молодая девушка. Это пособие является учебником житейской мудрости, в котором отражены нравственные принципы человека, живущего в новой петровской России: «молодой шляхтич или дворянин, если он успевает в своем обучении, а особенно в языках, конной езде, танцах, шпажной битве, если может добрый разговор поддерживать, красноречив и начитан, то он при таких способностях может стать хорошим придворным человеком» [2, с. 155].

Петр I, вернувшись в Москву из заграничного путешествия по Голландии, Англии, Австрии, Германии с «великим посольством», издал указ в августе 1698 года об обязательном бритье бороды. Желающие сохранить бороду должны были отныне платить налог, освобождались от уплаты налога лишь духовные лица. Все уплатившие налог, получали медный знак, свидетельствующий о том, что ношение бороды оплачено. По мнению С. М. Соловьева, «борода стала знаменем в борьбе двух сторон», т. к. «человек, прежде всего, в свой наружности, одежде и уборке волос старается выразить состояние своего духа, свои чувства, свои взгляды и стремления».

В декабре 1699 года последовал указ Петра I об обязательном ношении иноземного платья всем, кроме священников, крестьян и извозчиков, у ворот Кремля были выставлены манекены с образцами новой одежды: немецкой, венгерской, саксонской, французской. Пошив и продажа старой одежды запрещались, за ношение старомодной длиннополой одежды царские чиновники требовали уплаты пошлины, если денег у горожан не оказывалось, то обрезали полы старого кафтана до колен. Мужчинам предписывалось носить парики, рубашки с кружевными манжетами и воротниками с оборками, камзолы, кафтаны, сшитые из плотного шелка или бархата, короткие мужские штаны – кюлоты, белые шелковые чулки, модные туфли на невысоком каблучке с металлическими пряжками или высокие сапоги-ботфорты. Неотъемлемыми атрибутами костюма дворянина были шляпа, перчатки, карманные часы на цепочке и трость. Женская одежда состояла из нижнего, глухого платья с глубоким вырезом-декольте, зашнурованного снизу вверх корсета и верхнего платья – распашного с разрезом впереди от подола до пояса. Богатый женский костюм дополняли высокие прически, веера, дорогие украшения – серьги, броши, кольца, браслеты, колье, диадемы. Законодательная регламентация одежды была осуществлена

в 1700 году и разделила российское общество на две части – тех, чей образ жизни должен быть европейским и соответствовать европейским стандартам, и тех, кто должен был жить на основе старых патриархальных традиций.

В декабре 1699 года Петр I издал указ об изменении летосчисления в России. По старорусскому обычаю, принятому из Византии, годы исчислялись от мифического Сотворения мира, и Новый год в России начинался 1 сентября. Петр I предписал считать 7208 год от Сотворения мира по старому календарю 1700 годом от Рождества Христова по новому календарю как в православной Европе. С 1 января 1700 года Россия стала жить по новому юлианскому календарю, только для церкви Петр I разрешил сохранить старое летосчисление.

Указ царя содержал предписания относительно празднования Нового года: поздравлять друг друга и дарить подарки, дома украшать еловыми, сосновыми и можжевельновыми ветками, устраивать фейерверки и пушечную пальбу. В царствование Петра I массовым тиражом стали издавать календари, которые содержали много полезной информации по различным отраслям знаний. В помощь желающим овладеть правилами речевого этикета в 1708 году была издана книга «Приклады, как пишутся комплименты разные», в которой были представлены образцы различных поздравлений и писем разнообразного содержания.

Таким образом, главной особенностью этого исторического периода было формирование государственной культурной политики, создание системы социокультурных учреждений, развитие новых форм досугового времяпрепровождения, развитие новых видов досуговых занятий, формирование нового праздничного календаря, углубление сословного характера культурно-досуговой деятельности, дальнейшее развитие народного художественного творчества.

Литература

1. Грицкевич В. П. История музейного дела до конца XVIII века. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: СПбГУКИ, 2004. – 408 с.
2. Домострой. Юности честное зеркало. – СПб.: Издат. дом «Азбука-классика», 2008. – 208 с.
3. Терещенко А. В. История культуры русского народа. – М.: Эксмо, 2006. – 736 с.

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Н. М. Трусова

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО СЕРВИСА
И ТУРИЗМА**

ROUND TABLE

N. M. Trusova

ACTUAL PROBLEMS OF SOCIO-CULTURAL SERVICE AND TOURISM

27 сентября в Кемеровском государственном университете культуры и искусств прошел межвузовский круглый стол «Актуальные проблемы социально-культурного сервиса и туризма», посвященный Дню туризма.

В роли Ведущей круглого стола выступила заведующая кафедрой экономики социальной сферы, д. э. н., профессор кафедры мировой экономики Кемеровского института (филиала) РГТЭУ И. А. Кудряшова.

Участники: к. э. н., доцент, зав. кафедрой экономики социальной Н. М. Трусова, к. э. н., доцент кафедры экономики социальной сферы С. А. Мухамедиева, к. э. н., доцент кафедры мировой экономики Кемеровского института (филиала) РГТЭУ С. Н. Лубягина, доцент кафедры мировой экономики Кемеровского института (филиала) РГТЭУ Л. И. Воронина, ст. преподаватель кафедры экономики социальной сферы С. Н. Ливинская, соискатель кафедры мировой экономики Кемеровского института (филиала) РГТЭУ О. А. Балашова.

И. А. Кудряшова: «Круглый стол, который сегодня организован в КемГУКИ, крайне актуален для преподавателей вузов, которые осуществляют подготовку студентов по специальности «Социально-культурный сервис и туризм», причиной является возрастающее значение феномена туризма в жизни общества и интенсификация туристских поездок. Эта тенденция прослеживается и в России и в Кузбассе, когда значительная часть населения ежегодно направляется в путешествия как за пределы страны, так и по культурным местам Кузбасса. Туризм как социокультурное явление и как способ взаимодействия культур практически не анализируется, несмотря на возрастающее его значение в жизни человека и общества. Анализу проблемы взаимодействия культур, изучению туризма как социокультурного явления и как способа взаимодействия культур необходимо уделять больше внимания и особое внимание следует уделять культуре самого туризма, его составляющих факторов, подтверждением чего явилось обсуждение данной темы преподавателями вузов».

С. А. Мухамедиева: «Хотелось бы отметить, что туристский бизнес – одна из наиболее быстро развивающихся отраслей народного хозяйства. По некоторым оценкам международный туризм входит в число трех крупнейших экспортных отраслей, уступая

нефтеперерабатывающей промышленности и автомобилестроению. Всемирный совет по путешествиям и туризму со штаб-квартирой в Лондоне оценивает экономическую деятельность в области путешествий и туризма в 3,6 млрд дол, то есть примерно 11 % валового мирового продукта, что делает ее крупной отраслью. Наибольшие доходы имеет Австрия (8 % ВВП), Испания (5,6 % ВВП), Швейцария (5,2 % ВВП). Некоторые страны имеют туризм как определяющую статью ВВП это – Бермудские острова 34,7 %, Сейшельские острова 27,4 %, Багамы 52,1 %».

Н. М. Трусова: «Как представителю вуза культуры мне представляется важным подчеркнуть, что в этом году Всемирный день туризма, отмечающийся в большинстве стран мира уже более трех десятков лет, прошел под лозунгом «Туризм объединяет культуры». Так, во Всемирной туристической организации (ВТО) ООН хотели подчеркнуть роль туризма в сближении самых разных культурных тенденций, наблюдаемых на планете, и укреплении взаимопонимания через путешествия по другим странам. «Главный посыл, который несет в себе на этот раз Всемирный день туризма, заключается в том, что именно благодаря этой отрасли миллионы людей, представляющих иные культуры, пересекаются между собой в самых разных точках земного шара, и делают это так успешно, как никогда раньше, – пояснил генсек ВТО ООН Талеб Рифаи. – Взаимодействие людей, представляющих совершенно разные культурно-этнические и социальные корни, а также стили и традиции, представляет неисчерпаемый источник возможностей укрепления толерантности, взаимного уважения и взаимопонимания».

Каждый человек рождается в мире своей культурной среды, в мире готовых значений и рассматривает их как объективные реальности. Восхищенные талантом артиста, мы говорим о высокой культуре исполнения,

овощи называем сельскохозяйственной культурой, а человека, знающего этикет поведения, – культурным. Культура представляется некой системой правил, начиная от приличного разговорного языка до манеры поведения за столом, т. е. отождествляется с этикетом. Часто его сводят к искусству или художественной культуре, отождествляют с музеями и библиотеками и, таким образом, фундаментальное целое расчленяют на отдельные части. Культура – настоящий букет характеристик, сложенная дефиниция, слагающаяся из ряда черт, к которым можно подойти от самых различных точек отсчета. Культура – это и развивающаяся система духовных ценностей, и процесс человеческого творчества. Это и выражение отношений между конкретными людьми, и регулятор идейного и нравственного климата всего общества. Культуру можно представить себе как огромную лабораторию, в которой создается масштабная система ценностей, собираются воедино величайшие достижения человечества в различных областях. Общество, находящееся вокруг нас имеет культуру взаимоотношений, культуру взаимодействий, культуру путешествий. Поскольку культура в современном мире представляет главный смысл и главную ценность туризма, необходимо, чтобы нормами взаимодействия стали такие положения, как заблаговременное знакомство туристов с особенностями и традициями людей в месте посещения; проявление терпимости к различиям между людьми и культурами, как со стороны местных жителей, так и со стороны посетителей; преобладание духовных ценностей над элементами материального и духовного характера и так далее».

С. А. Мухамедиева: «В прошлом году 940 млн. человек выезжали за пределы родного отечества, чтобы лично соприкоснуться напрямую (живопись, памятники) или опосредованно (музыка, кулинарно-гастрономические специалитеты, традиции)

с иной культурой. В этом смысле Всемирный день туризма представляет уникальную возможность взаимодействия абсолютных противоположностей, поощряя в жителях планеты понимание той роли, которую несет собой культурно-этническое разнообразие».

О. А. Балашова: «Изменения происходят в стиле отдыха. Пассивное времяпрепровождение на пляже, хотя и остается наиболее распространенной формой проведения отпуска, все в меньшей и меньшей степени отвечает процессу растущей диверсификации индивидуальных запросов. На смену «трем S» море – солнце – пляж (Sea – Sun – Sand) постепенно приходит формула «три L» национальные традиции – пейзаж – досуг (Lore – Landscape – Leisure). Данная тенденция наилучшим образом соответствует новым ценностям и развитию анимационного сервиса в туризме».

И. А. Кудряшова: «Главной идеей «Круглого стола», посвященного Международному дню туризма, не случайно выбрана идея культуры туризма. Основные аспекты культуры туризма рассматривались в контексте окружения туризма, его составных частей и влияющих на него факторов, оказывающих особое влияние на сам туризм.

Туризм можно рассматривать как фактор совершенствования качества жизни. Это связано не только с прямым экономическим эффектом в виде дополнительных доходов, создания новых рабочих мест, развития инфраструктуры, но и влиянием туризма на социально-психологическое состояние человека, улучшение его здоровья и уровня благосостояния. В современном мире новые экономические явления связаны прежде всего с процессом глобализации, который оказывает очень большое влияние на развитие туристической отрасли. Современное состояние культуры оценивается с разных сторон. Но, по-видимому, ведущую роль в изменяющемся культурном мире играет беспре-

цедентная мобильность человека, сопровождающая процессы глобализации. В свою очередь, сами процессы глобализации нивелируют отличия многовариантности жизни сложившихся культур, стандартизируют многообразие культурных практик человека, унифицируют стили повседневности».

С. А. Мухамедиева: «Кстати, о глобализации и ее влиянии на развитие туризма. Процессы глобализации в сфере туризма на международном уровне сопровождаются резким обострением конкурентной борьбы, ростом числа слияний и поглощений туристских компаний. В данную сферу внедряются промышленные компании, банки, ассоциации и объединения. Многие участники рынка сокращают деятельность в традиционных для себя областях и сосредотачивают усилия в сфере туризма и путешествий, считающейся более прибыльной».

И. А. Кудряшова: «Да, но, помимо конкуренции туристических компаний, глобализация вызвала и ряд других проблем».

С. А. Мухамедиева: «Конечно. Вышеуказанные факты говорят о том, что глобализация стала одним из основных трендов в международном туризме, сопровождаемых концентрацией доли рынка, в зависимости от сегмента действия на рынке туристских услуг.

Для современного процесса глобализации на туристском рынке характерны следующие черты:

- изменение технологий;
- модернизация транспортной инфраструктуры;
- развитие сервиса анимационных услуг;
- интернационализацией деловой активности;
- создание механизма регулирования международного туризма.

Сегодня туристские услуги предлагают около 150 стран мира, каждая из которых имеет свой характерный образ и может по-

ложительно влиять на все более разнообразный спрос и мотивацию поездок туристов. Эффективному развитию туризма способствует формирование разнообразных сегментов и ниш международного рынка. Индустрия отдыха превращается в лидирующую отрасль мировой экономики.

В туристском бизнесе активно используются возможности Интернета, развивается торговля услугами в онлайн-режиме».

И. А. Кудряшова: «Вопросы глобализации, оказывая общенаправляющее, общекультурное влияние на сферу туризма, влияют и на такие ее аспекты, как нормативно-правовое, в частности, таможенное регулирование».

Л. И. Воронина: «В этой связи интерес представляет нормативно-правовая основа Таможенного союза (ТС) Республики Беларусь, Казахстана и Российской Федерации. Начало функционирования с 1 января 2010 года Таможенного союза (ТС) трех государств существенным образом отразилось и на таможенных правилах, связанных с перемещением товаров и транспортных средств, пересылкой товаров в международных почтовых отправлениях физическими лицами через таможенную границу ТС.

В настоящее время данные правила регулируются следующими основными нормативными правовыми актами:

1. Таможенный кодекс ТС – Глава 44 «Особенности совершения таможенных операций в отношении товаров, пересылаемых в международных почтовых отправлениях».
2. Таможенный кодекс ТС – Глава 49 «Особенности перемещения товаров для личного пользования».
3. Решение Комиссии Таможенного союза от 17 августа 2010 года № 338 «Об особенностях пересылки товаров в международных почтовых отправлениях».
4. Соглашение о порядке перемещения физическими лицами товаров для личного

пользования через таможенную границу Таможенного союза и совершения таможенных операций, связанных с их выпуском.

5. Решение Комиссии Таможенного союза ЕврАзЭС от 18 июня 2010 года № 287 «Об утверждении формы пассажирской таможенной декларации и порядка заполнения пассажирской таможенной декларации»

6. Договор о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Таможенного союза».

И. А. Кудряшова: «Каковы основные изменения, произошедшие в связи с вступлением в силу таможенного законодательства Таможенного союза?».

Л. И. Воронина: «-без уплаты таможенных пошлин, налогов физические лица могут ввозить в сопровождаемом и несопровождаемом багаже товары (за исключением транспортных средств), общая стоимость которых не превышает сумму, эквивалентную 1500 евро, и общий вес которых не превышает 50 кг (до 1 июля 2010 года 65 тыс. руб. и 35 кг соответственно);

- если указанные нормы превышены, то в части такого превышения применяется единая ставка таможенных пошлин, налогов в размере 30 % от таможенной стоимости указанных товаров, но не менее 4 евро за 1 кг;

- без уплаты таможенных платежей физическое лицо, достигшее 18-летнего возраста, может ввезти не более 3 литров алкогольных напитков и пива, в случае превышения (от 3 до 5 литров включительно) таможенные платежи взимаются по единой ставке 10 евро за 1 литр в части превышения нормы 3 литра;

- введена единая форма пассажирской таможенной декларации, которая заполняется на все виды товаров, подлежащих декларированию (в письменной виде); ее обязательно заполнять от руки непосредственно в таможене, возможно заполнить бланк деклара-

ции на компьютере, распечатав его с официального сайта ФТС России, что существенно сократит время на прохождение таможенного контроля;

- установлена необходимость письменного декларирования (как при ввозе, так и при вывозе) наличных денежных средств и дорожных чеков в общей сумме, превышающей в эквиваленте 10 тыс. дол. США, а ценные бумаги, перемещаемые через таможенную границу ТС, подлежат письменному декларированию независимо от суммы;

- таможенная стоимость товаров для личного пользования определяется на основании заявленной физическим лицом стоимости таких товаров, подтвержденной оригиналами документов (кассовые чеки, квитанции и т. п.), содержащих сведения о стоимости товаров для личного пользования.

В 2010 году физическими лицами на ввоз в РФ товаров и транспортных средств было оформлено 244,4 тыс. таможенных приходных ордеров (ТПО) общей стоимостью 1628,5 млн долл. США (по сравнению с 2009 года количество ТПО увеличилось на 4,4 %, а стоимость ввезенных товаров увеличилась на 97,7 %).

И. А. Кудряшова: «Какие товары, ввезенные физическими лицами в 2010 году и оформленные по ТПО, имели наибольший удельный вес?».

С. Н. Лубягина: «% от общей стоимости оформленных ТПО (по сравнению с 2009 года – увеличение в 2,4 раза), в том числе оформленные легковые автомобили (товарная позиция 8703 ТН ВЭД ТС) – 131,8 тыс. штук общей стоимостью 1430,5 млн долл. США, что по количеству больше показателей 2009 года на 61,7 %;

- суда, лодки и другие плавучие средства (группа 89 ТН ВЭД ТС) – 46,3 млн долл. США или 2,8 % (на 30,6 % меньше, чем в 2009 году);

- мебель (группа 94 ТН ВЭД ТС) – 20,7 млн долл. США или 1,3 % (на 8,8 % больше показателя 2009 года);

- прочие готовые текстильные изделия (группа 63 ТН ВЭД ТС) – 13,8 млн долл. США или 0,8 % (на 12,9 % больше показателя 2009 года);

- одежда текстильная (группа 62 ТН ВЭД ТС) – 12,7 млн долл. США или 0,8 % (на 21,5 % больше, чем в 2009 году);

- технологическое оборудование (группа 84 ТН ВЭД ТС) – 6,6 млн долл. США или 0,4 % (на 12,9 % меньше показателя 2009 г.);

- электрооборудование (группа 85 ТН ВЭД ТС) – 6,1 млн долл. США или 0,4 % (на 21,6 % меньше, чем в 2009 году);

- фрукты и орехи (группа 08 ТН ВЭД ТС) – 4,8 млн долл. США или 0,3 % (на 57,8 % меньше, чем в 2009 году).

Суммарно на эти товары пришлось 96,6 % от общей стоимости товаров, ввезенных физическими лицами и оформленных по ТПО».

И. А. Кудряшова: «Помимо экономического, о каких социальных аспектах туризма можно говорить применительно к современным условиям?».

С. Н. Лубягина: «В мировом экспорте услуг на туристические приходится не менее ¼. Даже в кризисные годы этот сегмент рынка оставался «в плюсе» – 2 %. Хотя падение темпов развития задело и его (приблизительно) – в три раза.

Довольно устойчивый иммунитет туризма к кризисным явлениям можно объяснить его двойственной природой, порожденной постиндустриализмом. Поэтому естественно ставить вопрос о туризме как о феномене, сочетающем в себе экономическое и социальное («туризм-бизнес» и одновременно «туризм – элемент социальной сферы»). Следовательно, можно утверждать, что туризм – это особенная форма разрешения глубинных противоречий современного экономического

развития – между рынком и не рынком (сознательно регулируемые, отражающими социальную направленность, отношениями).

Таким образом, туризм следует определить как особую социально-экономическую форму услуги, имеющую специфический социально-оздоровительный характер, развивающую личность, обуславливающую познание исторических и культурных ценностей, занятие спортом, сохранение здоровья, участие в культурно-массовых мероприятиях и др., связанной с временным передвижением по территории своей или другой страны.

Из данного определения туризма следует, что его объективными социальными функциями являются: эстетическая, гуманитарная (сближение народов, лучшее понимание менталитета других наций), воспитательная (формирование уважения к чужой культуре, языку), оздоровительная (воспроизводство рабочей силы нормального качества), функция социального нивелирования (повышение уровня и качества жизни, сглаживание социально-экономической дифференциации, сокращение бедности)».

И. А. Кудряшова: «Какие направления туризма наиболее перспективны именно в плане своего потенциала?».

С. Н. Лубягина: «1. Культурно-познавательный туризм, который включает в себя не только объекты всемирного культурного и природного наследия, но и музеи, библиотеки, театры, природные, исторические, этнографические парки, места исторических сражений, мемориальные памятники и т. д.

2. Рекреационный туризм, понимаемый как “туризм с целью отдыха, оздоровления и лечения”».

И. А. Кудряшова: «Это как-то коррелирует с российской действительностью?».

С. Н. Лубягина: «Да. Что касается перспектив российской туристической деятельности – вряд ли они могут расширяться без использования социального туризма. Так-

же совершенно очевидно, что для реализации его социального потенциала потребуются эффективные меры государственного регулирования».

И. А. Кудряшова: «Направлений государственной политики в сфере туризма несколько. Есть ли у коллег информация о тех из них, которые еще не упоминались, но явно являются важными?».

С. Н. Ливинская: «В настоящее время вопросы формирования современной системы обеспечения безопасности российских и зарубежных туристов являются одной из важнейших задач государственной политики Российской Федерации в сфере туризма.

В целях обеспечения безопасности в туризме необходимо:

1) внести изменения в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в РФ». Рассмотреть вопрос о совершенствовании его положений, а также положений других федеральных законов в части обеспечения безопасности туризма, развития механизмов лицензирования туристской деятельности с учетом действующего законодательства РФ, изменившейся социально-политической ситуации, а также практики туристской деятельности;

2) рассмотреть вопрос о создании эффективной системы информационного обеспечения безопасности в туризме с целью своевременного информирования туроператоров, турагентов и туристов о принятых нормативно-правовых актах в области обеспечения безопасности туризма, об угрозе безопасности туристов в стране (месте) временного пребывания;

3) при подготовке совместно с Ростуризмом межправительственных соглашений в области развития туризма с зарубежными странами стремиться к закреплению в них конкретных мер, а также обязательств сторон по взаимному обеспечению безопасности туристов;

4) в связи с участвовавшими случаями возникновения угрозы безопасности для российских граждан, пребывающих за рубежом с туристическими и иными целями, совершенствовать практику оперативного информирования туристов о регионах с повышенной опасностью возникновения чрезвычайных ситуаций, временно не рекомендованных МИДом, Ростуризмом для их посещения российскими гражданами;

5) при выдаче путевок туристам одновременно выдавать инструкции по технике безопасности, памятки и другие документы по обеспечению безопасности туристов;

6) разрабатывать и утверждать инструкции по обеспечению безопасности туристов для конкретного тура (маршрута) с учетом особенностей на транспорте и при нахождении в стране пребывания;

7) размещать на сайтах объединений туриндустрии, туроператоров и турагентов разделы «Безопасность в туризме», в т. ч. информацию об угрозе безопасности туристов в стране (месте) временного пребывания, несчастных случаях, ограничений на свободу передвижения и координаты российских организаций, куда необходимо обращаться по соответствующим вопросам.

Реализация данных вопросов позволит при оказании туристских услуг обеспечить приемлемый уровень риска для жизни и здоровья туристов, как в обычных условиях, так и в чрезвычайных ситуациях (стихийных бедствиях и т. п.).

В соответствии со ст. 14 Федерального закон от 24 ноября 1996 года № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (в ред. ФЗ № 12 от 05.02.2007 года) под безопасностью туризма понимаются безопасность туристов (экскурсантов), сохранность их имущества, а также ненанесение ущерба при совершении путешествий окружающей среде, материаль-

ным и духовным ценностям общества, безопасности государства.

Риск для жизни и здоровья человека в туристско-экскурсионном обслуживании согласно ГОСТ Р 50644-94 «Туристско-экскурсионное обслуживание. Требования по обеспечению безопасности туристов и экскурсантов» возникает в условиях:

- существования источников риска; – проявления данного источника на опасном для человека уровне;

- подверженности человека воздействию источников опасности.

Безопасность туриста напрямую зависит от политики государства, от мер, принимаемых фирмами – турагентами и туроператорами, а также от действий самого туриста».

И. А. Кудряшова: «Кемеровская область в последнее время занимает все более лидирующие позиции в развитии туризма. Каковы здесь законодательные основы для обеспечения безопасности туризма?».

С. Н. Ливинская: «В 2009 году Комитетом по туризму, спорту и молодежной политике в Кемеровской области разработаны и приняты основополагающие региональные законы: «О туристской деятельности» от 06.02.2009 г. № 5-ОЗ и «О развитии внутреннего и въездного туризма» от 13.07.2009 г. № 88-ОЗ.

Но особое, практическое значение имеет закон Кемеровской области от 08.06.2009 г. № 67-ОЗ «О развитии снегоходного туризма в Кемеровской области». Это первый в России региональный законодательный акт, в котором прописаны условия организации снегоходных трасс, определены правила движения по ним, меры безопасности, а также формы государственной поддержки, предоставляемые организаторам снегоходных трасс.

Предполагается, что маршруты снегоходных трасс будут пролегать по достопримечательным местам Таштагольского района.

В будущем работа этих маршрутов не будет ограничиваться только зимним периодом. Планируется, что по этому пути возможно проведение конных, пеших и других видов маршрутов уже в летнее время. На перспективу в области будет создана Кузбасская снегоходная ассоциация, которая возьмет на себя решение части вопросов по снегоходному туризму. При написании этого законопроекта использовался опыт зарубежных стран, в частности, Канады и США. По мнению главы комитета по вопросам туризма, закон позволит, в первую очередь, обеспечить безопасность туристов, а также стимулировать развитие предпринимательской деятельности в этом направлении.

Также в Кемеровской области начали формировать реестр снегоходных трасс. Это требуется для развития этого вида туризма на территории области, а главное – для безопасности туристов на снегоходных трассах.

Если брать в целом по России, то до сих пор не создана целостная система обеспечения безопасности туристов, нет статистики несчастных случаев в туризме и их анализа, защиты личности и собственности в сфере туристской деятельности».

И. А. Кудряшова: «Успешность туриста, выезжающего за границу, путешествующего по родному краю, состоит из многих вопросов, и, в том числе, как он позаботился о собственной безопасности и о своем здоровье».

Н. М. Трусова: «Статистика и практика последних лет убедительно подтверждает, что выезды российских граждан в страны ближнего и дальнего зарубежья с целью туризма и путешествий ежегодно увеличиваются.

Страхование выезжающих за рубеж – молодой вид бизнеса. Активно он начал развиваться с принятия в 1996 году Закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». Тогда ответственность

за здоровье и жизнь туристов, выехавших за границу, была возложена на туроператора. Дополнительный импульс развитию страхования путешествующих придало введение странами Шенгенского соглашения обязательного страхования для россиян.

Одно из правил международных путешествий, которое неукоснительно соблюдают граждане цивилизованных государств и только берут на вооружение россияне, – надежная страховая защита. Любая встреча с экзотикой, необычной природой, кухней или традициями для человека, знакомого с ними в лучшем случае по путеводителю, может таить неприятные неожиданности. По статистическим данным страховых компаний, на сто тысяч застрахованных туристов происходит в среднем четыре смертных случая (по самым разным причинам: от инфаркта до убийства), два перелома позвоночника, требующие специальной транспортировки больного, одна черепно-мозговая травма, шесть острых аппендицитов, десять тяжелых переломов, требующих оперативного вмешательства, пять инфекционных заболеваний, требующих госпитализации, пять обострений хронических заболеваний, угрожающих жизни туриста, а также две тысячи мелких травм, простудных заболеваний, солнечных ожогов, тепловых ударов и т. д.

Бесспорным лидером по неприятностям с отечественными туристами большинство страховых компаний признает Турцию. В сервисные компании за границей обращается примерно 1 % владельцев полиса. По Турции их количество доходит до 8 %. Даже на Кипре – стране, близкой Турции по экономическому развитию и климатическим условиям, – за помощью обращается только 2 % застрахованных туристов. Второе место, по мнению страховщиков, занимает Болгария. У туристического бизнеса этой страны своя специфика: там много детских лагерей, где периодически происходят вспышки все-

возможных детских инфекций. Третье место по количеству страховых случаев принадлежит Испании и Кипру. Здесь у туристов чаще всего случаются мелкие неприятности – простуды, инфекционные заболевания.

И если они случаются, то кто окажет помощь – медицинскую, юридическую, техническую? Именно поэтому серьезные туристические фирмы, выдерживающие международные стандарты в своей работе, все больше внимания уделяют взаимодействию со страховыми компаниями. Партнеры-страховщики, в свою очередь, готовы предложить весь ассортимент страховых услуг клиентам турфирм.

Причем туристическое страхование необходимо не только субъектам туристической деятельности (туристическим организациям и туристам) для борьбы со всевозможными рисками, но и государству, а также самим страховщикам. Благодаря чему создаются условия экономии государственных расходов, проявляется возможность направления их на решение приоритетных задач, снижается нагрузка на государственный бюджет. Страховщикам работа на рынке туристического страхования дает возможность повысить концентрацию средств страхового фонда, диверсифицировать страховой портфель и увеличить доходы от страховой деятельности, что ведет к укреплению их финансового состояния.

Таким образом, успешное развитие туристического страхования способно принести пользу экономике страны в целом и, в частности, таким ее составляющим, как индустрия туризма и страхование.

Страхование постепенно становится атрибутом спокойствия и комфорта в путешествии. Туристические компании зачастую не предлагают своим клиентам приобрести страховой полис, а делают это за них. Отдыхающий принимает такой порядок как должное. Страховой полис попадает в один

пакет с визой и билетами. Однако обращение в турфирму – это организованный отдых, а сегодня страховые полисы приобретают тысячи россиян, не пользующиеся услугами туристических компаний. Это говорит о том, что наши соотечественники сами пришли к осознанию необходимости страхования и хотят гарантировать себе не только хороший отдых, но и надежную защиту от непредвиденных событий».

И. А. Кудряшова: «Становится реальностью факт вхождения РФ в ВТО. Каковы прогнозы этой организации в отношении Развития туризма в мире?».

Н. М. Трусова: «Согласно прогнозу ВТО, в XXI веке ожидается туристический бум: число путешествующих к 2020 году приблизится к 1,6 млрд (в 1997 году их было 612 млн) При этом определены пять перспективных направлений: приключенческий туризм, круизы, экотуризм (сохранение окружающей среды), культурно-познавательный, тематический (интерес к определенному явлению).

Данное явление затронет в первую очередь культурный туризм, поскольку расширение культурного уровня – один из основных мотивов передвижения людей. Культурная составляющая присутствует и в других видах туризма, например оздоровительном, деловом, конгрессном, а также спортивном, где без культурной программы не обходятся ни Олимпийские игры, ни другие сколько-нибудь значительные состязания.

Одна из самых характерных черт путешествия и туризма как его составляющей состоит в том, что, в отличие от других сфер деятельности людей, оно всегда связано с временным их передвижением с места постоянного проживания в другую страну или местность в пределах своей страны с познавательной, оздоровительной, профессионально-деловой, развлекательной, спортивной, паломнической и другими целя-

ми. Как показывает статистика путешествие всегда связано с определенным риском. Неизведанные места, другой климат, переезды, непривычная пища, иной уклад жизни – все это чревато неожиданными заболеваниями, травмами, несчастными случаями, потерями личного имущества, документов, проездных билетов, нарушением правил и т. д. Поэтому путешествие (туризм) и страхование взаимосвязаны.: с одной стороны, это отдых, оздоровление, познание, спорт, а с другой – безопасность, уверенность, спокойствие, комфорт».

С. Н. Ливинская: «Таким образом, культура страхования и культура самого туриста тесно взаимосвязаны. Поднимая уровень культуры туриста необходимо дать ему понятие безопасного туризма и объяснить, что надо делать, чтобы сократить риск».

И. А. Кудряшова: «Резюмируя выступления коллег, можно сказать: когда решены основные вопросы экономического, правового, таможенного, страхового регулирования, организации безопасности, можно говорить о содержании, технологиях, ноу-хау продуктов, представленных туристической индустрией».

О. А. Балашова: «Сегодня рынок туристских услуг обладает широким спектром развлечений для своих потребителей. В последнее время ни одно путешествие не обходится без так называемой анимации, предполагающей активное проведение досуга и личное участие отдыхающих в культурно-массовых мероприятиях. Понятие «анимация» включает в себя также музыкальные фестивали, театрализованные шоу, литературные фестивали и мероприятия, музыкальные концерты, танцевальные вечера, карнавалы, ролевые игры, конкурсы, соревнования и т. п.

Для небольшой части туристов театрализация может быть главной причиной поездки даже на край света. Самым ярким примером этому служит ежегодный карнавал в Брази-

лии. Это самый известный праздник в стране, который стал событием огромного масштаба. Карнавал, который длится две недели, приносит миллионы долларов дохода для страны и привлекает сотни тысяч туристов со всего мира, что составляет 70 % от годового числа посетителей.

Так что же такое «театрализация»? Индустрия туризма в целом рассматривает театрализацию либо как главную причину поездки для определенного меньшинства туристов, либо как одно из возможных вечерних мероприятий в составе тура, либо в виде социальной программы для MICE мероприятий (Meetings-Incentive-Conferences-Events)».

И. А. Кудряшова: «Чем отличается культурный турист от, так сказать, “не культурного”?».

О. А. Балашова: «Разделение между теми, кто видит себя в качестве «культурных туристов», и теми, кто таковыми не является, размыто, и большинство отдыхающих все же находят элемент культурного туризма в своих турах. Хотя театрализация является лишь одним из компонентов культурного туризма – и не главным из них, – необходимо заниматься ее продвижением и расширением потребительской аудитории.

За последнее десятилетие театрализации, как и туризму в целом, пришлось преодолеть немало трудностей: спад мирового спроса в первой половине 2001 года из-за кризиса ящура, замедление экономического роста в некоторых развитых странах, высокая стоимость иностранных валют, катастрофическое воздействие на туризм террористических атак, мировой экономический кризис и социально-политические волнения в некоторых привлекательных для туризма странах. Однако есть вполне обоснованные надежды на то, что перспективы развития театрализации не так мрачны, как может показаться на первый взгляд.

Взаимозависимость туризма и театрализации безусловно признается обеими сто-

ронами, однако нет комплексных данных о вкладе каждого из них друг в друга. В некоторых странах специализированные туристские исследовательские центры (такие как Canadian Tourism Commission (CTC) в Канаде или UK Tourism Survey (UKTS) и British Tourist Authority (BTA) в Великобритании) предоставляют некоторую общую статистику на внутренних и въездных туристов, которые во время своего путешествия посещают театрализованные представления. К сожалению, такие анализы туристского рынка не проводятся ежегодно, а последние исследования BTA были проведены в 1995 и 1996 году».

И. А. Кудряшова: «Насколько развиты исследования в сфере туризма? Есть ли исследования, посвященные вопросам театрализации в туризме?».

О. А. Балашова: «Безденежный сектор исполнительского искусства чрезвычайно фрагментирован – даже больше, чем индустрия туризма – и нет ни одного учреждения, которое взяло бы на себя ответственность за сбор данных об аудитории, количестве спектаклей, финансировании, доходности и т. д.

Отсутствие финансирования научных исследований, рабочей силы и соответствующих технологий, а также конкуренция в коммерческом секторе исполнительского искусства, препятствуют последовательному сбору и анализу данных. Наиболее заметно отсутствие информации об аудитории и числе представлений.

В июле 2001 года Британский институт политических исследований в своем отчете “Британский культурный сектор” так прокомментировал ситуацию: “Мы потерпели неудачу в попытке получить надежные данные о культурной сфере, и большая часть информации в настоящее время является непоследовательной и ненадежной” [1].

В целом фестивали во многом зависят от местного, регионального финансирования, а заинтересованность общественности является обязательным ключом к успеху. Многие

организаторы фестивалей полагают, что есть еще неиспользованный потенциал на местных рынках, который надо использовать, прежде чем искать дальше».

И. А. Кудряшова: «Каковы перспективы театрализации в туризме?»

О. А. Балашова: «В долгосрочной перспективе возможно подвести театрализованное искусство ближе к интересам туризма на местном и региональном уровнях, а также уделять первоочередное внимание разработке культурного туризма. Это может быть положительным для обоих секторов.

В то же время, новые средства массовой информации и информационные технологии дают независимому путешественнику более широкий доступ к информации о театрализованных шоу и способствуют убыстрению процесса заказа билетов. Новые технологии также позволяют театрализованному искусству улучшить методы анализа аудитории и нацелить свою маркетинговую активность на целевой сегмент.

Не стоит также забывать, что повышению спроса на театрализованные шоу безусловно способствует образованность и благосостояние населения.

В стратегическом плане постепенно растет осознание того, что театрализация обладает хорошим потенциалом для привлечения аудитории и развития туризма в том или ином регионе.

Театрализация может быть главным туристским объектом региона и города. Шоу может стать одной из целей путешествия туриста в регион, в котором организуется мероприятие. Оно важно само по себе, хотя также может помочь посетителям больше узнать о других характеристиках области. Чем выше число туристических достопримечательностей, которыми обладает регион, тем он более привлекателен для туристов».

И. А. Кудряшова: «Причиной является возрастающее значение этого феномена ту-

ризма в жизни общества и интенсификация туристских поездок. Эта тенденция прослеживается и в России и в Кузбассе, когда значительная часть населения ежегодно направляется в путешествия как за пределы страны, так и по культурным местам Кузбасса. Во время путешествия туристы сталкиваются с иными представлениями, традициями, образом жизни. Туризм как социокультурное явление и как способ взаимодействия культур практически не анализируется, несмотря на возрастающее его значение в жизни человека и общества. Анализу проблемы взаимодействия культур, изучению туризма как социокультурного явления и как способа взаимодействия культур необходимо уделять больше внимания и особое внимание следует уделять культуре самого туризма, его составляющих факторов, подтверждением чего явилось обсуждение данной темы преподавателями вузов».

Н. М. Трусова: «В заключение хотелось бы сказать о том, что уже становится традицией отмечать День туризма совместно РГТЭУ и КемГУКИ. Причем это касается не только преподавателей, но и студентов. Если преподаватели обсуждают ключевые вопросы развития туризма, подготовки специалистов для этой сферы, то студенты в полной мере реализуют свой творческий и личностный потенциал».

И. А. Кудряшова: «В этом году в музее-заповеднике “Красная горка” прошел конкурс среди студентов КемГУКИ и РГТЭУ и “Кемерово индустриальный”. Он состоял из двух этапов: разработка экскурсии на тему: “Кемерово индустриальный” и “Рекламная компания по продвижению и разработке экскурсий”. Мы выражаем благодарность руководству и всему коллективу историко-архитектурного музея-заповедника “Красная горка” за возможность провести конкурс на его базе».

УДК 316

*В. А. Назаркина***КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПЕРСОНАЛА СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ:
МЕТОДИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

В статье рассмотрены методический и практический аспекты оценки компетентности персонала гостиничного предприятия. Предложена методика оценки компетентности персонала, а также представлены результаты оценки персонала гостиничного предприятия г. Новосибирска.

Ключевые слова: компетентность, компетенция, социально-культурная сфера, гостиничное предприятие, оценка, методика.

*V. A. Nazarkina***STAFF COMPETENCE OF SOCIO-CULTURAL SPHERE:
METHODOLOGICAL AND PRACTICAL ASPECTS**

The article deals with methodological and practical aspects of the evaluation of staff competence of a hotel enterprise. It offers the technique of assessing the competence of personnel, as well as the results of staff evaluation of a hotel enterprise in Novosibirsk.

Keywords: competency, competence, socio-cultural sphere, hotel enterprise, assessment, methodology.

Высокие требования к уровню компетентности персонала в современной экономике предъявляются из-за мощнейших темпов развития науки, накопления знаний, использования практических навыков, позволяющих сделать минимальным разрыв между теорией и практикой. Эти условия дают возможность важнейшему нематериальному ресурсу организации – человеку – осуществлять профессиональную деятельность с высокой продуктивностью.

Сегодня вопросами профессиональной компетентности и ее специальных видов занимается наука акмеология, которая рассматривает компетентность с профессиональных позиций, выделяя в ней подсистемы профессионализма деятельности, нормативной регуляции деятельности и поведения и т. д. [1]. Компетентность связывается учеными с достаточно широким кругом явлений, который включает в себя знания, умения, навыки,

определенный уровень различных способностей, которые в совокупности обеспечивают индивиду решение какой-либо задачи или помощь в какой-либо деятельности [2].

Анализ литературных источников по данной проблеме показывает неоднозначность, полиструктурность и многокомпонентность понятия «компетентность». В то же время можно утверждать, что:

1) компетентность и компетенция находятся в тесной взаимосвязи, поскольку взаимно предполагают друг друга;

2) компетентность обладает определенной спецификой, т. к. характеризует отдельного субъекта как носителя компетенции;

3) степень развитости личностных характеристик субъекта компетенции определяет уровень его компетентности.

Использование термина «компетенция» в качестве меры оценки персонала началось относительно недавно, где-то с середины

1990-х годов. Но понятия, которые он означает, имеют более глубокие корни. В русском языке использовалось два термина: элемент квалификации и профессионально важное качество. В каждом из них есть одна главная черта: они указывают на единицы, с помощью которых можно оценить единое целое – способность человека выполнять определенную работу (квалификацию, профессиональное соответствие или компетентность).

Компетенция – это такая часть компетентности, с помощью которой можно измерить готовность человека к выполнению определенной работы. С данной точки зрения у компетенции есть две стороны: одна обращена к работе, а другая – к человеку. Если мы говорим о компетенции должности (рабочего места), то имеем в виду требования, необходимые для успешного выполнения работы. Если мы говорим о компетенции сотрудника, то имеем в виду его готовность к выполнению работы с требуемым уровнем качества.

Современная наука разработала ряд методик оценки компетентности персонала организации. Большинство этих методик относятся к оценке компетентности технического персонала, профессиональных управленцев, продавцов, политических деятелей и т. д.

Сфера услуг радикально отличается от других сфер деятельности тем, что в этой сфере происходит взаимодействие производителя услуг с потребителем. Поэтому оценка компетентности персонала сервисной организации будет существенно отличаться от других, т. к. люди пользуются собой, своими реакциями, позициями, убеждениями как неотъемлемым инструментом своей работы.

Зарубежные исследователи Лайл и Сайн Спенсеры в своей книге «Компетенции на работе» создали обобщенную модель компетенций для специалистов социальной сферы: врачей, социальных работников, нянь, учителей [3]. Безусловно, данная модель не будет

абсолютно верна для любой профессии работников сферы услуг, но может послужить основой для формирования модели компетентности специалиста гостиничного дела. Компетенции, предложенные этими авторами, могут быть дополнены, например, такой, как «поиск информации», что особо актуально в настоящее время для гостиничного бизнеса в связи развитием «предупредительного сервиса», предполагающего удовлетворение даже невысказанных потребностей клиентов. Данная концепция основывается на умении персонала искать и профессионально использовать информацию о предпочтениях гостей.

Социально-культурная сфера является частью социальной сферы, а гостиницы превращаются в настоящее время в своего рода «культурные очаги», обеспечивающие своим клиентам возможности для самых разнообразных видов социально-культурной и культурно-досуговой деятельности.

Особенностью гостиничной сферы является то, что значительная часть персонала имеет непосредственный контакт с клиентом, например, швейцар, администратор службы приема и размещения, дежурная по этажу, операторы службы бронирования и т. д. Поэтому важное значение при оценке компетентности персонала данной сферы имеет определение полного комплекса компетенций, важных, как с позиции руководства гостиницы, так и клиентов.

Качественный сервис требует от персонала особых компетенций, владение которыми обеспечивает слаженный и бесперебойный процесс полноценного функционирования гостиничного комплекса, и для гостя многие из этих компетенций незаметны, пока гостиничное предприятие соответствует ожиданиям клиента.

Методика оценки компетентности персонала гостиничной сферы состоит из нескольких этапов, представленных на рис. 1.

Рис. 1. Этапы методики оценки компетентности персонала гостиничного предприятия

Первый этап методики «Определение категории сотрудников гостиницы, подлежащих оценке компетентности» включает в себя выявление той категории сотрудников, оценка компетентности которой является в настоящее время особо актуальной для гостиничного предприятия. Основными причинами такого выбора может послужить ряд причин, например, отток клиентов, их жалобы, снижение показателей деятельности организации и т. д. Итоги первого этапа определяют содержание второго – «Определение набора компетенций персонала гостиницы».

На втором этапе необходимо определить тот набор компетенций, который характерен именно для выбранной ранее категории. Ведь компетенции персонала службы приема и размещения будут серьезно отличаться от компетенций персонала службы питания или охраны.

Определение набора компетенций оцениваемого персонала ставит задачу выделения компетенций:

1) важных с позиции клиента, т. к. именно он, руководствуясь своими потребностями, ожиданиями, опытом, способен оценить, как его обслужили, и в какой-то мере дать оценку компетентности персонала;

2) важных с позиции руководства гостиницы, например, командная работа и сотрудничество.

На следующем, третьем, этапе оценки необходимо определить вес каждой из выделенных компетенций. Для определения веса компетенций, важных с позиции руководства, наиболее приемлемым можно считать метод экспертных оценок. Определение веса компетенций, важных для гостей, проводится их анкетированием.

Четвертый этап включает в себя интегральную оценку компетентности персонала выбранной службы гостиничного комплекса. Для этого используем формулу:

$$\hat{E} = \sum_{i=1}^n k_i a_i, \quad (1)$$

где K – интегральный показатель компетентности;

k_i – оценка i -й компетенции;

a_i – вес i -й компетенции;

n – число компетенций, участвующих в оценке.

Оценки каждой компетенции, важной для руководства гостиницы, даются руководящим персоналом, а для оценки компетенций, важных с точки зрения клиентов, мы предлагаем использовать метод «таинственный покупатель».

Исходя из интегральных оценок компетенций каждого сотрудника организации, можно сделать вывод о компетентности, а также определить слабые компетенции и разработать предложения, направленные на их усиление.

Данная методика была апробирована на примере одного из гостиничных комплексов г. Новосибирска. В качестве категории оцениваемого персонала были выбраны сотрудники службы приема и размещения. Данный выбор обусловлен причинами, которые, по мнению руководства гостиницы, ставят ее репутацию под угрозу, а именно недовольство клиентов качеством приема и размещения и, как следствие, отказ от повторного обращения за услугами.

Среди предложенных компетенций наибольший вес, по мнению экспертов, получила компетенция «ориентация на обслуживание клиента» – 13 %. А с позиции потребителя – «признание важности деловых взаимоотношений» – 16 %.

Далее была дана оценка компетентности четырех сотрудников службы приема и размещения гостиницы. Расчет интегрального показателя выявил, что только один сотрудник имеет достаточно высокий уровень компетентности – его оценка составила 4,66 балла. Далее оценки распределились так: 4,1 балла – средний уровень компетентности; 3,3 и 3,0 балла – низкий уровень компетентности.

Таким образом, предположения руководства гостиницы о недостаточно высоком уровне компетентности персонала службы приема и размещения подтвердились нашими исследованиями. Тот администратор, который обладает высокой компетентностью, получил хорошие оценки по тем компетенциям, которые обладают большей

весомостью по сравнению с остальными. У сотрудников, получивших низкие оценки, «страдают» практически все виды компетенций.

Результаты оценки компетентности персонала гостиничного комплекса позволили разработать программу мероприятий по развитию компетенций у сотрудников.

Литература

1. Деркач А. А. Акмеологические основы развития профессионала. – Воронеж: МОДЭК, 2004. – 112 с.
2. Сластенин В. А. Введение в педагогическую аксиологию: учеб. пособие для студ. пед. учеб. заведений. – М.: Вузовская книга, 2003. – 85 с.
3. Новиков А. М. Методология образования. – М.: Эгвес, 2002. – 115 с.
4. Спенсер Л. М., Спенсер С. М. Компетентность на работе: модели для превосходящей работы. – Нью-Йорк: Джон Вили, 1993. – 238 с.

УДК 008:338.23

С. А. Мухамедиева

ОСОБЕННОСТИ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

В современных условиях цены становятся одним из основных элементов развития экономики. Получив право самостоятельно реализовывать процесс ценообразования, организации несут полную ответственность за обоснованность цен и их влияние на результаты хозяйственной деятельности.

Особенностью проводимых исследований в данной области применительно к сфере культуры является то, что процесс ценообразования реализуется на основе тех же методов, которые применяются и в материальном производстве. В этой связи возникает необходимость выявления особенностей процесса ценообразования в сфере культуры.

Ключевые слова: цена, стоимость, методы ценообразования, факторы цены.

S. A. Mukhamedieva

FEATURES OF PRICING IN THE SPHERE OF CULTURE

Today prices are a key element of economic development. Having the right to implement the pricing process, organizations are solely responsible for the validity of prices and their impact on economic results.

A feature of the research in this area in relation to culture is that the pricing process is implemented using the same methods used in material production. This raises the need to identify the characteristics of the process of pricing in the cultural sphere.

Keywords: price, cost, pricing methods, factors of price.

Сфера культуры как специфическая сфера создания уникального творческого продукта имеет ряд особенностей, связанных с экономическими отношениями в данной сфере. Особенности сферы культуры обуславливают особенности процесса ценообразования на производимое экономическое благо данной сферы.

На основании того, что цена – это денежное выражение стоимости экономического блага то, первая мысль, которая приходит в голову при моделировании механизма ценообразования на продукты сферы культуры, заключается в следующем – стоимость услуги сферы культуры можно рассчитать так же, как и стоимость любой услуги. Но при детальном изучении выявляется ошибочность этого суждения.

Более широкое знакомство с литературой по соответствующей теме показало, что обилие литературы по изучению ценообразования в экономике не раскрывает особенности данного процесса в сфере культуры.

Ценообразование – это процесс образования и формирования цены на товар (услугу), характеризуемый, прежде всего, методами и способами установления цен в целом, относящимися ко всем экономическим благам. От правильности выбора метода ценообразования, зависит достижение целей организации и ее развитие в будущем.

Комплексный анализ влияния различных факторов на уровень цен и выбор оптимального метода ценообразования обеспечивает увеличение дохода организации и привлечение потребителей.

Процесс ценообразования в сфере культуры в своем развитии прошел несколько этапов:

1 этап (до середины 80-х годов XX века) – цены в сфере культуры устанавливались директивно (централизованно), что характеризовалось стабильностью цен, доступностью

услуг сферы культуры, при этом недостатком являлось отсутствие гибкости и дифференциации цен;

2 этап (с середины 80-х годов XX века – 90-е годы XX века) – происходит переход к системе гибких цен в общем финансовом регулировании сферы культуры. При установлении цен на культурные блага широко начинают использоваться системы скидок и надбавок;

3 этап (современный этап развития процесса ценообразования в сфере культуры) – определена самостоятельность организаций культуры в установлении цен на основные культурные блага.

В основах законодательства РФ о Культуре от 09.10.92. № 3612-1 (ред. от 21.12.2009) указывается, что цены (тарифы) на платные услуги и продукцию, включая цены на билеты, организации культуры устанавливают самостоятельно.

При организации платных мероприятий организации культуры могут устанавливать льготы для детей дошкольного возраста, учащихся, инвалидов, военнослужащих, проходящих военную службу по призыву. Порядок установления льгот для организаций культуры, находящихся в федеральном ведении, устанавливается уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти; для организаций культуры, находящихся в ведении субъектов Российской Федерации, – органами государственной власти субъектов Российской Федерации; для организаций культуры, находящихся в ведении органов местного самоуправления, – органами местного самоуправления.

На основании того, что организации сферы культуры могут самостоятельно устанавливать цены, они могут применять и классические методы ценообразования.

Наиболее распространенными методами ценообразования в настоящее время являются:

- затратное ценообразование, принимающее в качестве отправной точки фактические затраты (издержки) организации на производство, реализацию и постсопровождение услуги;

- следование за конкурентом, т. е. использование стратегии и тактики ценообразования наиболее успешно работающих конкурентов. При таком подходе к ценообразованию не всегда учитываются совокупные затраты, связанные с производством услуги;

- метод с ориентацией на спрос. Иногда данный метод называют «методом установления цены на основе ценностной значимости экономического блага для потребителя». В основе лежит ощущаемая потребителем ценность блага и желание покупателя за эту значимость платить определенную сумму. Цена в этом случае должна соответствовать ощущаемой потребителем ценностной значимости экономического блага. Организация может установить на реализуемое благо высокую цену тогда, когда благо представляет для покупателя большую ценностную значимость. Со снижением ощущаемой потребителем ценностной значимости блага цена снижается. При этом в обоих случаях издержки могут быть одинаковыми. Экономическая категория издержек при данном подходе рассматривается лишь как ограничительный фактор, который показывает, может ли благо по установленной цене приносить фирме прибыль или нет. Субъективная оценка покупателями ценности блага зависит от многих параметров, например от потребительских свойств экономического блага, от психологических преимуществ, от уровня обслуживания;

- метод тендерного ценообразования используется в случае, когда несколько организаций конкурируют друг с другом в борьбе за получение контракта. Наиболее часто

используется, когда организации участвуют в объявляемых государством тендерах.

Цель организации, в данном случае, получить заказ, поэтому цена должна быть ниже цен, предложенных конкурентами. Иногда организация предлагает цену ниже своих издержек с тем, чтобы повысить возможность получения заказа.

Наиболее популярный в большинстве организаций до сих пор является затратный метод, на который ориентировано и современное отечественное законодательство.

Основными причинами популярности являются:

- привязка цены к затратам на производство услуги упрощает решение задачи;

- данный метод является более справедливым по отношению к покупателю услуги (метод относится к «интуитивно понятным») и поэтому экономическое благо стоит столько, сколько было затрачено).

Указанный метод применим для сферы культуры, но он не всегда позволит установить взаимосвязь ценности и стоимости культурного блага.

Метод следования за конкурентом, является сегодня самым простым, т. к. не требует детального изучения состава цены, факторов влияющих на ее изменение. Цена просто устанавливается путем дублирования цены конкурентов, либо установление цены ниже, чем у конкурентов, не зависимо окупаются затраты или нет.

Данный метод не применим для сферы культуры, т. к. «большая доля товаров и услуг производится в условиях естественной монополии (территориальной, правовой), олигополии либо монополистической конкуренции, при которых производитель имеет значительное влияние на процесс установления цены» [6, с. 46].

Метод тендерного ценообразования для сферы культуры актуальным становится только тогда, когда организации культуры

работают на условиях, которые выдвигает государство.

Наиболее приемлемым методом ценообразования для сферы культуры, на наш взгляд, можно назвать метод установления цены с ориентацией на спрос (включая ценностное ценообразование, обеспечивающее получение прибыли за счет достижения оптимального соотношения «ценность/затраты»).

При реализации использования данного метода реализуется функция цены позволяющая осуществить связь между производством и потреблением культурного блага – это функция сбалансирования спроса и предложения.

Речь идет о том, что цена является на самом деле совместным результатом давления спроса и предложения на всех участников экономического процесса.

По мнению К. Эрроу, «цены – это не какие-то произвольные наборы цифр – это именно тот набор, который уравнивает спрос и предложение. Таким образом, цены определяются совместными усилиями всех агентов, действующих на рынке, хотя происходит это косвенным путем. Информация или сообщения, посылаемые отдельными участниками, – это те суммы, которые они согласны заплатить или получить за каждый товар...» [7].

Таким образом, процесс ценообразования позволяет проявиться цене двояко: цена уравнивает спрос и предложение, цена измеряет количественно объем спроса и объем предложения.

Среди факторов спроса на продукцию сферы культуры выделяют:

- во-первых, экономические факторы – это уровень цен, доходы граждан, культурная, бюджетная политика государства;
- во-вторых, внеэкономические – мода, традиции в потреблении, социальный престиж, уровень культуры потребителя, накопленный культурный потенциал потребителя, свободное время у потребителя.

Среди наиболее значимых факторов предложения продукции сферы культуры относят факторы издержек, которые несут производители культурных благ.

Процесс их формирования связан с так называемой «болезнью Бомоля–Боуэна», или «болезнью издержек».

Болезнь издержек объясняется тем, что экономику условно можно разделить на два сектора, различающихся по характеру применяемых в них производственных технологий: прогрессивный и архаичный.

Прогрессивный сектор характеризуется ростом производительности труда, постоянным совершенствованием применяемых технологий, внедрением новых технологий, благодаря которым труд замещается капиталом и затраты труда в расчете на единицу производимой продукции с течением времени уменьшаются.

В архаичном секторе технологии неизменны или очень медленно меняются со временем. Производятся одни и те же виды благ, затраты труда на единицу производимой продукции постоянны или сокращаются существенно медленнее, чем в прогрессивном секторе. Технологические улучшения, если и происходят, то на периферии основной деятельности.

В качестве примера может выступать концерт Скарлатти для струнного квартета. В конце XVII века, также как и в начале XXI века, концерт требует игры четырех музыкантов в течение 45 минут. Это свидетельствует о том, что трудозатраты в расчете на единицу продукции остались теми же не зависимо от времени.

В прогрессивном секторе рост производительности труда дает выигрыш в количестве и качестве производимых благ, что позволяет здесь увеличивать оплату труда в реальном выражении.

Рост цены труда работающих в прогрессивном секторе оказывает давление на цену труда в архаичном секторе. Занятые в нем

сопоставляют свои трудозатраты и размеры оплаты труда с затратами труда и уровнем его оплаты работников другого сектора и требуют повышения цены своего труда.

Поскольку в архаичном секторе не происходит роста производительности, то давление в сторону повышения оплаты труда ведет к росту затрат на единицу производимой продукции. Для их возмещения необходим рост цены. Последствия увеличения цены зависят от эластичности спроса на соответствующий товар или услугу.

Если спрос обладает низкой эластичностью, то происходит относительный рост цен на данное благо. Именно так обстоит дело с отдельными видами культурных благ, например на выступления модных филармонических и эстрадных исполнителей, на спектакли престижных театров и т. п.

Если же спрос высоко эластичен, то его размеры сокращаются и обуславливают необходимость сокращения производства данного блага. Для сохранения производства в прежних масштабах нужно субсидировать производителей [5].

Описанная выше ситуация как раз и характерна для некоторых других видов культурной деятельности, т. е. высокая цена не позволит окупить все затраты и одновременно привлечь потребителя. Для сохранения сегмента потребителей на основе низкой цены требуется помощь государства в виде субсидий.

Кроме «болезни издержек», как фактора предложения благ в сфере культуры, действует ряд факторов, делающих неизменным объем предложения культурных благ.

К ним относят:

- условия производства культурных благ – это ограниченность вместимости зрительных залов, пропускной способности площадок;

- время работы организаций сферы культуры;

- невозможность изменения производственных возможностей организаций культуры, так в большинстве своем они находятся в государственной или муниципальной собственности;

- предложение в сфере культуры неэластично, т. к. производятся уникальные продукты.

Действие вышеуказанных факторов указывает, что не всегда позволит процессу ценообразования в сфере культуры уравновесить спрос и предложение и точно определить объем данных категорий.

При этом следует отметить, что баланс спроса и предложения устанавливается на платные услуги сферы культуры, часть которых является социально-значимыми, и поэтому цены на данные услуги подвергаются значительному регулированию со стороны государства.

Кроме проанализированного аспекта следует отметить, что на обычных рынках товаров величина спроса характеризует определенное количество благ, которое потребитель готов купить, причем определенного качества, что в свою очередь влияет на размер устанавливаемой цены.

И. В. Чарная указывает, что принцип обычных товарных рынков «дороже значит лучше» для сферы культуры не действует:

Во-первых, по мнению этого автора, «в культуре нет объективных критериев качества, аналогов, например, сортности товаров. В культуре невозможно зафиксировать уровень качества и, соответственно, дефект культурного продукта»;

Во-вторых, «потребительский эффект (впечатление) невозможно гарантировать и прогнозировать, исходя из формальных признаков продукта (название, жанр, автор, размер произведения)»;

В-третьих, «культурные продукты не идентичны друг другу (дважды сходяв на один и тот же спектакль, зритель получает, скорее всего, разные по впечатлению, потре-

бительскому эффекту покупки) и не повторяются в потреблении. Если нет повторяемости при покупке и в потреблении, продавцу невозможно корректировать свое поведение в отношении цены, ориентируясь на предыдущие покупки» [2, с. 121].

Позволим себе добавить четвертый фактор, влияющий на размер цены – «культурная ценность». При этом истинную ценность культурного блага мы рассматриваем как «эстетические, художественные или иные культурные свойства самого объекта» [1].

Стоимость культурной ценности, по мнению В. А. Шестакова, должна «определяться квалифицированным экспертным заключением знатоков в данной области» [4].

Именно поэтому мы полностью согласны с мнением А. Долгина, который указывает, что «...часть культурной ценности не отражается в сиюминутных рыночных ценах. Даже если бы рыночная стоимость вбирала в себя все воспринимаемое потребителем качество, ее все равно нельзя считать исчерпывающей мерой культурной ценности. Люди могут что-то не понять и недооценить с первого раза» [3, с. 344].

В контексте обобщений, можно сказать, что цена в сфере культуры может в какой-то степени указывать на культурную ценность продукта, но не всегда указывать на качество культурного продукта и на его уровень ценности для потребителя.

Современная система ценообразования в сфере культуры, как мы уже определили, предоставляет производителям культурных благ широкие права по определению размера денежного выражения стоимости «культурной ценности», т. е. продавец самостоятельно определяет цену, опираясь на редкость блага.

Данное свойство, отражая «соотношение количества благ в наличии и потребность в них» [2, с. 124], относится к факторам, влияющим на размер цены. Чем меньше предложение (количество экономических благ), тем выше спрос и как следствие выше цена.

В индустрии культуры (аудио-, видео-продукция) производство может быть условно безграничным, и потребности будут удовлетворены максимально, значит редкость не будет оказывать роль на размер цены.

Что касается других отраслей сферы культуры (декоративно-прикладное искусство, произведения искусства и др.), то фактор редкости будет играть огромную роль в установлении размера цены.

На основании этого мы можем утверждать, что в сфере культуры отсутствует прямая, непосредственная связь между ценой и истинной стоимостью культурного блага.

В силу экономических особенностей деятельности организаций культуры процесс ценообразования данных организаций имеет ярко выраженную специфику. Согласно эффекту «болезни издержек» предложение культурных экономических благ требует от государства субсидий, т. к. расходы некоммерческих организаций культуры растут быстрее их доходов, следовательно, цены на услуги отстают от среднего уровня цен в экономике.

Кроме того, на формирование цен в сфере культуры влияет наличие естественной монополии на рынке услуг, что говорит о наличии барьеров для входа на рынок. Это выступает результатом того, что, не испытывая конкуренцию со стороны других производителей, организация сферы культуры имеет большую свободу в установлении цены.

Также следует отметить тот факт, что организации культуры могут устанавливать дифференцированные цены в зависимости от возрастного признака потребителей, в зависимости от категорий граждан (школьники, студенты, пенсионеры), в зависимости от времени посещения некоммерческой организации (день – вечер, открытые – закрытые часы), популярности, уникальности услуг.

Выявленные особенности процесса ценообразования в сфере культуры позволяют нам сделать вывод, что действительно наи-

более целесообразным методом установления цены для сферы культуры является метод установления цены на основе ценностной значимости экономического блага для потребителя, т. е. метод установления цены с ориентацией на спрос, хотя и этот метод имеет ряд недостатков.

Таким образом, процесс ценообразования в сфере культуры является весьма загадочным. Было лишь смутное понимание того, что стоимость культурного продукта не состоит в прямой зависимости от его полезности. Все критерии оценки качества того, что нельзя потрогать руками, достаточно субъективны, т. к. экономика культуры развивается

по особым законам. Потребитель культурного продукта платит за сопричастность, а сам продукт зависит, в первую очередь, от уровня предложения на основе социальных, психологических, экономических факторов и «имиджа» культурного блага.

Анализ цены, как экономической категории в сфере культуры, показал, что цена не отражает качество продукта, не прогнозирует потребительский эффект. Все это в какой-то степени нарушает действие функции цен, что доказывает несовершенство процесса ценообразования в сфере культуры, что, в свою очередь, требует поиска новых механизмов ценообразования в сфере культуры.

Литература

1. Автономов Ю. Взгляд на искусство через призму экономической теории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/6/a10.html> (дата обращения: 06.11.2011).
2. Введение в экономику культуры: учеб. пособие / И. В. Чарная – М.: МГУКИ, 2010.
3. Долгин А. Б. Экономика символического обмена. – М.: Инфра-М, 2006.
4. Шестаков В. А. Как высчитывается культурный капитал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://artandyou.ru/category/art/post/kak_kapital# (дата обращения: 09.11.11).
5. Шишкин С. В. Экономика социальной сферы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ravnovesie.com/files/dow/161411022564.htm> (дата обращения: 09.11.11).
6. Экономика и менеджмент культуры: учеб. пособие / Н. В. Кротова, Е. В. Галаева. – М.: МГУКИ, 2007.
7. Эрроу К. Возможности и пределы рынка как механизма распределения ресурсов [Электронный ресурс] // THESIS. – 1993. – Вып. 2. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/450/866/1219/2_1_3arrow.pdf (дата обращения: 06.11.11).

УДК 316.35:378

А. А. Русанова

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ФУНКЦИЯ СПОРТА В СОЦИАЛЬНОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ВУЗА

В статье обосновывается актуальность исследований вопросов социального самоопределения студенческой молодежи. Автор выделяет особенности социального самоопределения студенчества с точки зрения образовательного пространства вуза. Особое внимание уделяется спорту и физической культуре как социокультурной компоненте образовательной среды вуза.

Ключевые слова: спорт, физическая культура, физическое воспитание, студенчество, социокультурная среда, социальное самоопределение.

A. A. Rusanova

THE SOCIO-CULTURAL FUNCTION OF SPORT IN SOCIAL SELF-DETERMINATION FOR STUDENTS IN THE EDUCATIONAL SPACE OF THE UNIVERSITY

The article substantiates the relevance of research on social identity of students. The author identifies particular social identity in terms of students' educational environment of the university. Particular attention is paid to sports and physical culture as a socio-cultural component of the educational environment of the university.

Keywords: sports, physical culture, physical education, students, socio-cultural environment, social self-determination.

Спорт как уникальный социальный институт, который выполняет многочисленные социальные функции, включает индивида в социальные общности и общественные организации как полноправного члена общества и формирует определенные социальные отношения. А, следовательно, является важнейшим фактором социального самоопределения личности, которое традиционно трактуется как определение себя относительно выработанных в обществе и осознанно принятых человеком критериев принадлежности к определенной сфере общественных отношений и определенному социальному кругу [1].

В рамках данной статьи нас интересует проблема социального самоопределения студенческой молодежи. Поэтому необходимо остановиться на характеристике данной социальной группы. Итак, студенчество (от лат. student – усердно занимающийся) – учащиеся высших учебных заведений, представляющие собой социально-демографическую группу с определенным общественным положением, ролью и статусом, а также определенную социально-профессиональную группу, характеризующуюся общностью интересов, субкультурой и образом жизни при возрастной однородности, которой не имеют другие социально-профессиональные группы. Также этим термином обозначают особую фазу, стадию социализации и социального самоопределения (студенческие годы),

которую проходит значительная часть молодежи и которая характеризуется определенными социально-психологическими особенностями.

Студенчество является одной из тех социальных групп, для которых переходность, маргинальность социального статуса есть изначальная, сущностная характеристика, вытекающая из самого характера ее общественных функций. Переходный характер социального статуса студенчества обусловлен, во-первых, характером выполняемых в обществе специфических функций, во-вторых, особенностями формирования студенчества как социальной группы и взаимодействия его с другими элементами социальной структуры, в-третьих, характером и условиями основной деятельности и условиями жизни в целом, в-четвертых, принадлежностью студенчества к социально-демографической группе молодежи и связанными с этим функциями, особенностями сознания и деятельности. Особое место студенчества среди групп переходного характера определяется тем, что в рамках его осуществляется переход к преимущественному социальному статусу (по характеру и содержанию трудовой деятельности, по возможности активного участия в управлении, по общественному престижу и т. п.).

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что студенческие годы –

это годы активного становления молодого человека как самостоятельной, самодостаточной во всех отношениях личности, что сопровождается выбором и утверждением своей позиции в проблемных ситуациях в соответствии с личными потребностями, мотивами, идеалами, убеждениями, субъективными оценками происходящего, выбором видов социальной деятельности и личностно-приемлемых вариантов участия в ней. Другими словами – это период активного социального самоопределения, т. е. определения себя относительно выработанных в обществе (и принятых данным человеком) критериев принадлежности к определенной сфере общественных отношений и определенному социальному кругу, ограничение себя некоторым кругом профессий.

Основным видом деятельности студенческой молодежи является учебно-профессиональная деятельность, а образовательное пространство вуза является одним из важнейших агентов социального самоопределения студента.

Основой социального самоопределения личности студента выступает социокультурное самоопределение, т. е. определение себя относительно общекультурных и человеческих ценностей с целью выделения и обоснования собственной жизненной концепции. В этом смысле спорт может стать той социокультурной средой в вузе, суть которой состоит в новом видении назначения и смысла образования, в упрочении индивидуальных ценностей образования, удовлетворении личных запросов молодых людей, в обеспечении их успешного самоопределения и самореализации, обращена к растущему человеку как главной ценности.

Спорт как социальный фактор как бы модельно воспроизводит альтернативу современной культуры, сохраняет и укрепляет существенные механизмы социально-культурной жизни человека и, переходя в субкультуру индивида, формирует его как социально ком-

петентную личность. Далее спорт является видом активной деятельности, в процессе которой решается и вопрос о внешнем масштабе самоопределения и самоутверждения личности. И по этому признаку спорт глубоко проникает в субкультуру в качестве социального института, определяя личностное становление индивида и формируя стили жизни.

Спорт как вид социальной, непродуцированной деятельности воспроизводит определенные базовые механизмы человеческого самосознания и самоопределения, располагая специфически воспитательными возможностями называться полноценным видом социальной деятельности, сферой утверждения и обретения культуротворческого смысла личности.

В данном случае спортивная деятельность может стать непосредственным носителем механизмов социальных отношений. Эти отношения получают предельно концентрированное выражение в процессе формирования личностных характеристик. Следует подчеркнуть, что быть включенным в социальные отношения через спортивную деятельность и заниматься социально организованной деятельностью – физической культурой – это не одно и то же. Различие состоит в том, что субъектом спортивной деятельности являются не только отдельные личности, но и общности и общественные организации, в которых у личности формируются установки на деятельность и потребность в общении. Утверждение, что спорт является предметно выраженной сферой общих социальных интересов и фактором, укрепляющим целостность общества, говорит в пользу социальной природы спорта как специфически воспитательного фактора формирования личности [2].

Эти отношения в процессе формирования личности в общей совокупности и характеризуют спорт как социокультурную среду. Особенности этих отношений состоят в том, что они возникают и, проходя предваритель-

но через сознание людей (общественное, индивидуальное и коллективное), затрагивают сферу ценностных отношений личности и строятся в соответствии с системой воспитания в интересах общества.

Данные отношения по своему статусу в системе общественных отношений являются надстроечными. И, подобно политическим, правовым, моральным и другим отношениям, они в своем развитии определяются среди прочих факторов природой и типом господствующего материального базиса. Характер и содержание этих отношений в конечном итоге могут быть детерминированы социально-экономической структурой общества. Смена базиса влечет за собой изменение и надстроечной сферы, и в том числе спортивных отношений. Это означает, что сфера спорта не имеет полной самостоятельности. Равно как и другие надстроечные явления, как, например, интеллектуальная или культурная среда формирования личности, она имеет относительную самостоятельность, сущность которой заключается в том, что помимо зависимости от базиса, она имеет собственные, только ему присущие законы и закономерности развития и функционирования. Французский социолог Пьер Будье писал: «...пространство спортивной деятельности не есть мир, замкнутый в себе самом. Оно включено в мир практики и потребления, в свою очередь, структурированный в специфическую воспитательную систему. Имеются все основания рассматривать виды физической активности как относительно автономное пространство, но не следует забывать, что оно является фактором гармоничного развития личности» [3].

Рассматривая процесс социального самоопределения через социально-культурный срез спортивной деятельности и среды физической активности в вузе, следует отметить, что спорт в силу своего специфического характера создает конкретные условия для социальной адаптации и интеграции сту-

дента, формируя определенный тип его поведения. Один из главных целевых ориентиров в подготовке будущего специалиста – его развитие на основе выработки личностного отношения к содержанию образования и культуры, освоению норм и способов мышления и деятельности. От студента требуется самоопределение, а от вуза – создание должного учебного процесса.

Еще в 1994 году, в соответствии с государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования, физическая культура была объявлена обязательной дисциплиной гуманитарного образовательного цикла. Именно тогда в вузах России появилась программа, в которой декларируются идеи о месте и роли физического воспитания и физической культуры, о том, что они должны стать интегративным качеством личности, неотъемлемым компонентом общей культуры студента и в перспективе быть реализованы в социально-профессиональной деятельности и семейной жизни. Задачи физического воспитания – гармонизация телесно-духовного единства, формирование таких ценностей, как здоровье, физическое и психическое благополучие, физическое совершенство – актуальны и сегодня, в связи с введением образовательных стандартов нового поколения, и не вызывают принципиальных возражений.

В то же время учебные и внеучебные занятия студентов расставляют все по своим местам.

Основная форма занятий физической культурой в вузах – учебные занятия. Реально – это занятия до или после специальных дисциплин, требующих определенной концентрации, настройки и подготовки, осмысления. Опыт показывает, что студенты за час до таких лекций избегают больших физических нагрузок.

Четыре часа в неделю студенты должны заниматься тем, что им будет предложено,

в зависимости от возможностей вуза, климатических условий и конкретной ситуации. Единой поурочной программы нет и не может быть. Оснащенность вузов спортивными сооружениями по качеству не соответствует уровню культуры общества, которого мы стремимся достигнуть.

Доказано, что принудительные занятия не могут сформировать стойкой потребности в них на всю жизнь. Анализ проблемы подготовки молодых специалистов в развитых странах показал, что проблема здоровья индивида, его физической работоспособности решается только на добровольных началах. Студенту предлагаются варианты выбора вида занятий в удобное для него время. Если принципиально не изменить форму проведения занятий в российских вузах, положение не улучшится. Это подтверждают результаты опроса студентов Читинского государственного университета, целью которого было узнать отношение самих студентов к физической культуре и спорту, самооценки их физического состояния, выявления отношения к занятиям физической культурой в вузе. Выборка составила – 500 человек: 150 юношей и 350 девушек.

Полученные данные демонстрируют, что в большинстве своем (71 %) респонденты положительно относятся к физической культуре и спорту, лишь 5 % студентов высказались отрицательно по этому поводу; безразличное отношение у 23 %; затруднились ответить – 1 %. В целом, следует констатировать факт, что большинство студентов понимают необходимость спорта в жизни человека, что подтвердили ответы на следующий вопрос: 77 % респондентов высоко оценивают социальную значимость физической культуры, считая ее важнейшим элементом общей культуры человека; 16 % считают, что физическая культура и спорт не влияют на их культурный уровень; 7 % затруднились оценить их социальную роль в формировании личности студента. На наш взгляд, такое положение, в первую

очередь, характеризует не достаточную информированность о социальной сущности физической культуры.

Лучшим доказательством значимости физической культуры и спорта для развития человека может быть осмысление ценностного потенциала этого феномена. Главную их ценность в развитии личности юноши и девушки видят в укреплении здоровья (89 %); в развитии волевых и моральных качеств (62,3 %); во всестороннем развитии способностей личности с раннего возраста (40 %). Побуждает студентов к физкультурно-спортивной деятельности потребность в движениях и физических упражнениях (72,3 %); в эмоциональной разрядке и отдыхе (58,9 %); в общении и проведении свободного времени (29,2 %); в самоутверждении (24 %); в эстетическом наслаждении (18,9 %). Всего 18 % респондентов оценили свое здоровье как соответствующее желаемому, 6 % – затруднились дать оценку своему физическому состоянию, 76 % студентов хотели бы улучшить состояние своего здоровья, причем именно с помощью физической культуры и спорта. Опять результаты демонстрируют достаточно высокий уровень положительного восприятия физической культуры и спорта и его значения в жизни человека.

Несколько иную, не такую радужную, картину можно наблюдать, анализируя результаты ответов респондентов на вопросы, касающиеся отношения к занятиям физической культурой в вузе. Несмотря на то, что 82 % опрошенных считают занятия физической культурой обязательными и необходимыми, а лишь 12 % ответили на данный вопрос отрицательно, (остальные 6 % затруднились ответить), отношение к форме проведения этих занятий в вузе у большинства студентов достаточно пессимистическое: 84 % респондентов считают, что занятия по физическому воспитанию в вузе должны проводиться только в форме секционных занятий, вне учебных часов. Низко оценивают

студенты и качество проведения занятий: однообразно, скучно, не интересно – 89 %; завышенные, без учета физических возможностей, требования – 86 %; неудобное время проведения – 74 %; неблагоприятные отношения между преподавателями и студентами – 72 %; низкий уровень профессионализма преподавателей – 47 % респондентов.

Важным показателем оценки деятельности вуза является критерий удовлетворенности. На вопрос «Как вы считаете, имеются ли в вузе условия для занятий физкультурой?» были получены следующие ответы: в полной мере удовлетворены этими условиями – 16 % студентов, частично – 23 %; в том, что они полностью отсутствуют, уверены 59 % респондентов. Среди неудовлетворительных условий проведения занятий по физическому воспитанию чаще всего студенты отмечают отсутствие спортивного инвентаря, отвечающего современным требованиям – 89 % и спортивной базы (стадион, спортивные площадки, бассейн и т. п.).

В ходе опроса выявилась еще одна проблема. Многие студенты отмечают, что в вузе не в достаточной мере осуществляется работа по выявлению спортивно одаренной молодежи. Лишь малая часть молодых людей, поступивших в вуз с определенным опытом и достижениями в спортивной деятельности, имеют возможность проявить себя в его стенах. Слабо организована работа спортивных секций по интересам, почти не проводятся внутри вузовские спортивно-массовые мероприятия, а если проводятся, то носят заорганизованный и принудительный характер.

Как видим, картина достаточно неутешительная. Выводы напрашиваются не очень положительные: потребность в занятиях физической культурой и спортом у студентов есть, осознание необходимости этих занятий – тоже есть, есть и желание заниматься спортом как личное стремление к самосовершенствованию и саморазвитию. Нет условий, которые обязан создать вуз как

институт, ориентированный на развитие возможностей личности и реализацию личностного потенциала человека, его свободного самовыражения.

Каковы же реальные предложения по изменению форм физического воспитания и образования? Основная задача, на наш взгляд, состоит в том, чтобы вывести студентов из состояния пассивных исполнителей программы, превратить их в активных участников учебного процесса. Студент должен понять, что он сам, прежде всего, заинтересован в своем хорошем физическом состоянии. Со стороны вуза необходим лишь контроль за этим и предоставление возможностей для занятий.

Физическая культура представлена в вузах как учебная дисциплина и важнейший базовый компонент формирования общей культуры молодежи. Она способствует гармонизации телесно-духовного единства, обеспечивает формирование таких ценностей, как здоровье, физическое и психическое благополучие, физическое совершенство. Понимание студентом физической культуры как ценности может стать действенным фактором формирования прогрессивных тенденций в развитии общественного мнения и потребностей в освоении ее ценностей как вида культуры будущего специалиста. В последние годы значительно вырос объем, улучшились содержание и качество научных работ, посвященных анализу эффективности внедрения нетрадиционных форм, средств и методов физкультурной деятельности студенчества. При этом интерес представляют исследования, в которых положено начало новым подходам к изучению физической культуры в аспектах теории культуры, оригинальным решениям в разработке новой концепции и ее реализации в условиях гуманитаризации вузовского образования. Оценивая положительный вклад специалистов, необходимо отметить, что теоретические аспекты, обоснование целенаправленного использования

ее нетрадиционных форм, средств и методов еще не нашли практического внедрения. Остаются нерешенными и другие важные аспекты нравственного, духовного и физического оздоровления студенческой молодежи.

Актуальна проблема формирования мотивов и потребностей студентов в спортивной деятельности, физической рекреации и реабилитации. Главными критериями при разработке различных видов физической культуры в вузах следует считать как объективную (требования общества), так и субъективную (личное желание потребности в различных видах физкультурной деятельности). Основная форма ее функционирования в вузах – неспециальное физкультурное образование. Как и образование в целом, оно является общей категорией социальной жизни личности и общества в целом. Целями его следует считать: достижение целостности знания о человеке, его культуре как системе норм, ценностей, ориентированных на развитие личностных качеств молодого человека; создание гуманитарных основ (нравственно-этических, культурно-эстетических) формирования интеллигентности студента в единстве с его физкультурной деятельностью; воспитание у студентов потребности и способности руководствоваться в своей жизнедеятельности гуманистическими мотивами и целями физкультурной деятельности, умения прогнозировать и самокритично оценивать результаты телесного и духовного развития; ориентация студентов на самообразование,

саморазвитие, саморегуляцию и самоконтроль в области физкультурной деятельности, непрерывное духовное и физическое развитие как важный фактор во всех сферах их жизнедеятельности.

Спортивная деятельность является логическим завершением неспециального физкультурного образования, т. к. оно создает только начальную базу, формирует предпосылки для развития физических качеств и двигательных навыков. Необходимость в занятиях спортом определяется потребностями общества иметь специфические средства воспитания высоких психофизических способностей будущего специалиста. Спорт позволяет расширить круг общения молодежи, дает возможность сопереживания, эстетического и эмоционального восприятия, решения научных, педагогических, социальных и других задач в нестандартных ситуациях. Это особенно важно в условиях перехода на многоуровневую систему образования, когда студенты вовлечены в стремительный ритм современной жизни. Он создает реальные условия для самосовершенствования, адекватного самопознания значимых и социально приемлемых способов самореализации и самоутверждения. Спорт как социокультурная среда делает учебу в вузе плодотворной, а это главное в подготовке к предстоящей профессиональной деятельности. В конечном счете, все выше перечисленное, по нашему мнению, и является составляющими элементами социального самоопределения личности.

Литература

1. Краткий словарь по социологии / под общ. ред. Д. М. Гвишиани, Н. И. Лапина. – М.: Политиздат, 1989.
2. Апицаури Л. Ш. Спорт как социальное явление и фактор социализации личности // Теория и практика физ. культуры. – 2003. – № 1. – С. 12–14.
3. Жолдак В. И., Коротаева Н. В. Социология физической культуры и спорта: учеб. пособие. – Малаховка: МОГИФК, 1994. – С. 295.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

SCIENTIFIC LIFE OF THE UNIVERSITY

А. А. Насонов

ХІІІ ІОАННОВСКІЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЧТЕНИЯ В КЕМЕРОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

A. A. Nasonov

XIII IOANNOVSKIE EDUCATIONAL READINGS IN KEMEROVO STATE UNIVERSITY OF CULTURE AND ARTS

10 ноября 2011 года в Кемерово состоялись XIII Иоанновские образовательные чтения, посвященные в этом году теме: «Проблемы системной организации духовно-нравственного воспитания и образования подрастающего поколения на современном этапе взаимоотношений государства и Русской православной церкви в Кузбассе». Организаторами форума выступили Кемеровская и Новокузнецкая епархия Русской православной церкви и Департамент образования и науки администрации Кемеровской области, а также Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования, ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств».

Церемония открытия и пленарное заседание состоялись в актовом зале Кемеровского епархиального управления. С приветственными словами и докладами к участникам форума обратились: епископ Кемеровский и Новокузнецкий Аристарх, председатель Комитета по взаимодействию с религиозными организациями администрации Кемеровской области Е. Н. Стась, зачитавшая приветствие от лица заместителя губернатора Кемеровской области Е. Л. Рудневой. В целом в работе

секций чтений приняли участие представители педагогического и научного сообщества, общественных организаций, сотрудники социальных служб и активисты молодежных движений.

Участники секций обсудили вопросы духовно-нравственного воспитания и образования в средней и высшей школе, перспективы сотрудничества Кемеровской и Новокузнецкой епархии с региональными общественными организациями, вопросы реализации совместных молодежных проектов администрацией Кемеровской области и структурами Русской православной церкви, совместную деятельность церковных и светских средств массовой информации. Работа секций проходила в форме секционных заседаний, круглых столов, свободных дискуссий, обучающих семинаров и мастер-классов.

В Кемеровском государственном университете культуры и искусств работала секция «Исторически обусловленные культурные формы работы с подрастающим поколением в вопросах духовно-нравственного образования и воспитания», которой руководил начальник отдела культуры Кемеровской и Новокузнецкой епархии иерей Роман Закиров. В рамках секции прозвучал доклад

иерея Романа Закирова «Культура и псевдокультура», отразивший церковное мнение о духовно-нравственном развитии и культурном опыте современной молодежи, акцентировавший внимание на опасности подмены традиционных ценностей и положительных образов чуждыми авторитетами. Доклад сопровождался демонстрацией тематических видеосюжетов. Кроме того, в ходе работы секции состоялась беседа с участием атамана Полысаевского станичного казачьего общества, подхорунжего С. Л. Бессонова на тему «Казачество: история, современное состояние, направления деятельности». Речь шла о возможностях использования социокультурного опыта этого сословия дореволюционной России в сегодняшних условиях.

Параллельно с секционным заседанием в Музее истории КемГУКИ работала выставка старинных икон. На ней отделом культуры Кемеровской и Новокузнецкой епархии были представлены старинные иконы: «Житие Иоанна Богослова», икона покровителей семьи и брака Петра и Февронии Муромских с частицей мощей и др. Посетители выставки могли ознакомиться со специальной литера-

турой, посвященной богословской и литургической тематике, а также, используя краски и разноцветные мелки, изобразить на листах бумаги образы и сюжеты, с которыми ассоциировалось увиденное на выставке.

В обсуждении актуальных вопросов взаимодействия учреждений культуры и искусства, проблем духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения приняли участие преподаватели и сотрудники университета: кандидат педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Н. Г. Смирнова; кандидат педагогических наук, психолог управления воспитательной и социальной работы И. И. Щербинина; ведущий научный сотрудник научного отдела, преподаватель кафедры музейного дела А. А. Насонов. Задать вопросы докладчикам и принять участие в дискуссии смогли магистранты и студенты различных специальностей «Социально-культурная деятельность» Института социально-культурных технологий и «Народное художественное творчество» институтов музыки, хореографии, театра и визуальных искусств КемГУКИ.

Т. А. Чекалина

МАЛЫЕ ИННОВАЦИОННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

T. A. Chekalina

SMALL INNOVATION ENTERPRISES AT THE UNIVERSITY OF CULTURE AND ARTS: CHALLENGES AND PROSPECTS

Инновационное развитие государства, построение инновационной национальной системы должно основываться, прежде всего, на взаимодействии инновационного за-

конодательства и рынка интеллектуальной собственности, а также обеспечиваться соответствующими человеческими ресурсами. Направленное движение вперед не-

возможно без инновационной мотивации носителей идей (авторов интеллектуальной собственности) и долгосрочного взаимовыгодного сотрудничества государства и бизнеса. Принятый в августе 2009 года Федеральный закон № 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности» явился важным шагом для создания современной инновационной экономики. Закон ориентирован на внедрение и использование результатов научно-технической деятельности, прежде всего – интеллектуальной собственности.

На настоящее время наиболее активными исполнителями закона оказались вузы.

В рамках областного молодежного форума «СТАРТ – 2011» 24 декабря 2011 года был проведен круглый стол «Малые инновационные предприятия в вузах области».

От нашего вуза был представлен доклад: «Малые инновационные предприятия в условиях университета культуры и искусств: проблемы и перспективы». Для того чтобы создать малое инновационное предприятие в вузе культуры, необходимо выявить проблемы, которые возникают в процессе создания малых инновационных предприятий в вузах.

В докладе были освещены следующие проблемы:

1. Вопросы нормативно-правового характера, вопросы налогообложения.

2. Финансирование и поиск инвесторов. Взаиморасчеты с вузом.

3. Вопросы оценки и использования имущества малых инновационных предприятий.

4. Вопросы аренды площадей и использования оборудования.

5. Другие вопросы:

- как показывает практика, создание малых инновационных предприятий неизбежно приведет к конкуренции с вузом по отдельным научным направлениям;

- при создании хозяйственных обществ происходит уменьшение объемов НИР вуза, которые являются аккредитационными показателями деятельности университета;

- отсутствует механизм выявления результатов интеллектуальной деятельности, пригодных к использованию в бизнесе;

- неподготовленность бизнес-структур к формированию запроса на совместную с вузом хозяйственную деятельность и к взаимодействию в этой сфере;

- в вузах нет кадров, способных к созданию и регистрации в органах власти МИП; отсутствуют компетентные специалисты, основной деятельностью которых был бы контроль функционирования хозяйственных обществ; отсутствует опыт в подготовке и привлечении специалистов, необходимых для создания в вузе соответствующей организационно-технической инфраструктуры; отсутствует подразделение при вузе, владеющее механизмом перевода интеллектуальной собственности в нематериальные активы, создания и ведения учета деятельности инновационных хозяйственных обществ;

- низкая активность авторов и разработчиков идей, отсутствие механизма стимулирования активности; сотрудники университета слабо мотивированы быть учредителями хозяйственных обществ;

- большая занятость преподавателей учебной нагрузкой.

Вузы культуры и искусств, исходя из своей специфики, имеют, помимо общих, ряд специфических проблем, связанных с созданием малых инновационных предприятий:

Список результатов инновационной деятельности (РИД) обозначен в ФЗ № 217 и является исчерпывающим – в уставный капитал хозяйственных обществ могут быть внесены только:

- изобретения,
- полезные модели,
- промышленные образцы,
- селекционные достижения,
- программы для электронных вычислительных машин,
- базы данных,
- топологии интегральных микросхем,
- секреты производства (ноу-хау).

Для вузов культуры и искусств наиболее приемлемыми могут быть программы для электронных вычислительных машин, базы данных.

Существующие организационно-правовые формы инновационных учреждений (бизнес-инкубаторы, технопарки и т. д.) по своей структуре направлены на реализацию взаимодействия с малыми инновационными предприятиями вузов, которые осуществляют деятельность в сфере высоких технологий. Следовательно, их материально-техническая база и кадровый потенциал изначально исключен из сферы деятельности малых инновационных предприятий вузов культуры.

В соответствии с ФЗ № 217 предполагается, что от деятельности малых инновационных предприятий вузов ожидается, прежде всего, экономический эффект. Что касается инноваций в культуре, то от их деятельности необходимо ожидать социально-экономический эффект, а собственно экономической эффективности во многих случаях может и не быть.

В настоящее время в КемГУКИ разработана и реализуется программа по развитию инновационной деятельности.

Программа развития инновационной деятельности КемГУКИ

	Мероприятия	Сотрудничество
1.	Подписание договоров, соглашений о сотрудничестве с организациями в сфере инноваций	Департамент образования и науки АКО, МАСС «Сибирское соглашение», «Кузбасская торгово-промышленная палата»
2.	Открытие филиалов кафедр для реализации проектов	Департамент культуры и национальной политики АКО, Студенческий бизнес-инкубатор, учреждения СКС
3.	Создание временных научно-исследовательских коллективов (ВНИК) (преподаватели)	Министерство культуры, АКО, администрация г. Кемерово
4.	Внутривузовские студенческие конкурсы инновационных проектов, бизнес-проектов	РГТЭУ; работодатели; выпускники вуза, работающие в социально-культурной сфере
5.	Форум, круглый стол, деловые игры, обучающие семинары по инновационным проектам (для ППС, для студентов)	АКО, администрация г. Кемерово, специалисты в области инноваций
6.	Прохождение производственной практики, стажировка студентов, дипломные работы по заявкам работодателей	Кузбасский технопарк, Отделы по инновациям АКО, г. Кемерово
7.	Участие в международных, региональных конкурсах по инновационным проектам (ППС, студенты)	МНФПМП г. Кемерово
8.	Участие в выставках и ярмарках по инновациям (ППС, студенты)	АКО, администрация г. Кемерово

В настоящее время мы имеем следующие результаты реализации программы по развитию инновационной деятельности КемГУКИ:

1. Разработана программа развития инновационной деятельности КемГУКИ.

2. Прорабатываются и обсуждаются предложения для региональных и муниципальных органов власти по поддержке инновационной деятельности и инициатив в социально-культурной сфере.

3. Несмотря на проблемы и трудности реализации № 217-ФЗ в гуманитарных университетах и вузах культуры и искусств, в КемГУКИ разрабатывается новый тип малых инновационных предприятий, не связанный с точными науками.

Малые инновационные предприятия могут создавать разработки для социально-культурной сферы, то есть заниматься инновациями в основных процессах, осущест-

вляющихся учреждениями и организациями этой сферы: развитие социокультурного потенциала туризма, социокультурная инноватика, менеджмент социально-культурной деятельности институтов гражданского общества, культурные индустрии, социально-культурные технологии в индустрии досуга и др.

Но малые инновационные предприятия вузов культуры и искусств могут разрабатывать инновационные подходы как обеспечивающие бизнес-процессы инновационных предприятий производственного и делового сегмента рынка. В этом плане, на наш взгляд, перспективы имеют такие направления, как социокультурное сопровождение бизнеса, event – менеджмент, использование ресурсной базы социально-культурной деятельности в целях повышения инвестиционной активности и деловой привлекательности региона и др.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абсалямов Марат Бахтаевич, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культурологии и философии науки, Красноярский государственный аграрный университет. E-mail: nir@kemguki.ru

Андреева Светлана Валентиновна, старший преподаватель кафедры социально-культурной деятельности, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: kesha200862@mail.ru

Ариарский Марк Ариевич, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности, Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, почетный профессор Московского и Казанского университетов культуры и искусств. E-mail: nir@kemguki.ru

Астахов Олег Юрьевич, кандидат культурологии, доцент, ведущий научный сотрудник научного отдела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: astahov_oleg@mail.ru

Брижатова Светлана Борисовна, доктор педагогических наук, профессор кафедры социально-культурной деятельности, Алтайская государственная академия культуры и искусств. E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Васильева Анастасия Игоревна, аспирантка третьего года обучения, преподаватель кафедры технологии автоматизированной обработки информации, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: atwa86@mail.ru

Гончарова Наталья Викторовна, директор по обучению, АНО «Школа Бенедикт» (г. Кемерово). E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Кагакина Елена Андреевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры управления социальной сферы, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: vestnikkemguki@kemguki.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Absalyamov Marat Bahtayevich, Doctor of Culturology, Professor, Head of Chair of culturology and philosophy of science, Krasnoyarsk State Agricultural University. E-mail: nir@kemguki.ru

Andreeva Svetlana Valentinovna, Senior teacher of Chair of social and cultural activities, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: kesha200862@mail.ru

Ariarsky Mark Arievich, Doctor of Culturology, Professor, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Head of Chair of socio-cultural activities, St. Petersburg State University of Culture and Arts, Honorary Professor of Moscow and Kazan Universities of Culture and Arts. E-mail: nir@kemguki.ru

Astahov Oleg Yurievich, Candidate of Culturology, Docent, Senior Specialist of Scientific Department, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: astahov_oleg@mail.ru

Brizhatova Svetlana Borisovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Chair of social and cultural activities, Altai State Academy of Culture and Arts. E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Vasilyeva Anastasia Igorevna, 3d year postgraduate student, Teacher of Chair of technology of automated data processing, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: atwa86@mail.ru

Goncharova Natalia Viktorovna, Director of training, ANO «Benedict School» (Kemerovo). E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Kagakina Elena Andreyevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of the Chair of Social Sphere Control, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: vestnikkemguki@kemguki.ru

Казыми Парвиз, доктор философии, преподаватель кафедры библиотековедения, Бакинский государственный университет. E-mail: pkazimi@mail.ru

Касаткина Наталья Эмильевна, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, лауреат премии Правительства РФ в области образования, заведующая межвузовской кафедрой общей и вузовской педагогики, Кемеровский государственный университет. E-mail: kasatkina@kemsu.ru

Коргожа Наталья Степановна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой социально-культурной деятельности, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: vestnik-kemguki@yandex.ru

Красиков Владимир Иванович, доктор философских наук, профессор, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: krasikov1958@yahoo.com

Кудрина Екатерина Леонидовна, доктор педагогических наук, профессор, действительный член Международной академии наук высшей школы, Международной академии информатизации, Российской академии естественных наук, почетный профессор Монгольского государственного университета культуры и искусств, заслуженный работник культуры РФ, ректор Кемеровского государственного университета культуры и искусств. E-mail: kudrina@kemguki.ru

Кузякина Татьяна Ивановна, преподаватель фортепиано, Нижневартровский социально-гуманитарный колледж. E-mail: Ekaterina.kuzyak@mail.ru

Леонов Евгений Евгеньевич, аспирант, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: Lucky-number@mail.ru

Леонова Наталья Владимировна, кандидат искусствоведения, доцент, и. о. профессора кафедры этномузыкального знания, Новосибирская государственная консерватория (академия) имени М. И. Глинки. E-mail: nleonova53@mail.ru

Kazymi Parviz, Doctor of Philosophical Sciences, Lecturer of Library Science Chair, Baku State University. E-mail: pkazimi@mail.ru

Kasatkina Natalia Emiliyevna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honoured Worker of RF higher education, Winner of RF government prize, Head of inter-university Chair of general and higher education pedagogic, Kemerovo State University. E-mail: kasatkina@kemsu.ru

Korgozha Natalia Stepanovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Head of Chair of social and cultural activities, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: vestnik-kemguki@yandex.ru

Krasikov Vladimir Ivanovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: krasikov1958@yahoo.com

Kudrina Ekaterina Leonidovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Member of the International Academy of Higher Education, International Academy of Informatization, Russian Academy of Natural Sciences, Professor Emeritus of Mongolian State University of Culture and Arts, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Rector of Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: kudrina@kemguki.ru

Kuzyakina Tatiana Ivanovna, piano teacher, Nizhnevartovsk Social Humanitary College. E-mail: Ekaterina.kuzyak@mail.ru

Leonov Evgeny Evgenievich, post-graduate student, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: Lucky-number@mail.ru

Leonova Natalia Vladimirovna, Candidate of Arts, Docent, acting Professor of Chair of ethnomusicology, Glinka Novosibirsk State Conservatory (Academy). E-mail: nleonova53@mail.ru

Литвак Римма Алексеевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии, Челябинская государственная академия культуры и искусств. E-mail: kaf-ped@chgaki.ru

Лопатина Елена Ивановна, аспирант, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: diamantlight@mail.ru

Лопатина Роза Фагимовна, проректор по воспитательной и социальной работе, заслуженный учитель РФ, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: altamira5@mail.ru

Миляева Екатерина Галимулловна, аспирант, кафедра философских наук, Челябинская государственная академия культуры и искусств (первый год обучения, искомая степень – кандидат философских наук, 09.00.13 – философия культуры, философская антропология), преподаватель общественных дисциплин, ГОУ СПО «Челябинский базовый медицинский колледж». E-mail: morning_demon@mail.ru

Москаленко Ирина Владимировна, аспирант, старший преподаватель кафедры педагогики и психологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: moskalenko.74@mail.ru

Мухамедиева Светлана Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики социальной сферы, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: swet-73@mail.ru

Назаркина Валерия Александровна, кандидат экономических наук, доцент, Новосибирский государственный технический университет. E-mail: vestnikkemguki@kemguki.ru

Насонов Александр Александрович, ведущий научный сотрудник научного отдела, преподаватель кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: nas-alex-alex@rambler.ru

Litvak Rima Alekseyevna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Chair of pedagogy and psychology, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. E-mail: kaf-ped@chgaki.ru

Lopatina Elena Ivanovna, post-graduate student, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: diamantlight@mail.ru

Lopatina Rosa Fagimovna, Vice Rector for education and social work, Honored Teacher of the Russian Federation, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: altamira5@mail.ru

Milyaeva Ekaterina Galimullovna, post-graduate student, Chair of Philosophy, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts (1st year of training, for the Candidate of Philosophy, 09.00.13 – philosophy of culture, philosophical anthropology), teacher of social sciences, Chelyabinsk Base Medical College. E-mail: morning_demon@mail.ru

Moskalenko Irina Vladimirovna, post-graduate student, Senior teacher of Pedagogy and psychology Chair, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: moskalenko.74@mail.ru

Mukhamedieva Svetlana Anatolievna, Candidate of Economical Sciences, Docent at Chair of Social Sphere Economics, Kemerovo State University of Cultural and Arts. E-mail: swet-73@mail.ru

Nazarkina Valeria Aleksandrovna, Candidate of Economical Sciences, Docent, Novosibirsk State Technical University. E-mail: vestnikkemguki@kemguki.ru

Nasonov Aleksandr Aleksandrovich, Senior Specialist of Scientific Department, Lecturer, Chair of museum science, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: nas-alex-alex@rambler.ru

Невелева Вера Сергеевна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философских наук, Челябинская государственная академия культуры и искусств. E-mail: kaf-fil@chgaki.ru

Неретин Олег Петрович, директор Департамента науки и образования Министерства культуры Российской Федерации, кандидат политических наук, лауреат премии Правительства Российской Федерации, лауреат премии «IT-Лидер 2008». E-mail: nir@kemguki.ru

Пономарев Валерий Дмитриевич, доктор педагогических наук, профессор, проректор по творческой и международной деятельности, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: ponomarev@kemguki.ru

Резанович Ирина Викторовна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой управления персоналом, Южно-Уральский государственный университет. E-mail: ivr@ifsusu.ru

Родионова Дарья Дмитриевна, кандидат философских наук, доцент кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: dasha.d.rodionova@yandex.ru

Рудич Любовь Ивановна, кандидат педагогических наук, профессор кафедры управления социальной сферы, заслуженный работник культуры РФ, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: vestnikkemguki@kemguki.ru

Руکش Геннадий Леонидович, кандидат педагогических наук, профессор кафедры рекламы и социально-культурной деятельности Сибирского федерального университета, министр культуры Красноярского края, заслуженный работник культуры РФ. E-mail: nir@kemguki.ru

Русанова Анна Алексеевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социологии организаций, ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет». E-mail: rusanova_a_a@mail.ru

Neveleva Vera Sergeyevna, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Chair of Philosophy, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. E-mail: kaf-fil@chgaki.ru

Neretin Oleg Petrovich, Director of the Department of Education and Science of the Ministry of Culture of the Russian Federation, Candidate of Political Sciences, Laureate of the Russian Federation Government Award, Laureate «IT-Leader 2008». E-mail: nir@kemguki.ru

Ponomaryov Valeriy Dmitrievich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice Rector for Creative and International Activity, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: ponomarev@kemguki.ru

Rezanovich Irina Victorovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Chair of Personnel Management, South-Ural State University. E-mail: ivr@ifsusu.ru

Rodionova Darya Dmitrievna, Candidate of Philosophical Sciences, Docent, Chair of museum science, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: dasha.d.rodionova@yandex.ru

Rudich Lyubov Ivanovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of the Chair of Social Sphere Control, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: vestnikkemguki@kemguki.ru

Ruksha Gennady Leonidovich, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of Advertising and social-cultural activities Chair of the Siberian Federal University, Minister of Culture of Krasnoyarsky Krai, Honored Worker of Culture of Russia. E-mail: nir@kemguki.ru

Rusanova Anna Alekseyevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of sociology of organizations Chair, FSBEU HPE «Transbaikalian State University». E-mail: rusanova_a_a@mail.ru

Рябцева Лариса Николаевна, старший преподаватель, научный сотрудник НИИ информационных технологий социальной сферы, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: nii@kemguki.ru

Седина Елена Витальевна, аспирант, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: elvsed@mail.ru

Семенкова Татьяна Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, проректор по учебно-организационной работе, Кемеровский государственный университет. E-mail: kasatkina@kemsu.ru

Смирнов Борис Федорович, доктор искусствоведения, профессор, кафедра народных инструментов и оркестрового дирижирования, Челябинская государственная академия культуры и искусств. E-mail: smirnovbf@is74.ru

Трусова Наталья Митрофановна, кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики социальной сферы, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: trusova_n@mail.ru

Ултурсаева Надежда Торжувевна, доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры, Кемеровский государственный университет культуры и искусств, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, заслуженный работник культуры Республики Тыва, заслуженный деятель науки Республики Тыва. E-mail: tlr@kemguki.ru

Устимова Ольга Владимировна, аспирант, научный сотрудник научного отдела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: vestnikkemguki@kemguki.ru

Хазиев Линар Борисович, аспирант, кафедра социально-культурной деятельности, факультет культуры и искусств, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского. E-mail: linarsinger@gmail.com

Ryabtseva Larisa Nikolayevna, Senior Teacher, Scientific Research Institute of Information Technologies in Social Sphere, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: nii@kemguki.ru

Sedina Elena Vitalievna, post-graduate student, Chernyshevsky Transbaikal State Humanitarian Pedagogical University. E-mail: elvsed@mail.ru

Semenkova Tatiana Nikolayevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Vice Rector for Academic and organizational work, Kemerovo State University. E-mail: kasatkina@kemsu.ru

Smirnov Boris Fyodorovich, Doctor of Arts, Professor of Chair of folk instruments and orchestral conducting, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. E-mail: smirnovbf@is74.ru

Trusova Natalia Mitrofanovna, Candidate of Economical Sciences, Docent, Head of Chair of social economics, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: trusova_n@mail.ru

Ulturgasheva Nadezda Torzhuevna, Doctor of Culturology, Professor, Head of Chair of folk art culture, Kemerovo State University of Culture and Arts, corresponding member of Peter's Academy of Arts and Sciences, Honored Worker of Culture of the Republic of Tyva, Honored Worker of Science of the Republic of Tyva. E-mail: tlr@kemguki.ru

Ustimova Olga Vladimirovna, post-graduate student, Associate of Research Department, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: vestnikkemguki@kemguki.ru

Khaziev Linar Borisovich, post-graduate student, Social and cultural activities Chair, Faculty of Culture and Arts, Dostoevsky Omsk State University. E-mail: linarsinger@gmail.com

Харлампенков Евгений Иванович, кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой организации и технологии коммерции, Кемеровский институт (филиал) Российского Государственного торгово-экономического университета. E-mail: vestnikkemguki@kemguki.ru

Чекалина Татьяна Александровна, старший преподаватель кафедры управления социальной сферы, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: vestnikkemguki@kemguki.ru

Чурекова Татьяна Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, Кемеровский государственный университет. E-mail: churekova_t@mail.ru

Kharlampenkov Evgeny Ivanovich, Candidate of Technical Sciences, Docent, Head of Chair of Commerce and Technology, Kemerovo Institute (branch) of Russian State Trade and Economic University. E-mail: vestnikkemguki@kemguki.ru

Chekalina Tatiana Aleksandrovna, Senior teacher of the Chair of social sector management, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: vestnikkemguki@kemguki.ru

Churekova Tatiana Mikhailovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Kemerovo State University. E-mail: churekova_t@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПУБЛИКУЕМЫМ В ЖУРНАЛЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ «ВЕСТНИК КЕМГУКИ»

1. Правила оформления статьи:

- объем статей 6–12 страниц формата А 4;
- текст статьи должен быть тщательно вычитан и подписан автором, который несет ответственность за научно-теоретический уровень публикуемого материала; статьи аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук дополнительно подписываются научным руководителем;
- ссылки на цитируемую литературу приводятся в конце статьи в Литературе в алфавитном порядке, в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления;
- статья представляется в бумажном виде и на электронном носителе (по e-mail или на диске) в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному. При наборе статьи рекомендуется учитывать следующее: шрифт – Times New Roman, размер кегля – 12 пт, межстрочный интервал – одинарный, форматирование – по ширине; все поля – по 20 мм.

2. Сопроводительные документы к статье:

- аспиранты КемГУКИ при предоставлении статьи должны в обязательном порядке приложить рецензию ведущего преподавателя, кандидата или доктора наук, соответствующего по профилю кафедры, как правило, научного руководителя, или выписку из протокола заседания кафедры;
- аспиранты сторонних организаций прилагают рецензию доктора или кандидата наук соответствующего профиля;
- кандидаты наук и докторанты предоставляют рецензии, написанные доктором наук соответствующего профиля;
 - в рецензии обязательно должны быть указаны, кроме фамилии, имени, отчества (полностью), должность, ученая степень, ученое звание эксперта, его служебный адрес и телефон, а также дата написания рецензии. Рецензия должна быть подписана рецензентом и заверена печатью учреждения, где работает рецензент;
 - сведения об авторе(ах) (в бумажном и электронном вариантах): фамилия, имя, отчество (полностью на русском и английском языках), ученая степень, ученое звание, должность, место работы (место учебы или соискательства), контактные телефоны, факс, e-mail, почтовый адрес с индексом;
- название статьи, аннотация статьи (до 400 символов с пробелами) и ключевые слова (не более 10 слов) на русском и английском языках;
- указание раздела журнала, в котором должна быть размещена статья (перечень рубрик см. в п. 3);
- индексы УДК (Универсальная десятичная классификация).

3. Перечень основных разделов журнала:

1. Гуманитарное знание.
2. Социально-экономическое знание.
3. Культурология.
4. Педагогика и социально-педагогическая деятельность.
5. Искусствоведение.

Статья направляется в редакцию журнала по адресу: 650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17, КемГУКИ, отв. секретарю Кагакиной Елене Андреевне; e-mail: nir@kemguki.ru.

Редакционная коллегия правомочна отправлять статьи на дополнительное рецензирование.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие установленным требованиям или тематике журнала.

Подписка на журнал является обязательным условием существования «Вестника КемГУКИ» как ваковского издания. Редколлегия журнала не будет рассматривать и печатать статьи авторов, не предоставивших квитанцию почтовой годовой подписки на издание. При этом наличие подписки не является гарантией публикации авторского материала, который проходит всестороннюю научную экспертизу и рецензирование. Цена подписки на 2011 год – 1400 рублей, одного экземпляра – 350 рублей.

Оплата статьи производится после одобрения ее редколлегией журнала.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Статьи публикуются в авторской редакции.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов.

Отклоненные статьи авторам не возвращаются и не рецензируются.

Подписано к печати 27.12.2011.

Формат 60x84¹/₈.

Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».

Заказ № 10.

Уч.-изд. л. 20,2. Усл. печ. л. 30,1.

Тираж 500 экз.

Signed for print 27.12.2011.

Format 60x84¹/₈.

Offset paper. Font «Times».

Order № 10.

Author's sheets 20,2. Printer's sheets 30,1.

Number of copies 500.

Отпечатано в издательстве Кемеровского
государственного университета
культуры и искусств:
650029, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 19. Тел. (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru

Printed at the Publisher of Kemerovo State
University of Culture and Arts:
650029, Kemerovo,
19 Voroshilov Street. Tel. (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru